

Ольга Ларионова

ЛУННЫЙ НЕТОПЫРЬ

Ольга Ларионова

ЛУННЫЙ
НЕТОПЫРЬ

долгожданное продолжение легендарной саги

Цикл Ольги Ларионовой
« **ВЕНЦЕНОСНЫЙ КРЭГ** »

Чакра Кентавра
Делла-Уэлла
Евангелие от Крэга
Лунный нетопырь
Rex

ОЛЬГА ЛАРИОНОВА

ЛУННЫЙ НЕТОПЫРЬ

Лениздат
2005

ББК 47.2.1.2.1
Л 25

Оформление обложки Н. Зубкова

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

ISBN 5-289-02138-8

© Ларионова О. И., 2005
© «Ленинград», 2005

1. Урочище белых тараканов

Ливень прекратился, но редкие крупные капли висели в воздухе, не подчиняясь ни человеческой логике, ни справедливому для всей Вселенной закону гравитации. Заключенные в неосязаемую, но отчетливо видимую серебристую оболочку, они казались икринками, которые какая-то летучая рыба по ошибке рассеяла над этой безлюдной землей, и вот теперь они в полной растерянности парили между набухшей от дождя зеленью и никогда не иссякающими серобрюхими тучами — что было напоено влагой в равной степени — и все силились выбрать, куда же им теперь податься.

Видимость, естественно, была препаршивейшей.

Сзади раздались торопливые гулкие шаги; по мощному, как у першерона, дыханию нетрудно было догадаться, что это Пыметсу: потерял Юрга из виду и напугался. Уже сколько месяцев они обшаривали эту дохлую планетку в поисках «того — не знаю чего», и ни разу ни в какую передрыгу не попадали; но все-таки кто-нибудь из дружины постоянно пасет своего командора, как дитё малое, и совершенно очевидно, что тут не обошлось без тайного наказа заботливой супруги.

Шаги замерли, и дыхание стало сдержанным.

— Присаживайся, — не оборачиваясь, кивнул Юрг.

Пы поддержнул отвороты сапог, чтобы они ненароком не свалились, и неуклюже примостился рядом с командором на краю обрыва, свесив ноги. Под ними простиралась неизвестность, заполненная икряной серебренью.

— Ну как, рискнешь туда сигануть? — поинтересовался командор, сам с трудом сдерживающий нетерпеливый исследовательский зуд и так и не привыкший к тому, что у его верной дружины он начисто отсутствует.

Пы, беспрекословно выполнявший любые приказы, начал кряхтя подыматься.

— Сиди уж. Дождемся остальных. Шуток не понимаешь...

Доблестный меченосец принялся устраиваться поплотнее, скрипя пуленепробиваемыми штанами. Надо полагать, обиделся. Как всегда.

Борб и Дуз подошли почти одновременно и застыли в недоумении, разглядывая лежащую перед ними естественную выемку: если бы не двухкилометровая протяженность, она скорее всего сошла бы за каменное корыто, наполненное мыльной пеной, в котором здешние горные гномы устроили себе постирушку; действительно, подобный туман попался им только однажды, в окрестностях захолустного городка (то есть не городка, разумеется, а его руин, погребенных под многометровым слоем гнуснозеленого симбиоза гриба и водорослей) и скоропалительно нареченного Скрипучим Ставнем за надрывающие душу звуки, рождающиеся где-то под лишайниковым саваном. Тогда чутье первопроходца шепнуло Юргу: дальше не суйся. Он послушался, потому что за последнее время это самое чутье что-то феноменально обострилось, и они отступили с поспешностью, которая граничила с позорной трусостью.

А может, следовало рискнуть? Ведь Скрипучий Ставень был первым местом, куда привела их загадочная «поземка». Что, если именно там и скрывалось искомое «то — не знаю что» — магический амулет, способный снять заклятие с невидимой тихрианской горы, в недрах которой по собственной неразумной воле — и на их общую неизбывную беду — непробудным сном почивала рыженькая царица-Светлячок...

Ладно. Ставень они обошли стороной, потому что каждый город здесь был в сущности братской могилой, по молчаливому соглашению неприкосновенной и для землян, и для джасперян. Но сегодня отступления не будет, потому что невесть откуда взявшаяся «поземка», стремительным снежным (но на самом деле — всего лишь призрачным) ручейком указывающая им путь от одного привала к другому, привела их в горы, здешней цивилизацией, похоже, обойденные. И это было странно. Как правило этот эфемерный гид старался заинтересовать их или руинами и могильниками, или, как вчера, чем-то вовсе необъяснимым: на первый взгляд заболоченное морское побережье и унылая гладь неживой воды наводили на мысль, что здесь вообще никогда не ступала нога человека. К счастью, неугомонный Флейж предложил осмотреть береговую полосу с высоты птичьего полета, и тогда они разглядели цепь подводных островов...

Укрытые мутным пластом гнилой воды, они тем не менее сохранили свою первозданную белизну, все — кроме двух. Ближайший к берегу, безукоризненный прямоугольник, был несомненно обтесанным основанием небольшого островка, и причудливые узоры охры и киновари на нем скорее всего объяснялись буйством мелководных кораллов; но вот последний, струящийся из глубины чистый золотой свет, казался осколком солнца, и разгадать его происхождение было невозможно. Чтобы полюбоваться на это диво, командор вызвал жену; мона Сэниа, в последнее время взиравшая на все диковины этой земли с определенным предубеждением, только пожала плечами: «Если эти острова сдвинуть, чтобы не было зазоров — получится статуя человека. Рухнула, раскололась. Ну и что?» А действительно — ну и что? Статуй такой высоты просто не могло существовать. Да если бы каким-то чудом ее и создали, для амулета она была несколько великовата, а сле-

довательно — для них бесполезна. И когда они вернулись на зыбкую землю и хором выразили свое разочарование, тут же появилась «поземка» и повела их сюда.

Только вот зачем? Сколько можно смотреть на это гигантское корыто, наполненное туманной пеной?

— Ну что, предложения имеются? — спросил командор, усиленно и безуспешно пытавшийся все эти месяцы привить своим спутникам способность инициативно мыслить как в отсутствие, так и в наличии начальства.

Дуз подергал кончиком носа, отчего стал похож на гамадрила. Борб почесал затылок через капюшон неизменного полускафандра, шоколадного с белой горловиной, за что Юрг и Сэнни за глаза именовали его «гималайским Медвежулей». Пы шумно вздохнул, так что капельки-икринки перед его лицом порскнули в разные стороны, и сглотнул слюну.

Все как всегда: ни малейших намеков на собственное мнение.

— Ладно, все равно от вас толку не добьешься. Так что сидим и ждем.

— Ну и чево?.. — неожиданно подал голос Пы.

— У моря погоды. Если туман сам собой не поредеет, попробуем легонечко подогреть его десинторами. Вряд ли там внизу наличествует какая-нибудь живность, кроме тараканов.

Под «тараканами» здесь подразумевались все длинноусые и многоногие твари самых различных калибров и модификаций, кишевшие на развалинах давным-давно вымерших городов. Как это ни печально, но за все время пребывания на этой планете, несколько преждевременно и в порыве щенячьего оптимизма игриво окрещенной «Свахой», им не встретилось ни одно теплокровное животное. Не говоря уже о людях.

Но они искали здесь не простого человека.

Таинственный ёт-Хриёр-ёт, известный только по

воспоминаниям нежнобрюхого Шоёо, не давал командору покоя. А что, если он был здесь не единственным колдуном и, что еще желательнее, не самым могущественным?

А за пределами мечтаний — еще и бессмертным?

Ни разу не признаваясь в этом вслух, Юрг не оставлял надежду отыскать здесь какое-нибудь сверхъестественное существо, способное пережить и глобальную экологическую катастрофу, и последовавшие за ней несколько сотен (если не тысяч!) лет, когда несчастная Сваха, оклемавшись после клинической смерти, принялась безудержно заселять свои просторы всякой сквернообразной нечистью — к сожалению, это были всего лишь изуродованные мутациями и постоянным голодом насекомые, черви, мелкогабаритные рептилии и даже кто-то вроде сухопутных моллюсков, которым более пристало гнездиться где-нибудь в тишине и уюте океанских глубин. Но моря обернулись гигантскими болотами, и тысячи видов подводных тварей отнюдь не добровольно и с непредставимой для нормальной эволюции быстротой переселились на сушу, веселя воображение формами, до которых далеко было даже старине Босху.

К сожалению, в болота превратились не только моря: собственно, твердой сушей теперь оставались лишь полустертые временем и всевозможными катаклизмами горы, необозримые пространства двух сыпучих пустынь, да еще развалины когда-то кипевших жизнью городов, разместившихся на возвышенностях. Все остальное было затоплено горькой отравной грязью — мрачная пародия на Амазонию. Впрочем, джасперяне, абсолютно невосприимчивые к инопланетным ядам, эту болотную жижу пили. И — ничего.

Но все же Юрг распорядился брать с собой воду с Джаспера. Эрромиорг, переправлявший походные обеды из замковой кухни прямо в командорский кораб-

лик, как-то предложил переслать заодно и плиту вместе с кастрюлями — для джасперянина, владеющего даром мгновенного перехода через *ничто*, это было бы проще пареной репы; но командор пресек эту инициативу из экологических соображений, распорядившись прибавлять каждый раз только бурдюк с водой (пластиковую канистру, прихваченную как-то Юргом с Земли, брезгливый мажордом вышвырнул на служебный двор: по его мнению, в такой посуде можно было хранить только смазку для сервов).

Мысль о кухне вернула командора к действительности. Он искоса глянул на Пы: тот уныло жевал какую-то травинку. Ядовитую, естественно. Борб и Дуз терпеливо ожидали дальнейших распоряжений, и если первый не мигая вглядывался в искрящийся перед ними туман, то второй, полуобернувшись, не спускал глаз с двугорбого силуэта спаренных корабликов, заботливо помещенных поближе к командорской спине. Так было всегда: младший смотрел вперед, старший приглядывал за тем, что могло угрожать сзади.

— Располагайтесь. — Галантный жест Юрга относился к краю обрыва. — Ждать, похоже, придется долго. Кстати, время ланча.

Он мог бы этого и не говорить: Дуз уже протягивал ему увесистый пакет с теплыми пирогами. Как походный товарищ, Дуз в последнее время его просто восхищал, всегда оказываясь в нужное время и в нужном месте. На какой-нибудь земной станции — в Антарктике или на марсианской орбите — он был бы просто незаменим.

Юрг, в очередной раз порадовавшийся тому, что промозглый, но пригодный для дыхания воздух Свахи позволял ему обходиться без шлема, принялся за свой завтрак, помятуя первую заповедь путешественника: «никогда не откладывать то...» и так далее. Тем более что Эрромиорговы «сухие паечки» поражали своим удоб-

ством, сочетающимся с максимальной сытностью: это были компактно уложенные куски жареного мяса или дичины и половинки крутых яиц, обильно пересыпанные зеленью и запеченные в тесте. Съеденные на первом привале, они позволяли до самого возвращения на Джаспер не вспоминать о еде (Пы был не в счет — у того, похоже, и мыслей-то других не бывало, как о ломте кабаньего окорока). Но вот что совсем непонятно: как это мона Сэниа в своих полетах справлялась с таким гигантским кулинарным монстром, у нее ведь ротик всегда пленял своим изяществом. Впрочем, Юрг старался под любыми предлогами удерживать жену подальше от экспедиций в этот мир, которому какого-то полушага не хватило до того, чтобы стать окончательно потусторонним. Сам же он пребывал в состоянии перманентного благостного ожидания: еще каких-нибудь три-четыре года, и сынишка достигнет того возраста, когда джасперяне преподадут своим чадам первые уроки перелета через магический барьер, без излишнего мудрствования нареченного так емко и маловразумительно: «ничто». Он ни секунды не сомневался, что малыш получил от матери этот наследный дар; ну а что касается отцовских генов, то тут уж в первую очередь юный принц должен был унаследовать общечеловеческую страсть к уничтожению белых пятен если не на карте Земли (за отсутствием таковых), то по меньшей мере в атласе Вселенной. В тысячный раз он благословил мудрых праотцов джаспериянского законодательства, которые отдали сыновей под неограниченную опеку отцов, оставляя матерям воспитание капризных и изнеженных дочурок...

Ну вот, размышлялся. Прожорливая молодежь, стряхнув с колен крошки, тактично глядит в сторону, а у командора кусок на полдороге ко рту. А как тут не погрузиться в нирвану, когда такая тишь да гладь...

Как же. Стремительно нарастающий гул не был ревом громадного зверя — в несмолкаемых раскатах чу-

дилось что-то от надвигающегося курьерского поезда устарелой конструкции. Край обрыва, на котором так беззаботно расположились дружинники, весьма ощутимо дрогнул, и в тот же миг все были уже в десяти шагах от него, на пороге спасительного кораблика.

— Спокойно, ребята, отставить панику. — Юрг жестом остановил своих спутников, уже готовых было убраться обратно на Джаспер, оберегая, естественно, не себя, а своего командора. — Тем более что с таким явлением мы ни разу...

Рев стал оглушающим, словно на них неся бешеный поток, соизмеримый по ярости с Ниагарским водопадом. Туман за кромкой обрыва пришел в движение: серебристые икринки, слипаясь в облачные комья, закружились, словно где-то в глубине заработал гигантский миксер; вот в разрывах между ними начала проглядывать зелень, устилавшая дно долины; еще несколько секунд непрерывного грохота, и метрах в пятидесяти стал виден исполинский столб воды, точно там, внизу, разлегся гигантский кит — если предположить, что на Свахе водятся сухопутные киты.

— Гейзер, — уверенно произнес Юрг. — И похоже, что перед нами целая долина гейзеров. Они не слишком опасны, потому что работают строго по часам.

Уплотнившиеся комья тумана уже таяли, обращаясь обыкновенным дождем, точно их выжимала невидимая рука.

— Надолго его не хватит, — уверенно пообещал командор; — обождем немного, сейчас он сдохнет, как миленький!

И точно — столб воды, окутанный облаком пара, послушно всхрипнул и опал, как будто его выключили. Дружинники смотрели на своего командора как на кудесника, словно это он единолично справился с водяным монстром. Туман рассеялся окончательно, теперь можно было и оглядеться.

С двух сторон сюда сбегали пологие горные складки, густо усеянные блеклозелеными шарами; казалось, легкого ветерка или тем паче — сотрясения почвы будет достаточно, чтобы вся эта нагорная флора сплошной лавиной покатилась вниз; ощущение было жутковатым, но ошибочным: здешний кустарниковый лес обладал поистине звериной цепкостью.

А под ногами открывалась уходящая вдаль узкая долина, стиснутая неправдоподобно прямыми красновато-бурыми откосами и отнюдь не выглядевшая приветливой. Судя по камням, вокруг которых пузырилась чистая, не поросшая гниlostной ряской вода, в обозримом пространстве ожидалось не меньше трех гейзеров. И каждый мог рвануть в любой момент, без предупреждения.

— Сейчас будем спускаться, — распорядился командор. — Видите, вдоль правой стены какие-то холмики? Судя по их упорядоченности, это — все, что осталось от крошечного поселка. Но ведь ёт-Хриёр-ёту, если он спасался от тамошней цивилизации, лучшего уголка было и не выбрать.

— Скит, где тепло, но сыровато, — со свойственной ему обстоятельностью констатировал Борб.

— Не исключено, что в Хриёровы времена чистая вода стала таким сокровищем, что твое «сыровато» приравнивалось к определению «как в раю»... Ну, двинулись!

Маленький отряд очутился внизу, куда струи природных фонтанов не должны были долетать; перенасыщенный теплой влагой воздух превращал этот уголок неприветливой Свахи в естественную оранжерею, где осыпанные мясистыми соцветиями выюнки росли, извиваясь, прямо на глазах. Немудрено, что за столько лет все это разнотравье, перегнив, дало слой почвы такой толщины, что все развалины поселка оказались погребенными не менее добротно, чем ацтекские пирамиды.

— Даже если наши гипотетические предшественники здесь и побывали, то никаких раскопок они тут не производили, это и ежу ясно, — с досадой проговорил Юрг, покачивая носком сапога подобие земного эдельвейса величиной с тыкву. — Но не могли же амулеты, которые мы нашли в брошенном кораблике, валяться здесь просто так, на земле! А кроме этих холмиков...

— Чтоб меня за ногу! — с простодушным изумлением воскликнул вдруг Пы. — Гляньте-ка, снег!

— Ты что, парень, обалдел? При такой-то жаре!

От полноты чувств Юрг даже покрутил пальцем возле виска. Но в чем-то его туповатый, хотя и могучий младший брат по оружию, выдавший настоящий снег только однажды, в первые часы пребывания на Тихри, был прав: из всех трещин, избороздивших каменистые откосы, обрамлявшие долину гейзеров, вытекали какие-то молочно-белые потоки. Привычно огибая зеленые холмики и никоим образом не реагируя на присутствие замерших людей, они целеустремленно направлялись к еще дымящейся горячей луже, в которой пестрела обваренная кипятком растительность.

— Тараканья мелочь, — уверенно констатировал Юрг. — Потянуло на тепленькое.

— А почему — белые? — поинтересовался дотошливый Борб.

— Пещерные. Долгая жизнь под землей не требует защитной окраски... Вон, уже нахлебались своего супчика, назад ползут.

Но командор ошибся: белесые длинноусые твари, словно потеряв ориентацию, бессмысленно кружились на месте, отчего окрестности гейзера стали напоминать гигантский снежный муравейник; Борбу пришлось прикончить парочку наиболее предприимчивых, подбиравшихся к его сапогам — не из соображений безопасности, а просто из чувства брезгливости. Но, к не-

малому изумлению людей, оставшиеся в здравии тараканы тут же уволокли бранные останки погибших и предали их погребению в теплых лужах. Впрочем, и остальные твари, оказывается, кружили по долине не бесцельно: каждый теперь тащил в воду кто травинку, кто листик, а некоторые, объединившись, и себе подобных, тщетно пытающихся сопротивляться.

— Мать честная! — изумился Юрг. — Да никак они тут насобачились варить себе обед в естественных условиях! Показать бы этот феномен нашим энтомологам — дошли бы до заикания, а потом получили по Нобелевской премии...

Но, как выяснилось, суповарением занимались не все усатые твари: наиболее крупные тихонько ползли обратно к расщелинам, а под выпуклыми фасеточными глазами у них отвисало что-то вроде защечных мешков.

— Кому-то кормежку потащили, — заметил Борб. — И что-то их многовато для того, чтобы поместиться просто в щелках.

— Молодец, — сказал Юрг. — Профессиональная наблюдательность растет прямо на глазах. Делаем вывод: такое наличие биомассы указывает на то, что за стенами скрываются пещеры, в которых — не исключено — до тараканов обитали аборигены. Разумно будет разделить: мы с Борбом осматриваем левую стену, а вы — противоположную. И, братцы, повнимательнее!

Пы засопел громче обычного: как всегда, командор выбрал себе напарником кого угодно, но только не его. Но Юргу было сейчас не до мелочных обид. Врожденный (как, наверное, и у всех нормальных землян) исследовательский зуд гнал его вдоль почти отвесного обрыва, на котором он уже издали углядел полустертые столетиями ступени, ведущие вверх; но командор торопиться не стал — тщательно оглядывал каждую

трещину или дыру, хотя и безрезультатно: все они были естественного происхождения и поражали разве что обилием усов и хвостов, торчащих из оных. Но когда оставалось шага три до лестничных уступов, наперерез Бобу метнулся некто трилобитоподобный, явно обделенный инстинктом самосохранения. Изрядно подна-торевший за прошедшую зиму в увлекательной игре, внедренной командором, дружинник скорее маши-нально, чем из хулиганских побуждений, точным уда-ром отпасовал наглую тварь прямо под ноги Юргу; тот на секунду замешкался, выбирая пару камней, которые можно было бы принять за условные ворота, но чле-нистоногому страдальцу этого хватило, чтобы самому определить собственную судьбу: на подлете к коман-дорскому сапогу он извернулся и, отрикошетив от зем-ли, точно вписался в четырехугольную дырку подо-зрительно правильной формы.

Треск, скрежет и клацанье, последовавшие за втор-жением в чужую нору, могли бы сопровождать разве что схватку двух гигантских крабов; из отверстия по-летели крупная чешуя и какие-то подозрительные ошметки.

— Игра не доводит до добра, — флегматично резю-мировал Борб.

— Отнюдь. Мы наконец-то нашли пещеру!

Вокруг дыры, в которую при большом (но, есте-ственно, отсутствующем) желании можно было бы просунуть голову, отчетливо просматривались следы старинной кладки: в давние времена вход был замуро-ван, что наводило на мысль, что это — примитивная погребальная камера. Неугомонное чутье подсказыва-ло Юргу, что цель их многомесячных поисков — таин-ственная кладовая, из которой примерно год назад так и не опознанная банда джасперянских мародеров по-хитила бесценные амулеты древних свахейцев — пря-мо перед ним. Похоже, что оценить по достоинству

найденные сокровища грабители так и не удосужились — или не успели. Скорее всего, их приняли за ничемные безделушки и потому не замаскировали то место, откуда их взяли.

— Эй, все ко мне! — гаркнул командор, подтверждая свой зов взмахом руки. — Сейчас сейф вскрывать будем.

Даже если его голос и не долетел до противоположной стенки каменного «корыта», остроглазый Дуз призывного жеста не пропустил, и спустя секунду оба, как сивки-бурки, явились пред командоровы очи, уже порядком вспотевшие.

Скрытое застиранной облачной пеленой солнце, которое они поначалу, согласно Звездным Анналам, звали Сорочьей Свадьбой, потом упрощенно — Сорокой и, наконец, совсем фамильярно — Совроком, сейчас гнездилось где-то в окрестностях зенита, и командор со злорадным сочувствием оглянулся на своих подчиненных, облаченных в «полускафандры», то есть длинные камзолы из тонкой оболочки молодого жавра. По здешним варварским меркам — высшая степень неуязвимости. И, в качестве бесплатного приложения — теплоизоляции. Багровая лунообразная физиономия Пыметсу глянцевито отсвечивала, точно ритуальная маска из сургучной яшмы, а на раздвоенном кончике вздернутого носика висела янтарная капля. Жалко ребят, но облачаться в легкие синтериклоновые скафандры с внутренним охлаждением, которые предлагала им Земля по щедрости душевной, они из патриотических соображений отказались — ну вот и пусть теперь терпят.

Тоже мне традиционалисты липовые — как запахло пожизненной слепотой, так разом напялили спасительные обручи-офиты, включая короля с семейством. И не посмотрели, что в списке рыцарских регалий такой отличительный знак не числится. Хорошо, хоть

теперь всегда можно опознать фанатика-крэгофила по отсутствию обруча на лбу... Однако жара — жарой, а работать надо.

— Сейчас оценим толщину стенки, — проговорил он, перехватывая десинтор за ствол и осторожно постукивая рукояткой по шероховатым кирпичикам старинной кладки. — Тут-тук, таракашки, тук-так. Кто в тереме живет?

И тут же в ответ осторожное: тук-тук-тук, тук-тук...

Он узнал этот звук сразу — тупые удары, точно бьют деревянным колышком. Туканяры, безмозглые и ненасытные, промысляющие на развалинах древних селений. Первая встреча с такой «птичкой» произошла близ развалин небольшого городка, где они вознамерились заночевать. Названия, заносимые разведчиками на самодельную карту, никогда не отличались замысловатостью — так мерные постукивания, доносившиеся из укрытых лишайником руин, породили курьезное наименование Туктукенбург. Вскоре на свет костра — а может, на запах ужина — пожаловал и сам возмутитель ночного спокойствия. Тогда это был кургузый уродец — карикатура на среднестатистического бескрылого пеликана, абсолютно голый, если не считать какой-то чешуйчатой гривы на отнюдь не тонкой шейке. «Птенчик» ковылял неторопливо, и его тупой зобастый клюв на каждом шагу отыскивал что-нибудь подходящее, по чему можно было долбануть. Юрг тогда от умиления глаза закатил: ему почудилось, что он видит перед собой давным-давно вымершего дронта...

Восторг его, однако, длился недолго и был прерван басистым рыком Пыметсу, задремавшего возле костра: желторотый «малыш», по извечной человеческой доверчивости ко всем детенышам подпущенный слишком близко, так долбанул сонного дружинника по спине, что только толстенная жаврова куртка спасла его от перелома позвоночника. Еще не разлепив как следует глаз, Пы

выхватил меч, и голова непрошеного гостя покатилась в костер, заливая остатки ужина жидкой лиловой кровью.

Старчески покряхтывая, Пы наклонился, окунул палец в темную лужицу и с чарующей небрезгливостью сунул этот палец в рот.

— Холо-о-одная... — протянул он с изумлением.

Это был первый и пока единственный случай проявления наблюдательности со стороны достославного рубака. Как ни странно, но он оказался прав: тварь была хладнокровной и, судя по чешуйчатому гребню, являлась скорее всего разновидностью ящеров. Им, разумеется, не было никакого дела до останков рухнувшей цивилизации — подобно дятлам, они долбили все подряд в надежде выудить себе на обед гигантскую сороконожку или шипастого червя. Как и внешний вид, аппетит у этих монстров был доисторический...

Судя по силе ударов, сегодняшний туканяра им попался не из карликовых.

— Надо полагать, здоровый гусь, — степенно отметил Борб.

— Не наделал бы он нам мелких пакостей... — процедил Юрг сквозь зубы.

— Только стенку раскурочить, а там я его враз достану. — В голосе Пы четко прослушивались мстительные интонации.

— И не мечтай! Опять все кровью зальешь, тоже мне Кудеяр-атаман.

У Пыметсу прямо-таки руки чесались при одном воспоминании о туканяровом клюве.

Из квадратной дыры снова донеслось глухое «тук!», и наружу вылетело облачко не то пыли, не то праха.

— Черт бы его подрал, клопоеда, он же там все разнесет... Если что-то и было, — упавшим голосом закончил Юрг.

— А чево? Выкурим. — Пы принялся засучивать рукава.

Юрг только плечами передернул: давно известно, что тупиц как правило отягощает избыток оптимизма:

— Это ты меня выкуришь, — вполголоса пробормотал командор. — Дуз, Борб, давайте-ка в два десинтора: один на световой луч, другой — на парализатор.

— Вижу что-то вроде жирной гузки, — прищурясь, доложил Дуз. — И шип торчит, может, ядовитый.

— Тогда задачка — как попасть в голову, — пробормотал Борб. — Ему, скотине, там не развернуться — ишь, нагулял жиру на тараканьих харчах.

— У наших ископаемых вроде этого мозг как раз и располагался в заднице, — задумчиво проговорил Юрг, опуская вторую половину изречения, весьма популярного в его курсантской юности: «А у некоторых присутствующих он там так и остался».

Пы был феноменально обидчив и непременно (впрочем, совершенно справедливо) отнес бы реплику командира на свой счет.

— Ладно, попытка — не пытка.

Борб направил парализующий луч чуть ниже хвостового шипа и дал полную мощность. Провал сей операции превзошел все ожидания: с каркающим криком, похожим на вороний, туканяра принялся отбивать форменную чечетку. Почва под ногами дружинников задрожала, как будто неподалеку стартовал среднегабаритный межпланетник.

Труха, смешанная с дерьмом, летела из дыры уже непрерывным потоком.

— Это надо кончать, — не выдержал командор. — Хотя бы из сострадания. Будем ломать стенку.

Тугой огненный луч описал вокруг отверстия широкий круг, и от легкого пинка каменная стенка рассыпалась мелким щебнем, подняв очередное облако пыли; сквозь эту завесу с паническим клекотом вылетел ослепший от дневного света туканяра, кенгуриным

скоком достиг горячей лужи и, окунувшись в нее, затих. Тараканье полчище накрыло его шевелящимся саваном за десять секунд.

Юрг заглянул внутрь разгромленной пещерки и только присвистнул:

— Тогда считать мы стали раны... Хана, братцы. Считать уже нечего.

Как это ни печально, но он был прав: мельчайшая труха не хранила в себе не то чтобы амулета или какой-нибудь таблички с иероглифами — это был крах всех их надежд. Красноватые стенки выдолбленной в скале камеры, кое-где расцвеченные соблазнительными шоколадными и сливочными прослойками, поднимались чуть выше головы и явно носили следы рукотворного украшения: то и дело попадались отшлифованные до блеска кружки и квадратики, неглубокие выемки, ниши, а вдоль верхней кромки с равными промежутками следовали глубокие отверстия — вероятно, для жердей, на которых крепились тяжелые занавеси. Разумеется, нигде не валялось ни клочка кожи, ни щепочки, ни тем более кости — теплый туман и таракашки свое дело сделали уже давно. Юрг методично простукивал стены рукояткой десинтора, но кроме неглубоких трещин, откуда порой выставлялись подрагивающие усы, ничего обнаружено не было.

Борб наклонился и захватил щепотку древнего праха; растер на ладони.

— Тараканам на подстилку, — констатировал он.

— Вот именно. А если что и было, то уплыло прямо в туканярье брюхо, покойник-то вряд ли был разборчив в еде. Одно утешает: ничего металлического или каменного здесь не хранилось, иначе наш обжора давно бы сдох от несварения желудка.

На самом деле его ничто не утешало: пропало то нетерпеливое, ознобливое состояние, которое владело им с утра, точно душа, угнездившись где-то под ложеч-

кой, в предвкушении открытия потирала потные лапочки: сейчас, вот прямо сейчас...

Ага, щас.

— Налаживай связь с нашей гасиендой, — велел он Дузу.

Связь... Совсем как на марсианской околопланетной. И почему это именно здесь, на Свахе, его стали одолевать земные воспоминания? Ведь ни на Джаспере, ни на Тихри такого не наблюдалось...

— Есть связь, командор!

2. Первое звено бесконечной цепи

Как Юрг и предполагал, Сэнни просто отказалась поверить. Не может быть, чтобы в замурованном склепе исчезло абсолютно все! Они поторопились, невнимательно осмотрели пещеру, да и чего еще можно ожидать от мужчин!

— Если не веришь, можешь убедиться лично. Только сапожки надень поплоче, тут все туканьями загажено.

— Вот уж в этом я не сомневаюсь.

— И под кипяток не попади, здесь на каждом шагу фонтаны, как в Бахчисарае.

— Что? Древние боги, нашел время, чтобы фантазировать!

Да какие фантазии, он всю зиму мечтал слетать с ней на пару деньков в Крым. Потому как в легендарном Бахчисарае он и сам хоть и намеревался, но не побывал. А сейчас времени на туризм никак не находилось, честь и долг обязывали искать распроклятое «то — не знаю что».

Он извинял отнюдь не царственное раздражение своей супруги — еще бы, почти целый год потратить на раскопки, и вот по милости какой-то толстозадой тва-

ри необратимо потерять... Если там только было, что терять.

— Ладно, прилетишь, сама удостоверишься. Меняемся местами.

— Меняемся.

Он привычно кивнул Борбу, который в силу природной обстоятельности лучше всего справлялся с нехитрой ролью возничего, и через секунду они оба уже стояли по щиколотку в лазоревых колокольчиках родимого Дола. Зимой, в меру прохладной, но, к сожалению, бесснежной (король Алэл постарался, не иначе) они стлались по земле и цвели мелкими бусинками, не раскрывая лепестков. Но вот на Лютые Острова пришла ранняя весна, и их буйству не было удержу — хоть коси.

Впрочем, крылатые кони, суровые спутники воинов, отворачивали от них трепещущие ноздри — чуяли колдовство.

Мона Сэниа в полном походном снаряжении стремительным шагом направлялась к ним — приготовилась. Похоже, заскучала сверх обычного... Каждый раз, возвращаясь на Джаспер, он с тревогой вглядывался в смуглое, страстное лицо — и каждый раз оно было чуточку новым, то ли помолодевшим, то ли осунувшимся. Но стоило ему высказаться на этот счет, как мона Сэниа раз и навсегда пресекла эти попытки проявления опекунского беспокойства: «Если ты разочаруешься во мне посреди ночи — скажи. А днем я сама о себе позабочусь».

И возразить тут нечего — непросто быть мужем самой своенравной принцессы всех поколений джасперианского королевского рода. Впрочем, такой характер его вполне устраивал — во всяком случае, не заскучаешь.

— Ты все-таки там не очень задерживайся. — Он коснулся пальцами черного завитка, выбивающегося изпод аметистового обруча. — Юшенька где?

— У моря, разумеется. С ним Флейж и Арди с Фирюзой.

Все в здешних канонах — сынишка на мужских руках, приемная пигалица — на девичьих.

— Ну семь парсеков под килем, мое твое величество!

— Не переверните тут весь дом, муж мой, любовь моя...

Она наклонилась и сорвала самый темный бархатистый колокольчик. Борб почтительно взял принцессу за руку, сделал шаг вперед — и оба словно растаяли. Юрг давно уже привык к тому, что верные дружинники перетаскивают его самого с места на место, точно манекен, но вот глядеть на это шаманство со стороны ему до сих пор было жутковато: каждый раз у него появлялось ощущение, что это исчезновение — навсегда. Он невольно поднял глаза к вечереющему небу, словно мог проследить там невидимый полет джасперян. Ничего он, разумеется, не увидел, кроме белоперой птицы, закладывающей крутой вираж над слепленным из корабликов крошечным замком — Гуен всегда беспокоилась, заметив на голубом лугу магическое появление или исчезновение людей, с чем ее крошечные птичьи мозги и неистовый охотничий инстинкт гарпии смириться никак не могли. Несмотря на совью половину своего естества, днем она видела так же зорко, как и ночью и, опознав в Юрге своего хозяина, резко взмахнула крыльями, так что колокольчики легли, и помчалась назад, к морю, где несла бессменную вахту возле своих подрастающих птенцов — а таковыми для нее были в равной степени и Ю-ю, и Фирюза, и уже достигший отцовских габаритов перламутрово-голубой Фируз.

Юрг вздохнул, наклонился и отыскал под ногами такой же темный колокольчик, как и тот, что унесла с собой на Сваху его жена. Поглядел сквозь него на сол-

нце — громадный, как тюльпан, цветок тайл в себе видимые только на просвет узоры, наподобие павлиньих перьев. Когда они с Сэнни впервые обнаружили такой феномен местной флоры, обоим пришлось в голову дать ему имя, и фиолетовый оттенок вкупе с иезуитски скрытым изяществом рисунка невольно породили в памяти Юрга цепочку юношеских ассоциаций, которые привели к маловразумительному для моны Сэниа наименованию: «Епископ Ваннский».

А потом, долгими зимними вечерами, когда он еще не решался пропадать на Свахе по несколько дней подряд и неизменно возвращался в Бирюзовый Дол к ужину, он развлекал жену вместе с верной дружиною многосерийным повествованием о похождениях драчливого и любвеобильного епископа и его друзей-мушкетеров. Не очень полагаясь на собственную память (как-никак читал классе в третьем, не позднее), он приволок к Земли тяжеленный рюкзак с книгами, и теперь они сиротливыми стопочками хоронились под супружеской кроватью — на стенку из жавровой шкуры полочку, увы, не повесишь. Сэнни с каким-то безудержным детским любопытством разглядывала иллюстрации, но и для нее, и для всех остальных обитателей Игуаны загадочный бисер земной кириллицы так и остался неразгаданной тайной.

Пришлось заделаться штатным рассказчиком.

В итоге большинство слушателей отнюдь не отдали свои сердца д'Артаньяну, что было бы естественно для такой простодушной аудитории.

Но мона Сэниа украдкой вздохнула по Раулю, припомнив верного Гаррэля.

Пыметсу откровенно и громогласно восторгался Портосом.

Дузу и Сорку, молчаливым как от природы, так и по возрасту, несомненно понравился Гримо.

Эрромиорг, хранитель Асмурова замка вкупе со

всеми рыцарскими традициями, символически преклонил колени перед Атосом.

Пылкий Флейж, естественно, готов был добиваться благосклонности всех дам, изображенных в романе, от субретки до королевы, включая даже упомянутую вскользь Марион Делорм — что в семнадцатом веке стоило бы ему головы.

А вот Ардинька тогда еще не приютилась у них в качестве добровольной няни, а то ей бы, несомненно, пришлось по сердцу пленительная хромоножка Лавальер.

И только Арамис не вызвал симпатии ни у кого — мона Сэниа, презрительно усмехнувшись, заявила, что ни одного иезуита она в собственной дружине не потерпела бы, а будь на то ее монаршая воля, вообще перевешала бы всех религиозных фанатиков за ноги. Заявление было принято с таким единодушным одобрением, что командор только в затылке почесал, пытаясь припомнить какой-нибудь душеспасительный роман, который способствовал бы общему смягчению нравов. Но тогда, кроме «Хижины Дяди Тома», ему ничего на ум не приходило...

Воспоминания о детской литературе вернули командора к действительности. Зимой сынуля еще не был готов воспринимать даже короткие прибаутки, но сейчас он уже жадно впитывал все, что припоминалось Юргу из не такого уж отдаленного детства — от хрестоматийной Аленушки с мультипликационным козленочком и до обаятельного премьер-министра, магией английского сказочника превращенного в плюшевого медвежонка. Похоже было, что на Игуане вся малышня развивается как-то быстрее, чем на Земле — да, кстати, пора бы детишек и проведать.

Он вышел через привратный кораблик, кивнув стоявшему в карауле Киху, и пронзительно, по-разбойничьи, свистнул в два пальца. С ближайшего пастбища

послышалось ответное ржание, и его пегий конь, единственный, наверное, на всем Джаспере (пестроты, по аналогии с крэгами, здесь не любили и таких жеребят обычно выбраковывали при рождении), поднялся в воздух, расправляя драконьи крылья. Юрг, запрокинув голову, как всегда залюбовался абсолютно фантастическим, с точки зрения землянина, зрелищем и попутно обругал себя за то, что не захватил ячменную лепешку для своего Пегуса (изменение одной буквы проистекало от излишней скромности — Юрг не мог допустить, чтобы кто-нибудь заподозрил его в желании сравниться в Беллерофонтом). Он знал, что любая прирученная скотинка, какой бы грозной она ни казалась, на какую-то долю своего скудного сознания до смерти остается ребенком, которого изредка нужно и побаловать.

Кожистые крылья, складываясь совсем по-птичьи, взвихрили песок на проплешине за воротами, но в шуме этого маленького смерча Юргу померещился мальчишеский голос: «Сэн-лин, Сэн-лин...» Или это песок шуршал?

— Давай-ка к «лягушатнику», — велел он коню, привычно вдевая ногу в стремя.

Могучие крылья взметнулись, заслоня весь мир, и привычный восторг, возникавший у него каждый раз во время свободного полета над морем, начисто вымел из памяти таинственный голос, почудившийся ему этим весенним днем.

Сапожки поплоче она не надела, потому что таких у нее, ненаследной принцессы Джаспера, просто не могло быть.

Теперь, гадливо переступая через кучки зловонного мусора, выброшенного туканярой из пещерки, она сожалела, что в свое время отказалась от изящной син-

териклоновой обувки наподобие той, которой ее муж снабдил пропавшего Харра по-Харраду. Тогда она, всегда избегавшая белого в своих одеждах, руководствовалась не только эстетическими соображениями — белизна, цвет королевского траура, могла накликать беду.

В каменном «корыте», куда перенес ее Борб, на первый взгляд делать было действительно нечего: ни единого раскопа, ни оплавленной борозды на поверхности камня, остающейся после десинторного разряда.

Но это еще не значило, что продолжать тут поиски бесполезно — наследие древних волхвов, укрывавшихся в этих горах от своей дефективной цивилизации, скоропалительно развившейся и так же стремительно пришедшей к полному самоуничтожению, могло быть замуровано в каком-то тайнике, до которого ненасытные туканяры просто не успели добраться. Вряд ли этот разгромленный склеп был единственным на всю долину. Значит, нужно искать, они обязаны облазять все откосы, следует проверить каждую подозрительную трещину, она должна...

Черные небеса Вселенной! Да на свете не было для нее более ненавистных слов, чем эти: нужно, обязана, следует, должна... Для нее, своенравной ненаследной принцессы Джаспера, существовал единственный закон — ее воля. Но вот уже сколько времени эта воля была стиснута, как удавкой, таким коротенькими и таким всевластным словом: долг. Долг перед капризной рыжей девчонкой, которой заблагорассудилось забраться к ним на корабль и очутиться на Тихри, где изощренное коварство тамошних крэгов не позволило джасперянам тут же отослать ее обратно — чтобы отыскать пропавшего сына, принцесса была приневолена действовать вместе с незваной гостьей, и никак иначе. Ну а гостя тут-то и развернулась...

Мона Сэниа, как истинная дочь королевского рода, могла снисходительно простить ей все, что угодно: и

форменный дворцовый переворот на Дороге Оцмара, и весьма поэтичный, надо признать, переход в лучший мир обреченного с малолетства властителя Пятилучья (ведь джасперянам нет дела до судеб инопланетных народов), и огненный ад, обративший в пепел несчастную столицу (то, что при этом она сама чуть было не погибла — что за мелочь, не в счет, разумеется.) Даже нечаянное убийство Скюза, несравненного стрелка, она готова была принять на свою совесть.

Но вот чего она не могла простить земной девчонке, так это чудовищный фортель — других слов она просто не допускала — с добровольным уходом из жизни. А горе родных! А чудовищное бремя вины на всех, кто был рядом... И не только рядом. А долг, невыполнимость которого уже давно ей очевидна — отыскать талисман, способный снять заклятие невидимости с ледяной горы, в недрах которой, может быть, укрыл ее тело чародейный мерзавец Кадьян. Может быть...

А может и не быть.

Для принцессы, как для всех остальных джасперян, существовал единственный долг перед мертвым: почтить его крѣга, переправив осиротелую птицу на какую-нибудь безлюдную планету, как требовал Древний Уговор. Только вот землянка Таира, естественно, никогда не имела пернатого поводыря, да и сам Уговор в свете последних событий оказался под жирным вопросом...

И мона Сэниа была немало изумлена тем, что у ее супруга и командора, оказывается, было совсем иное представление о долге перед памятью почившего: даже если тот не желал быть найденным и воскрешенным (что, впрочем, теперь, было невозможным — запасы живой воды иссякли), Юрг почему-то решил, что эту самую последнюю волю, на всех землях священную, во что бы то ни стало необходимо нарушить. И теперь ей,

принцессе, надлежало до конца дней своих рыться во всяком инопланетном дерьме и к тому же не подавать вида, насколько ей это осточертело и даже — вот этого она никогда не произнесла бы вслух — до какой же степени она эту эгоцентричную девицу ненавидит...

Она тряхнула головой, так что тоненько зазвенел аметистовый обруч, и обратила взор на маленький отряд, который тихонько топтался на вышеупомянутом инопланетном дерьме. Призрачный завиток магической «поземки», к которой все уже привыкли, кружил, как вьюн, между ногами, облизывая сапоги, но за собой не тянул, никуда не звал. Пы временами нагибался, подбирая мелкие камешки и, повертев их, швырял через плечо. Один сунул в карман. Еще натащит на Игуану всякой пакости...

— Ну что за сонные физиономии? — Ее тон сделал бы честь коменданту пограничной крепости. — Вы не осмотрели и десятой части этого корыта! Пока очевидно только то, что предполагаемые грабители до этой помойки не добрались. Тем лучше, у нас больше шансов отыскать что-нибудь, не тронутое ни их лапами, ни здешними тварями. Работаем!

Пыметсу с шумом выдохнул воздух, оттопырив нижнюю губу. Сдержанный на проявления чувств Борб осторожно повел плечом. Несимпатичное лицо Дуза стало еще более непроницаемым. Похоже было, что всем чуточку не по себе.

Что-то тягостное нависло над долиной...

— Я сказала: продолжаем поиски, черт побери! Борб, мы с тобой слева, Пы с Дузом — по правому краю.

Дьюруз, привыкший все и всегда брать на заметку, слегка удивился: если поначалу супруг принцессы копировал ее манеры и выражения, то теперь их роли поменялись. Борб присел, незаметно поддернул штаны. Пы неуклюже повернулся, поддал сапогом блед-

ную сороконожку. Засопел. Вот всегда так: на словах — «могучий Пыметсу, доблестный Пыметсу», а на деле ни ее высочество, ни супруг ейный никогда не выбирают его себе в напарники. И когда он навещает семью в отцовском замке, ему больше не позволяют брать с собой Фируза. А ведь обещались...

Вот так, молча лелея свои обиды, он и пропыхтел до самого заката, когда требовательное брюхо уже совсем подвело от голода, но тут неожиданно в вечерней тишине, лишь изредка нарушаемой резкими всхрипами и свистом окутанных паром нешибких фонтанчиков, вырывающихся из-под земли, прозвучал взволнованный голос принцессы:

— Все сюда! Быстрее! — И этот зов донесся сверху.

С момента ее появления на Свахе мону Сэниа не оставляло предчувствие, что и сегодня придется возвращаться на Игуану с пустыми руками. Еще один потерянный день. Посеревший в сумерках буранчик поземки продолжал юлить меж камнями. «Ну а ты-то что под ногами путаешься?» — то ли подумала, то ли прошептала она. Но призрачный выюнок уловил, метнулся по обломкам каменной лестницы вверх. Понятно, ей намекают, что пора бросить общий взгляд на вечернюю долину, застилаемую сиреневатым дымком, и в состоянии блаженного восхищения убраться восвояси. Она взлетела на гладкую, словно отшлифованную кромку, обрамляющую все «корыто» неширокой балюстрадой. Чуть выше начиналось царство горного кустарника — шары, состоящие из тончайших веточек-паутинок, усеянных бисеринками микроскопических листочков. Вот только ближайший куст был почему-то совершенно прозрачным, неживым. Она пригляделась: сухой, точно перекасти-поле, и никакой зелени. Подошла, пнула — бранные останки куста торчали из глубокой дыры, словно кто-то таким нехитрым способом решил это отверстие замаскировать.

Недолго думая, она вынула из кобуры десинтор и слабым лучом запалила сухостой. Огонь занялся сразу, из-под его языков порскнула уже задремавшая было тараканья живность. Пепел осыпался вниз, в четко означившийся наклонный лаз. Наконец-то! И всех сюда.

Хотя, если честно признаться, в этом нескончаемом стремлении отыскать неведомое «то — не знаю что» ей хотелось бы быть единоличной победительницей...

— Ну все собрались? На Игуану пока ничего не сообщать! — Ну это естественно, ведь Юрг ни за что не разрешил бы ей соваться в эту подозрительную дыру, но ведь что не доволено какому-то копытному, то разрешается... — Борб, быстро в Асмуров замок — за факелами!

Пока Борб, исчезнувший без лишних вопросов, ворошил замковые кладовые, все молча разглядывали мрачный проем, очерченный оплавленной кромкой: вне всякого сомнения, это была работа мощного десинтора. Кто-то, обнаруживший подозрительную дыру, расширил ее и...

Борб с охалкой смоляных светильников, которых хватило бы на целую ночь, появился словно из-под земли.

— Спускаемся.

Мона Сэниа перевела калибратор десинтора на световой луч и, высветив череду ступенек, ведущих в глубину скального массива, шагнула в проем, не позволяя никому пройти впереди себя. В таких случаях спорить с ней было бесполезно.

Ступени, не сглаженные многочисленными шагами, свидетельствовали о том, что этой потаенной лестницей пользовались нечасто. Принцесса несколько раз останавливалась, резко поднимая руку — все замирали, стараясь сдерживать дыхание. Но в ограниченном замшелыми стенами пространстве царила такая тиши-

на, словно ни вверх, ни вниз не существовало никакого реального мира.

Становилось душно. Мона Сэниа, никогда не страдавшая клаустрофобией, сейчас прямо-таки спиной и плечами чувствовала безмерную тяжесть нависшей над ней каменной толщи. Если бы она был одна, ничто не удержало бы ее от стремительного рывка назад, под вечернее темнеющее небо.

Внезапный звук раздался так неожиданно, что маленький отряд вздрогнул разом. Это не был тупой, но алчный удар рогового клюва — в слабом теньканье слышалось такое мертвящее безразличие ко всему живому, словно оно было рождено миром теней.

Мона Сэниа с трудом стряхнула с себя охватившее ее оцепенение.

— С потолка капает, — проговорила она нарочито громко и беспечно. — Ну кто не боится промочить ноги — за мной!

Она сделала еще один шаг — и свод над головой словно взлетел вверх.

— Зажечь факелы.

Взглядам открылась необозримо громадная пещера, по которой заскользили маслянисто-золотые блики смоляных огней. В этих отсветах не было лучистого сверкания кристаллов — полупрозрачные натеки, свисавшие с потолка, и такие же пирамидальные выступы, протянувшиеся навстречу им со дна пещеры, не таили в себе ни единого излома. Все было заглажено и замутнено, словно кто-то вылизывал эти гигантские сосульки промерзшим шершавым языком. Темные бесформенные пятна виднелись на полу то тут, то там, точно выброшенные кротами кучки земли, и кроме них ничто не нарушало опалового мерцания этого застывшего в вековом оцепенении подземного чертога.

Льдистая бахрома сталактитов, никогда не встречавшихся на Джаспере, казалась рядом бесчисленных

копий, застывших перед началом поединка подземных демонов; они не были направлены на людей — нет, такую малость, как хрупкая человеческая плоть, в своем стылом высокомерии они просто не замечали. Нестерпимая напряженность каменела под стрельчатыми сводами, словно вот-вот должен был прозвучать серебряно-трубный призыв к началу битвы, и тогда это подземное оружие придет в движение, сшибаясь льдистыми зубьями и неощутимо для себя превращая в крошево всех, кто посмел вторгнуться в эти пределы.

— Всем держаться вместе! — крикнула Сэнни, и безудержное эхо точно вырвалось из каменного плена — закрутилось смерчем, разбиваясь о стены и снова сливаясь в уже неузнаваемый, тысячекратно повторяющий сам себя переливчатый клик.

Принцесса стиснула зубы и, перебросив свой факел Борбу, обнажила меч. Дуз, самый высокий из них, встал у нее за спиной, Пы и Борб — по бокам. Она слишком хорошо знала своих товарищей по оружию, чтобы не понять: сейчас они точно так же, как она, ощущают приближение незримой беды. И так же, как она, не помышляют о бегстве.

Тяжкое право подать сигнал к отступлению — это бремя командора...

— Мы не уйдем, пока не осмотрим всю пещеру, — прошептала она сквозь стиснутые зубы, и эхо превратило ее шепот в ледяной метельный свист. — Сначала — вот это.

Острые меча, указующего на бесформенный холмик, полыхнуло факельным отсветом, и тут же в массе темных комьев что-то едва уловимо блеснуло в ответ. Мона Сэниа, забыв об осторожности, подалась вперед, раздвигая кончиком клинка слипшуюся массу — и едва не вскрикнула: сероватый, изъеденный череп устоялся на нее впалыми глазницами, и только золотистый обруч такого знакомого офита как ни в чем не бывало

поблескивал вкрапленными камешками затейливого узора.

— На-а-аш... — не выдержал Пыметсу, и эхо закружило по пещере ворохом осенних листьев: «аш-ш-ш-ш...»

— Осмотреть всех! — приказала принцесса. — Оружие собрать.

Но оружия не было — ни мечей, ни десинторов.

— Если это наши, то почему они не могли отсюда просто сбежать?.. — растерянно пробормотал Борб.

Четверо джасперян стояли посреди этой потаенной братской могилы, и не было никакой зацепки, которая помогла бы им разрешить загадку гибели безвестной дружины.

— Возвращаемся, — упавшим голосом проговорила мона Сэниа. — Вход завалить. После того, как мы закончим на Свахе наши поиски, сообщим в Королевский Совет — может быть, кто-то из родственников и захочет прилететь сюда, чтобы забрать тела.

Она понимала, что это были пустые слова — долг Великого Уговора обязывал джасперян заботиться о крѣгах своих почивших родичей, а не об их телах. Но зорких поводырей, столько столетий почитаемых на Джаспере, у этих странников не было — об этом молчаливо свидетельствовали нетленные обручи офитов, окольцевавшие каждый из девяти черепов.

Так что скорее всего эта пещера так и останется для безвестных останков местом их последнего упокоения. Поэтому, взлетев на поверхность земли, мона Сэниа велела снова запалить свой факел и, склонив его к ногам, недвижно простояла все время, пока ее товарищи в наступившей уже темноте замуровывали вход в подземную гробницу. Кем бы ни были безвестные странники — просто любителями попутешествовать, вынужденными беглецами или даже вселенскими грабителями — она отдавала им последний долг.

И Юрг, который выслушал ее рассказ, ни разу не

перебив и только потирая плохо выбритый подбородок, понуро согласился с тем, что зловещих загадок не только не убавилось, а совсем наоборот.

— И все-таки, почему они не улетели? — Мона Сэниа повторила вопрос, еще раньше прозвучавший из уст Борба. — Они не были связаны или скованы — по расположению тел видно, что они бежали... Бежали не оглядываясь. Смерть на бегу. Ты можешь предположить причину?

— Пока — нет, — задумчиво проговорил Юрг. — Но, может быть, им приказали оставаться там?

— Кто и зачем мог им приказать остаться на верную смерть?

Мона Сэниа обвела взглядом своих недавних спутников, молчаливо хмуривших лбы. Каждый раз, когда очередная группа возвращалась со Свахи, вся дружина слеталась в шатровый покой и не расходилась, пока не были выяснены все детали путешествия; Юрг называл это «разбором полетов».

— Вопрос остался открытым, — напомнил он. — Если был отдан приказ — то кем?

Как-то так сложилось, что на этих разборах командовал он.

— Постойте, — восторженно воскликнул Борб, которого недаром прозвали «глядящий в корень». — Мы насчитали девять погибших. Но это значит, что был и десятый, который бежал, прихватив все оружие... И не исключено, кое-что еще.

— А ради чего? Пусть даже он был не командором дружины, а просто вожаком шайки грабителей — но чтобы послать своих сообщников на смерть? Это невероятно! — Мона Сэниа, у которой законы чести были в крови, не могла себе даже представить психологию такого подонка.

— А если это была сволочь из жавровых болот? — предположил Юрг. — О, дьявол! Уж не сам ли Джани-

баст стоял во главе? Такой тип вполне мог дожидаться, когда его сообщники объединенными усилиями откопают какое-то сокровище, а потом прикончить их всех в лучших пиратских традициях и отбыть к себе в родовой хлев, единолично владея награбленным.

— А оружие? — не сдавалась принцесса. — Зачем он взял оружие?

— Ну ты же помнишь — как раз тем летом он вздумал предъявлять нам всякие дурацкие ультиматумы... Его свора уже тогда готовилась к осаде, а в таком положении любой ствол и клинок на счету.

— Но и каждый боец, — осторожно вставил Эрм, никогда не перестававший чувствовать себя комендантом родового замка властительных Муров.

— И что за сокровище он мог найти, чтобы пожертвовать из-за него собственными людьми? — продолжала допытываться принцесса. — Золото? Его ценят только на Земле. Произведение искусства? Это в Джанибастовом-то свинюшнике? Может, неведомое нам оружие... Но тогда почему он не воспользовался им, когда наша дружина осаждала его замок?

— Слишком много вопросов, моя принцесса. И слишком много предположений можно будет допустить, отвечая на них. Может быть, они не смогли убежать, потому что... сошли с ума. От страха. Поэтому, подводя итог сегодняшнему разбору полетов, я резюмирую: на Свахе должно иметься еще немало загадочных вещей, представляющих для нас ценность, это — раз. Два — потерпев неудачу на Свахе (хотя надеюсь, что такового не случится), мы попытаемся пошарить в Джанибастовой берлоге — как говорится, чем черт не шутит. И три — я тебя больше на Сваху не пущу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Воцарившаяся тишина была сравнима разве что с гробовым безмолвием сталактитовой пещеры.

Наконец ее нарушил подчеркнуто невыразительный голос принцессы:

— Всем выйти вон.

Никто не взялся бы оценить ту скорость, с которой верная дружина покинула шатровый корабль, по своему центральному положению и завидной вместительности служивший чем-то вроде конференц-зала их импровизированного замка, сооруженного из отслуживших свой век разнокалиберных корабликов.

Столь же неопределим был и промежуток времени, через который принцесса появилась на потемневших к ночи колокольчиках Бирюзового Дола:

— Я проголодалась. Об ужине никто не позаботился?

Безмятежный тон лучше любых слов свидетельствовал о том, что *status quo ante bellum* восстановлено.

Следом за ней на пороге как ни в чем не бывало возник и командор с механической бритвой-жужжалкой в руках:

— Эй, поесть-то дадут?

Значит, соглашение было достигнуто на паритетных началах. Во всяком случае, все в это поверили.

И только перед самым сном, перецеловав мирно посапывающих малышей и теперь задумчиво стаскивая сапоги, Юрг вдруг хлопнул себя по лбу:

— Постой-ка, мое твое величество, а как получилось, что мы не заметили их кораблей — ведь должны же они были на чем-то прибыть на Сваху!

— Вовсе нет. Во-первых, мой забывчивый супруг и повелитель, я просила тебя не величать меня этим дурацким титулом, а во-вторых, корабли нам необходимы только для самого первого полета. Кто хоть раз увидел эту долину, тот перенесется туда и обратно без кораблика.

— Каюсь, я безмозглый осел, но у меня есть оправ-

дание: стоит тебе улететь, как у меня надолго исчезают все мысли, кроме одной — чтобы ты снова оказалась рядом...

Сэнни, безуспешно пытавшаяся вытряхнуть бесчисленные шпильки из спутанных волос — ну до чего же трудно каждый раз упрячивать такую гриву под капюшон походной куртки! — тихонечко вздохнула:

— Собственник.

— На том стою. Иди сюда...

— Тс-с-с... Ардинька еще здесь.

Он встряхнулся, выгибая спину, как кот, босиком подкрался к плотной жавровой занавеске, перекрывающей досуп в их укромную спальню. Осторожно, как собравшийся напроказить мальчишка, выглянул:

— Арди? Ты ведь останешься?..

Их добровольная нянюшка, которую старательно охмурял неугомонный Флейж, подняла на него глаза, на полупрозрачном личике казавшиеся серыми северными озерами, и помотала головой; не так давно она догадалась (или невольно подслушала чью-то насмешливую реплику), что ее крупный неулыбчивый рот делает ее похожей на рыбу, и с тех пор она начала поджимать губы, что придавало ее лицу какое-то монашеское выражение.

Впрочем, Юрг простодушно не замечал ее бесхитростных стараний.

— Ах, да, — спохватился он; — у вас ведь второй праздник подряд намечается — Шамшиень же должна разрешиться!

Три дня назад старшая из островных царевен, Радамфань, принесла счастливому Алэлу долгожданного внука и наследника престола. Теперь очередь была за средней сестрой.

Юрг почтительно склонил голову, как делал всегда, здороваясь или прощаясь с младшей царевной — ни коснуться ее руки в дружеском пожатии, ни тем более

похлопать по плечу ему никогда и в голову не приходило:

— Ну тогда не смею удерживать. Флейж, сделай милость, проводи Ардиень. — В тоне командора не было и намека на приказ, скорее галантное (и, увы, дежурное) сожаление о том, что отсутствие врожденных способностей не позволяет сделать это ему собственной персоной.

Флейж, не дослушав даже конца фразы, вскочил — словно язык пламени взметнулся. В огненно-красном камзоле, рыжий, драчливый — Тибальд, да и только! — он по отношению к Ардиени вел себя так же почтительно, как и командор, хотя в адрес ее высокомерных старших сестриц не раз отпускал довольно соленые шуточки.

С тех пор как Ардиень вызвалась нянчить малышей, он добровольно стал ее неизменным провожатым, поскольку Алэлова дочка, как и все подданные островного короля, даром мгновенных перелетов не обладала.

Поначалу Юрг на это поглядывал как-то косо, но Сэнни объяснила ему, что субординация входит в число врожденных инстинктов ее дружинников, так что возможность каких бы то ни было дипломатических осложнений как с принцем-консортом, так и с самим государем исключается.

Что же думала сама «царевна-рыбонька», было неизвестно, но каждый раз Флейж возвращался из Алэлова дома украшенный изящным рисунком на лбу — знак царевниной благодарности.

Вот и сейчас он подал ей руку так же почтительно, как если бы это была сама принцесса Сэниа.

Проводив улетающих рассеянным взглядом, Юрг оглянулся на жену, недовольно буркнул:

— Я сейчас. Только велю нашим оболтусам, чтобы больше к нам не совались.

Он вышел под ночное небо Джаспера, расцвечен-

ное, как всегда, целой гирляндой лун. Колокольчиковый ковер, еще не тронутый росой, пружинил под босыми ногами. Неугомонная дружина продолжала вечернюю трапезу вокруг традиционного костра, смакуя во всех деталях рассказ Борба, который живописал все их злоключения на Свахе с дотошной медлительностью, позволявшей остальным в каждую его фразу вставлять малопристойные комментарии. Появление Юрга это веселье не нарушило.

Но не успел он и рта раскрыть, как возле костра появился разукрашенный в два цвета Флейж с изумленным воплем:

— Братцы, а у этого рыжего козла еще и двойня!

Под «козлом», естественно, подразумевался никому не симпатичный Захео, Кузнечный эрл и по совместительству — супруг всех трех царевен.

На разноголосый вопль всей дружины из своих покоев вылетела рассерженная принцесса:

— Почему такой гвалт? Сегодня, как я понимаю, поводов для восторга у нас не было... Флейж, умойся.

Причину общего восторга принцессе с готовностью объяснили. Она тихонечко вздохнула: если честно признаться, то жизнь на голубом ковре Бирюзового Дола протекала как-то безрадостно, а в молодости, как однажды выразился Юрг, положительные эмоции требуют, чтоб их время от времени стравливали, как пар из котла. Клапан для этого подходит любой — вот сегодня вполне сгодилось рождение ненаследных двойняшек.

Прирожденная мудрость властительницы, никогда не оставлявшая принцессу, подсказала ей, что такое мероприятие следует поддержать.

— Мой сенешаль, лучший кувшин вина из погребов замка Асмуров! — велела она. — И еще три-четыре поскромнее...

Эрромиорг, уже привыкший к тому, что его величают самыми разнообразными земными титулами, по-

черпнутыми Юргом из исторических романов, исчез с быстротой мелькнувшего метеора, и через минуту-другую уже старинные запечатанные сосуды, один другого затейливее, красовались у ног принцессы. Она сорвала не успевший закрыться на ночь сапфировый колокольчик, выбрала самую причудливую из заветных посудин, покрытую сеточкой мельчайших трещинок, точно картина древних мастеров, и обвила стеблем горлышко:

— Флейж, переправь это счастливому деду в знак того, что мы тоже пируем, разделяя его радость. И можешь не умываться.

Нельзя было найти более подходящего гонца для такого поручения — Флейж исчез, вспыхнув, как птица Феникс.

И так же стремительно возродился на том же месте.

— Что-то у Алэла рожа кислая,— сообщил он без излишнего пиетета. — Может, он надеялся на тройню?

— Или хотел девочку, — осторожно вставил Ких.

— Так девочка и получилась. И мальчик в придачу. Комплект.

— Ты что, и повидать их уже успел?.. — изумилась принцесса.

— Отнюдь. Это Ее Величество Ушинь похвастаться изволили.

— Ладно, — сказал командор,— у кого есть желание праздновать до утра, я не возражаю. А я сегодня что-то притомился. Ты как, дорогая?

— Аналогично.

Дело было, разумеется, не в усталости — просто тот диалог, который имел место между ними с глазу на глаз, камнем лег на душу и тому, и другому. Разговор был окрашен интонациями, до сих пор между ними, мягко говоря, непопулярными: «Во-первых, я попрошу тебя впредь не отдавать мне приказов в присутствии моих

подданных. А во-вторых... — Голос жены внезапно стал каким-то тусклым, точно посыпанным пеплом. — Я ненавижу эту Сваху, мне до смерти надоели эти полеты — но я не могу без них. Я задыхаюсь на этом острове, понимаешь?»

Как тут не понять — понял, разумеется. Понял, но не поверил. Потому что верить не хотел. До какого же идиотизма дошло его самодовольное спокойствие! Ему казалось, что у жены есть все: его любовь, не утратившая юношеской пылкости, двое малышей-ползунков, радующие семейства короля-соседа; сюда следовало прибавить заботы по благоустройству этого острова, не обитаемого до их появления; редкие, но, как ему казалось, такие желанные визиты на Тихри к славному правителю Лроногирэхихауду Справедливому; всегда полные загадок и напастей экспедиции в созвездие Сорочьей Свадьбы, его самого неизменно наполнявшие первопроходческим восторгом; в довершение всего — целая Вселенная, открытая для полетов джасперян — и нате вам!

Она, оказывается, задыхается.

И, что еще хуже, ощущение это у нее возникло, разумеется, не сегодня. А ведь до этого вечера молчала...

Ему вдруг припомнилось, как они беззаботно радовались тому, что у них еще столько впереди непредугадываемого, что будет случаться с ними в самый-самый первый раз. Но вот такой горькой откровенности они не предвидели. И пока эта откровенность не улетучилась, он спросил, пусть даже чуточку грубовато: «Так чего же тебе не хватает?» И она ответила со свойственной ей прямоотой: «Безграничности».

И тогда он ее понял: по воле крэгов из всей Вселенной для нее была изъята Равнина Паладинов, и этого оказалось для нее достаточно, чтобы чувствовать себя как в тюрьме. «Ладно, — сказал он, — откровенность за откровенность. А ты никогда не думала, как я тут схожу с ума, когда от тебя долго нет вестей? Ведь если

поблизости нет никого из твоих служивых, то я тебе и на помощь не смогу прилететь. А если... если... ты... исчезнешь — что мы с Ю-юшкой будем делать здесь, на Джаспере?»

Мона Сэниа опустила ресницы, и ее охватил такой мрак, который не могли бы рассеять ни заботливые крылья Кукушонка, ни блистательный аметистовый обруч, дар немилой ее сердцу Земли. И вовсе не потому, что впервые ее ужалила мысль о реальности собственной гибели. О возможной опасности она думала постоянно — на то она и была командором вольной дружины. Об опасности — но не о смерти. А вот Юрг, ее звездный эрл, оказывается, размышлял даже о том, что будет после. Иначе откуда родились эти нестерпимо звенящие слова: «Что мы с Ю-юшкой будем делать здесь, на Джаспере?»

Значит, и это он обдумал, ее муж, ее любовь: он вернется туда, где не знают безудержной воли полетов, где все привязаны к своей обреченной на одиночество планете — убогой песчинке в бескрайнем и блистательном хаосе Вселенной. И он унесет в этот замкнутый мирок ее сына, рожденного летать, и воспитает его бескрылым, возможно, даже не посвятив его в тайну своего рождения — чтобы был, как все...

И это ее сына — которого называют «Принцем трех планет»!

Они больше не сказали друг другу ни слова и появились на вечернем лугу Бирюзового Дола как ни в чем не бывало, впервые старательно делая вид, что все осталось по-прежнему.

3. Печаль и счастье короля Алэла

Как бы там ни было, а одним кувшином вина короля не поздравляют — это первое, что пришло в голову

принцессе поутру, когда солнце еще только собиралось подыматься над Лютыми Островами.

— Дожил! — буркнул разбуженный супруг. — Что-бы моя молодая жена с утра пораньше думала о каком-то плешивом корольке...

— Ты же полномочный дипломатический представитель, так что ты прежде всего должен...

— Сейчас я покажу тебе, что я прежде всего должен.

— Детей разбудишь !

— Дети до шестнадцати лет в таких случаях послушно спят. Или делают вид...

А собственно, никто и не сопротивлялся. Вот только спустя какое-то время Юрг поймал себя на мысли: а все ли так, как было до вчерашнего разговора?

Все было так. Или казалось...

— Если меня покормят, то за завтраком я согласен обсудить выдвинутую тобой проблему меж...э-э-э...островных дипломатических отношений. На повестке дня — две погремущки. Или нет?

— Фи, благородный эрл, что за скупердяйство! И это после того, как ты в честь наследного первенца стащил из какого-то английского музея драгоценнейшую ванночку для купания младенцев.

— А, лохань из веджвудского яшмового фарфора... На самом деле это была всего лишь увеличенная копия, ты уж извини, я малость смошенничал — черта с два мне отдали бы кембриджский оригинал, даже для всех королей Джаспера вместе взятых. А вот чем теперь ублажить Алэла — ума не приложу.

— Мой отец ограничился колыбелькой.

— Эврика! Вот это мы и соорудим — трехспальный малышовый тримаран, так сказать. У нас на севере имеется несказанной красоты древесина — карельская береза, цвета темного золота и вся в завитушках. Если учесть, что твои мастеровые сервы, когда переключишь их на форсированный режим, работают с молниенос-

ной быстротой, то мы можем иметь этот уникам уже к вечеру. Остановка только за тем, чтобы слетать на Землю за березовыми заготовками. Когда-то это дерево было редкостью, но теперь развели обширные плантации на Кольском... Словом, я обернусь за минуточку...

Мона Сэниа бесшумно вздохнула: за этот год она уже смирилась с той радостью, которая невольно прорывалась в интонациях супруга, когда он под каким-нибудь предлогом собирался на родную планету:

— К твоим «минуточкам» я, увы, уже привыкла...

— Жена, не ворчи — это перейдет в привычку. Если ты ревнуешь меня к Земле, пошлем кого-нибудь другого, хотя бы Пыметсу — в последнее время у него постоянно какая-то обиженная рожа.

— Не советую — обязательно что-нибудь да перепутает; Сорк или Дуз надежнее.

— Ты же знаешь, мое твое величество, твоя воля — закон.

Будь ее воля, она навсегда стерла бы из памяти своих дружинников Барсучий Остров — крошечную звездную пристань Земли, где вот уже больше года все оставалось неизменным, чтобы в нужный момент любой из обитателей Бирюзового Дола мог перенестись туда. Но ее воля в последнее время что-то слишком часто упиралась в тупики...

Так или иначе, а блистательная колыбель была готова уже к закату — золотистое чудо с медальонами из севрского бисквита (компилятивный шедевр генерального эрмитажного компьютера).

— И все-таки наша лучше, — ревниво заявила принцесса, имея в виду перламутровый дар своего отца. — Ну как, летим ли мы к Алэлу сейчас или откладываем это на завтра?

— Милейшая Ушинь несомненно накормит, и при том обалденно вкусно. А первейшее правило путеше-

ственника: никогда не откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня.

— Муж мой, любовь моя, скажи: ты все еще чувствуешь себя заблудившимся путником?

И как бы шутливы ни были ее слова, Юрг почувствовал в них неизбывную горечь. В воздухе повисла прохладная, как лягушачье брюшко, пауза.

— Ну тогда прямо сейчас и летим. Я только возьму Ю-ю, и толкаем эту люльку прямо ко входу в Алэлов дом.

— Нет, так не пойдет — можем кого-нибудь с ног сбить. Я полечу первая, а ты жди, пока я не приготовлю свободное место для подарка, а то ведь у этого государя жилье тесновато.... Когда позову, пусть кто-нибудь, хоть тот же Пы, переправляет и тебя, и колыбель.

— Заметано, — кивнул Юрг и привычно чмокнул супругу возле уха.

Она исчезла, и Юрг от нечего делать принялся покачивать ногой драгоценную «люльку». Изрядно потяжелевший наследник, которого он привычно держал поперек живота, сосредоточенно разглядывал накладной медальон, соображая, как бы его отколупнуть. «Нини,— шепнул ему Юрг, — попортишь подарок — огорчишь мамочку».

Мамочка что-то замешкалась.

Наконец совсем рядом раздался ее приглушенный голос:

— Мы в королевском всячем садике. Место приготовлено справа от обеденного стола.

— Давайте, ребятки, кто-нибудь... — скомандовал Юрг.

За эту зиму в гостеприимном доме Алэла перебивала по очереди вся дружина, так что хватило легкого и не вполне почтительного толчка кого-то из младших — и Юрг уже стоял возле жены в цветниковой коробочке, разместившейся на крыше королевского дома; тотчас же

рядом появилась и дарственная колыбель. Он открыл было рот для поздравительного возгласа — и поперхнулся: мона Сэниа и бледная, как рыба чешуя, Ардиень с новорожденным младенцем на руках замерли друг против друга, и у обеих выражение лица было прямо-таки невразумительным. Да что это с ними? Успели чисто по-женски поцапаться? Но нет — ненаследная принцесса Джаспера до этого не опустилась бы, а малышка Арди была воплощением кротости.

Тогда — что?..

Но тут обе женщины смущенно встрепнулись, как бы извиняясь за невольную неловкость, и начались традиционные ахи и охи: ну надо же, девочка (хотя сынишка, даже третий, все равно лучше), да какая хорошенькая, просто прелесть (а у Леонардо все равно красивше), вся в маму (поди разбери, что там на самом деле — все они, желторотики, одинаковы). «Просто прелесть» крутила светлой, почти безволосой головенкой и пускала пузыри, являя собой общевселенский стандарт новорожденной *homo sapiens*.

Явились старшие сестры с сыновьями — Радамфань с таким же светловолосым наследником престола, в требовательных воплях которого при желании уже можно было распознать истинно имперские нотки, и Шамшиень с рыжим плотненьким крепышом — ну, этот-то рожицей был весь в папашу, и так же молчалив. Алэл не показывался, зато впорхнула сияющая Ушинь, и разговор потонул в бесчисленных традиционных «милые вы мои!»

В колыбель полетели перинки, подушечки и все трое младенцев. Счастье было всеобщим. Юрг, правда, впервые почувствовал себя здесь не в своей тарелке, оглушенный щебетом восторженных мамаш, и уже искоса поглядывал на Кузнечного эрла, прикидывая, как бы им объединиться во имя мужской солидарности.

И тут появился Алэл. Царевны разом притихли;

невольно поддавшись общему настроению, запнулась и Сэниа, только Ю-ю, уже перепачкавший нос в медовой цветочной пыльце, радостно завопил: «Деда!» и затопал к королю, чтобы как всегда бесцеремонно повиснуть на подоле его длинной, затканной диковинными узорами хламиды.

Чужому внуку Алэл позволял решительно все, но со своими, похоже, он с первых же дней установил суровую дисциплину, потому что Ардинька вспыхнула, подхватила из колыбели рыжего малыша и почему-то унесла в задние комнаты. Впрочем, это были их внутренние дела, в которые не пристало вмешиваться подданным другого королевства.

Застолье, как всегда, было обильным и отнюдь не вегетарианским, как того можно было бы ожидать в доме правителя, чьи подданные поголовно были рыбаками. Восторг по поводу изящества и роскоши колыбели не иссякал, и Юргу пришлось совершить маленький экскурс в область французского барокко (просто счастье, что он запомнил этот термин — остальное можно было и приврать, благо в череде многочисленных Луев он путался еще в школе, предпочитая им тангенсы и котангенсы). Король благосклонно кивал, но от зоркого ока принцессы не укрылась его нахохленность, из-за чего он напоминал большую усталую птицу, которая на старости лет рискнула обзавестись птенцами, а теперь сомневается, по силам ли ей такое счастье.

Между тем Ю-ю, вконец перемазавшийся, захныкал — пора было его укладывать. Мона Сэниа поднялась.

— Государь, — внезапно решила она, — позволишь ли мне в этот радостный вечер отнять у тебя еще несколько минут?

Алэл кивнул — он всегда относился к принцессе с неизменной благосклонностью старшего кузена, и тоже поднялся из-за стола. Они подошли к плотному рядку

подрезанного самшита, образующего что-то вроде зеленой балюстрады, за которой далеко внизу по-лошадиному всхрапывало вечернее море. Солнце уже готово было скрыться за горизонтом, и поверхность воды мерцала бесчисленными огоньками — рыбаки, вышедшие на вечерний промысел, зажгли их на своих поплавках, волшебным образом преобразив морскую гладь в звездное небо — так благодарные подданные Алэла приветствовали своего государя.

«А вот мне такого не уготовано» — почему-то подумалось ей; с грустью или облегчением — этого она распознать не смогла.

— Что тебя заботит, владетельная хозяйка Игуаны? — Алэл со свойственным ему тактом дал ей понять, что она может обращаться к нему не только как к соседу, но и как к всеильному королю, готовому оказать ей любую помощь.

— Государь, забота моя... наша, — поправились она, — требует могущества более высокого, чем власть над одним островом.

Алэл склонил голову в знак того, что и это ему доступно.

— Я рассказывала тебе о своих злоключениях, государь, приведших нас на дарованную тобой гостеприимную Игуану, — продолжала принцесса, старательно выбирая слова. — И тебе известно, что с тех пор мы с моим супругом безуспешно пытаемся отыскать на дальних планетах волшебный амулет, с помощью которого нам удалось бы снять заклятие неприкасаемости с заколдованной ледяной горы, в недрах которой, мы уверены, сокрыто тело девушки, погибшей по моей вине.

Алэл слегка качнул головой, как бы говоря: свою вину ты преувеличиваешь, но не мне разубеждать тебя.

— Не старайся объяснить причины, заставляющие тебя обращаться ко мне с просьбой, — мягко проговорил он. — Просто спрашивай.

— Благодарю тебя за твою прямоту. Скажи тогда, повелитель пяти стихий, а есть ли знак или другой способ, позволяющий отыскать на чужой земле такой талисман? Или хотя бы указать место, где он укроет?

— Нет, — ни секунды не раздумывая, ответил Алэл. — Магия иноземных талисманов, заклинаний и чернокнижной волшбы — это шестая стихия, которая мне неподвластна.

Мона Сэниа не ожидала, что он так легко и безжалостно признается в своем бессилии.

— Значит, ты, государь... — Она запнулась, чтобы нечаянно не оскорбить короля.

— Всего-навсего властелин моря — сегодня, во всяком случае.

— Сегодня? — невольно вырвалось у принцессы — ей и в голову не приходило, что могущество Алэла, о котором она до сих пор больше слышала, чем видела воочию, каким-то образом ограничено во времени.

— Разумеется, — подтвердил король. — Даже двум богам нельзя поклоняться одновременно, а уж пятерым — и подавно. Сегодня перед восходом солнца я обратил свои мысли к алтарю воды — земной, морской и небесной, и только эта стихия стала подначальна мне до завтрашнего утра, пока на рассвете я не возложу на себя власть над другой — или этой же самой — частью всего сущего. Один день — одна подвластная стихия, иначе...

Он запнулся, словно боясь сказать что-то лишнее.

Принцесса опустила голову, чтобы сегодняшней повелитель морских просторов не заметил глубокого разочарования, охватившего ее. Но он безошибочно угадал ее мысли — для этого не нужно было никакого волшебства.

— Теперь я, в свою очередь, приношу тебе благодарность, владетельная мона, за то, что ты напомнила мне о моих обязанностях, — проговорил он, и в его голосе

снова зазвенело царственное величие. — Праздник пришел в королевский дом, и я должен разделить его с моим народом.

Он, продолжая глядеть на потемневшее море, простер руку открытой ладонью вверх, и тотчас же сзади ему на плечо беззвучно прыгнул невесть откуда взявшийся шестиногий свянич, поблескивающий выпуклыми стрекозиными глазками. Шустро перебирая лапками, он пробежал по руке и уселся на суховатой ладони.

— Праздничный вечер должен быть свободен от трудов, а добыча обильна, — пробормотал Алэл вполголоса, и непонятно было, обращается ли он к принцессе или дает наставления своему чудновму зверьку (или длинношерстному насекомому — этого она за целый год так и не смогла разобрать). Но, по-видимому, справедливо было последнее, потому что свянич присел на задние лапки, как котенок перед прыжком, щекотно оттолкнулся от ладони (Алэл поморщился) и взмыл в вечернее небо. Сэниа тут же потеряла его из вида, хотя, следуя дугообразной траектории его полета, можно было предположить, что сейчас он уже плюхается в море где-то в самой гуще скопления лодок.

— А не утонет? — осторожно поинтересовалась принцесса,

Алэл только повел смоляной, не тронутой проседью бровью, как бы говоря: «Ты смотри, смотри...»

Некоторое время она ничего не замечала, но вскоре рой морских светлячков пришел в движение — они затрепетали, закружились, множась и разгораясь все ярче, и дружный радостный клич донесся до королевского сада. На поверхности воды выступили какие-то бесформенные черные пятна, и люди в лодках, замерших на одном месте, принялись торопливо выбирать что-то поблескивающее из этих темных масс. Мона Сэниа машинально поправила свой обруч, чтобы луч-

ше видеть, и вдруг поняла, что море непостижимым образом отступило, почти обнажив дно, и рыбаки теперь прямо руками выуживают крупную рыбу, поправляющуюся в спутанных водорослях.

— Ты великий король и кудесник,— проговорила потрясенная принцесса.— Прости, что я на какой-то миг усомнилась в твоём даре...

— Нет, — в необъяснимом порыве откровенности отозвался он еле слышно;— я всего лишь прилежный наследник древней мудрости. Но не такой властитель нужен моему народу, чтобы вернуть былое счастье и величие...

— Но ты можешь вырастить такого могущественного короля, потому что теперь у тебя есть внуки! — горячо прошептала принцесса, чувствуя, что этот горький разговор никак не предназначен для посторонних ушей.

— Нет,— еще тише повторил Алэл; — тем более что одному из них вообще не следовало родиться...

Он резко повернулся, словно сожалея о сказанном. Какая-то тайна лежала у него на сердце, но мона Сэния поняла, что расспрашивать она не вправе. Алэл доверился ей, как и она доверилась бы ему, просто потому, что ему надо было поделиться с кем-то, равным себе; но для собственной семьи его тяжкие думы, похоже, должны были оставаться неизвестными.

И, глядя на его старческие, совсем не королевские плечи, сутулую спину и бессильно повисшие руки, она поняла, что легче ему от этого разговора не стало.

— Ты что-то слишком долго шушукалась с этим почтенным селадонем,— ревниво заметил Юрг, едва они с женой снова очутились возле их маленького замка. — Обольщал он тебя, а? Признавайся.

— Погоди. Ю-юшеньку уложу, тогда поговорим. — Когда верная дружина этого не видела, она позволяла себе позаботиться о сыне собственноручно.

— Хочу деду... — сонно пробормотал наследник — он еще иногда проглатывал предлоги.

— У нас полная свобода хотения, — привычно отозвался непреклонный отец, справедливо полагавший, что капризы допустимы только для принцесс, но не для принцев. — Сейчас мы с твоей мамочкой кое-что выясним, а то мне ведь недолго вернуться к этому островному ловеласу для получения сатисфакции!

— Не изображай Отелло перед сном, — невесело усмехнулась Сэниа, уже знакомая — в пересказе, разумеется — и с этим шедевром земной литературы. — Тем более что Алэл мне такое сказал... Не знаю даже, говорить тебе, или нет.

— Ну?!

— Он обронил... Вроде бы нечаянно... Просто язык не поворачивается повторить. Он сказал, что одному из его внуков лучше было бы не родиться.

Юрг ошеломленно покрутил головой:

— Ну и ну, добрейший дедушка! А кого именно он имел в виду?

— Не представляю себе. И уточнять, сам понимаешь, я не могла.

— Разумеется, — он почесал в затылке, хотя мона Сэниа не раз пыталась отучить его от этой отнюдь не светской привычки. — Вероятно, он недоволен кем-то из Шамшииновой парочки... Уж слишком они не похожи друг на дружку. В принципе такие случаи наблюдаются, когда у двойняшек разные отцы. Теоретически это возможно.

— Но не практически же! — возразила жена. — Старшие сестрички с их комплексом королевского достоинства...

— С их бабской спесью, если точнее, — подхватил

Юрг. — Да, эти гусыни и на полет стрелы не подпустили бы к своей постели претендента на их благосклонность, лишенного как минимум полуведра королевской крови в жилах. Да и папенька у них — типичный домостроевец, только с уклоном в троеженство. Между прочим, у нас на Руси до принятия христианства некоторые князья...

Она сняла свой аметистовый обруч, и вместе с разом угаснувшим закатным светом голос мужа отдалился, приглушенный ее хронической неприязнью к его воспоминаниям о Земле. Единственное, чего она сейчас желала — это свернуться калачиком и забыться без сновидений, на крайний случай — увидеть сон из далекой юности, когда она из королевской ложи следила за рыцарским турниром, где позабытый теперь всеми эрл Асмур одерживал победы в ее честь, или из ее горестных странствий по планетам созвездия Костявого Кентавра, когда, потеряв своего первого супруга и сочтя, что жизнь на этом кончена, она искала достойной смерти, лишь бы не возвращаться в одиночестве на родной Джаспер...

Но когда ей наконец удалось-таки свернуться калачиком, сон не пришел.

Вернулось ощущение странной тревоги, которое она испытала, взглянув на новорожденную дочурку Шамшиени. Что-то подобное она почувствовала еще раньше, взяв на руки первого внука Алэла — мягкий толчок изнутри, от которого бешено забилося сердце. Тогда ей показалось, что она видит крохотного Юхани, которому от роду день или два. Алэл, горделиво и как-то снисходительно наблюдавший за этой сценой, тогда благодушно обронил: «Не правда ли — у всех наследников престола есть что-то общее?»

И она тогда успокоилась — хотя с чего бы ей вообще волноваться? Ну похож Алэлов внучок на ее Юхани — тем больше для него чести. Она на своем веку

видела не так уж много новорожденных, но слыхала, что они схожи, как листочки на одном дереве.

Но вот она увидела дочь второй царевны, и необъяснимое предчувствие беды захлестнуло ее с удесятельной силой. Она с трудом подняла глаза на Ардиньку, качавшую на руках малышку — и замерла в изумлении: на бледном личике девушки, застывшей в растерянности при неожиданном появлении принцессы, отразилось точно такое же смятение, неподвластное ни трезвому рассудку, ни умению владеть собой.

И то, и другое вернулись к обоим через мгновение, но этого мига ей было достаточно.

4. Брунгильда преклонных лет

Раздался упругий хлопок, словно парус развернулся — это пузырилось на ветру громадное четырехцветное знамя, расстеленное на земле подле громоздкого, но уже порядком потрепанного шатра тихрианского правителя Лронга.

— Боюсь, ты никогда не достроишь свой дворец, — невесело усмехнулась мона Сэниа, оглядывая разноцветную россыпь малых шатров и палаточек, окружавших княжеское жилище, многие из которых были крыты куда как более дорогими тканями и коврами, чем позволил себе Лронг.

— Руки не доходят, — как-то по-юношески робея, пробасил он. — Да и не надобны мне хоромы. Забросил я строительство столицы, все равно приходится больше по караванным стойбищам кочевать, порядок наводить. Когда на следующем солнечном круге придет сюда мой народ, новому князю легче будет столицу достраивать. Добрым словом меня помянут.

Принцесса незаметно вздохнула — в интонациях благородного рыцаря Лроногирэхихауда, уже прозванного на всей своей дороге Справедливым, проскальзы-

вали чуть ли не старческие нотки, и она знала, что есть в этом доля и ее вины, пусть невольной.

Вот и сейчас он стоял перед нею, переминаясь с ноги на ногу и смущенно наматывая на палец косичку, плетеную из стебельков заповедного бессмертника, совсем как в ту пору, когда он был еще презиравым всеми Травяным Рыцарем, врачевавшим убогих и переносившим тела умерших в мрачные анделахаллы, места последнего приюта тихриан.

— Почти мое жилище, госпожа моя, — спохватился он, откидывая перед нею полог шатра.

— Почту, почту, милый Лронг. — Она легко коснулась его руки. — Я прибыла сюда для беседы, потому что в сумрачную пору, когда одолевают тревожные мысли, лучше всего побыть рядом с истинным другом.

Серые с легкой прозеленью глаза, казавшиеся еще светлее на черном, как у всех тихриан, лице дрогнули — мона Сэниа поняла, что еще год назад у него вырвалось бы пылкое: «Я готов день и ночь быть подле тебя, прекраснейшая из женщин, чтобы рассеивать твои тревоги!» — но за этот год он научился управлять не только своими подданными, но и собственными страстями.

Она подошла к груде подушек, громоздящейся в глубине шатра. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить многочисленные шерстинки, точно кто-то вытряхивал здесь изъеденную молью шубу.

— Сибилло? — с невольной усмешкой осведомилась принцесса. — Похоже, оно здесь ночевало.

— И едало, и пивало, — с такой же беззлобной улыбкой подтвердил Лронг. — Оно мне не слишком мешает, а отцу — в радость.

— Прости меня, я не спросила тебя сразу, как он?

— Угасает, — просто ответил князь, не умевший кривить душой, но не смевший обременять своей скорбью ту, которую любил больше жизни. — Если бы не Паянна, его бы, наверное, уже не было с нами.

— Она что же, смыслит в тайнах врачевания? — недоверчиво спросила принцесса, знавшая по своему вынужденному пребыванию на Тихри, что сие искусство находится здесь едва ли не на пещерном уровне.

— Она ведь пыталась выходить собственного мужа и всех сыновей, — напомнил Лронг. — Было время научиться.

— Ну если они с сибиллой дополняют друг друга...

— Как дикий кот с гуки-кукой: до смертоубийства пока не доходит, так и то хорошо. Но перепалки меж них забавные, отец от души веселится... — Он внимательно взгляделся в ее узкое, с пленительно очерченными скулами, лицо. — Но ты ведь пришла не для того, чтобы спрашивать о моем отце?

— Вы оба дороги моему сердцу и всегда в моей памяти, — проговорила она, и голос ее был теплее, чем она обычно себе позволяла. — Но кривить душой я не буду: сегодня у меня другая забота.

Она выбрала из груды большую подушку, стряхнула с нее линялую шерсть и уселась так, чтобы бездымные лиловые (не иначе как в ее честь!) светильники оказались у нее за спиной.

— С этой своей печалью, — продолжала она, — обращалась я к королю-кудеснику, повелителю пяти стихий, которому принадлежат все Первозданные острова, на одном из которых мы сейчас приютились. С его милостивого позволения, разумеется. Но он ответил мне, что для того, чтобы ответить на мой вопрос, его могущества недостаточно... А может быть, доставало желания — уж слишком поспешен был его отказ.

Лронг уловил потаенную горечь в ее словах — было время, когда она и помыслить не могла, что кто-то возьмется дерзость не откликнуться на ее приказ или просьбу. Но врожденная чуткость подсказала ему, что с сочувствием надо повременить.

— В прошлый раз, помнится, я рассказала тебе, что

мы нашли затерянную среди черных небес планету... чужой мир, все люди которого погибли много сотен лет назад. Но среди них попадались маги и колдуны, сибиллы то есть, умевшие изготавливать чудодейственные талисманы. Один из них ты видишь на мне — эта хрустальная цепь с колокольцем позволяет мне понимать все людские языки, а моим собеседникам — внимать моей речи без толмача. Порой мне даже кажется, что меня понимают даже звери и птицы... Но я не о том.

Она вздохнула и опустила голову.

— Я о Светлячке.

— Я это понял, прекрасная госпожа моя.

Да, верно, в прошлый свой прилет она уже рассказывала ему о своих поисках, но он ничем не мог помочь ей. Невеликодушно, наверное, заставляя его еще раз признаваться в своем бессилии.

— Понимаешь, Лронг, иногда надо просто выговориться, чтобы отмести все прежние предположения — тогда на их место придет что-то новое и, может быть, верное. Но так говорить можно только в кругу близких людей, когда не надо выбирать слова или, наоборот, прятать за ними что-то недосказанное.

Он прошелся по вытоптанному ковру, пригасил пару светильников — под сводом из тисненой кожи разлился мягкий полумрак, в котором слова текли свободнее, а звуки их казались мягче и доверительнее.

— Но как в прошлый раз я не смог помочь тебе, госпожа моя, — с горькой откровенностью признался он, опускаясь возле ее ног на ковер, — так и сейчас не вижу, чем могу быть полезен. Вот если бы мой отец сохранял еще ясный ум...

— А сибилло?

— На всех дорогах Тихри, вместе взятых, не найдется второго такого отъявленного и бесполезного болтуна и вруна. Так чем же он сможет быть полезным тебе на твоём Джаспере?

— Не на Джаспере — на Свахе.

— Хм?.. — невольно вырвалось у Лронга, изумленного тем, что целый мир может носить такое диковинное имя.

— В давние времена, когда наши предки только-только открыли — или приобрели — способность летать по просторам необозримой Вселенной, ими было найдено столько неизвестных миров, что приходилось давать им первые пришедшие на ум имена — в полеты ведь отправлялась в первую очередь любопытная молодежь, не обремененная ни мудростью, ни даже хорошим вкусом. Вот и появились в Звездных Анналах такие созвездия, как Собачья Колесница, Шлюшкина Норка... и наша Сорочья Свадьба. В этом созвездии, откуда, как мы полагаем, был привезен наш маленький Шоёо, мы нашли только одну звезду, у которой имелись планеты; честно признаться, нам тоже было недосуг выбирать благозвучные названия, и мы поименовали их просто Жених, Невеста и Сваха. Вот на последней-то мы и потеряли понапрасну почти год, и я не знаю, что нам делать, чтобы и дальше не тратить попусту драгоценное время...

— А в двух других мирах разве не живут создания, подобные человеку?

— Никто там не живет. То, что мы называли Женихом — раскаленный шар, пылающий, как и положено страстному жениху: слишком близок он к ослепительному солнцу. На него мы не смогли бы даже высадиться. Невеста расположена подальше, она засушлива и спокойна, так что больше похожа на иссохшую старую деву; кораблик моего супруга, опускавшийся на ее каменистые равнины, не нашел там ничего, кроме ползучих тварей и чахлых колючек. Эта планета тоже слишком близка к яростному светилу, под лучами которого разумная жизнь просто немыслима.

— А вы полагаете, что разумная жизнь иных миров

подчиняется только тем мыслимым законам, которые вы открыли для себя?

Она поглядела на него с изумлением:

— И почему я раньше не поговорила с тобой, мудрый правитель Лронг? Ты совершенно прав: на выжженной солнцем Невесте когда-то, еще до первого посещения древних джасперян, могла существовать неведомая нам жизнь... — Она порывисто поднялась — и едва не подпрыгнула: прямо под ноги ей подкатился белый шар, точно пушистый футбольный мяч (еще одна выдумка командора для развлечения своих не слишком обремененных заботами дружинников).

— Пыжик! — вскрикнула она, радостно подхватывая на руки детеныша гуки-куки. — Ой, как потяжелел! И кто научил тебя так кувыряться? Смотри, от мамыши попадет.

— Сибилло, пугало безмозглое, кто ж еще! — раздался низкий бархатистый голос, вызывающий в воображении образ благодушного гигантского шмеля. — Солнышка тебе над самым темечком, княжна нездешняя!

Мона Сэниа оглянулась — приподняв полог мускулистой рукой и уперев другую в крутой бок, на пороге стояла Паянна, как всегда, во вдовьем балахоне с пятью белыми полосками на рукаве — знак того, что пятеро дорогих ее сердцу людей отошли в край ледяных снегов. Черное и белое, желтое и красное — княжеское знамя Лроногирэхихауда: чернота живого тела, белизна предстоящей смерти, золотистость солнечно-го луча и пурпур... а вот тут уж не иначе как жрецы-красноризцы постарались, чтоб о себе напомнить...

— И тебе солнца неизбывного, добрая Паянна!

— Добрая! — фыркнула княжеская домоправительница, заходя в шатер шаркающей походкой, выдающей отечность когда-то резвых ног. — Слыхало бы тебя сибилло! Да и ты, князюшка, хорош — что не позаботился, не кликнул на стол собрать?

— Разговор у нас, не до того, Паяннушка!

Она необидчиво пожала плечами, сгребла в охапку резвившегося гукеныша и направилась к выходу.

— Так звать ли сибиллу, госпожа моя? — спросил вполголоса Лронг.

— Нет, — неожиданно решила принцесса. — А вот ты, Паянна, останься.

Грузная фигура замерла, потом плавно развернулась, и на плоском невыразительном лице поползли вверх серебрящиеся проседью косички бровей:

— Почто так, княжна? С волхователем равняешь?

— Просто я никогда не держала совет с женщиной, которая старше меня годами и опытом. Присаживайся.

Паянна, не церемонясь, опустилась в единственное резное кресло, предназначавшееся князю; Пыжик тут же свернулся калачиком и стал похож на белого гуся, спрятавшего голову под крыло.

— А ты что же, никогда материнских речей не слушалась? — неодобрительно пробормотала она.

— Дети королей Джаспера воспитываются без матерей, — пояснила мона Сэниа. — Как только принца — или принцессу — отнимают от груди, его мать навсегда удаляют от королевского двора. С богатым приданым, разумеется. Так что претендентов на ее руку бывает предостаточно — король, как правило, себе в наложницы дурнушек не берет.

— Жестоко, — вздохнул Лронг.

— Зато королевство избавлено от интриг, сплетен и заговоров. Ну да речь сейчас не о том. Я вспомнила, как еще в первую встречу сибилло ваше почтенное каким-то ведовским нюхом учуяло, что на Таире надет амулет в виде сережки. Значит, есть все-таки возможность находить скрытые талисманы!

— Это оно может, — безапелляционно заявила Паянна. — Да что проку? Закобенится, ленив больно.

— Паянна, а если я его очень-очень попрошу... Награду пообещаю царскую.

— Будто оно наград не нахапало!

— Что гадать? — поморщился Лронг, как видно с трудом переносивший брехливого шамана. — Покличь!

— Эгей, сибиллу к Справедливому! — не вставая с кресла, гаркнула Паянна голосом, больше подошедшим бы караванному погонщику. — Пока задницу от пуховика отдерет...

Но мгновенное появление шамана в княжеском шатре свидетельствовало о том, что малопочтенный старец не прохлаждался, а скорее всего подслушивал где-то рядышком. меховая накидка, облинявшая до того, что черно-белые полосы стали на ней неразличимы, жалостливо шелестела на костлявых плечах, зато на голове красовалась невероятная чалма, свернутая из рыжей лисьей пелерины, подаренной ему когда-то Таирой.

— Почто потревожили? — заверещал шаман гнуснейшим сопрано. — Сибилло занедуженное дремало-почивало...

— Полно врать-то, дармоедина плешивая, — оборвала его нытье Паянна. — Здоров ты, как рогат после выгула. А что спал, так сразу видно: сапожки-то твои, пока дрых, без хозяйского ведома вокруг князева шатра по грязи натоптались. Приструнил бы их!

Мона Сэниа тихонечко вздохнула — тяжело, наверное, Лронгу с утра до вечера слышать такую вот старческую перебранку... Поднялась, подошла к сибилле и, скрывая брезгливость, положила руки ему на плечи. Погладила вылинявший мех:

— Что, старче, неласковы тут с тобой? Как я вижу, и не приоденут, и не побалуют...

— Ох, княжна-матушка, истинно говоришь! Поглядь, как захирело сибилло неухоженное! — По его впалым щекам покатались неподдельные слезинки. — А ведь только моей мудростью и славен нынешний...

— Гх!.. — не выдержав, кашлянул Лронг.

— Вот и говорю: у старших поучаясь, ладно князь правит: поначалу Милосердным звали, теперь уж и Справедливым нарекли. Только вот с сибиллой неприручен: ни обновки, ни подношеньица... Сама-то, кстати, привезла ль чего?

Принцесса про себя усмехнулась: старый скряга сам шел на крючок.

— Кладовые мои от богатства ломятся, только ведь в том и мудрость правителя, чтобы даром свое состояние не расточать. А за работу, пусть самую малую, можно и наградить по-королевски: плащ, к примеру, парчовый, голубым мехом подбитый...

— А сколь трудов? — слезинки, как по мановению волшебного жезла, исчезли.

— Для тебя, кудесник высокоумный, считай — ничего. Талисман старинный затерян, отыскать надобно.

Шаман, все-таки чуя подвох, задергал пуговичным носиком, точно припнувшись:

— Здесь, что ли?

— М-м-м... Не очень далеко отсюда.

— Ворожкой своей переносить будешь? — почуял неладное шаман. — Уж не в ледяной ли Ад?

— Да что ты, советчик княжий, как можно! Место это будет тихое, туманное, одни таракашки бегают. Беленькие.

— За белых букорах и сапожки белые прибавить бы!

Но не все здесь обладали королевской дипломатичностью:

— Да что ты с ним хороводишься, княжна! — взорвалась Паянна. — Бери за шкурку и верши, что тебе надобно!

Мона Сэниа недоверчиво глянула на князя, которого еще совсем недавно звали Милосердным, но и на его лице ни малейшего сочувствия престарелому сутяжнику она не обнаружила. А, была не была!..

Она крепче сжала стариковское плечико, угловатое до колючести, и решительно шагнула вперед...

И тотчас же крупные, как виноградины, серебристые пузырьки замельтешили вокруг них, скрывая беззвучным кипением и крутой каменистый склон, прямо у них из-под ног сбегающий в заповедную долину, и замурованный совсем недавно вход в подземный склеп, где покоились останки девяти джасперян.

— Ишь, завела в болото, непутевая! — возопил мгновенно промокший шаман. — С князем своим озоруй!

Он принялся утираться, по-кошачьи размазывая по грязным щекам клейкую влагу. Линялые бантики, которыми были прихвачены его усы и брови, посыпались вниз, мгновенно потопляемые туманом. Но старый колдун, до сих пор дрожавший за каждую свою ниточку, не сделал ни малейшей попытки их уловить — настороженно выпрямляясь, он сдвигал набок свою лисью чалму, освобождая треугольное волосатое ухо.

— Тс-с-с... — еле слышно прошелестел он. — Зреет понизу натуга неведомая...

И угадал — совсем неподалеку ухнуло так, что земля под ногами качнулась, и в небо ввинтился рев невидимого отсюда исполинского столба воды. И угораздило же самый крупный из всех подземных фонтанов рвануть именно сейчас!

— Не выдай, княжна-матушка, унеси отсель! — панически завопил шаман, приседая и укрываясь облезлой своей накидкой. — Дивен-гад водяной из болота вылез, поглотит он нас, и не по алчбе, а ненароком, по ничтожеству нашему...

— Ты же сибилло бессмертное, — засмеялась принцесса. — Чего ж ты боишься?

— Того и страшусь, что по неизбывности своей плутать буду по его поганому нутру до самой его гадской гибели!

— Перестань трястись, — безжалостно оборвала его

причитания принцесса. — Ты хоть наполовину, а все-таки мужик. Слушать противно.

— Кабы сибилло хоть вполовину еще мужиком было, оно б тебя... Ой, ползет, близко подбирается!

— Никто не ползет — вода это подземная в небо столбом бьет, туман разгоняет. Видишь — светлее стало?

— Одно видно взору моему ведовскому — смерть кругом! И стародавнешняя, и свежихоньякая, и грядущая...

— Это ты прав, волхователь — здесь покоятся как останки тех, кто почил много веков назад, так и соплеменников моих, погибших по неведомой причине незадолго до того, как я сама появилась на вашей дороге. Может ли твой вещий разум проникнуть в тайну их гибели?

— И-и-и, жена неразумная, о дитяти своем помысли, чтоб без материнских забот не оставить! Ноги уносить надо!

— Ну я тебя сейчас унесу, лягушачья душонка... — вполголоса пробормотала Сэниа, одной рукой еще крепче сжимая его плечо, а другой доставая мужнин фонарик. — Гляди!

Магического перехода перетрусивший шаман на сей раз даже не почувствовал — просто какой-то миг наступил полный мрак, а затем узкий серебряный луч побежал по опаловым стенам подземной пещеры, выхватывая то полупрозрачные столбы, то темные пятна бесформенных останков, видневшихся на скользком, точно ледяном полу.

— Скажи, если ты действительно провидец, приняли они смерть в бою или чарами изведены?

Но шаман, судорожно разевая рот, точно ему не хватало воздуха, повалился к ногам принцессы, обнимая ее сапоги:

— Не вижу, ничего не вижу, и ты не гляди! Глаза тебе

выжжет черной погибелью — как потом сибиллу отсюда вызволишь?

— Хватит труса праздновать, — отрезала она. — Я здесь уже бывала, и не одна, а с дружиною. Ничего не случилось. Но, поскольку мой муж и мои воины намерены продолжать на этой земле свои поиски, я должна увериться в их безопасности. Ведь что-то погубило лежащих здесь, и я могу сказать одно: это не то оружие, которое известно на Джаспере. Остались бы плавленые в камне следы, а я их не вижу. Ну что скажешь?

Но старый шаман молчал, то ли из упрямства, то ли от страха потеряв дар речи. Мона Сэниа с трудом выдрала ноги из цепкого капкана его костлявых рук и, перешагнув через съездившегося колдуна, приблизилась к мертвецу, чьи кости, дочиста обглоданные многоногими обитателями этого подземелья, были укрыты обрывками жавровой куртки. Нет, никаких следов десинторных разрядов. А вот под капюшоном, соскользнувшим с голого черепа, что-то поблескивает.

Она достала свое привычное оружие и его вороненым стволом осторожно отодвинула край негнущейся, точно заледенелой ткани — малюсенькое колечко ответило фонарному лучу неживым зеленовато-желтым переливом. Мона Сэниа наклонилась, но тут сзади раздался частый drobный стук — это сибилло подбегало на четвереньках:

— Не трожь!!! — Его истошный визг расплескался по пещере, удесyтеренный эхом. — Не трожь, девка безмозглая! Голрой рукой коснешься — и себя сгубишь, и сибиллу несчастного!

— Да? А почему?

Шаман некоторое время сопел, точно принюхиваясь к собственным ощущениям.

— Того сибилло не чует, — виновато пролепетал он. — Нездешняя это волшба-смертушка, и для плоти людской нет от нее заслона-заговора.

Мона Сэниа вздохнула — никудышный ей попался ведун. Вот Кадьян разобрался бы, что к чему... Она перевела калибратор десинтора на короткий луч и, направив его в пол, выплавилла глубокую лунку. Потом так же осторожно, подталкивая кольцо десинторным стволом, закатила его в углубление: пусть полежит здесь до лучших времен, раз уж пользы видимой от него никакой, да оно и на детский мизинчик едва налезет. А ведь напугало старого ведуна до смерти — может, и вправду погибельный амулет вроде того колдовского кинжала, что попался Таире под горячую руку?

— Ладно, — проговорила она, наклоняясь к сибилле и ухватывая его за ворот. — Ты, как я убедилась, только на княжьих подушках мудрец, а здесь проку от тебя... Сейчас вернемся. Что посулила — пришлю, и даже вдвое обещанного, но с уговором: о том, где мы были и что видели... Ну, я тебя знаю, язык за зубами ты не удержишь — но говорить о наших с тобой приключениях я позволяю тебе только с князем твоим, и ни с одной другой душой на белом свете, будь то хоть мой супруг, хоть Рахихорд, хоть анделис. Приказ нарушишь — сюда тебя перекину, навек тут и останешься, с костями этими замурованный. Понял?

В ответ раздался клацающий звук — казалось, у престарелого шамана стучат не только зубы, но и дребезжат тоненькие старческие косточки в иссушенном годами мешке его пергаментной кожи.

— Ну а еще какой амулет ты поблизости не учуял? Награжу вдвое.

— Да хоть солнце незакатное с небес посули! Только смертушкой все окрест напоено, а доброй волшбы ни крупичицы...

Не оставалось ничего другого, как сделать шаг через заветное ничто, ведущий обратно, в неуютный (как у всех безнадежных холостяков) княжеский шатер.

На Лронге лица не было — сразу видно, что он ме-

тался по своему шатру, представляя все беды, которые могли обрушиться на его принцессу в компании с таким ненадежным спутником, каковым представлялся ему придворный шаман. Мона Сэниа про себя усмехнулась: знал бы князь, что на деле старый болтун оказался еще хуже...

— Наше краткое путешествие, к сожалению, ни к чему не привело, — проговорила она уклончиво, чтобы лишний раз не унижать сибиллу рассказом о его непомерной трусости. — Успокойся, мой добрый Лронг: мы не встретили никого и ничего не нашли. Так, безделушку одну поганенькую, то ли колечко, то ли бусину — ее и брать-то с собой не стоило. Ну да советчик твой княжий как-нибудь поведает тебе о том, что ему довелось повидать...

Она поперхнулась, потому что чуть было не продолжила: после того, как штанишки прополощет.

Лронг, не скрывая облегчения, шумно вздохнул.

— Но я вынуждена просить тебя... вас, всех троих, — торопливо продолжила принцесса, оглядываясь на Паянну, восседавшую в княжеском кресле с олимпийским безразличием к происходящему; — прошу не рассказывать никому о том, что я провела несколько минут на другой земле — даже Киху, который, как я слышу, любезничает сразу с тремя юными тихрианками неподалеку от шатра.

— Ни-ко-му.

Три коротеньких слога прозвучали так, словно Справедливый князь сбросил с высоты три непомерной тяжести камня, и по его интонации было понятно, что он не только сам не скажет ни слова, но и пришибет на месте любого, кто хотя бы откроет рот.

Впрочем, глядел он при этом исключительно на своего горе-кудесника, известного неумной болтливостью; на молчаливую же Паянну он, похоже, уже привык полагаться полностью.

— Не тревожься, князь, — тоном, не сулящим ничего хорошего, проговорила мона Сэниа, — с милейшим сибиллой я уже договорилась. Потерпи еще немного его присутствие в своем шатре, я сейчас сюда перешлю кое-какие скромные дары для него.

— Уже?.. — вырвалось у Лронга.

— Мне пора, мой рыцарь бесконечных дорог.

Каждый раз, прощаясь с ней, он вот так же жадно вглядывался в ее черты, словно боялся, что видит ее в последний раз. И тогда ей невольно приходило на ум, что этот чернокожий великан — единственный мужчина во Вселенной, чье безграничное и беззаветное поклонение никогда не покажется ей назойливым или нескромным. Рядом с ним было тепло и покойно. Но — и только.

Но владетельный князь, оказывается, не просто так смотрел на нее, не отрывая испытующего взгляда:

— Прости меня, владычица дум моих, если я покажусь тебе докучливым... Но мнится мне, что не все печали свои ты мне поведала.

Травяной Рыцарь, врачующий не только телесные раны... Она опустила невольно дрогнувшие ресницы: а вот Юрг, ее звездный эрл, ничего не заметил.

— Не сердись, добрый мой друг, — проговорила она, легко касаясь громадной черной ручки, дрогнувшей при ее прикосновении. — Ты прав, но — не сейчас. Я...

Она запнулась, мучительно подыскивая слова. Они не находились.

— Я просто не в силах выговорить вслух то, что у меня на сердце. Если честно признаться, то я не могу и мысленно произнести это. погоди немного, я разберусь со своими печальями, тогда и жди меня снова!

Она проговорила это почти весело — так улыбаются сквозь слезы.

— Когда прилетишь сызнова, княжна, мальчика своего прихвати, — подала вдруг голос Паянна. — Своими

внуками не осчастливило меня Незакатное, так хоть с чужим княжичем понянькаться.

— А ты лети со мной, — вдруг совершенно неожиданно для самой себя предложила мона Сэниа, — у меня ведь двое, будешь Фирюзе доброй нянюшкой, ей женские руки надобны, а у меня кругом одни воины.

— Не можно, — покачала головой чернокожая женщина, и вздох ее был шумным, прокатившим по шатру влажную духовитую волну, точно пахнуло парным молоком, как от только что отелившейся рогатицы. — Мне за Рахихордом, князевым батюшкой, ходить надобно. А я служу верно.

У моны Сэниа дрогнули брови: эту же фразу: «Я служу верно» — она слышала совсем из других уст. Так говорил проклятый Кадьян. Но до чего же по-разному звучали эти одинаковые слова!

— А что до просьбы твоей наипервейшей, — торопливо проговорил Лронг, — так не тревожься, не позабуду: со всей своей дороги призову сибилл, с чужих земель на время откуплю... Найдем даже то, о чем ты сама не ведаешь.

— А, пустые хлопоты, — бесцеремонно вмешалась Паянна, — не будет и в сибиллах проку, коли ты сама, княжна, не уразумеешь, что тебе надобно. Нельзя отыскать то, чего не знаешь. Так что выдь ты во чистую степь, ляжь на землю ликом кверху, чтоб Незакатное твои думы грело, и чистой мыслию, ничем другим не замутненной, устремись к тому, что душу твою томит — оно себя и окажет.

— Спасибо тебе за совет, Паянна, — проговорила несколько изумленная принцесса. — Ну прощай, Лронг, и за меня не тревожься — со своими бедами я справлюсь.

Она направилась к выходу и чуть не наступила на сибиллу, свернувшегося калачиком под своей полосатой меховушкой. Не долго думая, принцесса сдержнула

с него облезлую накидку и, скомкав ее, с чувством глубокого удовлетворения зашвырнула туда, откуда старый скряга никаким шаманством не смог бы ее вернуть — прямо в не слишком на вид жаркое пекло незакатного тихрианского солнышка.

Алое перо кружилось в воздухе над самой верхушкой шатрового корабля, а чуть выше порхал рыжий зимородок, точно крошечная жар-птица. Гуен, уже привыкшая к огненноперым вестникам короля Алэла, все-таки следила за ним сверху, обозревая весь Бирюзовый Дол с высоты своего бесшумного полета. Из малого кораблика стрелой вылетел лазоревый Фируз, нацеливаясь на добычу, но тут Ю-ю, мастеривший вместе с отцом и Кродрихом подобие ветряной мельницы, бросил свое занятие и ринулся ему наперерез, оглашая колокольчиковый дол древним земным заклинанием: «Чул, мое!».

Фируз завис в воздухе, как маленький бледно-голубой вертолетик, но в борьбу за обладание поднебесным трофеем включился еще один претендент: Фирюза, передвигавшаяся на четвереньках с проворством юркой ящери, пронзительно завизжала и тоже помчалась к новой игрушке. Фируз взмахнул крыльями, окружая себя ореолом перламутровых бликов, и успел подхватить перо прежде, чем оно коснулось земли; потом, отлетев чуть в сторонку, снова его выпустил и опять подхватил.

— Гляди-ка, мышкует, как лисица, — с восторженным изумлением проговорил Юрг, наблюдавший эту сказочную картину.

Ких только пожал плечами: лис на Джаспере почти поголовно перебили еще до Темных Времен, теперь их можно было добыть разве что в Джанибастовых чашобах.

Визгливое, сверлящее уши «Адай-адай-адай!» свидетельствовало о том, что командоров отпрыск оказался все-таки проворнее всех.

— Ю-ю, не дразни девчонку! — крикнул Юрг. — Не мужское это дело.

Благодушное «зе дал» означало «а я уже отдал» — он всегда ей уступал, порой по-королевски давая вдвое больше желаемого. И приучил. Вот и сейчас она не переставала требовательно верещать, как голодный скворчонок.

— Ю-ю, не обижай Фирюзу, она маленькая! — крикнула мона Сэниа, появляясь на голубом лугу и стаскивая на ходу перчатки для верховой езды — значит, опять где-то гонялась в одиночестве.

— Хочу белег! — категорически заявил наследник, не снисходя до того, чтобы оправдываться — это было не в его характере. — Нада пельев. Для Зюза.

По-восточному цветистое имя «Фирюза» было ему еще не доступно.

— Ладно, сейчас отпросимся у мамочки. Мон женераль, дозвольте увольнительную — наш галантный принц своей даме презент сделать желает. Наберем перьев чаечных, а потом спросим Эрма, не заваялось ли в тамошних кладовых пакетика хны, коей кокетливые девы себе гриву красят.

— Пора бы знать, что в древних стенах замка благородного рода Муров кокетливых девиц не принимали. Кокетство — дурной тон.

— Кто — дульной? — Принц явно тяготел к глубоким познаниям.

— Кто — кто?

— Тон — кто?

Юрг, отложив недостроенную мельничку, решительно поднялся:

— Вот тебе яркий пример того, к чему приводят нравоучительные исторические экскурсии. Выпутывай-

ся теперь, как знаешь, только полегче с примерами дурного тона. А впрочем, лучше мы с сынулей скупнемся.

— Очу-очу-очу! — Фирюза, несмотря на некоторую разницу в возрасте, не желала ни в чем отставать от своего молочного брата (от одной козы молоко пили). Вокруг ее чернокудрой головки реяли клочки огненного перышка, с которым она успела расправиться в соответствии со своим уже вполне сформировавшимся характером.

— Гулять можете, купаться — ни в коем случае, ветрено, — вынесла свой вердикт принцесса, присаживаясь на пороге, чтобы снять тесные сапожки. — А кстати, почему мне никто не говорит, что от Алэла пришел вызов?

Рыжее перо, сброшенное на Бирюзовый Дол красным зимородком, означало, что кто-то из Алэлова дома жаждет пообщаться с обитателями Игуаны.

— Перышко светлое, значит, там никакой беды не приключилось, иначе было бы оно цвета кофейного пойла, — отозвался Юрг, презиравший слабенький джасперианский напиток. — Так что торопиться некуда. Ких, будь другом, слетай к соседям, выясни, с чего переполох.

Никто глазом не успел моргнуть, как исчезнувший было Ких снова возник на том же месте.

— Ага, — удовлетворенно констатировал командор; — явился передо мной, как лист перед травой, и рот до ушей. Из этого следует, что у Алэла очередной сабантуй.

— Так точно! — выпалил младший дружинник, продолжая сиять. — Торжество по поводу наречения новорожденных. Особо званы принцесса с супругом. А остальные... ну не так чтобы особо... но действительно.

— Дорогая, деваться некуда, доставай из сундуков кринолин с декольте на двенадцать персон.

Мона Сэниа резко поднялась, словно у нее появи-

лось безотчетное желание заслонить собой маленького Юхани.

— С твоего разрешения, сегодня мы с Ю-ю останемся дома, — проговорила она что-то уж чересчур индифферентно. — Отправляйтесь-ка представительной делегацией — у Эрромиорга вполне вельможный вид, когда он постарается, а Киха с Флейжем возьмете для поддержания веселья. Королевской чете передайте, что я безгранично огорчена, но Юхани перекупался, а у Алэла всегда ветер с моря...

Юрг схватился за голову:

— Что я слышу: чтобы наш сын боялся морского ветра?.. Сэнни, что на тебя нашло?

— У меня что-то непразднично на душе...

— Слушай, а ты не боишься, что царственные бабуля и дедуля будут оскорблены таким отказом?

— Вот поэтому я и прошу тебя слетать туда, пусть на этот раз и без меня. И Фирюзу захватите.

Раздался радостный визг — маленькая плутовка никогда не упускала случая подслушать разговор взрослых.

— А мы тут наберем тебе перышек, — улыбнулась ей мона Сэниа, хотя улыбка эта не была наполнена теплотой.

— Это на ветру-то? — хмыкнул разобиженный супруг.

Так и расстались — нельзя сказать, чтобы довольные друг другом. Но ей была невыносима мысль о том, что они с сыном снова окажутся под перекрестными вспышками беглых взглядов всего королевского семейства. До сих пор ей казалось, что она равнодушна к посторонним взорам; но на сей раз они были до такой степени непонятны, что становились просто оскорбительными.

Зато через пару часов возвращение представительной делегации было самым восторженным.

— Сыты, пьяны, и носы в табаке! — крикнул Юрг, спуская с плеча Фирюзу, с ног до головы разукрашенную причудливой росписью — похоже, над нею трудилась не только Ардиень, но и старшие сестры-царевны.

Малышка крутилась, слизывая с ручонков сладкую цветочную пыльцу, на практике постигая, что локоток не только не укусишь, но и не оближешь.

— Нет, честное слово, Сэнни, совершенно напрасно ты капризничала! — Юрг прямо-таки пузырился радужными впечатлениями. — Пир был действительно на весь островной мир, по всему берегу настелены новенькие циновки, а на них чего только нет! Никогда не думал, что эти острова так богаты. А сам Алэл... В последнее время я его уж совсем за старую перечницу держал, а тут он так разошелся — ему бы иллюзионистом работать. К тому же, оказывается, сегодня — День Живой Плоти... Впрочем, у него каждый день — какой-нибудь особенный. Так вот, с любым из нас он мог сотворить все, что угодно...

— Кому — угодно? — быстро спросила принцесса.

— Ну... всем. Чтоб весело было. Как в настоящем шапито.

— И что же он сделал с тобой?

— Усы отрастил. Синюшие! Потом правда изничтожил, чтоб тебя не напугать. Хорошо еще, что не бороду, а то ходил бы я, как наш легендарный герцог-душегуб, который не то шесть, не то восемь жен порешил.

— Ну, муж мой, любовь моя, — через силу улыбнулась она, — еще, как ты любишь говорить, не вечер...

— Или вот: я мимоходом заметил, что по части рыжести Флейж просто неподражаем, так наш высокородный Хоттабыч — помнишь, я рассказывал? — и борода не щипал, и «трах-тибидох» не бормотал, а глядь — за столом уже два Флейжа, с лица совершенно неразличимы, будто два апельсина на солнышке, только вот на втором — камзол нашего Кродриха, поелику

всякая одежда к живой плоти уже не относится. И знаешь, что мне пришло на ум? Он ведь и собственных внучат мог очень даже просто изменить. Ты не приглядывалась к старшему? Ну ведь вылитый новорожденный Ю-юшка! Недаром старый хрыч все на нашего сынулю поглядывал и вздыхал завистливо.

— А как же этот... Шамшиенин малыш? Он же весь в папашу...— растерянно пробормотала Сэнни.

— Все правильно — в каждом эксперименте должен быть, так сказать, контрольный экземпляр, оставленный в первозданном виде.

Принцесса вдруг резко повернулась и умчалась в свою комнату. Юрг, недоумевая, только пожал плечами — ему и в голову не пришло, что его жена может прятать слезы, непривычно ожегшие ресницы. Она, никогда не плакавшая от горя, впервые почувствовала, насколько же безмерным может быть облегчение, когда с плеч сваливается такая невидимая гора...

5. Как снег на голову

Утро занялось прозрачное, легкое, словно умытое талой водой — да разве и могло оно быть другим, когда позади осталось все чудовищное смятение прошлых дней, слава древним богам, так никем и не замеченное... кроме верного рыцаря Лронга?

Мона Сэниа тихонько выбралась из постели и, бесшумно ступая босыми ногами, невесомо пролетела по спальне, на бегу заворачиваясь в необъятное пушистое полотенце. Скорее в море, смыть с себя даже память о давешнем наваждении! Море теперь было для нее еще одним даром Юрга, ее звездного эрла — ведь джасперяне, не привыкшие к необозримым водным просторам, инстинктивно избегали даже озер. Но за год, проведенный на Игуане, без купания в непривычной, со-

лоновато-терпкой воде не мог уже обходиться никто. Включая малышей.

Беззвучно засмеявшись собственной легкости, она шагнула в привычное ничто, чтоб через неощутимый миг уже стоять на одиноком плоском утесе, у подножия которого зазывно пришептывало море, обещая первозданную свежесть. Она переступила с ноги на ногу, поживаясь от ночной стылости камня, и тут сквозь шелест пенных гребешков услышала голос.

Едва уловимый, он не доносился с какой-то определенной стороны — он просто был повсюду, как туман, как запах моря; слишком тихий, чтобы быть узнаваемым, он искал именно ее, проникая в каждый уголок зеленого Джаспера: «Сэниа... Сэниа...»

Она знала, что так послать свой голос мог только член королевской семьи. Все собственные беды и сомнения мгновенно отлетели прочь, и она замкнулась в себе, собирая все силы, чтобы ответить — это было не просто: ведь она тоже не знала, где находится ее собеседник, и точно так же, как он, должна была разослать ответ по необозримым просторам Равнины Паладинов;

— Кто бы ты ни был, я слушаю тебя. Говори.

— Я в поминальной часовне, — донеслось едва слышно, но теперь она узнала голос отца.

В первый раз — это за столько-то времени!

— Я на голом черном камне посреди моря.

Теперь, когда оба собеседника знали, куда посылать свой голос, говорить было значительно проще. Тем не менее до слуха моны Сэниа не доносилось больше ни слова. Молчала и она: этот разговор был необходим не ей. Случилось что-то чрезвычайное, если король обращался к дочери, чей отказ от родственных уз он принял с царственным равнодушием; какой помощи от нее он хотел, если сам пальцем не пошевелинул, чтобы убедить ее замок от нападения своих вассалов; слишком черствым оказался самодержавный дед, ни разу не

пожелавший взглянуть на собственного внука и приговоривший к смерти его отца...

Вот пусть теперь сам и объясняется.

— Они убивают моих сыновей, — раздалось так отчетливо, словно правитель всего — как он полагал — зеленого Джаспера находился здесь же, на покрытом морской солью утесе.

Мона Сэниа затаила дыхание: ее дружинники, время от времени навещавшие родительские замки, приносили порой весьма печальные вести: за эту зиму один за другим погибли два ее брата, оба на рыцарских поединках. Но смерть на ристалище — это судьба истинного рыцаря, а братья таковыми и были. На это ее отец сетовать не стал бы, да еще и после столь долгого перерыва.

— Совсем недавно мы похоронили младшего... — Сэниа задохнулась — это был единственный из братьев, кого она любила с неожиданной для себя нежностью, которую невозможно было спрятать от насмешек старших. — Это не был честный поединок, его заманили в болотную ловушку, и щупальца жавра не позволили ему уйти в ничто. Говорят, что в этот миг он звал тебя... Когда мои ратники его отбили, у него уже был сломан позвоночник.

— Его голос до меня не долетел, — с отчаянием прошептала принцесса. — Наверное, я была...

Она запнулась — ему незачем было знать о ее полетах на другие планеты.

— А сегодня ночью на моих руках умер Наследный. Его привязали к дереву и подожгли, — безжизненным голосом закончил король.

Но она почувствовала, что за пеленой монотонности, рожденной безграничной скорбью, скрывается обвинение: если бы она была покорной и кроткой дочерью, если бы она не заставила эрла Асмурса назвать ее своей женой и не бросилась следом за ним в нео-

глядные просторы Вселенной; если бы из своих странствий она не привезла на Джаспер незваных чужаков, которых священные Анналы именовали «звездными волками», и если бы те, в свою очередь, не начали бессмысленную еретическую борьбу с крэгами, неразлучными поводырями слепорожденных джасперян, в согласии с которыми его народ безбедно прожил столько столетий...

— Твой крэг с тобой? — Мона Сэниа прервала затянувшуюся паузу резче, чем следовало — ведь она сама недавно познала родительское горе.

— Нет.

— Тогда скажи прямо, чего ты от меня ждешь, отец.

— Я и сам не знаю...

— Скажи, чего ты хочешь, король Равнины Паладинов!

Теперь он колебался лишь мгновение:

— Наша земля объята войной, и я не знаю, что хуже: бунт, поднятый твоим супругом против крэгов, или это кольцо мятежей, смыкающееся вокруг моей столицы. На востоке восстали «ревнители крэгов», которые требуют вернуться к полному повиновению пернатым поводырям и уничтожить светоносные офиты, дарующие зрение моим подданным.

— Я слышала об этих фанатиках, отец.

— Если бы только это! На севере поднял восстание Оружейный эрл, который, напротив, поклялся перебить всех крэгов Джаспера, но пока не преуспел в этом... не знаю, к счастью, или к сожалению. Так что теперь в моем распоряжении только то оружие, которое хранится в дворцовом арсенале. И как в законном порядке эти запасы пополнить, я не знаю.

— Еще никогда в жизни я не слышала от тебя так часто повторяемого: «не знаю», — безжалостно отметила принцесса.

— Зато мне известно другое, — продолжал голос,

дребезжащий, как у человека, вступившего в пору далеко не безмятежной старости, — несколько западных эрлов, объединившись, заявили, что больше они не подчиняются никому, потому что намерены образовать государство без короля. С крэгами или без — это неважно.

— Очень мило, — заметила принцесса. — Но как они собираются прокормиться? На западе нет никаких плантаций, а дичь в лесах они перебьют за пару месяцев. Это несерьезно, отец.

— Это было бы действительно несерьезно, если б они одни оказались против всего остального королевства. Но оно во власти мятежников. Даже на крайнем юге, в прибрежных скалах, угнездились какие-то безумные выродки, которые собираются жить, как они говорят, «по заветам древних предков». То есть так, как существовали полулюди до возникновения современной цивилизации, до полетов к другим созвездиям, до появления крэгов.

— В звериных шкурах и с каменными топорами, — подхватила мона Сэниа. — Что ж, может быть, это — единственная возможность оставаться независимыми и счастливыми. Во всяком случае, хоть они-то никому не мешают.

— Да, но понятие «первобытность» они толкуют слишком буквально: стало известно, что они практикуют... каннибализм. И это в моем королевстве!

Мона Сэниа почувствовала себя так, словно глотнула морской воды.

— Таких вешать без суда, — жестко проговорила она. — Но это окраины. А что же столица, что твой болтливый Диван?

— С тех пор, как крэги воскресили младшего сына верховного судьи...

— Воскресили?! — мгновенная вспышка памяти помогла ей понять, что произошло.

Это было год назад, когда после их возвращения с

Тихри она впервые позволила своим дружинникам посетить Королевские Сады, благо на них не распространялся запрет, наложенный венценосным крэгом на Сэнни и Юрга. Тогда она напомнила им о клятве, на которую ее вынудил венценосный диктатор: рассказывать о том, что случилось с ними на Тихри — но правду и только правду. Но для нее не лгать — это было так естественно, что она даже не задумалась о подоплеке такого требования. Вот ее простодушные воины и рассказывали каждому встречному о том, как милостивы бывают тихрианские крэги, то бишь анделисы, воскрешая некоторых умерших.

Ей, неискушенной в хитросплетениях политических договоров, в голову не пришло добавить: рассказывать следует правду, но не всю правду.

— А!.. — продолжал король, и по его тону нетрудно было догадаться, что Его Величество безнадежно махнул рукой. — Я-то вполне допускаю, что бедняга был попросту мертвецки пьян. Но родные сочли его усопшим и поместили в замковую часовню, куда слетелись все крэги семейства Тсу. Наутро покойный как ни в чем не бывало прошествовал к завтраку, чем и положил начало новой волне безудержного почитания наших пернатых сожителей. С тех пор им строят миниатюрные замки, украшают драгоценностями, окуривают благовониями. И все мои советники вместо того, чтобы думать о судьбах королевства, день и ночь ублажают собственных крэгов в надежде на то, что когда придет их собственный смертный час, крылатые чудодеи подарят им еще одну жизнь. Теперь крэги больше не простые поводыри — их возвели в ранг божества...

— Ну так у них и надо спросить, что тебе делать дальше.

Раздался тяжелый вздох:

— Ты думаешь, я не спрашивал? Они не снисходят до ответа. Но я убежден — поверь, Сэнни, я это чув-

ствую: в гибели моих детей повинны именно они. Это их воля, их коварство!

Но принцессу в этом убеждать не было необходимости: она также не сомневалась, что за всем происходящим кроется неуголимая жажда власти пернатой нечисти.

— Но почему ты обратился ко мне? Бунт подняли твои вассалы, и ты — король. Карай и милуй.

— Потому, что всех их объединяет одно: твое имя. Это ты, ты объявила, что любой джасперянин волен выбирать, какому богу поклоняться, и теперь на каждом мятежном знамени начертано: «Ненаследная Сэ-ния».

— Я говорила о свободе выбора, так сказать, кумира, но не о восстании против верховного властителя!

— А чем они разнятся — бог и король? На Джаспере давным-давно позабыли о том, что такой вопрос вообще может встать перед королевским подданным. Почитание крэгов и служение монарху никогда не вступали в противоречие. И только ты так безрассудно извлекла эту проблему из праха веков!

— Нет, — с отчаянием прошептала принцесса, — нет, не я. Это тоже было волей проклятых крэгов.

— Но произнесено это было твоими устами. И теперь ты одна можешь исправить содеянное. Ты, с твоей волей, решимостью... и жестокостью. — Это был уже королевский тон.

Но так с ней уже никто не смел разговаривать. Даже король.

— Отец, я дала слово. Я поклялась, что не буду вмешиваться в то, что происходит в твоих владениях.

— Судьба всего Джаспера — и одно твое слово?

— Слово дочери короля этого Джаспера!

Наступило молчание — нескончаемое, гнетущее; но в тишине, нарушаемой только почмокиванием волн о камень, моне Сэнии еще чудилось дыхание отца.

— Я прошу тебя: подумай, девочка. Тебе даже не нужно ни во что вмешиваться, достаточно вернуться к священным обычаям предков, а твои верные воины разнесут весть об этом по всем моим владениям. Я знаю, твоего аметистового поводыря ничем не вернешь, но ты ведь можешь попросить крэгов о даровании тебе пестрого птенца, и они не откажут...

— Я?! — оглушительный хохот ударил по королевским перепонкам; он звенел не только под стрельчатыми сводами поминальной часовни — его радужные брызги рассеивались и над утренней зеленью Равнины Паладинов, и над летней лазурью Первозданного моря.

И когда он смолк, всхрипы старческого дыхания тоже исчезли.

Только тогда мона Сэниа почувствовала полонивший ее холод: тягостные минуты, проведенные на остывшем за ночь камне, превратили ее чуть ли не в ледышку. Солнце уже поднялось довольно высоко, но его лучи не успели согреть ни каменистые уступы Игуаны, круто вздымавшиеся от пуховой кромочки легкого прибоя к облачной шапке сизых сосновых крон, ни само море, безжизненное в непрозрачной молочной голубизне, словно застуженное звуками отцовского голоса.

Какое уж тут купание — скорее бы назад, в неизбывное тепло любимых рук ее Юрга, ее звездного эрла, которые умеют заслонить любую беду...

— Ой! — вскрикнул звездный эрл, пробуждаясь. — Кончай дурачиться, Сэнни! Ты что, превратилась в лягушку?

— П-похоже...

— Да у тебя зуб на зуб не попадает! Елки зеленые, мое твое величество, где это тебя носило?

— Н-на п-просторах мор-рских...

— Нет, с тобой и вправду творится что-то неладное. Давай-ка ноги разотру! Ни свет, ни заря... на море...

Погоди, я сейчас тебе нацежу святой водицы тройной перегонки, Ушинька ее отменно на заговорных травках настаивает. Оп! Задержи дыхание... Ну, девочка моя, ты принимаешь, как бывалый космический волк.

Она с трудом высвободила руку и утерла слезы, вступившие после глотка столь нетрадиционного лекарства:

— Сейчас... Сейчас переведу дух и все тебе дословно перескажу.

— Нет уж, на некоторое время девичью исповедь мы отложим — твоим размораживанием я намерен заняться по древнейшей методе...

Процесс размораживания оказался продолжительным и был прерван только настойчивыми требованиями завтрака, доносившимися из детской. Так что воспроизведение диалога с Его Величеством пришлось совместить с кормлением малышей; они слушали не менее внимательно, чем Юрг, принимая слова матери за очередную сказку.

— А я бы им ка-ак дал! — решительно заявил юный принц, когда она закончила.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся отец. — Но лишняя тренировка все-таки не помешает. Надевай-ка свое кимоно и давай на травку, там тебя Ких, наверное, уже дожидается.

— И я каmano, и я каmano, ия-ия-ия! — отчаянно заверещала Фирюза, скатываясь с принцессиних коленок и своим привычным манером — на четвереньках — припуская за названным братом в неизменном стремлении ни в чем ему не уступить.

— Сорвиголова вырастет, — одобрительно заметил Юрг, — вот погоди, отчаяннее тебя будет.

Мона Сэниа сняла свой аметистовый обруч, который постоянно мешал ей расчесывать непослушные, обманчиво жесткие на вид волосы («Ты у меня львица с гривой», — пошутил как-то восхищенный супруг, и

она простила ему неуклюжесть этого комплимента). Юрг очень любил эти минуты, когда ее узкое смуглое лицо с полуопущенными ресницами утрачивало почти постоянную настороженность, и она, молодея сразу на несколько лет, превращалась в замечтавшуюся доверчивую девочку, еще ни разу в жизни никем не обиженную и не обманутую. И, глядя на жену затаив дыхание, он вдруг подумал, что вот такую она никогда сама себя не видела, несмотря на многочисленные зеркала, запретные на Джаспере и потому доставленные в превеликом количестве с Земли.

— Фирюза, Фирюза, — задумчиво пробормотала принцесса, — ведь по нашим законам дальше ее нянчить должны только женские руки. Как быть — ведь Ардинька теперь, наверное, будет всецело занята воспитанием своих племянников.

— Да уж, — ухмыльнулся командор, — наши brave вояки едва ли сгодятся в гувернантки для благородных девиц. Но ведь и все наше семейство ведет жизнь, которую светской не назовешь, и я очень надеюсь, что это status quo в ближайшем будущем не претерпит кардинальных изменений... Так может, и лучше, что они вырастут не просто братишкой и сестренкой, а боевыми товарищами? Ты не находишь?

Но жена, похоже, этого не находила.

— Нельзя отнимать у нее женственности, дарованной ей самой природой, — возразила она. — Не забывай, что рано или поздно ей придется искать себе жениха, и это, надеюсь, будет не наш сын.

— Я... мне кажется, что об этом как-то рановато...

— Типовое заблуждение всех папаш! — Когда она сердилась, между выющимися прядками и гребнем начинали проскакивать зеленоватые искры. — Я даже предложила Паянне на некоторое время переселиться к нам, на Игуану.

— Паянну?! В няньки? Тебе что, мало было этого

долговязого менестреля, от которого ты не знала, как отделаться?

Принцесса резко отбросила гребень и решительно надвинула на лоб свой сверкающий лиловыми самоцветами обруч:

— Ты считаешь, что я недостаточно осмотрительна в выборе воспитателей для наших детей?

— Ох, детка, не заводись. Паянна — милейшая бабка. Только... понимаешь, как бы это сказать... её слишком много. Когда я ее впервые увидел, мне она напомнила ткачиху с поварихой и сватьей бабой Бабарихой в одном лице. — О том, что это лицо вызвало в нем бессознательную неприязнь, он промолчал. — Но если ты уже решила, то когда уважаемая матрона почтит нас своим прибытием?

— Она сказала, что не может оставить старого Рахихорда, и сделала это так, чтобы я поняла: предлагать ей какие-нибудь блага или сокровища бесполезно. Так что, как видишь, на нее можно положиться. Она-то умеет быть верной.

Черные брови командора, так разительно контрастирующие с его соломенной шевелюрой, дрогнули и сложились уголками — в голосе жены он различил плохо скрытый упрек:

— По-моему, мы впервые затронули скользкую тему верности. Уж не хочешь ли ты хочешь сказать, дорогая, что я изменяю тебе с каждой встречной планетой? Хорошо, хорошо, уступаю тебе следующий полет на Сваху, и тогда считаем, что мы квиты. По рукам?

Она быстро наклонила голову как бы в знак согласия, а на самом деле — чтобы он не заметил, как вспыхнуло ее лицо. «Я изменяю тебе...» — Он сам произнес те слова, которые она не могла выговорить даже про себя...

— Так, с бабой Бабарихой мы покончили, вернемся теперь к нашему островному царю Салтану. — Он, как это все чаще случалось в последнее время, даже не за-

метил ее замешательства. — Скажи, что это такое с тобой приключилось, что ты вчера даже не спросила меня, как он назвал своих внуков?

Сэниа почувствовала, что у нее краснеет даже спина. Только бы он не догадался — ведь ревность прилична камеристкам и горничным, но никак не принцессе...

— Прости меня: вероятно, это было предчувствие — ведь в это время, возможно, умирал мой старший брат... — То, что она говорила, отнюдь не было правдой, и ей было мучительно стыдно, что из этих слов она старательно плела завесу, скрывающую давешние подозрения. — Так как же их называли?

Юрг покаянно схватился за голову:

— Ох, Сэнни, это ты прости меня, бегемота толстокожего! У меня самого ведь никогда не было братьев и сестер. Могу представить себе твою горе...

Так. Довыкручивалась. Не хватало еще горе изображать.

— Нет. — Она решительно потрянула головой. — Предчувствие беды у меня — не редкость. А что касается сестринской печали... Я любила только младшего. Что касается остальных — ты и представить себе не можешь, сколько я от них натерпелась. Девчонка, которая в нарушение всех традиций лезет в фехтовальный зал — да они попросту лупили меня чуть не до потери сознания, хорошо еще, не по лицу. Отучали. Если бы не тайные уроки Иссабаста, я никогда и не смогла бы драться с ними на равных. А их вмешательство в мои отношения с Асмуром? Я ведь тогда чуть своего крѳа не угрохала. Так что родственных чувств ни к ним, ни к папеньке я никогда не испытывала — далекие, абсолютно холодные ко мне люди. Царедворцы-диктаторы. И сменим тему.

— Сиротинушка ты моя, теперь я понимаю, с какой радости тебя носило по всему нашему созвездию — повашему Кентавров Скелет, если я не ошибаюсь?

— Костлявый Кентавр. Так что там с наречением наследных и ненаследных внучат?

Понятно. Супруге не терпится сменить тему.

— Все чин-чином, детишек поименовали в лучших тутошних традициях: имя девочки должно быть созвучно с материнским, а мальчика — с отцовским. Поэтому девчущку назвали Шеллишень. Красиво?

— Похоже на грустный вздох под шелковым покрывалом. А мальчиков?

— Старший получил звучное имя: Орхео. Будущий король Орхео — великолепно? Я тоже так полагаю. Зато младшенькому вместо приличного имени досталась прямо-таки нескладушка-неладушка: Микльхео. Почему-то это напомнило мне какую-то мелкую монетку. Если добавить к тому же, что он, как и папенька, рыж до непристойности, то надо упрекнуть судьбу в явной к нему несправедливости.

Мона Сэниа поднялась, из вороха одежды, сваленной на кресле, вытянула за рукав походную куртку.

— А тебе не кажется, что этим нелепым именем Алэл хотел подчеркнуть, что младшему никогда не быть королем?

Юрг только пожал плечами — собственно говоря, проблемы престолонаследия на Первозданных островах его мало волновали.

— Очень даже на то похоже. Хотя, честное слово, ума не приложу, за что такая немилость... Э-э, минуточку, куда это ты спозаранку?

— Если память мне не изменяет, ты сам совсем недавно уступил мне следующий полет на Сваху. Или нет?

— Или да. Но учти: я почел себя оскорбленным. Так стремительно удирают только от старых и надоевших мужей.

Она наклонилась, натягивая сапожки.

— Меня научила Паянна... Да-да, не удивляйся — она очень мудрая баба Бабариха, а я еще не вышла из

ученического возраста. Надеюсь. Так вот, она посоветовала мне лечь на травку и, глядя в небо, представить себе, что именно мы ищем на Свахе. И тогда само собой станет очевидным, где это спрятано.

— А здешние колокольчики тебя в качестве ковра не устраивают? — фыркнул раздосадованный супруг.

— Желательно, муж мой, любовь моя, чтобы сей мыслительный процесс протекал в одиночестве. Так что не волнуйся за меня, я даже не буду заниматься никакими поисками — просто окунуться в тамошнюю тишину и постараюсь сосредоточиться.

Он обнял ее за плечи и осторожно притянул к себе:

— Сэнни, малыш мой безрассудный, заклинаю тебя всеми добрыми и недобрыми созвездиями твоих Анналов: будь предельно осторожна. Если что-нибудь и надумаешь — не бросайся в очередную авантюру, не посоветовавшись со мной.

«Авантюра» — это уже было что-то новенькое. По лицу принцессы скользнула тень.

— Я напрасно напомнила тебе о своем возрасте: кажется, у тебя появилось желание впредь обращаться со мной, как с ребенком. А это даже моему отцу...

— Вот, кстати, и о нем! Сэнни, не забывай, что он — все еще во власти пернатой нечисти. Возможно, обращаясь к тебе, он выполнял не что иное, как их приказ.

Она выскользнула из его рук:

— Ты даже не слушал меня внимательно: в гибели своих сыновей он ведь и обвинял именно крэгов! Так как же эти твари могли быть рядом с ним, когда он это говорил?

Он грустно улыбнулся:

— Ты же этого не видела, не так ли? А слепое повиновение прекрасно камуфлируется обвинениями. Где лучше всего спрятать горящую свечу? Так вот: на пожаре. Об этом тоже подумай. В любезном тебе одиночестве.

Мона Сэниа озадаченно нахмурилась. Как там советовала Паянна: «Выдь во чистую степь, ляжь на землю лицом кверху, чтоб Незакатное твои думы грело...» А если тут и не душистая степь вовсе, а слоистый камень, покрытый, как древней патиной, лишайными узорами какой-то накипи, подозрительно похожей на помет свахейских таракашек. Так что укладываться наземь отнюдь не тянуло.

Ну а что касалось Незакатного, греющего душу или что там еще, так с этим и вовсе тупик (в таких случаях ее звездный эрл, осердясь, частенько употреблял неведомое ей словечко «абзац», имея в виду, вероятно, маленького зловредного тролля, обитающего только на Земле). Здешнее солнышко, словно обиженное тем, что его непочтительно наименовали Совроком, постоянно пряталось за ползучими облаками, которых так и тянуло с объединенного ветрами хребта в тепленькую ложбину, как муравьев на мед.

Так что ничего из Паянниного совета не получалось.

И ощущение полного одиночества не приходило; хотя сопровождавшие ее дружинники остались возле кораблика наверху, на широком карнизе, опоясывавшем каменное «корыто», ей все-таки казалось, что здесь, в теплой парной глубине затуманенной долины присутствует кто-то незримый. Может, это были духи существ, подобных ёт-Хриёр-ёту, властвовавших над потаенными силами, которых, увы, оказалось недостаточно, чтобы спасти этот обреченный мир.

Она запрокинула голову, вглядываясь в беспокойно вихрящийся туман. Он медленно расступался, но не редел, так что она вдруг увидела себя как бы внутри громадного сферического сосуда, по стенкам которого причудливо змеились контуры мгновенно возникаю-

щих и так же неуловимо исчезающих набросков; это напомнило ей детскую привычку отыскивать в стремительно летящих по небу облаках то очертания отцовского замка, то силуэты крылатых коней, то неуловимый очерк никогда не виденного женского лица — наверное, материнского...

Впрочем, зубчатые стены и облачные ладьи чудились ей и сейчас. Она встрепетнулась: ведь если постараться, то можно углядеть в этой капельной метели все, что угодно... даже искомый амулет. Но, словно напуганное этой ее мыслью, мельтешение невесомых капелек разом замерло, и теперь окружающая ее туманная сфера, только что таившая в себе мириады зыбких образов, превратилась в полый студенистый шар, на внутренней поверхности которого не проглядывало ни единого узора. Словно властелин хоровода туманов дал ей понять: то, к чему ты стремишься, в этой бесчисленной череде образов просто отсутствует.

Она сцепила на груди руки, сосредотачиваясь. Нет, это не наваждение. Это прямые ответы на ее вопросы. И если она права в своей догадке, то достаточно подумать: «Повелитель здешних туманов, покажи мне место, где спрятаны талисманы древних волхвов...»

Ее мысль не успела обрести форму четких, хотя и не произнесенных вслух слов, как искрящийся туман пришел прямо-таки в неистовство Капли, брызжащие осколками крошечных радуг, метались с неуловимой для глаза быстротой, складываясь в столь причудливые формы, что мона Сэниа не успевала их распознать — они молниеносно уносились ввысь, таяли, исчезали...

И вот уже тумана не было, только беспросветно хмурое небо нависало над горными складками, словно высматривая крошечную по сравнению с ним самим долину и злокозненно примериваясь, как бы это поточнее выплеснуть в нее весь груз неживой свахейской воды, накопленный в пухлых дымчатых тучах.

Ну вот и все. Померещилось. Не было никаких ответов, потому что отвечать на ее вопросы тут некому — разве что допустить, что здешние белые тараканы способны и мысли читать, и туманом управлять...

Ты глупый, нетерпеливый, непоследовательный ребенок.

Вот именно. Стоит еще добавить: не способный командовать звездной дружиной.

Командовать-то нетрудно... Только вот — как? Почему-то среди тех, о ком ты вспоминаешь, так много отошедших в вечность...

Кровь бросилась ей в голову таким неистовым толчком, что казалось — сейчас она брызнет из глаз. Ну при чем здесь это? И почему — сейчас?..

А память уже перечисляла: первым был Асмур, ее супруг, так и не ставший мужем. Потом — юный паж Гаррэль. И синеглазый Скюз, несравненный стрелок. И огненнокудрая Таира, прозванная Светлячком. И необузданный в своих невыполнимых желаниях князь Оцмар. И злополучная Касаулта, давшая жизнь Фирюзе. И, скорее всего, самозванный рыцарь по-Харрада, заброшенный ею в необозримую топь, освещенную злой зеленой звездой...

И даже лживый многоликий Кадьян. Единственный, кого она сейчас вспомнила с удовлетворением.

Но это воспоминание о справедливом возмездии подействовало на принцессу отрезвляюще, точно ушат весенней морской воды. Еще бы к этому списку и тихрианского джаяхуудлу причислить, павшего от когтей и клюва бесстрашной Гуен в Ущелье Медового Тумана. И вообще, дело движется к старости, царственная мона — ты уже начала разговаривать сама с собой...

А вот к себе самой неплохо бы прислушиваться почаще.

В самую точку. И первое — покончить с этим без-

дельем. Сколько времени потеряно по милости чьих-то добрых советов!

— Флейж, Сорк!

Славные дружинники, которым было велено сидеть в кораблике, не высывая носа, дабы не нарушить плавного течения мыслей высокородной моны, предстали перед нею, торопливо рассовывая что-то по карманам. Ну, понятно, эти от скуки не изнывали — не иначе как осваивали еще одну какую-нибудь типично земную забаву, вроде покера на восьми костях с виртуальным сносом, память о космодромном времяпрепровождении их командора.

— В долине имеются еще не вскрытые курганы?

Флейж скептически глянул на разворошенные холмики, лежавшие на дне того естественного зеленого корыта, которое он же сам и обозвал Урочищем Белых Тараканов:

— Имеется парочка, — ответил он с не вполне допустимой развязностью, привитой им всем излишним демократизмом командора. — Только все без толку...

Он зябко повел плечами, что свидетельствовало о том, что это гробокопательство ему не очень-то по душе.

— В чем дело? — жестко спросила принцесса.

— Так большого фонтана еще не было, вот-вот рванет.

— Доблестные мои воины боятся промокнуть? Ну так и быть, возьмите один кораблик, чтобы заслониться от брызг.

— Кипяточек ведь, как-никак, — смущенно пробормотал Флейж.

Кипяточек, как же! Она прекрасно понимала, что все дело в новеньком камзоле, темно-зеленом, как...

Как у покойного Оцмара.

— Выполнять! — крикнула она, и дружинников как ветром сдуло. Распустились, красавцы. Ну эти при деле,

а она-то сама? После всех этих туманных видений рыться в земле ее не тянуло — почему-то сложилось убеждение в том, что эта долина не принесет им больше никаких открытий. Отправиться на новое место? Но куда? Это требовало обдуманного, расчетливого решения, а ей сейчас хотелось побаловать себя исполнением какого-нибудь собственного каприза. Как в юности: захочу — и да будет так!

Но память непрощенно высветила другую юность. Рыжекудрая избалованная девочка, беспечный Светлячок. Тоже ведь жила по закону каприза. Ну и до чего дожила?

Довольно! Только и доставало, чтобы собственная память вмешивалась со своими никчемными предостережениями. Ненаследной принцессе не пристало оглядываться на судьбы простых смертных. Достаточно того, что такова ее королевская воля.

Она запрокинула голову, пытаясь отыскать хотя бы смутный намек на искристый туман, который порой оказывался таким фантасмагорическим, хотя и бесполезным подсказчиком, и вдруг обнаружила, что тучи редели, истончаясь прямо на глазах, и вот уже в просвете между ними показалось бледное молочно-голубое небо.

Впервые за все время, проведенное на дождливой Свахе... И тут словно белая ледяная молния мелькнула перед глазами: все время, проведенное на Свахе!

Лазурное оконце так и притягивало, так и звало окунуться в его бездонную голубизну, за которой крылась привычная чернота Пространства. Как же раньше это не пришло ей в голову? Ведь там, невидимые на дневном небе, совсем близенько плывут еще Невеста и Жених, такие мерцающие и притягательные, какими она год назад видела их, примериваясь к первой посадке на Сваху. Жених действительно был недопустимо близок к Совроку, на такие планеты не высаживались

даже самые безрассудные сорвиголовы. Но Невеста — другое дело, на нее один раз спустились Юрг с Эрмом; правда, оба тогда даже не вышли из кораблика, как потом объясняли — боялись изжариться. Кустики чахлые наблюдали с серебряными листьями, колючий лишайник. И все. У командора был с собой какой-то земной амулет — глянув на него, Юрг категорически заявил, что под таким излучением никакая разумная жизнь не возможна. С тем они и убыли, чтобы прочно и надолго обосноваться на Свахе.

Но там, где невозможна земная жизнь...

— Сорк, Флейж, приглядитесь к этим курганам повнимательнее, а я здесь (хм, здесь!) кое-что разведваю. Небо проясняется, так что я поднимусь повыше над горами, погляжу, нет ли еще такой же долины. Если что — я в кораблике, пошлете туда голос.

И она была в кораблике. Только теперь кораблик висел не над каменистыми склонами прохладной Свахи, а над нестерпимо прожаренными пустынями лучезарной Невесты.

И у мужа не спросясь?

Вот именно. Захотела — и полетела. Потому что такова ее королевская воля.

С поднебесной высоты было нетрудно различить, что бесконечное выжженное плоскогорье, рыжее, как лисья шкура, полого сбегало в обе стороны от подножья экваториального хребта и широким безжизненным кольцом опоясывало всю планету. Здесь садиться было бессмысленно, хотя ее звездный эрл, возможно, и допустил именно такую ошибку, считая, что только при свете дня он сможет здесь во всем разобраться. Она уверенно направила свой кораблик вниз, минуя мрачные изломы хребта, оттененные аспидными провалами ущелий, и нацеливаясь на невообразимо громадную пестрокрапчатую шапку, укрывавшую макушку Невесты. Загадочные, сверкающие, точно рыба

чешуя под ослепительным солнцем островки среди тусклых черных, рыжих и шоколадных пятен — не было ли это озерами соленой воды?

Ей пришлось спуститься еще ниже, и тогда она поняла, что ошиблась: под ней были скалы, небольшие, торчащие поодиночке, точно чудом уцелевшие башни разрушенных замков, сходство с которыми подчеркивали их плоские верхушки. Об открытой воде в таком пекле, естественно, и речи не могло быть, а вот громадные, отсвечивающие на солнце купола, слишком крупные, чтобы состоять из слюды или металла, вызывали острое любопытство. Но опыт подсказывал ей, что садиться на солнечной стороне немислимо — носа из кораблика не высунешь.

Ей пришлось переместиться в предутреннюю тень, инстинктивно стараясь держаться подальше от устрашающих размеров луны, а потом еще изрядно покружить над скальным хаосом, прежде чем она смогла выбрать наконец пяточок, еще не тронутый восходящим солнцем, куда можно было опустить свой кораблик.

Не выходя наружу, она сквозь прозрачные стенки жадно разглядывала новый для нее мир: разгорающийся восход озарил его тем сиреневато-розовым свечением, которым наполняется небо в краткие минуты между закатом луны и явлением дневного светила. И этим минутам нельзя доверять, потому что они заставляют видеть незнакомый мир беспрельдно прекрасным, каковым он на самом деле быть, естественно, не может.

Она стряхнула с себя рассветное очарование, возвращаясь к роли опытной звездной разведчицы. Первое правило уже выполнено: высаживаться на незнакомую планету в той полосе, где царит предрассветная тишь, и гипотетические представители местной фауны не изготовились еще к дневной охоте. Впрочем, у нее не было надежды на встречу с каким-нибудь достойным плотоядным противником, а жаль: закон, зап-

решающий охоту в диких лесах Игуаны, установленный кем-то из слабонервных королей Первозданных островов, заставлял ее тихонечко вздыхать по лихим набегам на королевские охотничьи угодья, которые она совершала в беспечной своей юности вместе с младшими братьями. Но ведь кто-то, хотя бы крошечные букашки, могли здесь обитать? А, была не была!

Прозрачный люк, повинувшись мысленному приказу, беззвучно раскрылся. Струя жаркого сухого воздуха коснулась лица принцессы, точно здешний мир лизнул ее доброжелательным невидимым языком. Ну и как после такого приветствия было не вылезти наружу?

Она это и сделала, торопливо убеждая себя, что — только на минуточку.

Люк, тихонечко причмокнув, послушно замкнулся за спиной — в случае опасности он уже не понадобится: в любой момент она может очутиться внутри кораблика, недостижимая для любой надвигающейся беды. Теперь, ступив наконец на незыблемую каменистую почву, она прямо перед собой увидела то, что сверху принимала сначала за озеро, потом за слюдяную поверхность загадочного купола; теперь же стало очевидно, что это просто небольшая гора, пожалуй, чуть повыше, чем Асмуров замок. Кажущаяся сверху ровность еще не освещенной солнцем серебристой пелены, устлавшей округлый холм, тоже оказалась обманчивой: это была очень крупная, жесткая листва, принадлежавшая раскидистым деревьям, вздымавшимся на высоту полета пущенной вверх стрелы.

Оазис. Живая роща, непонятно за счет чего уцелевшая в этой каменной пустыне. И не совсем обычная роща: странным образом все листья были повернуты ребром к небу, словно для того, чтобы пропускать сквозь свою кольчужную сетку свет оседающей за горизонт гигантской луны.

И уж совсем таинственным было призрачное зеле-

новатое свечение, теплившееся в подлиственной глубине.

Бесшумно ступая, она приблизилась вплотную к свисающему до самой земли щетинистому листовенному пологу. Осторожно протянула руку в боевой перчатке. Торчавшие ребром, точно изготовившиеся для режущего удара, серебристые листья царапнули по рукаву жавровой куртки, издав тот нестерпимый для слуха скрежещущий звук, словно она задела ножом по стеклу. Она отпрянула и на всякий случай включила фонарик — и тотчас же там, где высветился желтый кружок, все листья начали с мертвенным скрежетом медленно обращаться к свету своей глянцевиной поверхностью, образуя непроницаемую броню.

Она почесала нос, прикидывая, есть ли у нее еще немного времени на то, чтобы попытаться проникнуть под этот панцирный полог — и замерла: из глубины древесного массива до нее донеслась несомненная звериная возня: шелест, причмокивание, затяжные вздохи, похожие на зевки; эти звуки она распознала безошибочно — так громадная кошка, пробудясь после сладкого сытого сна, вылизывает себе лоснящуюся шерсть. Еще не зная, отступать ей или приготовиться к долгожданной охоте, мона Сэниа осторожно достала десинтор и перевела его на ближний бой. Однако презентовать мужу такой охотничий трофей — это наверняка схлопотать себе очередное ограничение полетов. Уж лучше ретироваться подобра-поздорову, и поискать живность помельче и желательно — где-нибудь подальше отсюда.

Она сделала скользящий шаг назад, и в этот миг до нее донеслось нежное и жаркое:

— Любый мой...

6. И лавина снегов...

Легкий, размашистый шаг. Вперед — назад. И снова вперед — назад. Только несчастные колокольчики похрустывают. Постукивают костяшками сжатые кулачки. Что же теперь сказать Юргу? И как? Слетала так, на минуточку и без мужнина ведома на Невесту, и что уж совсем недопустимо — без обязательного эскорта. Кстати, ничего ведь и не случилось, няньки ей не нужны, не то что некоторым...

Между прочим, надо бы поторопиться, пока все семейство не вернулось с вечернего купания. Гнев командора (если честно себе признаться, то справедливый) будет страшен. Пережить такое желательно при минимальном количестве свидетелей. Лучше бы и вообще без оных. Так что наилучший вариант — подождать до позднего вечера, нежаркое (по сравнению с невестийским) джасперианское солнышко все равно уже движется к закату. Пожалуй, в качестве предварительного извинения за самовольство стоит учинить не то чтобы маленький пир, но изысканный ужин, можно даже велеть Эрму, чтобы прислал из замка ее любимые канделябры с подставками из лилового порфирита...

А вот что будет после ужина, заранее загадывать не надо — тут уж ей поможет ее прирожденная склонность ко всяким упоительным экспромтам; и только после всего этого, когда она почувствует, что у ее нежного супруга и грозного повелителя не осталось уже никаких сил на командорский гнев, она спохватится: а кстати, дорогой, еще сюрпри-и-из...

Она остановила наконец свое нервное кружение — уж если речь зашла о канделябрах, то стол следует накрыть в шатровом покое. И поскорее.

Принцесса перенеслась туда и суетливо принялась за дело, с легким вздохом отмечая про себя, что у некоторых женщин это получается автоматически. А она

впервые ломает голову над тем, как не то чтобы обмануть мужа — да спасут ее от такой мысли все древние боги! — а всего лишь оттянуть до ночи неизбежное признание. И во всем теле такое ощущение, словно по жилам растекся сок незрелых кислых ягод.

Кстати, неплохо бы пошущукаться на эту тему с обаятельнейшей Ушинюшкой — вот уж кто умеет поддерживать в семье атмосферу безмерного согласия и радушия. Но это потом. А сейчас...

Она круто повернулась на каблуках — и остолбенела: на пороге ее дома четко означился силуэт громадного нахолившегося крэга.

В первый миг ей показалось, что это — поводырь ее отца; но крылатый монстр встряхнулся, как обыкновенная курица, и медленно поднял изящную тонкоклювую головку. Что-то сверкнуло и заискрилось над нею, точно хрустальные иглы, и мона Сэниа с ужасом поняла, что это — венец.

Страх был не за себя — она уже пережила весь кошмар подчинения такому чудовищу; но уж если венценосный крэг рискнул предстать перед ней, то, значит, он хорошо обдумал, кому и чем он будет угрожать. Потому что просто так, для светской беседы, крэги не являются.

Вероятно, обладатель искрометной короны ждал от нее приветствия — что ж, пусть подождет еще. Из хоронушек детской памяти всплыло королевское наставление: как правило, в дипломатических стычках проигрывает тот, кто начинает.

Молчание затягивалось.

— Подойди, — прозвучал наконец хриловатый, как у старого ворона, голос.

— Я отчетливо тебя слышу, — с ледяным спокойствием произнесла принцесса, не трогаясь с места. — Говори.

— Ты меня боишься?

Брови под аметистовым обручем насмешливо дрогнули. И только. Другого ответа и быть не могло.

— Ну хорошо, — примирительно согласился крэг. — Я думаю, твой отец уже сообщил тебе, что некогда счастливый Джаспер раздирают мятежи и смуты.

— И ты решил поставить это в вину мне? — прозвучало почти презрительно.

— Вина в том твоего отца и твоего супруга. Но с твоей помощью мы надеемся исправить то, что они принесли твоей родной земле: один — своей неспособностью править, а другой... другой — просто своим появлением на Джаспере. А теперь твоим именем должны быть восстановлены закон и порядок, добро и свобода.

Ой, какие слова-то хорошие...

— Моим именем вы уже пытались это сделать. В результате я — здесь, — с горечью констатировала принцесса. — В чем-то вы оказались не так уж мудры, как сами себя посчитали.

— Да, — просто согласился венценосный повелитель всех крэггов. — Каждая подвластная нам планета требует уникальной специфики управления, и мы добиваемся своих целей методом проб и ошибок. Это наиболее дешевый способ, хотя он и требует значительных временных затрат. Но у нас ведь в запасе целая вечность.

Про вечность она уже один раз слыхала — на Тихри. Сейчас гораздо интереснее было бы узнать, в каких это величинах они оценивают дешевизну... Но она снова воздержалась от замечаний, вкладывая в это молчание все свое высокомерие, за которым только и можно было укрыть неистребимый материнский страх. Ведь если что — ее десинтор остался на лугу вместе с курткой, а Гуен, занимающая сторожевой пост на верхушке шатрового корабля, не может видеть того, кто расположился на его пороге. Значит, надо тянуть разговор, пока с моря не вернется хоть кто-нибудь — ведь ни Юрг, ни дружинники никогда не расстанутся с оружием. А звать их на по-

мощь опасно — неизвестно, что может мгновенно выкинуть эта летучая мразь... или тот, кто переправил крэга сюда.

Но экс-поводыри джасперян не любят долгих разговоров.

Повелитель всех крэгов тоже, похоже, понял, что пора переходить к сути:

— Я решил, что старого короля следует заменить.

Однако! Обычно это решают не крэги. Хотя... В истории королевства много темных мест.

— Но все твои братья так же слабовольны, празднотлюбивы и узколобы, как и он.

Если бы это посмел произнести кто-нибудь из рода людского!.. Но перед нею был не человек.

И притом — куда он клонит?

— Сожалею, но ни у одного из моих братьев нет сыновей, — как бы между прочим бросила она.

— Да. И я это знаю. — Это прозвучало, как приговор.

Но тогда оставалось одно — немыслимое, ошеломляющее, долгожданное: освобождение от островного плена!..

— На Джаспере существуют вековые законы престолонаследия, — произнесла она твердо, — и я первая стану на их защиту.

— Я слышал, что твоих братьев преследует злой рок; когда никого из них не останется в живых, наследник престола определится сам собой.

— Его Величество король Джаспера сообщил мне об этом. — Она собрала всю свою волю, чтобы не позволить кипевшей ненависти вылиться в словах. — Ты убиваешь моих братьев. Но рано или поздно кто-нибудь из них окажется сильнее тебя!

Послышалось что-то вроде сорочьей трескотни — это в горле крэга перекачивались ледяные горошинки пренебрежительного смеха.

— И ты всерьез на это надеешься? Напрасно. Тем более что мы не унижаемся до грязной работы. Принцев губит их собственное легкомыслие и самодовольство. И пока действительно не поздно, у тебя есть единственная возможность оставить своему отцу хоть какое-то утешение в одинокой старости.

Ну вот дошло и до прямых угроз. Она надменно вскинула голову:

— Венценосный повелитель крэгов опускается до шантажа?

На этот раз смех летучей твари был более похож на человеческий.

— Когда вы сами ставите ловушки для тараканов, то вряд ли оцениваете свои действия с этической стороны... Тебе просто предоставлен выбор.

— У меня нет выбора. Мои братья — мужчины, и я не унижу их, заслоня своей юбкой. Что же касается моих прав на престол, то ты по скудоумию своему забыл, что я отреклась от родства с королевским домом!

Увенчанная искрящейся короной головка склонилась набок, словно крэг оглядел женщину с головы до ног.

— А я и не предлагаю тебе стать королевой, Сэниа-Юрг. Нарушив правила престолонаследия, ты вызвала бы еще боувльшие смуты. Нет. Королем будет провозглашен твой сын, а ты только будешь править от его имени, пока он не достигнет совершеннолетия.

Она ожидала всего, но — только не этого. Впервые она задохнулась, не находя слов.

— Но это не означает, что твое изгнание закончилось. — Голос крэга стал еще более скрипучим и монотонным, словно перо царапало по пергаменту, перечисляя параграфы унижительного договора. — Юный король может поселиться в любом из замков по твоему вкусу, вместе с дружиной и воспитателями. И здесь выбор за тобой. Но сама ты будешь рассылать прика-

зы и повеления, не покидая Лютых островов, а поскольку править страной издалека будет нелегко даже для твоего ума, достаточно острого для человека, ты будешь советоваться со мной. Я сказал все. Даю тебе день на размышление. А теперь перенеси меня на верхушку башни, что стоит в саду твоего замка на Равнине Паладинов.

— Мне не придется думать и одной минуты, чтобы дать тебе ответ, — голос принцессы звенел, как лед под острием меча. — Мой сын носит титул Принца Трех Планет, и другого ему не надобно!

Перья на плечах громадного крэга зашевелились и угрожающе поднялись торчком:

— Берегись, Сэниа-Юрг! Вспомни время, когда твой сын находился в нашей власти...

Вспомнить она не успела — что-то стремительное, полыхнувшее голубым отсветом, возникло в дверном проеме, и черное облако крэговых перьев разом вздыбилось и судорожно забилося в конвульсиях, медленно оседая на пороге. Тяжелый боевой нож, воткнувшийся в ковер возле ее ног, звенел, истекая вложенной в него яростью, но из бесформенной массы, похожей на выпотрошенную подушку, не слышалось больше ни звука.

Жуткое воспоминание всплыло в памяти принцессы: удар аметистового клюва, нацеленный в ее лицо, и мертвящий холод заклятия, растекающийся по всему телу...

Крэги, как и люди, умирают не мгновенно.

— Не подходите! — крикнула она. — Кто бы там ни был — не приближайтесь к нему!

Но сама, превозмогая скорее отвращение, чем ужас, сделала два скользящих шажочка вперед, вытягивая шею и слегка пружиня, чтобы в любой миг отпрыгнуть, перелетая в безопасное место через спасительное *ничто*.

Но все было кончено, во всяком случае, для того, кто еще несколько мгновений назад был — или казал-

ся самому себе — вершителем судеб целой планеты. Изящная головка с потускневшим венчиком валялась на полу, срезанная безошибочным ударом. Пожалуй, на такое был способен только Флейж, непревзойденный мастер короткого клинка.

— О древние боги, давшие мне такую дружину, благодарю вас! — прошептала она почти беззвучно.

Не в силах переступить через то, что стало теперь только прахом бывшего величия, мона Сэниа сделала шаг в сторону, мгновенно переносясь из шатрового покоя на неувядающий ковер Бирюзового Дола.

— Флейж! — крикнула она. — Мой несравненный Флейж!..

И обомлела: на лазоревом лугу, тяжело опираясь на правый локоть, лежал укутанный плащом человек. По тому, как застыла в воздухе его левая рука, нетрудно было догадаться, что именно ею и был пущен смертоносный кинжал. В следующий миг эта рука безвольно повисла, а неведомый гость ткнулся лицом в траву, издавая какие-то жалкие, поскуливающие звуки.

И почти одновременно из привратного кораблика выскочил Дуз, отряженный сегодня в караул (как всем казалось в последнее время — занятие абсолютно бесполезное; ошибались, однако), а рядом с ним появились Борб, Ких, Пы и командор с малышами на руках — все полуголые, мокрые, встревоженные ее предостерегающим криком, разнесшимся по всей Игуане.

И, тролль их побери, все, кроме Дуза — без оружия. Зато последний молниеносно рванулся вперед и заслонил собой командора и детей.

Незнакомец, упавший так, что драный плащ почти целиком скрывал его, снова издал звук, похожий на бляенье ягненка.

Юрг и Сэниа ошеломленно уставились друг на друга.

— Эт-то кто?.. — проговорила принцесса, слегка за-

икаясь; зубы ее постукивали не от страха, а скорее от какого-то запредельного изумления.

— Узнаю знакомые сапожки... — пробормотал Юрг, осторожно передавая притихшую детвору Борбу. — Ну-ка, перенесем его...

— Только не в дом! — успела крикнуть мона Сэниа.

— ...в караулку, — мгновенно перестроился командор. — А в доме что, тоже сюрприз?

— Вот именно, — она кивнула на узкий проход между двумя малыми корабликами, ведущий к распахнутой двери в центральный шатровый покой. — Только близко не подходи.

Бесформенный ворох тусклых перьев был в тени едва различим, и Юрг, шлепая босыми ногами по нагретой весенним солнышком траве, двинулся в указанном направлении. Разглядев, что к чему, остановился и присвистнул.

— Я вижу, здешнего зоопарка поубавилось, — произнес он с явным удовлетворением. — Декапитация — лучшее средство от куриных блох. Узнаю твердую руку моей боевой подруги.

— Это не я. Это — он.

Она все еще не решалась признать в незнакомце так долго пропадавшего неведомо где тихрианина. Но, точно в ответ на ее слова, белые сапоги, торчащие из-под плаща, дернулись, и тотчас раздался требовательный вопль — так верещать мог только вконец изголодавшийся младенец.

— Елки-палки, да он что, сбрендил до полного впадения в детство? — пробормотал командор.

Но принцессу уже мало волновало психическое состояние гостя: мать, еще совсем недавно кормившая грудью собственного малыша, слышала только голос голодного ребенка. Ни секунды больше не раздумывая, она ринулась к лежащему человеку и перевернула его на спину.

Харр. Исхудалый, как-то посеревший, состарившийся на десяток лет. Под когда-то роскошным джасперианским плащом — обрывки веревок, какое-то рубище и... древние боги! Темнокожий младенец, притороченный к его поясу.

Она с трудом выдрала малыша из опутывающих его тряпок и краем глаза успела заметить отчаянное выражение на лице супруга, схватившегося за голову. Еще одно чадо!

Славная дружина, правда, ни за что не хваталась, но глаза у всех четверых были на лбу.

— Ну что вы все, остолбенели? Ких, бадью теплой воды! Дуз, скорее за козьим молоком, одна нога здесь, другая — там! Юрг, приведи в чувство этого... О, локки полосатые, Флейж и Сорк, вы еще на Свахе? — Пришлось на миг представить себе тараканью долину. — Бросайте все и быстро сюда!

Она уже привычно качала младенца, а тот успел поймать ее палец и теперь упоенно его сосал.

— Эрм, ты слышишь меня, Эрм! — Теперь ее голос пронесся по всем закоулкам замка Асмуре и окрестным садам, где нес свою почетную службу управляющий всем этим обширным хозяйством Эрромиорг.

«Я слышу тебя, госпожа моя», — тотчас же донесся перелетевший через ничто почтительный отзыв.

— Быстро отыщи в кладовых какой-нибудь сундук с крепким замком, а еще лучше большой котел с крышкой, и вместе с этим — в Бирюзовый Дол. Не медли.

На лазоревом лугу уже кипела давно не виданная здесь суета; и только сам ее виновник все еще пребывал в полной прострации, уставясь бессмысленными, как у собственного отпрыска, глазами в лучезарное повесенному небо Джаспера. Юрг, пренебрегая малогабаритной посудой, прямо из кувшина осторожно вливал ему в рот собственноручного производства самогон, настоящий Ушинью на заповедных травах, и только

по учащающимся глоткам можно было догадаться, что пациент мало-помалу приходит в себя. Наконец он вскинул исхудалую руку и цепко обхватил горлышко кувшина — рука заметно дрожала, но добрый первач потек щедрой струей и мимо рта, как ни странно, не пролилось ни капли.

Опустевший кувшин глухо брякнул о землю. Юрг на глазок прикинул объем выпитого и облегченно вздохнул: похоже, с бродячим менестрелем все было в порядке. Он перенес свое внимание на голенького младенца, пригревшегося на руках жены, и невольно почесал в затылке. По срокам — как-никак, а почти год прошел — вроде бы все сходилось, но вот цветом кожи мальчонка был не совсем в предполагаемого отца: гораздо светлее, чем все тихриане, но заметно темнее Юхани, он больше всего походил на молочную шоколадку.

Недоумение вызывали и слипшиеся черные волосенки, упрямым треугольничком спускающиеся на лобик до самого переносья — это придавало малышу сходство с каким-то лукавым обезьянышем. И с кем это путался неугомонный бродяга в своих экзотических странствиях?

А может, это вовсе и не его отпрыск...

На всякий случай Юрг похлопал по черной щеке, приводя менестреля в чувство:

— Эй, Харр, дружище, твой малец, что ли?..

Странствующий рыцарь, не меняя горизонтального положения, повел безразличным взором вбок, на замершую в ожидании ответа принцессу; похоже было, что он никого не узнает. Потянулась тягостная пауза.

— А то, — проговорил он наконец с безграничным равнодушием и, ткнувшись носом в захрустевшие колокольчики, захрапел.

— Да он пьян, как свинья! — возмущенно крикнула Сэнни.

— Ты же сама распорядилась привести его в нор-

му, — отпарировал Юрг. — И потом, мне кажется, тут виновато не только это пойло: бедняга прошел через что-то такое, чего его рассудок просто не может вынести. Отсюда и ступор, как спасение от перспективы свихнуться бесповоротно. А посему для него сейчас лучший эскулап — это время, и я предложил бы не трогать сии бранные останки как минимум до утра.

— Кстати, о бранных останках...

Суэта тихонечко сходила на нет. Безымянный малыш, впервые в жизни по-настоящему отмытый и наевший себе тугое шоколадное пузечко от щедрот игуанских коз, безмятежно сопел в перламутровой колыбели, которая обрела уже третьего по счету хозяина (по этому поводу Юрг уповал на допотопного бога собственных предков, который любил считать только до трех, пренебрегая всеми остальными числами натурального ряда). Старшеньких непреклонная мамаша разместила в подвесных гамаках — пусть привыкают к суровой жизни, еще неизвестно, как обернется их дальнейшая судьба.

Харр, неощутимо для себя передвинутый к прозрачной стеночке караулки, дабы не осквернял ночной покой оглушительным храпом, излечивал душевные муки непробудным сном, укутанный по распоряжению принцессы полудюжиной плащей — на случай, если за истекший год он успел привыкнуть к тропическому климату.

А вот участь бранных останков еще так недавно всевластного повелителя крэгов вызвала затяжной спор. Сервы-уборщики старательно собрали все до единого перышка и загрузили этот почти невесомый мусор в громадный медный котел, откопанный Эрроми-оргом в невообразимо захламленных чуланах подведомственного ему замка; после того, как крышка была наглухо завинчена и залита смолой, он предложил (вероятно, по ассоциации с цветом посудыны), захоронить

покойного в заслужившем недобрую память Ущелье Медового Тумана.

Предложение было отвергнуто Юргом, знавшим историю многочисленных и не всегда общественно-пристойных вакханалий, имевшие место на его собственной планете вокруг гробниц почивших тиранов.

Флейж, юмор которого порой приобретал мрачноватые оттенки, предложил сварить из птички студень — уж очень к тому располагал сам котел! — и скормить свиньям; этот вариант не прошел не столько из сострадания к невинным парнокопытным, сколько из-за цепочки последующих проблем — а кто, спрашивается, согласится закусывать ветчиной, имевшей столь своеобразную предысторию?

Юрг, не подумав хорошенько, брякнул, что медному ковчегу со всем его содержимым самое место на дне морском, и желательно где поглубже; но тут же сам отменил собственный вариант из высших экологических соображений, опасаясь загрязнения водной среды Джаспера. К тому же котел — не Титаник, его ведь запросто и поднять можно. А реанимационные способности крэгов, как показывал многовековой опыт Тихри, были обширными и неизведанными. Так что, памятуя бесславную участь Гришки Отрепьева, он настоятельно рекомендовал процедуру старого доброго кремирования с последующим резвеяньем пепла по ветру.

А вот тут робко подал голос Кукушонок, заметивший, что никому не известно, что будет с человеком — или другим живым существом, вдохнувшим хотя бы малую толику такого пепла...

Мона Сэниа, не проронившая до сих пор ни слова, молча поднялась, натянула толстые пуленепробиваемые перчатки из жавровой шкурки и, решительным шагом приблизившись к медному котлу, как-то задумчиво глянула на закатное солнце, уже положившее свой подбородок на краешек каменной стены.

Резкий толчок — и нетрадиционный саркофаг, вместивший бездыханные останки, прощально сверкнув медным боком, навсегда исчез с поверхности Джаспера. Кремация, надо думать, состоялась мгновенно. Юрг, слегка прищурившись, взгляделся в багровый лик заходящего светила — оно и глазом не моргнуло, проглотив такую кроху, — и с неподражаемым изяществом воспроизвел жест испанского гранда, снимающего шляпу. На том шутки и кончились: они с моной Сэниа поглядели друг на друга и поняли, что сейчас им предстоит самое тягостное: нужно было приступить к поискам виновника.

И вот они сидели на ковре, устилавшем пол в детской, и едва слышным шепотом перебирали все невозможные варианты, так как возможные уже были дважды проверены.

Кто мог перенести в Бирюзовый Дол почти одновременно и венценосного крэга (несомненно обитавшего где-то на Равнине Паладинов, но ни разу на памяти принцессы не показавшемуся на глаза не только простым джасперянам, но даже ни одному из членов королевской семьи), и заброшенного в неведомую вселенную даль самозванного рыцаря по-Харраду?

Естественно, первая мысль была — король. Только он и его сыновья благодаря врожденной способности были в силах посылать свой голос, равно как и любой предмет или живое существо, в любой уголок Джаспера. Именно отец совсем недавно обращался к принцессе, и голос его безошибочно достиг Бирюзового Дола. Но как и главное — зачем повелитель Джаспера, никогда и в глаза не выдавший бродячего менестреля, смог не только отыскать, но и направить его вслед за пернатой тварью в нужное место?

Все это было как теоретически, так и практически невозможно, хотя у короля и наличествовал резон уничтожить предводителя крэгов чужими руками...

И еще одна немаловажная деталь: если оставить без объяснения появление Харра, то король и принцы могли бы, зримо представив себе мону Сэниа, переслать крэга поближе к ней, даже никогда не видя то место, где она находилась — таков был их наследственный дар. Но как они могли предусмотреть, что Гуен, их недремлющий сторож, не заметит непрошеного гостя с верхушки шатрового корабля?.. Да и рассчитать появление крэга точно на затененном пороге, чтобы его было не разглядеть из караульного кораблика... Нет. Такое мог совершить только некто, прекрасно знакомый с Бирюзовым Долом и жизнью его обитателей, то есть сотни раз видевший все это воочию.

Выходило, что и король, и его сыновья в этом не замешаны. Но тогда кто же оставался?

Оставалась, как ни печально, дружина. Но Борб, Пы и Ких плескались в море вместе с командором и, стало быть, отпадали. Кто был в карауле? Дуз. Молчун Дуз. Верный, зоркий, всегда обращенный лицом к надвигающейся опасности, словно предугадывающий ее шестым чувством. Некрасивый, длиннолицый и уже не слишком молодой Дуз, напоминавший охотничью собаку за секунду до того, как она сделает стойку. Приметливый Дуз, которого принцесса любила выбирать себе в напарники, потому что чувствовала себя в безопасности, когда он в бою прикрывал ее спину. Любой другой, находившийся в одиночестве в привратничской, теоретически имел возможность мгновенно слетать куда угодно и отправить венценосного крэга прямо на порог их жилища. Но только не Дуз. И уж никак не Харра, который для всей дружины был в неведомом и потому непредставимом далеке.

А ведь в неконтролируемом одиночестве находился и Эрромиорг. Кстати, венценосный крэг был, по видимому, ближе всего именно к нему. Но не кто иной, как Эрм, так гордившийся своей должностью сенеша-

ля, больше всех терял в случае любой перемены существующего положения вещей.

Так же незаметно друг для друга не могли исчезнуть Сорк и Флейж, остававшиеся в Урочище Белых Тараканов. Ну а если все-таки допустить, то кто из них?..

Сорк — такой же невзрачный, как и Дуз, только лицом покруглее; скромный, не терпящий роскоши и вычурности — даже его крэг, помнится, был без хохолка. Во всем, что называется — золотая середина. Такие не бывают персонально незаменимыми, но на них держится если не все королевство, то уж точно — его войско. У таких ровно столько верности, чтобы никогда не изменить своему долгу, и недостает хитрости, чтобы в случае, если это все-таки произойдет, совершить это бесследно и безнаказанно. Да, крэг у него был серенький и поэтому, наверное, и его самого командор как-то назвал «серым, как штаны пожарника». Нет, коварный предводитель крэгов, изощренный в хитросплетениях интриг и заговоров, никогда не выбрал бы себе в помощники такого бесхитростного служаку, как Сорк.

И последним в этом невеселом списке оказался Флейж, рыжий насмешник, о котором Юрг после пересказа плачевной истории о Ромео и Юлии отозвался: «Ну этот — помесь Тибальда и Меркуцио». Мона Сэниа плохо представляла себе того и другого, но одно она знала точно: если бы бесславно почившая тварь явилась к Флейжу с посулами или угрозами, то ему в любом случае и договорить не удалось бы: его венценосную голову ожидала бы та же самая участь, что и в этот раз от руки Харра по-Харрады. Кстати, о местонахождении последнего ни Сорк, ни Флейж тоже не подозревали.

Наступила минута уныния.

— Что же нам остается, муж мой, любовь моя? — шепотом, полным глубочайшего разочарования, спросила мона Сэниа.

— Вынужден констатировать, что осталось самое невероятное: мы сами... Нет, это бред какой-то!

— Тогда — как это у вас на Земле называются люди, разыскивающие преступников?

— М-м-м... детективы, если память мне не изменяет.

— Ну так вот: мы с тобой просто никудышные детек-ти-вы. Я верно произнесла?

— Ты и мыслишь правильно: где-то в своих рассуждениях мы допускаем принципиальную ошибку. Глупейшую притом. Но...

— Одно только «но»?

— И одного хватит! — Он неожиданно сгреб ее в охапку, неуклюже, по-медвежьи — адреналин, взвинченный до предельного градуса всеми дневными происшествиями, ударил-таки в голову. — Мне совсем не нужно, чтобы ты была детективом — оставайся только всегда такой, как сегодня... Ты бы видела себя со стороны! Я всегда чувствовал, что в тебе дремлет королева, мое твое величество... Мое...

— Ох, не в детской же... Погоди. Это, наверное, оттого, что мне предложили стать властительницей всего Джаспера. На правах регенши. Вот я и вошла в роль.

— Тебе? Трах-тибидох! И кто же? Папенька?

— Ну что ты! Покойник. Собственной персоной.

— Та-а-ак, он, оказывается, еще успел наделать тебе гнусных предложений? Вот и оставляй тебя одну. Да, как снег на голову.

О, древние боги — снег! Снежок на голову был тогда, когда она услышала голос отца. А вот все последующее — это уже был обвал. Лавина. А ведь она еще не рассказала Юргу и половины всего, что с ней сегодня приключилось. Только это — после. После...

А после была все та же неизбывная нежность, и любимые руки, замыкающие ее в теплый кокон отчуждения от всего мира, и шорох потрескавшихся губ, по-

вторяющих беззвучно, но узнаваемо: «Королева... моя королева...» Постороннему слуху это сонное бормотание показалось бы или слишком высокопарным, или до унизости пошлым — но разве можно позволять чужому уху подстергать слова, бездумно рождаемые одним дыханием?.. Королева. А почему — нст? Довольно чувствовать себя изгнанницей, из милости пригретой великодушным Алэлом. Да, королева. Королева сказочного бирюзового царства. Обласканное морем крошечное королевство с ящеричным именем — Игуана; причудливый кораблик в невообразимых просторах беззлобных индиговых волн; недвижный кораблик, осененный изумрудными парусами неувядаемой зелени... «Моя королева, — донеслось из жаркой темноты, — я и не надеялся, что ты подаришь мне еще одну такую же ночь, как тогда, когда мы с тобой занимались любовью в лесу, на цветущем огненном папоротнике...»

Лиловым крылом отчаяния полыхнуло и исчезло сказочное королевство.

Потому что этого никогда не было на цветущем папоротнике!..

— Что ты? — Он встревоженно поднялся на локте.

Немигающие глаза слепо глядели вверх, где сквозь мутноватый потолочный купол так же незряче стыла предутренняя луна.

— Да что с тобой? Я совсем забыл, что ты умаялась на Свахе, маленькая моя... Ну спи спокойно, а завтра я все хлопоты возьму на себя.

Как бы не так — из детской послышалось требовательное вяканье безымянного младенца. Она стремительно поднялась, нашаривая свой офит и радуясь поводу отсрочить такое страшное для нее объяснение. Но Юрг из солидарности тоже покинул свое ложе и теперь горестно вздыхал у нее за спиной:

— Он же, стервец, каждую ночь по пять раз будет

тебя вздергивать... Завтра с утра пораньше надо попросить у Ардиньки, чтобы подыскала кормилицу, а нет, так просто на ночь его под бок козе пристраивать... Хочешь, я его подержу, пока ты молоко греешь?

— Не нужно.

— Нет, ты определенно какая-то не такая. Может, я что-то не так сказал?

Не так... «Мы с тобой занимались любовью в лесу, на цветущем огненном папоротнике».

— Заниматься можно рукоделием,— проговорила она сухо. — Или стряпней. Или танцами. Но любовь — это не то, чем занимаются.

Он как-то равнодушно вздохнул, позевывая:

— Ну извини. У нас просто так говорят. Если я тебе не нужен, то я пойду, а? — и пошел. Поговорил со своей королевой и пошел спать, звездный эрл...

А она, накормив ненасытного карапуза, так и пролежала до утра, устремив свой невидящий взгляд вверх, туда, где уже не светился стертый пятачок последней луны.

Наутро, едва открыв глаза, командор, как видно, решил взять реванш за все вчерашнее: прежде всего погнал Флейжа в королевскую резиденцию, за Ардиенью; когда та прибыла, осторожно, на цыпочках прокрался в детскую и вынес на белый свет новообретенного члена их семейства. Младшая царевна ахнула, всплеснув руками, восторженно и чуточку испуганно. Словно и не человеческого младенца увидала, а детеныша чуды-юды. Правда, сразу же спохватилась, принялась разматывать мокрые пеленки.

Малыш отпихивал ее крепкими длинными ножками и счастливо ухмылялся.

— Как его нарекли? — спросила Ардиень, тоже не удержавшаяся от ответной улыбки.

— А это мы сейчас спросим, — Юрг направился к Харру, все еще отсыпавшемуся после всех своих одис-

сей возле привратного кораблика; добровольная нянька неуверенно последовала за ним. — Эй, счастливый папаша, день на дворе!

Спящий с трудом приходил в себя. Разлепил веки, уставился в утреннее небо, и на его осунувшемся лице отразилась такая тоска, какая только овладевает человеком в преддверьи смертного часа.

Командор с царевной переглянулись — было очевидно, что отнюдь не осчастливленного своим возвращением менестреля надо из этого состояния как-то выводить.

— М-да, — пробормотал Юрг, — прибежали в избу дети, второпях зовут отца... Тятя, тятя, как сыночка-то кличут?

Харр медленно сел, подтянув под себя ноги. Глядел он опять в никуда, устремляя мутноватый взор между Ардиенью и командором. Неизгладимые видения прошлого маячили перед ним, заслоняя все настоящее.

Мона Сэниа, поднявшаяся при звуках чужого голоса, вышла из своего дома, инстинктивно перепрыгнув через то место, где вчера топорщилась кучка перьев; но дальше не пошла, наблюдая за всем происходящим издалека и почти так же безучастно, как и блудный странник.

Между тем младшая Алэлова дочь достала спрятанную на груди коробочку с золотистой цветочной пылью, обмакнула в нее мизинец и, гибко наклонившись над чернокожим великаном, нарисовала на его лбу, между убегающими вверх косичками бровей, крошечное солнышко — знак просветления. Харр тряхнул головой, так что несколько золотых пылинок ссыпалось ему на нос, и уже достаточно осмысленно уставился на царевну.

— Как зовут твоего сына, милый человек? — зажурчал ее голосок.

Он вздрогнул, точно над его ухом прозвучал оглу-

шительный разряд, помахал рукой, прогоняя вновь явившееся ему видение. Потом пожевал губами и неуверенно произнес:

— Эзер... Эзерис.

— Черт тебя дери, менестрель,— нарочито грубовато воскликнул командор, чтобы окончательно вывести его из столбнячного состояния. — А попроще ты ничего не мог придумать?

— Я?.. — растерянно пробормотал Харр и снова повел рукой, отстраняя от себя тени прошлого.

Ардиень укоризненно глянула на Юрга и, передав ему ребенка, тихонько присела рядом.

— Все теперь будет хорошо,— зашептала она, поглаживая его по спутанным волосам, — все страшное позади; ты теперь только о сыне думай, я его тебе вынянчу, и все будет хорошо, все обязательно будет хорошо...

Что-то пожухлое, еще недавно бывшее голубым, выскользнуло из-под ее пальцев — то ли василек, то ли бабочка. Харр машинально поймал это на черную ладонь.

— Пирлюха, — прошептал он; — и ее, бедолагу, не пожалели...

И в тот же миг откуда-то из-за плеча моны Сэниа стремительно выметнулся Кукушонок, и пронзительный крик его даже отдаленно не напоминал тот почти человеческий голос, который все затворники Игуаны привыкли от него слышать. Ринувшись между Харром и Ардиенью, он точным клевком подхватил с черной ладони дохлую букашку.

— Ты что, Кукушонок? — крикнула мона Сэниа, подбегая.

— Крэг! — прозвучало, как проклятие. — Это маленький крэг!

7. Неприкасаемый

Охи, ахи и страхи, вызванные опознанием крошечного крэга, постепенно улеглись, благо злополучная тварь как минимум сутки пребывала в дохлейшем состоянии. Во избежание сюрпризов бранные останки были удостоены той же погребальной почести, что и его венценосный сородич, после чего все бирюзоводольцы вернулись к повседневным хлопотам.

Прежде всего следовало обезопасить себя от непрерывного ора менестрелева отпрыска, как видно с рождения тренировавшего голосовые связки по двадцать три часа в сутки. Для этого один из двух экспедиционных корабликов пришвартовали сзади к центральному, соединив его проходами как с детской, так и с шатровым покоем — последний главным образом для Ардиньки, сразу принявшей темнокожего скандалиста как родного. Туда переместили перламутровую, уже кое-где облупившуюся колыбель, и некоторое время Флейж порхал между Асмуровым замком и Бирюзовым Долом, по велению принцессы обустроявая сей ясельный приют для почитаемой всеми царевны-нянюшки на свой вкус, оказавшийся вполне изысканным.

Неведомая первозданным роскошь, с которой была обставлена круглая светелка, изумила и даже чуточку напугала Ардиньку, чей быт немногим отличался от жизни отцовских подданных; тем не менее она была нескрываяемо счастлива. Только сейчас обнаружилось, что она сегодня захватила с собой плетеную корзинку, с которой ее матушка прилетала на помощь Касаулте.

Как и прошлым летом, внутри кто-то шевелился.

Под любопытными взорами присутствующих девушка достала выдолбленную тыкву; из нее, зябко пошевеливая усиками, выполз невероятно мохнатый святич, как заметил Юрг, до жути похожий на земного паука-птицеяда, только о шести лапах. Страхолюд-

ное существо огляделось, тараща фасеточные глазища, и отправилось обследовать Эзерисовы апартаменты, не делая пока, к облегчению Юрга и его команды, никаких попыток проникнуть в соседние помещения.

Во всей этой суете безучастными оставались только двое: мона Сэниа, старательно занимавшаяся какими-то мелочами, чтобы ее отрешенность не бросалась в глаза, и новоявленный отец, которого никак нельзя было назвать счастливым. У этого забота была одна — похоже, он собрался восполнить все то, что ему не удалось съесть за прошедший со времени его исчезновения год. Кухонные сервы, нагруженные блюдами и тарелками, выстроились в очередь, предлагая оголодавшему страннику все мыслимые и немыслимые яства, какие только отыскились в замковой кухне и были присланы на Игуау щедрым Эрромиоргом.

Наконец Ардинька, краем глаза все время наблюдавшая за чернокожим странником, приблизилась к командору и тронула его за рукав:

— Останови своего друга: он ведь поглощает пищу не от голода или жадности, а по смятению чувств. Как бы лечить не пришлось...

Юрг спохватился — у него и самого мелькала в голове такая мысль. Он торопливой рысью направился к неумемному едоку:

— Эй, калика перехожий, может, хватит пировать в одиночестве? Лопнешь. Ну-ка, мелочь служивая, — обратился он к сервам, — валите отсюда по-быстрому со всей этой снедью! А тебе, дорогой, не худо бы прогуляться до кустиков.

— А то, — апатично отозвался менестрель, поднимаясь.

Он сделал один осторожный шаг — и, пугливо взмахнув руками, ухватился за плечо командора. Впечатление было такое, словно он увидел под ногами внезапно разверзшуюся пропасть.

— Топай, топай, я с тобой — значит, все в норме. — Он цепко прихватил Харра за пояс — ну совсем как брата-курсанта в давние времена...

— Кабы так, — пробормотал менестрель, старчески шаркая ногами.

Юрг про себя вздохнул: и надо же, как скрутило парня! А еще почитал себя бывалым путешественником. Но тот внезапно остановился и хлопнул себя по правому бедру:

— Меч! И меч зажилили, блевуны сучьи!

— Ничего, ничего. Ты двигай по прямой. В кустах тебе меч не понадобится, а вернемся — я тебе свой отдам. Как обещался.

Дело, кажется, шло к выздоровлению — Харр начал ругаться. Хороший знак. Еще немного, и можно будет начать потихоньку признавать у него секрет его появления на Игуане, а это, как-никак, уже половина загадки, которую они с Сэнни так и не смогли разрешить этой ночью.

Они вышли за стену и оказались на вытоптанной конями проплешине, с трех сторон окруженной исполинскими сизоватыми соснами; это место, поименованное кем-то как Воротник Игуаны, было скрещением немногочисленных путей острова: вперед уходила прямая, как пробор, просека, тянущаяся вдоль Игуньего хребта до самой оконечности восточного мыса — трасса ежедневных конных прогулок; вправо и влево сбегали широкие тропы, круто спускавшиеся к козьим загонам, лужайкам с невиданной на Равнине Паладинов сахарной травой, где так любили отдыхать крылатые кони, и дальше — к самой воде. Как видно, короли Первозданных островов на протяжении столетий не допускали сюда ни единого шквального ветра, так что древесные стволы, отливающие теплым матовым светом, как хорошо отполированная яшма, в неправдоподобной своей прямизне вознесли свои кроны на такую

вышину, что с земли даже не слышно было их горного шума.

Харр остановился, запрокинул голову, и впервые дыхание его стало свободным, не сдавленным внутренней болью. Душистые лесные ладони первозданной тишины разглаживали его лицо, неощутимо сметая с него заскорузлую корочку губительных воспоминаний, и Юрг сейчас многое отдал бы за то, чтобы не нарушать этой умиротворяющей волшбы.

Но что-то неведомое угрожало всему Бирюзовому Долу, чужая враждебная воля, проникшая в его тайну, и с тех пор, как здесь появился треклятый венценосный крэг, каждая минута была чревата возможной опасностью.

Так что беднягу менестреля надо было любой ценой разговорить.

Юрг по его примеру запрокинул голову, поймал губами падучую сосновую иголку и постарался настроиться на тот же полуотрешенный лад, что и его спутник. Удалось это, как говорится, с пол-оборота — почудилось даже, что он дома, в усталом белом мхом, точно заиндевелом, бору, что был сбережен экологами по соседству с Куду-Кюельским космодромом, куда так сподручно было умыкать смазливеньких сисопочек (а несимпатичных в космодромный центр просто не брали). Чтобы часом не нарушить эту умиротворяющую тишину, он даже дышать приноровился в едином ритме с тихрианином. И когда благодушное слияние достигло максимального предела, само собой вырвалось естественное земное:

— Хорошо-то как, едрена вошь!

— А то! — с готовностью отозвался самозванный рыцарь.

Ага, есть контакт.

— Небось, тянуло сюда? Или больше — на Тихри родимую?

— Да куда угодно! Ох, и обрыдла мне вся тамошняя блевотина, что зеленая, что медовая, что полосатая... Думал, всю остатнюю жизнь так и буду кружить по уступам.

— Кто ж помог?.. — вкрадчиво вставил пока еще ничего не понимавший из его слов командор.

Харр только плечами пожал.

— Ты все-таки припомни, дружище, ведь кто-то был с тобою рядом перед тем, как ты здесь очутился? Ну представь себе, как все происходило!

Похоже, не надо было этого говорить — черное лицо болезненно скривилось, и Харр, резко повернувшись, вломился в молодую колючую поросль.

— Кто был со мной, того уж нету на белом свете, — донеслось оттуда. — Так что не тяни из меня жилы, амант.

Юрг махнул рукой и побрел обратно: ничего, жрать захочет — вернется. Жизнерадостная голубизна обжитого гнезда настраивала на оптимистический лад: вон внизу, в прогретой субтропической бухточке Сэнни с Ардинькой пацана прямо под открытым небом купают, так что увидит папаша сынулю, небось отойдет от черных дум своих.

Он махнул на все рукой и козлиными прыжками спустился по тропинке вниз, к воде, и едва не наступил на мохнатого свянича, который, расположившись на траве, наблюдал за процессом купания, брезгливо встряхиваясь, когда на него попадали брызги. Гуен плотоядно косила на него золотым оком, топорщила все три свои хохла, зато Шоёо откровенно заигрывал с ним, подползая сзади и делая вид, что хочет укунить за заднюю лапку. Свянич эти панибратские поползновения индифферентно игнорировал, пока они ему вконец не надоели; тогда он развернулся, солидно осел на пушистый задок и, поднеся переднюю лапку к выпуклому радужному глазу, сделал совершенно человечес-

кий вращательный жест, однозначно переводимый как «ты что, совсем с приветом?»

Ардинька залилась колокольчиковым смехом; чума-зый Эзерис, явно не соответствовавший своему лучезарному имени, тоже растянул до ушей и без того не маленький ротик, но хлебнул солоноватой воды и обиженно заперхал; Юрг фыркнул. Пристыженный Шоёо гибкими куньими прыжками умчался наверх, в караулку, за пазуху к ухмылявшемуся Киху.

И только мона Сэниа даже не улыбнулась. Юрг мгновенно оценил ситуацию и, решительным строевым шагом приблизившись к жене, сгреб ее в охапку и, подражая подвигу достославного князя Потемкина, на руках вознес ее по крутой тропе и, проследовав через лазоревый луг и шатровый покой, чуть ли не швырнул ее на аккуратно застеленную сервами постель.

— Очнись! — крикнул он. — У нас тут в любой момент может появиться дюжина крэгов, и еще хорошо, если не сотня! Харр молчит, как партизан на допросе, и я подозреваю, что у него с башкой не все в порядке; но не лететь же к Алэлу — помогите, мол, дедушка, у нас тут венценосные бяки завелись!.. Мы ведь ему слово давали, что никто не узнает о том, что происходит на Первозданных островах. А кто-то проболтался. Как теперь прикажешь объясняться со здешним государем-батюшкой?

Мона Сэниа едва шевельнула сухими губами:

— Не знаю.

— Черт побери, да что с тобой? Вчера я на тебя глядел — нарадоваться не мог. Что за это время стряслось? Вроде бы все началось с того, что я поговорил с Ардинькой. Или нет? Между прочим, глядишь ты на нее, словно это привидение какое-то. С чего вдруг? Она же всю зиму помогала нам Ю-юшку с Фирюзой нянчить, крутилась тут как волчок, в особенности тогда, когда ты сама на Свахе пропадала. Все по воле вольной, ник-

то ее не принуждал. Сердечко у нее такое золотое, хоть и рожица рыба. Приревновала ты меня к ней, что ли?

Горячо, мой звездный эрл, горячо. Только не в Ардиньке дело. А в чем — лучше умереть, чем произнести вслух.

Хорошо еще — не умел он подслушивать ее мысли.

— Или к сестричкам ее старшим, гусыням расфуфыренным? Жили у бабуси два чванливых гуся... Ты бы и старушку-королеву сюда приплела. Ох, и глупая ты у меня, мое твое возлюбленное величество!

Он двумя пальцами осторожно приподнял ее упрямый подбородок и принялся целовать застывшее лицо, немилосердно царапая нос об острые камни драгоценного обруча.

— Да знаешь ли ты, что если их всех расставить в шеренгу по одной да прибавить еще девчонок из моего интерната, у которых я списывал, и первокурсниц из академии, коих я от спортзала до общежития провожал, и вертихвосток с космодрома, с которыми мы землянику на болоте собирали, а потом мне на них поглядеть — честное слово, я ведь вместо них одну тебя видеть буду! Представляешь себе: шеренга душ так на пятьсот, и все на одно лицо. Твое.

Мона Сэниа едва уловимо вздохнула.

— Не веришь? Не веришь — и правильно делаешь: земляника на болоте не растет.

Теперь она уже смогла тихонько рассмеяться.

— Кто смеется — тот, как утверждают наши эскулапы, абсолютно здоров. А теперь, когда все встало на свои места, может, скажешь, что все-таки выбило тебя из колен, а?

Она медлила всего какой-то миг.

— Я просто до смерти испугалась, — проговорила она, опуская голову. — Когда на пороге появился этот крэг... Слава древним богам, вмешался Харр, но тогда я по-настоящему и струсить еще не успела. Но вот по-

чью, когда припомнилось все происшедшее, меня охватил настоящий ужас — ночной, какой нападает только в темноте. Ты меня понимаешь?

— Еще бы. Будто я сам никогда ничего не боялся! Это ведь только трусы врут, что им везде море по колено. Ну я надеюсь, что между нами секретов больше нет, полное взаимопонимание и все о'кей. Так что пошли во двор.

— А что это значит — о'кей?

— Это значит, что мы с тобой тут прохлаждаемся, а Ардинька возится там с нашим новым сокровищем... черт, имя у него какое-то заковыристое, ни один отец в здравом рассудке так ребенка не обзовет.

— Имя очень звучное, я бы сказала, прямо-таки королевское. Эзерис... Эзер. Эз.

— Эзззз... Не годится — точно оса звенит. Знаешь, у нас в Древнем Египте водился такой весьма почитаемый бог с созвучным именем: Озирис. Или Осирис, кому как нравится. О! Нашел. Я нашего пацана буду звать Оськой. Ему, стервецу горластому, очень даже подходит. Надеюсь, папенька вето не наложит. Да, и вели Эрму прислать мне из оружейной другой меч, должен же я наконец Харру свой отдать — долг чести, как-никак.

Но даже командорский меч, для любого тихрианского князя показавшийся бы сказочным даром, не нарушил скорбного безразличия менестреля. Островная царевна, исполненная к нему безграничной жалости, помноженной на абсолютное непонимание происходящего, протянула было ему спеленутого сына — он как-то испуганно спрятал руки за спину и отступил назад. После этого по общему молчаливому уговору все оставили его в покое.

Жизнь потекла своим чередом.

И только мона Сэниа в суете так неожиданно прибавившихся забот не могла избавиться от ощущения,

будто между нею и Юргом возникло неошутимое, ведомое только джасперянам ничто, через которое теперь придется каждый раз переступить.

По утрам командор не отказывал себе в удовольствии подглядывать за женой, когда она поднималась, вскидывала еще горячие сонные руки, собирая на чутьчку влажном затылке душистый ворох по-рассветному мерцающих волос; и ногой, способной довести до инфаркта всех римских пап вместе взятых, нашаривала невесомую сандалию, и поднимала над головой утреннее сиреневое платье, точно зная наступающего дня, в котором они будут неразлучны — и оно с ритуальной медлительностью скользило вниз, на мгновение застилая еще не пробужденное заботами, по-боттичеллиевски безмятежное лицо. И тогда он шепотом, чтобы не разбудить малышей, делился с ней ночными мыслями, пока еще не погребенными под ворохом что-то чересчур обильных каждодневных напастей.

— У меня свежая идея, — вот так вполголоса заметил через несколько дней командор. — Не сочти это за ревнивый всплеск, но не отправить ли нашего малахольного бродягу обратно, в тихрианские степи? Он уж который день по просеке вышагивает, как страус, будто заново ходить учится. На сынишку — ноль внимания. Хотя, судя по его собственным откровениям, на своих дорогах наплодил он предостаточно малышни и всех побросал, как последний сукин сын... Говорят, родной воздух лечит лучше всякого снадобья — так может, отпустим его под крылышко к Лронгу? Травяной рыцарь, как-никак, хотя и бывший.

— А что, разве сам Харр попросил об этом?

— Да он вообще не разговаривает! Попробуй угадай, чего он хочет, а чего — нет.

— Мне кажется, он хочет только, чтобы его оставили в покое.

Он задумчиво поглядел на нее, склонив голову набок, как это любила делать Гуен, когда впадала в созерцательное состояние.

— Порой мне кажется, что и тебя теперь время от времени тянет очутиться подальше от всех. Или нет?

— Меня?! — реакция была такой, словно принцессе лягушку за шиворот опустили. Юрг искренне удивился:

— А чему ты возмущаешься? Это было бы прости-тельно. Растили тебя во дворце, как эту самую мимозу на горошине, а тут — здравсье вам! — сразу тройня: один свой и два подкидыша. Другая бы наплакалась.

— Боюсь, муж мой, любовь моя, что со всеми нюансами моего воспитания ты знаком более чем поверхностно. А что касается покоя, то сейчас я его представляю в одном-единственном допустимом варианте: сесть на обрывчик, что над Тараканьим Урочищем, свесить ноги и глядеть в туман. В нем порой такие занятные картинки угадываются...

— Зачем так далеко летать? — Юрг потянулся было за алой футболкой смоленского производства, вовремя спохватился — красный цвет всегда раздражал супругу, а сегодня она, похоже, встала не с той ноги. — Гораздо проще проделывать это прямо здесь, была бы только кофейная гуща, в ней тоже что захочешь, то и увидишь. Весьма распространенная забава наших прабабушек.

У моны Сэниа брови дрогнули и сошлись в одну грозную черту — знак, предвещающий всплеск непокорности.

— И тем не менее я собираюсь побывать там в самое ближайшее время. С твоего позволения, мой звездный эрл.

Это без малейшего намека на то, что таковое позволение будет испрошено.

— Ну вот, ты опять... Вечно тебя куда-то тянет! — черт, ну и утречко: и сапог не на ту ногу, и жену тянет не в ту степь. — Ты не находишь, что сейчас — не совсем подходящий момент? Крэги сюда незваными шастают, менестрели с дитятами на голову валятся, батюшка твой в полном раздрипе со своими вассалами, да и мы с тобой не больно-то преуспели в роли детективов...

Она, не дослушав, истинно королевским безапелляционным тоном бросила через плечо:

— Эрромиорг, коня!

Это значило, что Эрм, бовльшую часть времени проводивший в паладиновом замке, через несколько секунд перешлет одного из грозных крылатых скакунов из асмуровских конюшен прямо на плешистую утоптанную лужайку за воротами Бирюзового Дола.

— Присмотри там за Харром!.. — только и успел крикнуть Юрг вслед жене, исчезающей даже не переодевшись, в легком утреннем платье.

Значит, собралась недалеко, развеет дурное настроение и вернется. Через дымку полупрозрачного потолка можно было разглядеть, как крылатый конь, с первого знакомства напоминавший ему сказочного дракона, взмыл над соснами.

С высоты птичьего полета моне Сэниа была хорошо видна просека, протянувшаяся вдоль всего острова на добрых два дня неспешного конского шага; но неторопливость — это было совсем не то, чего сейчас ей не доставало. Долговязый менестрель, вышагивающий по лесной дороге на журавлиный манер, мог сегодня обойтись без ее присмотра. И напрасно Гуен, неизменная участница ее подоблачных игр, призывным похохатыванием напоминала ей, что не мешало бы, как всегда, покинуть безопасное седло и ринуться с головокружительной высоты вниз, упиваясь блаженством свободного полета.

Мона Сэниа досадливо махнула на нее рукой — отстань, мол, подобру-поздорову — и решительно послала своего парящего в небе вороного вперед, через привычное и заветное ничто.

Жеребец, очутившийся на мокрой гальке, недовольно переступил ногами. Это была восточная оконечность Игуаны — так сказать, островной хвост; вереница громадных плоских камней, выступающих из воды во время дневного отлива, исполинским естественным мостом перекидывалась к соседнему безлесому островку, на котором не селились даже птицы. Безлошадный путник мог бы сейчас пройти по бесконечной цепочке этого разомкнутого ожерелья островков, даже не замочив ног.

Только вот не тянуло.

Для нее, привыкшей посылать свою звездную дружину от одного созвездия к другому, этот унылый архипелаг казался не более чем жалкой мышеловкой. Ну почему, почему она, привыкшая к беспрекословному выполнению всех своих капризов, теперь должна была выпрашивать разрешения на каждое путешествие, точно милостыню? Почему она, возвращаясь, должна была оправдываться перед мужем за каждый самостоятельный поступок, как паж-оруженосец?

А оправдываться еще ох как придется — впереди у нее маячило неминуемое и пренеприятнейшее признание в самовольном полете на Невесту. Кстати, ничего она там толком и не разглядела. Было бы в чем каяться!

Она соскочила с седла и нервным шагом прошла по обкатанной гальке. В конце концов, у ее звездного эрла тоже есть свои тайны — не было бы их, так не возникало бы у нее в голове никаких нелепых подозрений. Ну хорошо, все разъяснилось, она поняла, что он попросту совместил в своей памяти ее образ с какой-то мимолетной экс-пассией, любительницей лесных прогулок и... м-м-м... болотной земляники. Нелепо же ду-

мать, что Юрг из рода Брагинов, матерый «звездный волк», достался ей девственником. Она никогда не спрашивала его о прошлом, а он делиться своими амурными похождениями не спешил. И правильно делал.

Так что тайны-то все-таки были. Были!

Но почему тогда и она не имеет права на одну, малюсенькую? Кстати, он сам нашел для этого очаровательное определение: «изменять с другой планетой». Почему — нет?

Она остановилась и гневно топнула ногой, так что конь настороженно всхрапнул. Да хватит препираться с самой собой!

— Подожди меня здесь, — проговорила она, похлопывая жеребца по чешуйчатой морде. — Я ненадолго. Потому что такова моя королевская воля.

Конь недовольно фыркнул и поддел копытом ком водорослей, выброшенных волной. Она заправила свой вещий колокольчик поглубже в вырез платья, расправила пошире пояс, за которым привычно укрывался маленький десинтор. Как хорошо, мой звездный эрл, что ты все время забываешь о том, что тому, кто хоть раз побывал на другой земле и запомнил один единственный ее уголок, корабликов вообще не требуется. Нужен только шаг вперед.

И — догорающий огненный закат Невесты, встретившей ее таким смертоносным жаром, что стало непонятно: как тут вообще могли обитать люди, чей голос она несомненно слышала?

Серебристый шатер из раскидистых деревьев, по которому метались, точно язычки пламени, багровые отсветы заходящего солнца, обещал относительную прохладу — на сей раз листва не топорщилась, а плотной чешуей, точно панцирь гигантского панголина, противостояла дневному жару. Мона Сэниа, стараясь не порезаться об острые листья, свисавшие почти до земли, приподняла тяжелую ветвь рукояткой десинто-

ра и нырнула под спасительный полог. Странно: под ногами повсюду хрустел рассыпанный камыш, которого в прошлый раз как будто не было. Зверь такого сделать не мог. И то, что она слыхала в предутренней тиши — не почудилось же ей это?

Она медленно двинулась в глубину рощи, где близко растущие друг к другу деревья перекрывали все небо своими кронами, создавая в течение всего дня живительный заслон, но отнюдь не тень. Растрескавшийся камень под ногами сменился стелющейся травой. Она невольно задержала шаг: откуда этот свежий зеленый свет, тогда как снаружи — рдяный закат вполнеба? И листва над головой совсем не жестяная, а светоносно-изумрудная, не допускающая до земли ни единого алого луча... А ведь здесь по всем вселенским законам уже должно было быть совсем темно!

Она не успела по-настоящему изумиться, как спасительный опыт, перешедший в инстинкт, заставил ее укрыться за неохватным стволом: приближались неведомые существа. Они напоминали тощеньких обезьянок и ловко передвигались по траве на четвереньках, выискивая что-то в зелени и молниеносным движением отправляя добычу себе в рот. Они прошмыгнули мимо девушки и выбрались из-под древесного полога на открытое место.

Осторожно перебирая руками по скрипучей коре, она сползла на землю и в узкую прорезь между травой и краем листвы принялась наблюдать за обитателями невестинских рощ, чьи черные силуэты были отчетливо видны на фоне багрового неба. На какой-то миг все они замерли, не то принюхиваясь, не то прислушиваясь, а потом разом выпрямились и, поднимая к небу тонкие, как веточки, руки принялись выплясывать незамысловатый дикарский танец, словно купаясь в потоках закатного света.

Теплая память приоткрыла ей ладони своих дет-

ских воспоминаний: так ее братья плясали в жаркий день под струями маленького искусственного водопада, украшавшего дворцовый сад... Но вот малолетние плясуны оставили свои забавы и принялись подбирать с земли камыш, помогая друг дружке; завершив сей труд, потянулись назад — неохотно, нога за ногу. Тот, что был повыше остальных, охапкой жестких стеблей приподнял край листвы (та зазвенела, точно кольчуга) и заботливо пропустил цепочку полуголых носильщиков. Теперь мона Сэниа разглядела, что на них были только набедренные повязки да какие-то темные обмотки на руках, от запястья до локтя; они понуро прошеествовали мимо дерева, за которым пряталась их незваная гостья, и тут она с великим изумлением обнаружила, что связки сухой травы в их руках, попадая под темный древесный полог, наливаются янтарно-оливковым светом.

И не только это — оказывается, и кора дерева, за которым она скрывалась, и трава под ногами, и позванивающая листва над головой — все это испускало слабое свечение, не иначе как накопленное от щедрот неистового здешнего солнца. Укрываться в этой диковинной роще было, выходит, не просто: она сама должна была со стороны выглядеть как темное пятно. Но цепко перебирающие босыми ножонками дикареныши, к счастью, по сторонам не глядели. Между тем принцесса почувствовала, что и ей не худо бы очутиться в одном купальнике: даже под легким платьицем пот так и стекал между лопатками... А, семь бед — один ответ.

Она поправила туго охватывающий ее шелковый пояс. Ничего страшного, ведь даже если ее и заметят, то она успеет исчезнуть прежде, чем изумленные хозяева рощи успеют взяться за оружие. Судя по всему, здесь уровень цивилизации вряд ли поднялся выше стрел и копий, а их полет так медлителен! Она тихонько двинулась следом за маленькими носильщиками.

И тут звонкий, восторженный фальцет разнесся по всей роще:

— Нилада! К нам нилада неприкаянная!

Разом воцарилась тишина — ни хруста веток, ни шелеста листвы.

— Да встречайте же! Я правду говорю! — чуть не плача, с отчаянием вопил мальчишка.

И тут разом грянул с десяток барабанов; ритм их был скорее призывен, чем тревожен, и казалось, что долетает он не издалека, а возникает вокруг, словно гремят древесные стволы. Сам возмутитель спокойствия тоже бросил свою ношу и теперь самозабвенно лупил ладошками по ближайшему дереву, отчего на коре сразу же проступали овальные черные пятнышки; впрочем, они тут же снова наливались мягким светом. Ритм множасьихся барабанов стал пульсирующим, он накатывал, точно волна прибоя, и чуть стихал, чтобы дать пробиться возникшим откуда-то свирелям. В этом варварском оркестре было столько простодушного ликования, что у моны Сэниа не зародилось даже желания немедленно отступить и исчезнуть — впрочем, это она могла сделать в любой миг. Но сейчас было уже поздно: между деревьями появились первые робкие долговязые фигуры; пропасть у них на глазах значило убедить их в собственной inferнальности. В другой раз уже здесь не появишься...

По мере того как они приближались и мона Сэниа могла рассмотреть их в призрачно-туманном свечении, ее изумление непрерывно росло. Неудивительно, что это были только мужчины — навстречу чужаку, пусть даже женского пола, естественно выходить воинам; но исполненная скульптурного изящества, почти божественная красота их полубоженных тел не оставила бы безразличным пожалуй, даже неодушевленного серва. Они, в свою очередь, тоже глядели на нее с каким-то восторженным упованием, и она понимала, что

теперь не в силах улететь, не узнав хотя бы, в чем заключается их обращенная к ней несомненная надежда.

Джасперяне никому не служат, это закон. Но иногда — помогают.

Только чем она может помочь этим... почему-то ей не хотелось даже мысленно произнести оскорбительное: варварам. Что она может сделать для жителей Невесты? О, проклятие, она ведь даже не подумала, как их называть. Невестийцы — длинновато... Невестяне... Невяне... Невейцы.

Сойдет.

Однако что же у них все-таки на уме? Хотя двигались невейцы все медленнее и нерешительнее, круг их неумолимо замыкался — а дальше-то что? И, точно отвечая на ее немой вопрос, шедший впереди всех седовласый Адонис опустил на колени и молитвенно протянул к ней руки:

— Выбери меня, луноокая нилада!..

Она с недоумением и некоторой досадой воззрилась на него: ее что, хотят впутать в какой-то шаманский ритуал? Это совершенно не входило в ее планы. Ей только хотелось взглянуть на этот мир со стороны, но отнюдь не становиться соучастницей первобытных обрядов. Да и выбрать кого-либо из этой толпы, почтиительно преклоняющей перед нею колена, было бы затруднительно — все одинаково... ну пусть не одинаково, а каждый по-своему, но дьявольски хороши. Хотя и далеко не первой молодости. Только лепечут как-то подтексты: «Выбери меня... ну пожалуйста, выбери... удостой...»

На помощь ей пришли барабаны — они зазвучали мерно и дружно, словно отмечая чей-то печатный шаг. И точно: из-за стволов деревьев показалась небольшая процессия, на этот раз уже состоявшая, как догадалась принцесса по длинным одеяниям ее участниц, из особ женского пола. Судя по распушенным седым волосам,

девами их было бы назвать затруднительно, но все они были статны и величавы, насколько это позволяла хуба, как видно, присущая всему невейскому народу.

Две из них без особых усилий несли фигурку божка со скрещенными руками и ногами, остальные — крошечные, пестро раскрашенные барабаны, подвешенные на груди. По мере того, как они приближались, колени преклоненные мужи, елозя по траве, тихонечко отодвигались в стороны, освобождая проход. Мона Сэниа без малейшей тревоги ждала, что же будет дальше, хотя по всем правилам это представление, невольной участницей которого она оказалась, нужно было бы как-то тактично завершить.

Величавые матроны благоговейно опустили свою ношу прямо перед нею на светящуюся траву, и у нее появилось наивное желание потрогать миниатюрного идола — в самом деле, из чего он сделан: вырезан из дерева или вылеплен из глины?

Но выпуклые веки на морщинистом личике медленно поднялись, и мона Сэниа поняла, что перед нею — живой карлик. Правда, определение «живой» применительно к нему было весьма относительным: годы его без всякого сомнения давно перевалили за столетний рубеж, а окостеневшие руки и ноги утратили способность двигаться, уж он и сам наверное не помнил, когда. И тем не менее пергаментное личико носило следы того изысканного благородства, которое, родись он на Джаспере, выдавало бы принадлежность к одному из самых древних родов.

Едва угадываемые губы разомкнулись с мучительной медлительностью, но голос, нарушивший наступившую почтительную тишину, был полновочучен и бархатист:

— Я приветствую тебя, нилада безутешная, и благодарствую, что почтила ты своей неутолимой горестью мое укромное подлесье.

Он слегка прикрыл ресницы, что, по-видимому, должно было означать кивок, и принцесса естественным образом ответила ему глубоким поклоном.

— Не сочти за обиду ту поспешалую назойливость чад моих, коей они встретили тебя, — продолжал престарелый пигмей, — но я и сам, облегчи меня Повелитель Лун на пару десятков лет, присоседился бы к ним с гораздой охотой. Ибо ни одна из нилад, освятивших сии края влагоносной печалью своею, не могла бы соперничать с тобою в ясной, как полнолунная ночь, красоте.

Он снова приписывал ей какую-то естественную для них, но совсем несвойственную ей самой неизбывную печаль, и именно в этом она усмотрела очень удобную лазейку для неизбежного отступления. Она гибким движением опустила на траву рядом с крошечным старцем и улыбнулась ему самой лучезарной из своих улыбок:

— Прости меня, властелин подлиственного края, если мое появление стало причиной невольного заблуждения твоих подданных. Но я не та, за которую вы меня принимаете. Поэтому позволь мне почтительно удалиться, чтобы продолжить свое странствие.

Он долго всматривался в ее лицо, и на дне его огромных, как у ночного лемура, глаз мерцали недоверчивые фосфорические блики.

— Ты призвала улыбку на свой дивный лик, — проговорил он наконец, — но забыла, что тебя выдает печаль твоих затуманенных воспоминаниями глаз. Ты напрасно стыдишься открыться нам — выбор Лунного Повелителя, павший на тебя, только доказывает твоё совершенство. То, что случилось с тобой — не позор, ибо людская воля бессильна перед могуществом Полунощного Владыки. Не ты первая, не ты последняя. Зато ты, может быть, уберегла в своей памяти какую-то крупицу мудрости Сеятеля Мерцания, которая поможет нам всем в нашей...

Он вдруг запнулся, точно испугался, что сказал лишнее.

Мона Сэниа наклонилась вперед так, что ее губы едва не коснулись морщинистого лобика.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, уважаемый. Но пусть это не пугает тебя. Я не враг вам, я просто странница.

Он тихонечко вздохнул, и на его лицо напоззла тень досады:

— Не криви душой, сказочное дитя. Никакая странница не может прийти сюда из огненной печи раскаленного дня, кроме нилады, что тщится избежать самой себя. Если ты поглядишься в зеркало подземного водоема, то увидишь, что проклятое солнце уже опалило тебя смертоносными лучами. Только Владыка Тьмы мог быть так жесток, что не пожалел твоей еще не расцветшей младости...

Хм. Может, удивить его, сообщив, что в своей недозрелой младости она уже имеет счастье нянчить троих детишек... Пожалуй, не стоит.

— Прости меня, мой великодушный господин, — проговорила она как можно мягче; — но я не знаю, о ком идет речь. Я никогда не встречала того, кого ты называешь Владыкой Тьмы и Сеятелем Мерцания, и честно говоря, такого желания не испытываю.

Его и без того огромные глаза словно распахнулись в пол-лица и полыхнули зеленоватым огнем, как у проснувшегося зверя.

— Так ты еще не... — Он поперхнулся и постарался стариковским кашлем скрыть свое замешательство. — Значит, ты тщишься убежать от него? Схорониться в глубине наших пещер? Я слышал, что находятся такие бесстрашные и независимые сердца, и мое восхищение тобой, и без того бывшее безмерным, теперь не имеет пределов. Но... Безрассудное дитя, знаешь ли ты, что

это бесполезно? Говорят, что Лунный Нетопырь добивается своего всегда.

Какая-то неуверенная нотка в его голосе подстегнула ее любопытство.

— Всегда ли? Почему ты не хочешь мне сказать, что есть способ?.. — Она действительно не вполне понимала, о чем идет речь, но все происходящее уж слишком напоминало волшебную сказку, разыгрываемую с ее участием, и она изо всех сил подыгрывала мудрому карле, чтобы дослушать ее до конца.

— Способа я не ведаю, — чуть слышно прошелестели старческие губы. — Зато я знаю человека. Только Горон, не страшщийся никого и ничего, посмеет помочь такой беглянке. Только он, которому по наследству досталось знание всех тайных лазеек и тропинок подлунного мира, может провести тебя по заветным подлиственным тропам... Может. Если захочет.

О, древние боги! О таком проводнике в незнакомой земле можно только мечтать!

Но, судя по последним словам этого карлы, Горон любит поторговаться.

— А... что берет он в уплату за свои труды?

— Он никогда и ни за что не требует платы.

Это хуже. В ее душе зашевелилось раздражение:

— Тогда что же — умолять его, плакать, руки ему целовать, обнимать ноги?

Взгляд внезапно сузившихся лемурих глаз стал строг и неприветлив:

— Его ноги нельзя обнять. Он — Неприкасаемый.

8. Две ладони судьбы

Мона Сэниа заставила своего взмыленного коня спуститься на просеку в двух полетах стрелы от ворот Бирюзового Дола. Сколько же она отсутствовала?

Принцесса растерянно огляделась и натянула поводья, отдаляя свое возвращение под семейный кров.

Судя по солнцу и едва сдвинувшимся коротким теням от сосен, провела она на Невесте чуть более получаса. Неужели так мало?.. Да нет, все сходится: стайка мальчишек с охапками травы, за ними толпа полуголых поклонников, затем карла многомудрый... Все следовало одно за другим размеренно, словно по сценарию, подчиняясь ритму барабанов. Говорили невейцы какими-то загадками, решать которые времени не было, тем более что по-настоящему ее заинтересовало только одно: заполучить таинственного проводника с гордым и притягательным именем: Горон.

А то, что он Неприкасаемый, так это даже к лучшему. Не будет никаких заморочек на романтической почве. Тем более что это поклонение с хоровым «выбери меня» теперь, с оглядкой назад, начало казаться ей слегка двусмысленным...

Но до условий найма проводника дело в невестинской вечерней роще не дошло: отдаленный крик «Нетопырь! Лунный Нетопырь!», тут же подхваченный паническим хором (нет, у невейцев определенно наблюдалась склонность к коллективным изъяслениям чувств, что, впрочем, характерно для низших цивилизаций), поверг всех в стремительное и слегка постыдное бегство. Ее тоже пытались подхватить под руки, но она метнулась в сторону и в общей суматохе исхитрилась исчезнуть, не вызвав никаких подозрений.

Но — не сразу на Игуану.

На каких-то несколько секунд она позволила себе задержаться на Невесте и перенестись к подножию двух столпообразных утесов, в лиловый сумеречный омут уже вступившей в свои владения ночи; и над плоскими их вершинами она увидела отчетливый силуэт парящей над землею огромной твари, которая

могла бы напоминать сказочного дракона или джасперианского коня.

Если бы не была настоящим крылатым человеком.

Это подсказало ей безошибочное шестое чувство. И еще оно присовокупило, что это существо она будет люто ненавидеть...

С этим предчувствием она и вернулась на Игуану, и вся нежданная невестийская сказка с ее головоломными загадками, упоительными полночными тайнами, вполне вероятными талисманами и уже угаданной грядущей ненавистью осталась позади.

Вороной жеребец, шаг которого она все время умеряла, натягивая поводья, ткнулся влажной мордой в полупрозрачную стенку привратного кораблика, предусмотрительно затворяемого теперь даже днем.

— В замок не отправляй, — велела принцесса Борбу, выскочившему из распахнувшегося дверного проема. — Пусть сервы оботрут и проводят на нижнее пастище.

Она бросила ему поводья и медленно двинулась к дому по лазурным колокольчикам, путавшимся у нее под ногами. Как ни пыталась она отдалить неминуемое объяснение с Юргом, оно становилось все ближе и ближе. Что сказать? И как? После первого посещения Невесты ей казалось, что та мизерность сведений, которыми она могла поделиться, извиняет ее молчание. Вот разведает побольше — тогда разом во всем и повинится.

Но вот она без ведома своего супруга побывала там еще раз, и теперь чувствовала, что всего увиденного и пережитого уже чересчур много, чтобы взять и пересказать все свои приключения, ничем, кстати, кроме любопытства, не оправданные.

Вот если бы она нашла какого-нибудь могущественного колдуна, способного помочь им в их поисках, или хотя бы один захудалый амулетик... А ведь там

это непременно есть. Варварское, дикое пещерное существование. Люди на таком уровне цивилизации, как невестийские туземцы, просто не могут обходиться без шаманов, ворожеек и заклинателей! Поглядеть хотя бы на этого лысого карлу — кладезь тайн, но, к сожалению, на самом интересном месте имеет склонность прикусывать язычок. Да и получить у него аудиенцию, когда она уже убедила его в том, что она — вовсе не обожаемая за какие-то неведомые достоинства «нилада», будет наверное не просто. На взрослую часть населения тоже надежды мало — простая странница им не интересна, а скорее всего и нежелательна: плодов да орешков и самим едва-едва хватает, все поголовно — кожа да кости.

Следовательно, оставалось самое верное и надежное: мальчишки. Нужно только будет захватить в следующий раз каких-нибудь нехитрых даров, как то пряники, ножички и разноцветные шарики.

Она поймала себя на том, что следующую тайную экспедицию на Невесту она уже считает делом решенным. Из этого следует, что о сегодняшней вылазке рассказывать она повременит. Вот только...

— Сэнни! — Юрг уже бежал ей навстречу. — Ну, нельзя же так, честное слово! Устраивать сцены и пропадать в такое время... Я уже думал посылать к Алэлу, не там ли ты.

Сердце, булькнув, провалилось в ледяной колодец страха. Неужели за этот час еще что-то? Тогда это будет заслуженным воздаянием за все ее художества.

— Что?.. С кем?...

— Да в общем-то ничего не стряслось, только я волновался. Да и Пы все время за мной по пятам ходит, папашу своего проведать просится. Совсем, говорит, плох дедуля. Я без тебя не рискнул его отпустить, хотя сейчас весь гарнизон вроде бы наготове... Так что, отпустим?

— Придется, — поморщила носик Сэнни. — Он, по моему, к своему батюшке возымел какую-то гипертрофированную тягу. Раньше такого за ним не замечалось. Запоздалая сыновняя нежность?..

— Тебе конечно виднее, но на мой взгляд — не к нему, а к его судейской должности, которая вот-вот станет вакантной. Кстати, он снова просит дать ему Фируза, чтобы старый душегуб, отходя в мир иной, в последний раз на такое диво полюбовался. Мы ведь только однажды позволяли ему взять с собой младшенького крэга...

— Ни в коем случае! — вырвалось у принцессы почти непроизвольно.

— Да? Вот и у меня возникли сомнения.

— Равнинные крэги сейчас в бешенстве, не знают, наверное, как и расплатиться с нами за своего вожака. И потом, Фируз ведь еще едва оперившийся птенец...

Юрг, слышав шелковистый шелест, обернулся.

— Легко на помине! — Действительно, оба их домашних крэга, появившись откуда-то со стороны моря, эффектно зависли на секунду над кромкой стены, точно два сказочных вертолетики, а затем разом опустились на нее и принялись охорашиваться. — А знаешь, не такой уж он крохотуля — ишь, кур перламутровый, вымахал аж до папенькиных габаритов! Кстати, я тут недавно наблюдал за тем, как они с Ю-ю забавляются, и мне припомнился твой рассказ о какой-то провидческой картинке, которую ты наблюдала во дворце этого полоумного тихрианского князя. Припоминаешь?

Мона Сэни почувствовала настораживающий укол под левым ребрышком.

— Да, там был нарисован наш Ю-ю, такой смугленький, что кажется арапчонком; в одной рубашонке он карабкается по камням, а перед ним две невиданные на Тихри птицы...

— Вот-вот. Я тогда только успел его вытереть после

купания, как тут эти гуси принялись с ним заигрывать; он и вырвался, вверх по камням полез... Сказочная картина, я налюбоваться не мог.

— Когда это было?

— Судя по всему, как раз в то время, когда ты еще прохлаждалась на Свахе. А что?

Призрачное завихрение струй и капель, рождающее так однозначно угадываемые образы...

— В это же самое время и мне в тумане почудилась точно такая же картина. Разве это не волшебство?

— Ну так я никогда и не сомневался, что в тебе есть что-то от ведьмы... Ой, пардон, только без рукоприкладства — это я, недотепа, хотел тебе нетривиальный комплимент сделать. Но вернемся к нашим баранам, хотя дражайший Пы больше смахивает на упитанного толедского бычка. Значит, даем ему увольнительную, пока он не сиганул в самоволку?

— Ну раз его отцу совсем плохо, у нас нет морального права его задерживать. Только нужно еще раз строго-настрого ему наказать, чтобы держал язык за зубами, особенно — про венценосного покойника. И между прочим, откуда он про своего папашу узнал?

— Родственный нюх, — отмахнулся Юрг.

Она задумчиво покачала головой: совсем недавно один за другим погибали ее братья, а она даже ничего не почувствовала. Никудышная она ведьма, вот что. Но кроме этого, проскользнула и еще какая-то настораживающая мысль, только Юрг своей присказкой о баранах спугнул ее, и она исчезла, оставив после себя лишь смутное беспокойство.

— Что-нибудь еще?.. — всполошился супруг.

— Нет-нет, ничего определенного. Кстати, у нашего тихрианского князя отец тоже на ладан дышит, и если случится с Рахихордом неминуемое — мне непременно надо быть рядом с Лронгом, он ведь больше ни от кого утешения не примет... Сколько лет он трупоносом

отслужил, только чтобы его отца в темнице голодом не уморили!

— Ну слетай, если так; только не сегодня, ладно?

Но ни через день, ни через два ей выбраться не удалось: нескончаемая суета «этого поросятника» как теперь величал детскую командор, отнимала все силы и время.

И когда она в сопровождении молчаливого Дуза очутилась наконец под ленивым солнышком Тихри, уже по отсутствию девичьего щебета, всегда доносившегося из пестрых палаточек и снятых с колес кибиток, окружавших княжеский шатер, мона Сэниа поняла, что опоздала.

Лронг был в шатре один, и она, приподняв кожаный полог входа, осененного черной траурной ветвью, бесшумно скользнула по вытоптанному ковру к замершему в скорбном оцепенении князю. На какой-то миг замерла, как и он. Что связывало ее с этим тихрианским великаном? Однажды она попыталась найти слово, коим можно было бы наречь их отношения. Наречь... Даже в старинных куртуазных романах такого слова не нашлось. Просто он, как никто другой во Вселенной, умел одарить ее какой-то невероятной полнотой самоощущения: рядом с ним она чувствовала себя и самой прекрасной женщиной, и самым нежным другом, и самой трепетной матерью, и самой своенравной принцессой (да простит ее Юпр!)

Но что же она могла дать Лронгу взамен?

Поднявшись на цыпочки, она обняла его голову и хотела прижать к своему плечу, но Лронг, перехватив ее за запястья, мягко развел руки той единственной женщины в мире, за одно прикосновение которой он готов был отдать полжизни.

— Даже в такой горести, как моя, я не имею на это права, — прошептал он.

— На сочувствие имеет право и последний бедняк, — возразила она.

— Значит, я беднее последнего нищего...

Он подвел ее к своему княжескому креслу, изукрашенному нездешней резьбой — как видно, только чудом уцелевшему от пожара, испепелившего Пятилучье со всеми его сокровищами; привычно устроился возле ее ног. Мона Сэниа угадывала всю неизмеримость его скорби уже хотя бы по тому, что впервые он глядел в пол, а не пожирал ее глазами.

И до этого, в сущности, совсем одинокий, он остался теперь без единой родной души.

— Если ты хочешь поделиться со мной... — прошептала она, надеясь, что от этого ему станет легче.

Он понял, покачал головой:

— Он уснул, как засыпают горы под покровом облаков. Последний сон его был светел, потому что он улыбался. Казалось, он увидел что-то долгожданное... Внуков, может быть. Внуков и правнуков, которые, обогнув Тихри по дороге предков, когда-нибудь вернулись бы к приютившей его прах анделахалле... Три дня назад мы отнесли его туда.

— Но, может быть, ваши милосердные анделисы, которые один раз уже... — с надеждой вырвалось у принцессы.

— Они никого и никогда не воскрешают дважды, — покачал головой чернокожий великан. — Такого под небом Тихри еще не бывало.

— Все когда-то случается в первый раз. А вдруг?..

— Нет. И потом, неужели ты думаешь, что я не убедился в этом своими глазами?

— Прости, дорогой мой друг, я причинила тебе лишнюю боль. Скажи, чем я могу утешить тебя?

Он нашел в себе силы улыбнуться:

— Только доброй вестью о себе самой.

— Тогда мне нетрудно это сделать, — заторопилась она, пытаясь хотя бы звуками своего голоса, а не смыслом говоримого, отвлечь его от неизбежной скорби. — У нас, на моем острове, где я всегда была бы рада видеть тебя гостем, прибавление семейства: вернулся этот бродяга, самозванный рыцарь по-Харрада. Не знаю, где он пропадал и что с ним приключилось, но свалился он, как говорит мой супруг, точно снег на голову; и не один — с новорожденным сынишкой!

Лронг с усилием приподнял уголки губ, что должно было означать улыбку.

— Я представляю себе его счастье... — Голос осиротелого князя был тусклым, как шелест погребального покрова: разумеется, никакого счастья он сейчас не в силах был представить.

Но в иллюзорный круг своих забот ей удалось его втянуть. И то хорошо.

— Вот то-то меня и беспокоит, — продолжала лепетать принцесса, — что этот беспутный батюшка вовсе не радуется своему младенцу! Хотя нет сомнений, что это действительно менестрелев сын. Даже голос — как у птицы лесной. Правда, мать у него, судя по его личику, немножко странновата...

— Она с твоей дороги или чужестранка?

— Это покрыто мраком его беспамятства, потому что Харр о ней даже ни разу не упомянул. Какая-то страшная боль стоит между ним и его прошлым. Но, насколько можно судить по малышу, подружка Харрова не принадлежит ни к одному из племен Джаспера или Тихри.

— Так ты даже не знаешь, где он находился все это время?

— Это долгая история. — Мона Сэниа оперлась локтями о колени, опустила подбородок на сцепленные пальцы; Лронг слушал, зачарованный голосом, кото-

рый чудился ему в каждом сне, и принцесса радовалась, что отвлекает его от печальных раздумий. — Я сама виновна в том, что он очутился неведомо где — попался под горячую руку, ну со мной бывает... А я не очень за него беспокоилась, ведь он сам только и мечтал, как о странствиях по еще не хоженным тропам. Но так получилось, что земля его скитаний оказалась неведомой не только для него, но и для нас. Когда я спохватилась и решила вернуть нашего менестреля назад, оказалось, что того места, куда я его отправила, уже не существует...

— Как же он сам-то уцелел?

— Об этом только он один и сможет рассказать, когда память снова будет ему подвластна. Ведь может статься, что побывал он в краях, изобилующих колдунами и магами. А что дело тут в чародействе, сомнений нет: ведь вернулся же он назад неведомо как. Мы с супругом моим перебрали всех, кто обитает на Игуане — нет, ни один не причастен к непостижимому возвращению нашего бродяги.

Лронг провел ладонью по перечеркнутому косичками лбу, разглаживая собравшиеся над бровями морщины.

— А не допускаешь ли ты, госпожа дум моих, что он сделал это... сам?

— Сам? — Она в изумлении уставилась на тихрианского правителя. — Что ты говоришь, мудрый Лронг? Разве известно, что хоть кто-то из твоих подданных совершал, как мы, мгновенные перелеты через *ничто*?

— Я об этом не слышал, — покачал он головой, в которой она заметила первую поблескивающую седину. — Но надо спросить сибиллу, он у нас знаток всех сказок и преданий.

— погоди, добрый мой Травяной Рыцарь, — проговорила она с мягкой улыбкой. — Я еще хочу побыть с тобой. А если сибиллу позовешь, то потом его из шатра не выставить будет; знаю я его, старого болтуна.

Но Лронг уже решительно поднялся и, подойдя к дверному проему, приподнял полог:

— Эй, сибиллу сюда!

Ответа не последовало, но было слышно, как прытко затопали тяжелые сапоги, и не одни. Что-то острожен стал князь, раньше у его шатра такого караула не было.

— Малейшее желание твое — закон мой, — как бы оправдываясь проговорил он, возвращаясь на прежнее место. — Да и сибиллушку пожалеть надо, убивается он...

Мона Сэниа поняла: старый сморчок стал дорог Милосердному князю хотя бы потому, что скрашивал последние дни его тихо угасавшего отца.

Вид у придворного шамана, явившегося в сопровождении Паянны, был и вправду убитый, несмотря на роскошную песцовую шубу, присланную из джасперянских закромов взамен полосатых отрепьев, заброшенных ею собственноручно в солнечное горнило. Сморщенное личико было все зарёвано, на голове что-то вроде венка из длинных, точно водоросли, черных трав; если бы он был способен еще больше дряхлеть, то можно было бы предположить, что с прошлого раза он постарел на полстолетия. Паянна поддерживала его сзади за локти, опасаясь не без основания, что он растянется прямо на пороге.

— Потеряло сибилло Рахихордушку, друга-благотеля болезного! — взвыл он щенячьим голоском, едва завидев нездешнюю гостью. — Никому теперича сибилло неприкаянное не надобно, вышвырнут его на дороженьку...

— Я уже сколько раз обещал тебе: пока жив я и доровгой своею правлю, теплый ночлег и сытный кусок для тебя найдется, — досадливо оборвал его князь.

— Благоденствуй вечно, прещедрый правитель, да не оскудеет длань твоя...

Паянна молча поймала его на полдороге к княжьим сапогам и, вздернув, как котенка, за шкирку, вернула в вертикальное положение.

— Не трожь сибиллу, горем умыканного, лапищами своими мужицкими! — взвизгнул трясущийся шаман. — Рахихордушку сгубила-проглядела...

— Сядь! — Черный княжеский перст указал на гору подушек в дальнем углу.

Обряженный в драгоценные меха приживала, вырвавшись из цепкой, как воронья лапа, Паянниной длани, укатился куда было велено.

— Спрашивай, высокочтимая гостья, — обернулся Лронг к принцессе.

Интонации его были строги и царственны — по видимому, он таким образом старался довести до сведения своего придворного волхователя, что дальнейшие слезливые отступления и перебранки, мягко говоря, нежелательны.

— Скажи мне, мудрый хранитель древних преданий, — осторожно обратилась принцесса к шаману, одинаково опасаясь и обиженной замкнутости, и старческого словоизвержения. — Не припомнишь ли ты, чтобы кто-нибудь из твоих соплеменников хоть единожды исчез в одном месте и в тот же миг очутился где-то поодаль?

Сибилло поднял голову и встряхнулся, как только что разбуженная курица.

— Те сибиллы, что по младости лет не древними заветами берегутся, а всякими новшествами пробавляются, на многое способны... Только не на пользу сие, взять хотя бы покойного Кадьяна, да не обгадит прах его, по ветру развеянный, дорогу князя нашего, ко всем убогим сочувственного.

— Значит, Кадьян мог...

Шаман закивал, словно клевал невидимые зернышки.

— В какую угодно живность перекинуться он умел, было дело, — затараторил престарелый кудесник, безмерно гордый тем, что его скудные обрывки знаний еще кому-то понадобились. — Кротом стервец окаянный оборачивался и под травую хоронился; в птицу воплощался, чтоб с одного места на другое скорохонько переметываться. Только ведь тут загвоздочка...

— Врешь ты все, шмакодявка брехливая, — неожиданно рывкнула на него Паянна, до сих пор молчаливо стоявшая у стены, скрестив на груди свои могучие ручки с засученными выше локтя рукавами. — Ежели б Кадьян так запросто в птицу оборачиваться мог, то на кой ляд ему было строить летучий корабль-Гротун?

Шаман, причмокнув, с достоинством поджал серые губы:

— Сибилло и помолчать могло бы.

Мона Сэниа почувствовала, что у нее самой глаза сейчас обморочно закатятся; древние боги, и как бедный Лронг все это выдерживал?

— Не сбивай с мысли княжьего советчика, Паянна, — попросила она как можно мягче. — С тобой у меня тоже будет разговор. Только попозже. Итак, ты, досточтимое сибилло, остановилось на том, что существует небольшая проблема...

— У такого чудодея всесильного, каким Кадьян был, заковык не случалось... вестимо, покуда он в образе человечьем пребывал. Ну а когдыть перекидывался он, скажем, в птаху беззащитную — тут другой расклад: и змей-удав подстеречь мог, и ястреб сверху шваркнуть... Вот такая хреновина, бабьему умишку недоступная. — Прищуренные лисьи глазки зыркнули в сторону Паянны. — Потому и наладил он свой Гротун, что в ем он был как за каменной стеною.

— И все-таки, — настаивала мона Сэниа, — ты мне не ответил: мог Кадьян, скажем, пропасть в Пятилучье — а возникнуть в ту же секунду здесь? Подумай.

— Чего думать-то лишку! Нету под солнышком ясным такого зверя или птицы, чтобы в единый миг скакать за версту. Эт-т и сопляк-несмышленыш тебе скажет, что шибче молвь-стрелы никого на свете нету, только и ей на полет хоть малехтихотное времечко, да надобно. Стало быть, княгинюшка белоликая, задачка твоя и Кадьяну не под силу. Слова это одни пусто-порожные.

Принцесса и князь разочарованно переглянулись.

— Ну спасибо тебе за беседу мудрую, старче. Возле шатра мой дружинник на страже стоит, так у него для тебя припасен дар диковинный...

Шамана как ветром сдуло. Паянна одобрительно фыркнула, что относилось к единственно безотказному способу избавления от старого болтуна.

— Ну а теперь с тобой разговор будет, — обернулась к ней принцесса. — И нешуточный.

На широком, как черная сковорода, лице появилось выражение полнейшего равнодушия — впрочем, скорее всего не искреннего.

— Помнишь, ты как-то пожелала с нашим сыном понянчиться... Могу тебе эту возможность предоставить. Но предупреждаю: на острове моем беспокойно, каждый час беды ждем. Потому нам не только нянька нужна, но и добрый обережник, на которого детей не страшно оставить.

Последнее замечание возымело свое действие.

— А сколь дитяток-то?

— Трое. Один мой, двое подкидышей. Но растить их как своих буду. Один, ваших кровей, тихрианских, совсем еще кроха, несколько дней как свет белый увидел. Мать неизвестно где, папаша, как зверь бродячий, только в лес смотрит. Может, тебе по твоим годам и трудновато будет, так ты не стесняйся, откажи сразу. Потому как легкой жизни не обещаю.

— Вырасти мне мальчонку того, Паяннушка, —

вдруг неожиданно вступил в разговор молчаливый князь. — Если отец от него и вправду откажется, я его сыном нареку, наследником своим оглашу.

— Прям щас! — Паянна развернулась к нему, упредев кулаки в крутые бока. — Сам как по жердочке над пучиной ходишь, один у тебя оберег — золото голубое, что тебе только и ведомо, где захороненное. Ежели тебя скинуть, то новому-то правителю без казны государить — что без порток на трон садиться. А вот ежели сосунка безродного опосля себя княжонком объявишь, так уж точно вас обоих порешат, и золотишко припрятанное не поможет. Помянешь мое слово, да поздно будет. Главное дело — дитё невинное на твою совесть поляжет.

Темное лицо князя, и без того безрадостное, теперь точно окаменело. И мона Сэниа просто задыхалась от невозможности хоть как-то унять эту боль.

— Зачем ты так, Паянна... — прошептала она невольно. — Может, все это и верно, но не сейчас же!

— Сама знаю. Только не скажешь правду вовремя — потом горюшка втрое нахлебаешься.

— Оставим это, — решил, как отрезал, Лронг. — Судьба мне бобылем бездетным век вековать. И быть посему.

Паянна упрямо мотнула головой:

— У судьбы две ладони, князь!

Это было произнесено так странно и многозначительно, что мона Сэниа даже вздрогнула.

— Ты хочешь сказать, — переспросила она, — что у судьбы, образно выражаясь, полные горсти всяких вариантов дальнейшей жизни?

Черные выпуклые, как у гигантского ящера, глаза медленно прикрылись тяжелыми веками. Паянна протянула вперед руки открытыми ладонями вверх и замерла, точно изваяние какого-то языческого божества.

— Две ладони у судьбы, — прозвучал ее голос, глу-

ховатый и зычный одновременно, хотя она, кажется, совсем не шевелила губами. — На одной из них начертано то, что общей долей положено тебе на веку твоём. А на другой — то, что сверх меры той ты властна взять мудростью своею, княжьей волею и неумной страстью. И равновесомы эти ладони, и нет греха следовать предназначениям что левой, что правой.

Некоторое время в просторном шатре стояла мертвая тишина — и князь, и принцесса невольно сопоставляли свои собственные судьбы с неожиданным пророчеством старой тихрианки.

Мона Сэниа опомнилась первой:

— От кого ты слыхала эту премудрость, Паянна?

Та вздохнула шумно, с задумчивым всхрапом, точно крылатая кобыла в стойле; медленно подняла веки.

— Так я ж весь век свой, почитай, провела в утренних землях, где супруг мой покойный воеводил. Не приведи тебя, княжна, тую жизнь повидать! Люди там не заживаются, потому как солнце там зело ярое и злоебучее. Кровь оно людскую травит бесповоротно, но помирают от того не быстро, ой, не быстро... Перед кончинушкой мудрость на страдальца снисходит, вот и бают кто о чем; вроде простой народ, далеко им до сибилл да красноризцев, а иной раз послушаешь — только диву даешься. Так-то.

Князь, до того внимавший ей с мучительным напряжением несбыточной надежды, звучно хлопнул себя по колену и решительно поднялся — и без слов было понятно, что Паяннину притчу о двух ладонях судьбы он отмел раз и навсегда:

— Возблагодарим солнце милостивое, что посылает оно уходящим в ледяные края сказки-небыли утешительные.

— Это почто ж — сказки? — Было заметно, что лишенная придворных условностей жизнь в весенних краях не приноровила старую воеводину к субордина-

ции. — Вот прожила я, почитай, весь отмеренный мне век по убогой судьбинушке, с одной токмо руки считанной. Ан глядишь — и другая ладонь мне нонче приоткрылася.

— Так то и есть твоя судьба, единая и бесповоротная, — возразил Лронг. — Стало быть, именно так тебе и на роду определено.

— На роду мне присужено так бы и закахнуть при тебе, князь, воеводою на бабьем подворье. — Голос ее стал холоден и категоричен, словно она выносила приговор самой себе. — Идем, княжна нездешняя, сборов у меня никаких — все добро семейное в казну отдано.

Мона Сэниа вопросительно глянула на Лронга: добром ли отпускает? Тот только кивнул. Но Паянна поняла его по-своему:

— А за подкидыша ты не опасуйся, князь — я его выпестую. — Она властно протянула принцессе мускулистую руку, словно сама собиралась вести ее в неведомые земли.

— Тогда еще одно, — быстро проговорила мона Сэниа, доставая нитку хрустальных бус с колокольчиком посередине; — носи это, пока по моей земле ходить будешь, чтобы речь твоя понятна была окружающим.

Паянна удивленно подняла крутые валики бровей, недавно подбритых, но уже порядком закурчавившихся:

— Не по годам мне такая цацка... Ну да ладно.

Хрустальная цепочка разомкнулась, послушно, точно живая змейка, обвила ее крепкую, отнюдь не старческую шею и снова замкнулась намертво.

Это было ожерелье Скюза.

Паянна прижилась на удивление быстро и естественно — как понимала принцесса, у тех, кто посто-

янно находился в голове бесконечного каравана, тянувшегося по каждой тихрианской дороге, способность к стремительной адаптации была необходимым условием выживания. Дружинники, не раз за минувшую зиму сопровождавшие свою повелительницу на Тихри, к Милосердному князю и потому уже знакомые с его домоправительницей, приняли ее с добродушной снисходительностью; однако после того, как она как-то раз отобрала у Киха меч и, орудуя им с нестарческой сноровкой, загнала растерявшегося Флейжа в угол, благодушие сменилось определенным уважением, хотя каждый из зрителей понимал, что галантный воин мог противопоставить почтенной леди хорошо если половину своей силы и мастерства.

Командор, относившийся ко всем инопланетянам с толерантностью, обусловленной полным отсутствием антропоцентризма (что было вполне естественным для выпускника Космической Академии), все-таки при виде Паянны по-прежнему вздрагивал, что, впрочем, тоже было нормально для бывшего курсанта вышеупомянутого учебного заведения, где все поголовно, включая преподавательский состав, были тонкими ценителями женской красоты.

Харр поглядел на нее тупо, покивал, как старой, но не близкой знакомой, и больше не замечал.

Заминка произошла только, так сказать, с аборигенами Первозданных островов: Ардиень испуганно вскрикнула и прижалась к стене, а мохнатый свянич, поднявшись на задние лапки, выставил вперед упругие усы и угрожающе защелкал основательных размеров жвалами.

Паянна бесстрашно ухватила его поперек спинки, точно рака, внимательно оглядела со всех сторон и, непочтительно дунув ему в мордочку, отчего тот судорожно прикрыл глаза передними лапками, поместила его обратно в изножье колыбели, под которую он и

заполз, чтобы в присутствии грозной великанши больше оттуда не выползать.

— Ладный шурушетрик, — изрекла она, обтирая руку о свою выдавшую виды юбку. — Пока мал, пусть мух да саранчу к мальцу не подпускает. А начнет подрастать, так в загон его, а то как бы младенчика не заел.

Ардиень испуганно хлопала пушистыми ресницами и от каких бы то ни было объяснений воздерживалась — может быть, надеялась, что эта гостья, так похожая на черного левиафана, здесь ненадолго.

Зато Харров отпрыск, которому свянич нечаянно пощекотал голую пятку, требовательно заорал.

— Чегой-то он? — удивилась Паянна — подзабыла, как видно, отчего дети плачут.

Ардинька, все еще не в силах справиться с оцепенением, в которое ее поверг один вид чудовищной гостьи, беззвучно шевелила своими крупноватыми, мягко говоря, губами; Юрг, наблюдавший эту сцену на случай непредвиденного конфликта, счел возможным пояснить:

— А это у нас по детской песенке: когда едят, они не спят; когда не спят, они едят.

— Во стервец! — умилилась новоиспеченная нянька. — И давно кормлен?

— Только что... — прошелестела наконец Ардинька.

— Стало быть, питье не по евонному жору. Пошлика, рыбонька, покажешь мне, от какой скотинки молоко доено.

Она бесцеремонно пихнула Ардиньку в спину толстым пальцем, больше напоминающим черный огурец, и обе двинулись к выходу из естественного каменного ограждения Бирюзового Дола.

— Эй, кто-нибудь там, проводите!.. — запоздало крикнул командор.

Из привратного кораблика выскочил Борб, бывший

сегодня в карауле. Паянна, не умеряя шага, выхватила у него из ножен меч и шагнула в темную дыру прохода. «А на кой ляд нам провожатые!» — донесся оттуда ее трубный бас.

Юрг растерянно повел плечами, но Гуен, не очень-то склонная к умозрительному анализу происходящего, снялась со своего насеста и ринулась следом за ушедшими.

— Слушай, поговорила бы ты со своей протеже, — обратился Юрг к жене, тщетно пытавшейся утихомирить орущего младенца.

— Проте... что?

— Же, вот что. У вас, стало быть, это слово непереводимо? Счастливая цивилизация. Пожалуйста, втолкуй этой бабище, что Ардиень-свет-Алэловна — все-таки королевская дочь, и обзывать ее «рыбонькой»...

— У нас же все ее так втихомолку называют, а Харр, бывало, и прямо в глаза именовал. По-моему, она считала это просто ласковым обращением и на фамильярность глядела сквозь пальчики, как и подобает истинной аристократке.

— Ты что, мое твое величество, не понимаешь? Этим туземцам инопланетным только волю дай, они тут всех обхают и на шею сядут. С прислугой надо обращаться адекватно.

— Что-что? С прислугой? Откуда такие познания, благородный эрл? Не ты ли мне рассказывал, что у вас на Земле...

— Из художественной литературы. Так что расставим точки над *i*. Я не могу возражать против того, чтобы она некоторое время помогала тебе и Ардиньке кормить и пеленать нашего скандалиста. Но командовать моими людьми, отбирать их личное оружие...

— Ай-ай-ай, командор, и что же это у тебя за воины, если простая бабуля может у них оружие отобрать? Личное притом.

— Дразнишься?

— В кои-то веки повод появился!

— Ну-ну, отольются кошке мышкины слезки — ты еще с ней наплачешься! — пообещал рассвирепевший супруг.

— Что-то пока я наблюдаю только скупые мужские слезы... Ну хорошо. Я с воеводшей поговорю, чтобы она распоряжалась только в детской и на кухне — то есть там, где понадобятся женские руки. Согласен?

— Женские руки! Да во всей Вселенной не найдется больше юбки, об которую обтирались бы еще одни такие лапищи!

— Тс-с-с... Они возвращаются.

Обе женщины, так разительно непохожие друг на друга, возникли из воротец, дружелюбно беседуя, как ни в чем не бывало. Командор возвел очи к лазоревым весенним небесам — это ж надо! И на щеках у Паянны уже красовались какие-то белые загогулилки, вроде японских иероглифов — сметаной ее Ардинька разрисовывала, что ли?

— Негоже мальцу молоком от двурогой скотины пробавляться, — безапелляционно изрекла воеводша, останавливаясь перед принцессой в извечной своей позе — уперев кулаки в бока; — сыти недостает. Вели отослать Арду-царевну к батюшке, пусть он спроворит к нашему двору молочную рогатиху поудоистее. А не сумеет, так я сама в его стойлах пошустрю.

Юрг тихонечко застонал.

— И вот еще что, — добавила она, принимая от принцессы темнокожего буяна. — Не сказывала ты, как этого молодца неумного звать-величать.

— Эзерисом.

— Ладно придумано. Светло, солнечно. Эшка, значить. — Похоже, Харров отпрыск стремительно обрстал уменьшительно-ласкательными именами. — Ну снесу его в постелю. Ты токмо павам своим вели, —

черный перст обратился в сторону Фируза с Кукушонком, — чтобы громко не мяучили.

Она повернулась и размашисто зашагала по трепещущим колокольчикам, которым вряд ли суждено было выжить там, где ступала ее ножища. Мона Сэниа невольно послала дверному люку мысленный приказ распахнуться пошире.

— Забавно...— задумчиво проговорила мона Сэниа, когда они с Юргом остались наконец одни. — Ты слышал — павы. Стало быть, в наших крэгах она не узнала анделисов.

— Их же никто из тихриан практически не видел: днем они в своих загончиках заповедных дрыхнут, а когда дым сигнальный всем тамошним людям спать велит, то возле мертвецов, как падальщики, собираются. И потом, возьми хотя бы Харра — сколько раз он тут на Кукушонка да Фируза глядел, а в стрекозе своей синенькой, которую он из своих кудрей вытряс и пирлюхой назвал, маленького крэга распознать так и не смог.

— И все-таки... Должна бы она что-то почувствовать! Значит, нет у нее никакого колдовского дара. А то я начала это подозревать, глядя на то, как она мгновенно располагает к себе всех окружающих. Вон, гляди, и Ю-ю с Фирюзой на четвереньках за ней ползут — подглядывать. Нет, что ни говори, а теперь мне спокойнее будет улетать на Сваху, оставляя вас всех на ее попечение.

— Я не ослышался? Тебе? Разве сейчас твоя очередь? И потом, оставаться тут нос к носу с этой гипопотамихой... Да лучше с белой медведицей!

— Муж мой, любовь моя, — мона Сэниа сложила руки на груди в молитвенном жесте; — ты смеешься над моими видениями, величая их гаданием на кофейной гуще, но я уверяю тебя: мне вот-вот откроется что-то значительное, что я смогу уловить и понять только там,

в тишине и уединении туманной долины. Может быть, мне укажут совсем другое место...

— Сэнни! Одумайся — там нет никого, кто мог бы указывать, иначе я вообще не отпускал бы тебя туда. Я же объяснял тебе: это подсознательные процессы, я ведь тоже в свахейской тишине начинаю так отчетливо слышать свой внутренний голос, словно со мной говорит кто-то посторонний. Я мысленно задаю вопрос — и тут же получаю ответ. Обстановка там такая, к созерцанию собственного пупа располагающая.

— Но я тоже вроде бы получаю ответы! И, насколько я поняла, в последнем был намек на то, что амулеты, которые мы ищем в Урочище Белых Тараканов, оттуда каким-то образом улетели — или были унесены.

— Вот так прямо на твоих глазах?

— Нет, я не знаю, когда и каким образом, но мне это совершенно определенно привиделось в тумане.

— Это просто иллюзия.

— Ты мне не веришь только потому, что не хочешь меня отпускать!

Сзади послышался звук, словно хлопнуло на ветру полотнище тяжелого флага.

— Почто собачитесь, благоверные? — несмотря на тяжесть походки, Паянна приблизилась совершенно бесшумно.

— Да вот нужно слетать в одно место, — тон у принцессы был как у обиженной девочки, — и мы каждый раз спорим...

— Делов-то! Киньте жребий, и вся недолга. — Она пошарила в складках своей необъятной юбки и извлекла что-то вроде посверкивающей бляшки или крупной пуговицы. — Держи, княжна, ты меня ожерельем обдарила, так это тебе взамен.

— Голубое золото!

— Ну а что мне в ём проку... Хоть и приданое энто мое, еще прадедом найденное. Кидай оземь!

Принцесса неуверенно повертела в руках драгоценный кругляш — с одной стороны отпечаталась неровная частая сеточка, на другой было отеканено хмурое, совсем не тихрианское лицо с определенно зверским выражением. Паянна требовательно кивнула:

— Ну выбирай: рожа или рогожа?

— Рогожа! — торопливо чирикнула принцесса детским голоском и высоко подбросила вверх дареную кругляшку.

Голубой просверк разрезал воздух, точно падающая звезда, и Юрг, подпрыгнув, поймал на лету их новый талисман.

— Ну вот видишь, я была права, — торжествующим тоном возвестила мона Сэниа, глянув на его ладонь. — Рогожка. Да не волнуйся, муж мой, любовь моя, я как и в прошлый раз только посижу на уступчике, в туман погляжу. Потом мы с тобой обсудим, где искать дальше, ведь сколько времени копаемся то в пыли, то в болоте, а толку никакого. Не знаю, как тебя, а меня это уже раздражает.

Но Юрг, словно не слыша ее слов, придирчиво разглядывал маленький, но тяжелый кружочек незнакомого металла.

— Скажи-ка, Паянна, а у вас всегда деньгами служили жемчужины? Вот таких кругляшей в ходу не было?

— Сказанул — в ходу! — Тихрианка хлопнула себя по бокам, так что Гуен на верхушке центрального купола испуганно забила крыльями и закричала дурным голосом. — Да на одну такую финтифлюху два, а то и три каравана на корню скупить можно! Кто ж ими швыряться-то будет, а паче того — при себе в кисете носить? Тут и честной караванник позарится, не говоря о татях разбойных. Не-ет, окромя моей, такой штуковины днем с огнем не сыщешь. Одна она, и никому про нее не ведомо.

— Странно. Я почему-то убежден, что это — монета, и не такая уж древняя. Может, с другой дороги?

— Да ни в жисть! — Паянна отмахнулась тяжелой лапищей, так что Юрг едва успел шарахнуться в сторону. — В других землях голубого золота и в помину нет. Токмо у нас.

— Вот это меня и удивляет: у вас-то оно откуда? И в слитках притом, насколько я помню Оцмаров клад. Даю голову на отсечение, что ваша металлургия дорастет до получения таких температур, какие требуются для плавки золота, лет так через тысячу. Так кто тут руку приложил?

Паянна зевнула, как пантера.

— Чегой-то темно ты баешь, князь, — проговорила она равнодушно. — Уму недоступно. На что люди не гожи, на то кудесная сила найдется. Так-то.

На такой аргумент оставалось только за ухом почесать.

— Ну я лечу, с твоего позволения? — нетерпеливо подала голос принцесса.

— О, дьявол, кто о чем, а шелудивый о бане... Держи свой собачий жетончик, мое твое величество, и лети на все четыре стороны!

Довела-таки, однако.

9. В логове бога

Посидеть на облюбованном уступчике не удалось — он был безнадежно загажен забравшимся сюда туканярой. Ких, выглянув из кораблика, гадливо принялся и, не спрашивая разрешения, одним разрядом пришиб осквернителя их посадочной площадки. Вместе с Дузом они спихнули подрагивающую тушу вниз с обрыва, и белесые тараканищи длиной с древко стрелы тут же устремились к дармовой кормежке.

— Фу, — сказала принцесса, так и не рискнувшая высунуть нос из люка. — Давайте-ка срочно перебазираться на другой конец долины, а то не проветрится будет.

Но когда они очутились на противоположном краю каменного «корыта», то под ногами увидели тонкую взвесь еще не осевшей пыли.

— Обвал, — констатировал Дуз. — Сравнительно недавний.

— Могло быть и небольшое землетрясение, — предположил Ких, хотя его не спрашивали — вольность, явившаяся следствием того, что командор всеми силами старался развить в своих воинах зачатки самостоятельного мышления.

Мона Сэниа чихнула.

— Искать-то все равно надо, — раздраженно проговорила она. — Может быть, все и к лучшему, откроется еще какая-нибудь пещера, или трещина обнаружится... Короче — за дело. Только будьте внимательны: малейший шум под ногами — и, не раздумывая, сюда. Ну а теперь Ких — налево, Дуз — направо, а я пока останусь здесь. Удачи!

В одиночестве стало немного легче. Она присела на пороге кораблика, решив подождать, пока осядет пыль. Пришлось трижды чихнуть, и это малоприятное занятие отвлекло ее от проблем, которые она собиралась решать в этой приглянувшейся ей долине, ласкающей душу мягкими лапками своей безлюдной тишины, где ответы рождались сами собой, словно подсказанные добрым гномом. Так что же за странная перепалка... а-а-а! — вышла сегодня у нее с мужем? И только ли в том причина, что он ни с того ни с сего возненавидел Паянну? Ведь между ними и раньше вспыхивали ссоры, но какие-то быстротечные и, как правило, не лишённые примитивного юмора. Что же случилось на этот раз?

Ты не поверила ему до конца, и он чувствует, что между вами пролегла какая-то трещинка. Отсюда его раздражение.

Неправда! Между нами не осталось никаких подозрений; я убедилась, что во всем были виноваты его пикантные воспоминания, сказки про цветущий папоротник, завистливые взгляды Алэла на нашего сына...

Убедилась — это значит: убедила себя. Эти все объяснения от разума. А от сердца — кошачий коготок.

Слушай, внутренний голос, или как там тебя, я ведь сюда прилетела вовсе не для того, чтобы ворошить старые обиды. На всей своей нелепой ревности я поставила жирнющий крест, так что и ты изволь больше о ней не вспоминать. А сейчас лучше скажи мне, пока я не зачихалась до потери сознания...

Зачем тебе чихать? Вокруг тебя нет никакой пыли.

А ведь и правда. Чудеса! Только она не осела на землю, а следуя за гуляющей по дну долины «поземкой» превратилась в бесшумный золотистый смерчик, который внезапно поднялся и, пританцовывая вокруг кораблика, заключил его в янтарную сферу, образуя золотистый полупрозрачный кокон; каменный карниз, дымящаяся подземным паром долина, сырое низкое небо — все затуманилось и исчезло, остались лишь вихрящиеся узоры. Они складывались в контуры, с удручающей быстротой сменяющие друг друга, а потому не узнаваемыми...

Это оттого, что ты никак не можешь сосредоточиться на чем-то одном.

Хм, Паянна тоже советовала сосредоточиться, но сегодня мысли скачут, как здешние кузнечики, такие прозрачные и невесомые... Да. Я готова. Сосредоточилась.

Тотчас же золотисто-коричневые волнистые линии снова завихрились, словно кто-то рисовал в воде тончайшими струйками сепии и охры; сменяющие друг

друга контуры теперь напоминали развалины здешних городов, которых они перевидали за этот год несметное множество — рассыпавшиеся башни и минареты, обрушившиеся акведуки и возносящиеся к облачным небесам смятые каркасы, которые уже никогда не обростут кирпичной плотью ... Нет. Это все очень любопытно и даже притягательно, но — для Юрга.

Жаль, бесконечно жаль. Тогда что хочешь увидеть ты?

Хоть что-нибудь магическое, невероятное! Ведь жили же когда-то здесь, в этой долине, настоящие колдуны?

Зачем спрашивать то, в чем ты и без того уверена?

Действительно. А вот и тени появились, похожие на скорбных ангелов с наших древних фресок, созданных неведомыми художниками еще до Темных Времен. Тогда вопрос: а почему они жили у этом уединении, а не в городах вместе с остальным населением? Ведь кудесники для того и существуют, чтобы помогать людям...

Злобные проблески, похожие на языки пламени, заматались вокруг, пожирая призрачные человеческие силуэты, Утончаясь и темнея, они превращались в горизонтальные и вертикальные росчерки, похожие на рыбачьи сети.

Понятно. Костры и решетки.

А чего ты еще ждала от технократической цивилизации, не признающей никакой магии — и в то же время мучительно завидующей ее носителям?

Тупиковая цивилизация и никудышные чародеи. Может быть, объединившись, они и смогли бы спасти свой мир...

Если бы нашелся человек, который начертал эти слова на своем знамени и сплотил под ним и тех, и других.

В сказках и преданиях боги всегда рожают такого человека, причем в нужное время и в нужном месте.

А в действительности и богам свойственно ошибаться...

Ты говоришь так, будто... будто я слышу не отзвук собственного «я», а глас какого-то высшего существа, принадлежащего к числу небожителей. Или нет?

Называй меня все-таки «своим внутренним голосом» — и тебе спокойнее, и меня это забавляет.

Да я не забавляться сюда прилетела!

Ну если ты решила наконец вернуться к тому, зачем ты здесь, то постарайся все-таки отогнать от себя все праздные мысли.

Да проще простого. Вот первая непраздная мысль: мне необходимо нечто, сотворенное при помощи магических сил. Талисман. Амулет. Оберег. С указанием места, где он находится. И поточнее, пожалуйста.

Гм... Ну. ладно. В этом месте ты уже однажды бывала. Припомни.

Пылевая взвесь, окружавшая ее, снова пришла в движение и как бы разделилась на два слоя: самые темные пылинки отступили назад и образовали что-то вроде слегка мерцающего фона, на котором легкая охра начертала уже знакомую картину: чудом уцелевшие сдвоенные башни, преддверье когда-то возносящихся ввысь, но сейчас уже рассыпавшихся в прах циклопических сооружений; у подножия правой пары башен, точно река почерневшей крови, змеился застывший зловеющий поток; и самое непостижимое — в центре этой безжизненной панорамы громоздился гигантский шар на шести растопыренных опорах, на вид весьма ненадежных, который загадочным образом не тронули ни молнии, ни ураганы, ни землетрясения.

На эти руины они наткнулись совершенно случайно еще в первые свои посещения Свахи, когда не водила их с места на место магическая «поземка», и тогда в кладбищенской тишине они слышали мерное постукивание, доносившееся сразу с трех сторон. В то

время они еще не знали, что это всего-навсего вездесущие туканяры, и присвоили этому месту легкомысленное наименование: «Три Часовщика».

Помнится, тогда Юрг, со всей осторожностью изучив лежащие позади башен развалины, с удивлением констатировал, что здесь не обошлось без взрывов, умелых и безжалостных; громадная же сфера, ими почему-то не тронутая, но не пощаженная временем, при ближайшем рассмотрении оказалась настолько изъедена трещинами, что командор строго-настрого запретил даже приближаться к ней, чтобы не быть погребенным под ее обломками, когда она в самый неподходящий момент все-таки рассыплется в прах.

Ну что ж, место памятное, попробуем поискать там. Спасибо!

Погоди, это еще не все...

Где-то в глубине горных недр послышалось глухое урчание, камни на дне долины шевельнулись, а прозрачный сферический экран пропал, как будто его и не было. И в тот же миг прямо перед нею возник Ких — так внезапно, что она даже отшатнулась. Карманы его жавровой куртки подозрительно оттопыривались.

— Ну сколько раз надо предупреждать, чтобы вы не подбирали всякий мусор! Что там у тебя?

— Вот. — Он протянул на ладони не то плоский комок ссохшейся глины, не то залежалую ракушку. — Из свежей трещины выкатилось. Я подобрал на всякий случай...

Вид у юного дружинника был смущенный, словно ему стыдно было за то, что он осмелился преподнести своей повелительнице какую-то трухлявую пакость.

Но она приняла до странности невесомую окаменелость на обе ладони бережно, почти благоговейно, не сомневаясь в том, что это подарок, только неизвестно — от кого; повинувшись какому-то внутреннему импульсу, поднесла к губам и подышала на него, словно желая оживить своим теплом.

И ничего не произошло. Заскорузлая поверхность затуманилась, и только. И все-таки сохранялось ощущение, что внутри — что-то живое, неуловимо пульсирующее...

Появился наконец Дуз, маленького землетрясения как видно просто не заметивший, но зато сразу углядевший, что принцесса с младшим дружинником что-то отыскиали.

— Моллюск, — как всегда предельно лаконично констатировал он. — Дохлый. И давно.

— Может, кинжальчиком поковырять? — с естественным простодушием проявил инициативу Ких.

— Ни в коем случае! — вскрикнула Сэнни, как будто ей предложили резать по живому.

Потекли замедленные минуты ожидания. Все, замерев, вглядывались в ребристые, плотно сомкнутые створки, словно надеясь, что они сами собой раскроются. И наконец, оправдывая их надежды, ракушка на глазах принялась молодеть, освобождаясь от известковой коросты веков и одеваясь золотистой оболочкой, испускающей ровное негреющее свечение; этот призрачный опаловый шар разрастался на глазах, отмеряя объем пространства, подвластного волшебству — как мыльный пузырь, рожденный капризом ребенка. В воздухе означилось напряжение, точно натягивались тысячи струн. Сейчас... Вот-вот...

Что-то полыхнуло, черно и нестрашно, и руки девушки ощутили едва уловимое шевеление. И точно: теперь на ее ладонях лежало нечто, напоминающее бледную мальву о двух лепестках, и угольный пестик чернел посередине, традиционно окруженный щетинками тычинок. Выходит, это был просто засохший бутон, который раскрылся, согретый ее дыханием — только вот зачем?

И, словно оскорбившись этим непониманием, лепестки задержались, словно лапки перевернутого на спинку

краба, затем с легким щелчком сомкнулись, и миниатюрная древность обрела свой прежний ископаемый вид.

Ну и что теперь с ней делать?..

Возьми ее с собой, а там видно будет.

Это надо понимать, что никаких амулетов в этой долине больше нет, а если что и попадется случайно, то это только забавные игрушки. Так?

Молчишь. Что ж, и на том спасибо.

Суета, поднятая Юргом вокруг мумии засохшего бутона, поначалу развлекала мону Сэниа, но мало-помалу начала-таки ее раздражать. Ну ладно, отправил в козий загон всех обитателей Игуаны, включая четвероногих, шестиногих и пернатых, оставив при себе в наглухо запертом шатровом покое только Сорка, как самого осторожного из всей дружины. Но зачем же расчехлять тяжелый полевой десинтор? Ведь и ежу ясно, что это оружие против чародейства — все равно что теннисная ракетка против шаровой молнии.

Когда все мыслимые и немыслимые меры предосторожности были наконец приняты, Юрг уселся за низенький черепаховый столик и развернул лоскут жавровой шкурки, в который предусмотрительно был завернут свахейский артефакт. Сорк замер за его спиной. «Так, подышим...» — пробормотал командор, осторожно обнюхивая приплюснутый шершавый катышок и одновременно пытаясь согреть его своим дыханием.

Чем бы он ни был, но никак не желал ни пахнуть, ни раскрываться. Может, потерять? Юрг принялся надраивать упрямую окаменелость, поминая недобрым словом Аладдина и всех джиннов арабского фольклора, вместе взятых. Результат оставался нулевым.

— Может, эта фиговина функционирует только в женских руках? — предположил Юрг, оборачиваясь к Сорку.

Тот нахмурился: как и большинству прирожденных вояк, любые магические штучки были ему не по душе, и ничего доброго он от них не ждал. По его разумению, командор был трижды прав, когда не позволил высокочтимой принцессе вместе с ним исследовать эту подозрительную поделку древних колдунов.

— Но госпожа сейчас в безопасности... — дипломатично обронил он, не решаясь на прямой совет.

Как же, в безопасности! Она не носила бы титул «ее своенравия», если бы продолжала отсиживаться в окружении своих снежнорунных коз. Посему как только в их маленьком замке захлопнулся вход, она бесшумно перелетела в спальню и теперь наблюдала за манипуляциями супруга через дырочку в ковровой занавеске. Пока ее вмешательства не требовалось — командор полировал «ракушку» полой камзола, потев от досады.

— Черт бы подрал все эти шаманские фигли-мигли, — не выдержал он, швыряя неподдающийся амулет на стол. — У себя я просто просветил бы его рентгеном, возраст определил радио-углеродным методом, потом вскрыл лазерным лучом... Сгонять на Землю, что ли?

Сорк, с уважением внимавший непереводаемым заклинаниям, при последних словах невольно оттопырил нижнюю губу: знал, как относится его высокочтимая госпожа к любым предложениям для экскурсов командора на родину.

Юрг скопился на его мину, понял. Эта подспудная и необъяснимая неприязнь к Земле, которая передавалась от его супруги к остальным джасперянам, всегда раздражала его. Он встал, отшвырнув ногой табурет, схватил хрустальный кувшин с родниковой водой, напился прямо из горлышка.

— Все-таки это просто ракушка, — пробормотал он. — Ну так ты у меня сейчас отмокнешь, тварюга водяная...

Кувшин лязгнул по черепаховой крышке стола, точно кованый сапог.

— В таких случаях моя интернатская нянька говорила: господи, благослови...

Принцесса за ковром скептически усмехнулась: насколько она помнила, ее звездного эрла в основном пестовала рыжая псина по кличке Брага. Чтобы нечаянное шевеление занавески не выдало ее присутствия, она мысленно приказала полупрозрачному куполу слегка притемниться, словно солнце заслонила неожиданная туча. Сумерки, сгустившиеся в шатровом покое, оставляли ей теперь только частое дыхание Юрга, долетавшее до нее теплыми толчками воздуха; слышался легкий булькающий звук — свахейская диковинка окунулась в воду.

В первый миг ничего не произошло; затем прежде, чем она успела что-либо рассмотреть, у нее появилось ощущение, что в комнате присутствует еще кто-то. А затем она услышала сдавленный вскрик Сорка, прижавшегося к стене.

В центре маленького зала начало светлеть, вокруг застывшего столбом командора сгрудились какие-то тени, с каждой секундой становящиеся все отчетливее... Мона Сэниа тоже чуть не вскрикнула, увидев, что это — она сама в походном снаряжении, и Ких, и Дуз.

Она отбросила занавеску и шагнула вперед. Юрг оглянулся и, раскрыв рот, ошеломленно переводил взгляд с одной собственной жены на другую.

Принцесса бесстрашно протянула руку, пытаясь отодвинуть в сторону появившегося здесь без спроса Киха — и покачнулась: рука, не встретив ни малейшего сопротивления, прошла через пустоту.

— Фу... — командор наконец перевел дух. — Что-то вроде голограммы. А я уже ошалел от радужной перспективы, когда на одну мою бедную голову будут две

жены со всеми их капризами! Только как теперь это художество погасить?

Мона Сэниа подпернула рукав, запустила руку в кувшин и выудила шероховатую плюшку. И тут же застывшие вокруг кувшина призраки померкли и безвозвратно растворились в воздухе.

— Теперь я догадываюсь, зачем это мне подарено, — проговорила принцесса, обтирая мокрый амулет о подол платья. — Мне недаром показали панораму Трех Часовщиков — несомненно, там имеется что-то такое, что надо будет таким же образом запечатлеть во всех подробностях. Завтра же слетаю туда.

— А ты уверена, что это фокус у тебя и во второй раз получится? Я вот дышал до хрюканья — и ни черта.

Мона Сэниа уверенно взяла «тварюгу водяную»,дохнула — и ничего. Подышала подольше — результат был тем же.

— То-то,— не без злорадства констатировал звездный эрл. — Но не может же эта чушка быть одноразового пользования, как... Кхм. Просто нужно в точности восстановить условия эксперимента. Вызови-ка Дуза и Киха.

Те мгновенно явились на зов.

— Вспомните, други мои: перед тем как эта штуковина раскрылась, не производили ли вы каких-нибудь манипуляций... ну хотя бы пальцами в карманах шевелили, фиги складывали? Нет? А о чем думали?

Дуз пожал плечами — кроме безопасности принцессы, его в этих экспедициях ничего не занимало. Зато Ких смущенно переступил с ноги на ногу.

— Давай, давай. — ободрил его командор. — Что уж там, телись.

— Да я... собственно, я все пытался вспомнить, только не получалось... в одной истории, что перед сном принцу сказывали, говорилось... — Было видно, что ему

страшно неловко признаваться в том, что он любил подслушивать детские сказки. — Слова такие, точно не помню, но вроде как «барьзам, откройся!»

Он еще не закончил фразы, как с легким треском «ракушка» отворилась — словно раскрылась нежная кошачья пасть с черным язычком. И тут же обратно захлопнулась.

— Вот так клюква! — изумился командор. — Хотя на самом-то деле надо было произнести: сезам, откройся...

Он даже не успел изречь каноническую формулу заклинания, как розовая пасть снова зевнула.

— Вот это да! — восхитился Юрг. — Выходит, на нее любая чепуховина, вроде симбиоза бардака с бальзамом, действует как петушиное слово. Ну тогда: мадам, откройся!

Нуль-эффект.

— Вигвам, откройся! Бедлам, откройся! Чертова перечница, откройся!

Результат тот же.

— Тонь, сонь, оберегонь, откройся... — еле слышно прошептал Ких, припоминая какие-то тихрианские заклинания.

И «ракушка» тотчас щелкнула створками.

— Ты где это слышал? — поинтересовалась принцесса.

— Так сибилло голосило, когда мы с ним Рахихорда из колодезной темницы вызволяли. А что, нельзя было?..

— Нужно. Только впредь возле этого амулета ничего магического больше не произносить, даже мысленно! Все ясно. — Принцесса оглянулась и почувствовала, что никому и ничего не ясно. — Она открывается на любое волшебное заклинание. Только желательно прибавить: «откройся».

— Амулет-универсал! — восхитился командор. —

Даже представить не мог, что такие существуют. Но погоди, ведь Ких хотел сказать: барьзам. Похоже, что он этого слова не знает, просто слышал краем уха и переврал, запоминая; но оно ведь не магическое, бальзам — это самый обыкновенный шнапс, на травках настоящий, а бар...

Он вовремя спохватился.

— Но Ких-то этого не знал,— возразила принцесса; — оно в его памяти существовало как заклинание, и этот талисман, уловив его мысли, послушно произвел свое волшебное действие. Так что нарекаем эту волшебную ракушку Ракушкой и будем использовать как... забыла слово, эта штука только у тебя на Земле водится.

— Фотоаппарат?

— Ага, тоже нечто, не без магии. Так вот, это самое я и возьму с собой завтра...

— Ну уж нет. — В голосе супруга зазвучали диктаторские интонации. — С одной-то женой я как-нибудь справлюсь. Никаких «завтра». Лететь моя очередь, а то ты там якшаешься со всякими привидениями, подарки от них принимаешь, информацию inferнальную из них доишь. Пойми, это может оказаться ловушкой: сюрпризы, игрушки, а когда бдительность притупится...

— Довольно, — оборвала его мона Сэниа мягко, но решительно. — Если бы я выросла на твоей Земле, то для меня нормально было бы прыгать через веревочку. Но я принцесса Джаспера, и для меня естественно летать с одной планеты на другую, в нужный момент ускользая от грозящей опасности. Если ты расспросишь мою дружину о том, с чем я играла до встречи с тобой, скитаясь по всем землям Костлявого Кентавра, когда дальнейшая жизнь казалась мне бессмысленной, а возвращение на Джаспер — ненужным...

— Вот именно, — подхватил Юрг. — До. Но теперь у тебя есть Ю-ю, и вряд ли ты захочешь, чтобы он, как я, вырос сиротой.

Мона Сэниа вздохнула: аргумент был непробиваемый.

— Бросим жребий, — предложила она единственный компромисс, который пришел ей в голову. — Где тут у меня тихрианская монетка?

На Игуане ей сегодня везло меньше, чем на Свахе: очередной полет по жребию достался командору.

Но и ему не улыбнулась лукавая удача, когда на следующий день он в сопровождении Флейжа и Пыметсу отправился к развалинам Трех Часовщиков: поиски не дали ровным счетом ничего, а самолюбивое раздражение заглушило внутренний голос, настоятельно рекомендовавший ему еще раз посоветоваться с женой. Славные дружинники, как ни прививай им инициативу, ничего подсказать не могли и только путались у него под ногами: Флейж — беззаботно ухмыляясь, Пы — обиженно посапывая, что в последнее время вошло у него в привычку. Командор, не желая возвращаться ни с чем, ползал, чертыхаясь, по пыльным осыпям, распугивая крупнокалиберную насекомую живность на радость прожорливым туканьярам, которых то и дело приходилось отпугивать световыми разрядами.

Было совершенно непонятно, как здесь может пригодиться найденный Кихом амулет.

Наконец стало ясно, что еще пара часов безрезультатных поисков приведут путешественников только к остывшему ужину. Пожалуй, еще не было случая, чтобы командор возвращался домой в более гнусном настроении.

— Бедненький ты мой звездный скиталец! — В голосе жены он, впрочем, уловил не только сострадание. — Не хочешь ли развеяться? Кони оседланы.

— Знаешь, я сегодня уже намотался... — пробормотал он, выдираясь из ненавистного скафандра, без которого разгуливать по Свахе, где в любой момент мож-

но было ожидать любой каверзы, ему не позволяла привитая еще в Академии осмотнительность космолетчика. — А где Ю-ю?

— Все на море. Навестим?

— Хорошо бы...

На море действительно было хорошо, хотя и прохладно. Паянна, подоткнув свою бессменную юбку и подложив под себя сложенную вчетверо попону, восседала на прибрежном камне, свесив в воду громадные, как и у Харра, ножищи; сам менестрель, не приближаясь к кромке прибоя, возлежал на песочке, и Фирюза безрезультатно пыталась отколупнуть у него с эфеса драгоценный яхонт — в последнее время завистливая девица стала тяготеть к оружию, наблюдая за тем, как ее молочный братец учится владеть тупым деревянным мечом. Сам Ю-ю восседал на широких плечах у Борба, косо поглядывая в воду и выбирая момент, когда будет удобно туда кувырнуться.

В сторонке, баюкая запеленутого в расшитое одеяльце Эзериса, на бугристых корнях игольчатой ивы пристроилась Ардинька, в своей античной хламидке похожая одновременно и на наяду, и на дриаду.

— Идиллия-то какая, ну форменная Аркадия! — не удержался Юрг.

— Да, — согласилась мона Сэниа, поеживаясь в своем легком сиреневом наряде — лето еще не полностью вступило в свои права. — Такая уж идиллия, что и без всякого внутреннего голоса ясно, что обязательно что-то должно случиться...

— Плюнь три раза через левое плечо!

— А как же с этим... загрязнением водной среды?

— Ты делай, девонька, что тебе говорят, а то беду накличешь, — поддакнула Паянна.

— Вот заплыву подальше, тогда и плюну.

Она нетерпеливо сбросила платье, под которым обнаружился обольстительнейший ярко-лиловый ку-

пальник — последняя модель от Кардена, супружеский дар на Восьмое марта. Сей языческий праздник был с единодушным восторгом принят всеми джасперянами, в отличие от Дня Воина, ибо, как презрительно заявила принцесса, для каждого рыцаря существует единственный праздник — это миг победы над врагом.

Она взмыла в небо, чтобы, вообразив себя на миг легкоперым нырком, почти беззвучно кануть в вечернюю потемневшую воду. Она давно уже научилась чувствовать себя на глубине свободно и естественно, ведь это было сродни ее привычному невесомому парению под облаками. Глядя на свою повелительницу, славные дружинники — кроме, пожалуй, Эрромиорга, всецело занятого восстановлением замка — тоже повадились часами плескаться как на поверхности моря, так и среди шевелящихся куп причудливых водорослей...

Зудящий сигнал тревоги, не пугающий, но настоятельно требующий извлечь что-то из памяти, возник при этой мысли, но шаловливый шлепок пониже спины (и как это Юрг успел доплыть до нее так быстро?) заставил ее рассерженно извернуться, подобно выдре — и прямо перед собой принцесса увидала лунообразную добродушную морду, лупоглазую и вроде бы даже улыбающуюся. В сумеречной воде едва угадывалось крупное пятнистое тело, слишком неповоротливое, чтобы принадлежать хищнику; но неожиданность была столь велика, что перепуганная купальщица ракетой выметнулась из воды и очутилась рядом с супругом, который еще только-только спускал штаны, вознамерившись окунуться:

— Ой, а там кто-то крапчатый...

Мокрая и взъерошенная, она утратила всю собственную ей царственность и напоминала сейчас перепуганную земную девчонку.

— Разберемся. — Командор нагнул за десинтором,

который одинаково действовал как в воздухе, так и в воде.

— Стойте, стойте! — вскочила на ноги Ардиень, и тут крупная безухая голова, отдаленно напоминающая кошачью, явила себя из морской пучины и мерными толчками начала приближаться к берегу. — Это же сирвеная певучая, она мать всех брошенных детенышей! Ее мой батюшка для Юшеньки прислал...

Пятнистая «певучая мать» неторопливо приблизилась к берегу и, шлепнув лапами, наполовину выползла на сушу и перевернулась на спину, выставив белесое брюхо с отчетливыми рядами выпуклых розовых сосцов. Мохнатый святич, доселе прятавшийся под коряжиной, на которой пристроилась Ардинька, подбежал к уже успокоившейся воде и ко всеобщему изумлению забрался на тугобрюхую, точно надувной матрац, тушу. Он мелодично засвиристел и, обернувшись к Ардиени, призывно махнул лапкой. Царевна торопливо развернула длинноногого малыша и опустила его на влажное молочное брюхо; ни секунды не помедлив он, даже не успев открыть глазенки, безошибочно ткнулся в доверчиво подставленный сосок.

Все потрясенно наблюдали сказочную картину.

— Сирвеная будет приплывать сюда каждый вечер, — доверительным шепотом сообщила Ардиень, придерживая крошечного обжору за шоколадную попку. — Слаще ее молока на свете не бывает.

— Ты, царевна, Юшку-то вовремя отыми, не давай ему лишку наедать, а то ночью криком изойдется, — ворчливо проговорила Паянна, опасливо подбирая ноги.

Впрочем, взгляд ее прищуренных глаз был отнюдь не пуглив — так, наверное, в ее тихрианском утреннем краю глядели на врага, прикидывая, а не сделать ли из него союзника.

Принцессе этот взгляд почему-то запомнился.

Ардинька между тем смущенно улыбнулась, не желая, видимо, объяснять грозной домоправительнице, что нянчась сразу с двумя малышами всю эту зиму она все-таки набрала необходимый опыт, и осторожно подняв сосунка, отошла из воды.

— Чудненько! — восхитился Юрг, набрасывая на нее свой плащ, чтобы она не продрогла.

— Совершенно с тобой согласна, — задумчиво проговорила принцесса; — вот только... Мне тут внизу, возле дна морского, пришла в голову какая-то оч-чень важная мысль, но это пятнистое диво ее спугнуло. Теперь, сколько ни пытаюсь, ничего не могу припомнить.

Сирвенаяя фыркнула, сгоняя с себя свянича, сползла обратно в море и почти не шевельнув лапами исчезла, мгновенно набрав крейсерскую скорость. Ю-ю, взвизгнув, ринулся было следом, но Паянна поймала его за пятку.

— Ты вот что, княжна, — проговорила она, подымаясь. — Ежели хочешь что вспомнить — плюнь и займись другим делом. Потом само собой припомнится.

— Опять плевать... — брезгливо пробормотала принцесса. — И что это у вас сегодня все советы какие-то одинаковые? А для других дел уже поздновато. Прокачусь-ка я лучше.

— Смотри, не простудись!

О, локки полосатые...

Однако прокатилась. Крылатый конь недовольно всхрапнул, почувствовав под копытами нелюбезную его сердцу мелкую гальку. Восточный мыс. Первая луна уже покатилась вдогонку заходящему солнцу, и пепельно-лиловое марево прикрыло цепь островов, убегающую к архипелагу Алэла. Тут же непрошенно приплыла мысль, что ведь у Невесты тоже есть луна, исполинская, изрытая темными провалами... Забавно, и что это ее так тянет на эту пережаренную планету? Да ничего не тянет, просто немножечко любопытно, и все.

Достаточный повод, чтобы заглянуть туда еще раз. Одним глазком. Хоть на минуточку...

О, проклятие, те же самооправдания и на том же самом месте! «Хочу» — вот достаточный повод для принцессы Джаспера. Так было, так есть и так будет.

— Подожди меня здесь, — шепнула она коню, соскальзывая с седла. — Я ненадолго...

И джасперянский вечер сменился предрассветным ослепительным сиянием невестийской луны. В воспоминаниях она казалась даже не такой неправдоподобной, как на самом деле. Точно готовая обрушиться в хаос столпообразных утесов, громадная, ослепляющая, она была как-то по-драконьему безжалостна в холодном своем сиянии; белый мертвенный свет давил на кожу ощутимо и упруго, так что от него хотелось уползти в тень. Было в нем что-то от неумолимой тяжести палаческого топора...

Принцесса уже приготовилась нырнуть в знакомую лазейку под панцирной листвой, как вдруг навстречу ей вылетел какой-то меховой ком, от которого она отшатнулась, приняв его за здешнего зверя; но край листовенного полога с металлическим звоном приподнялся, и с радостными криками навстречу ей высыпала целая ватага невестийцев. Она досадливо поморщилась — ну вот, опять сейчас начнется поголовное упадание ниц и поскуливание: «Выбери меня...»

Ничего подобного. Кто-то подхватил с земли самодельный мяч и запустил в нее, так что ей понадобилась вся природная ловкость, чтобы увернуться. Раздались одобрителные возгласы, ну совсем как на турнире. Заметив, что в нее снова целются, она успела приготовиться и отпрыгнула в сторону легко и непринужденно, думая только о том, чтобы не забыться и в следующий раз не представить себе привычное ничто, как она делала всегда, когда хотела ускользнуть от чего-то нежелательного.

Но тут случилось вовсе невероятное: кто-то совсем непочтительно подставил ей ногу, и она, ойкнув, растянулась на земле, царапая себе коленки.

— А ты увертлива, хорошо играешь, — одобрительно произнес виновник ее падения. — Только вот забываешь под ноги глядеть. Ушиблась?

— Дал бы руку, — проговорила она, пытаясь подняться.

— Это еще с какой радости? Лежи, тебя же вышибли!

Она с замиранием сердца почувствовала, как стремительно теряет добрый десяток лет, превращаясь в проказливую пигалицу, гоняющую мяч со своими братьями на заднем дворе королевской резиденции. Именно там ей в последний раз в жизни ставили подножку...

Меховой ком прошелестел у нее над головой и шмякнул ее обидчика по плечу. Тот взвыл от обиды и повалился на землю, дрыгая ногами:

— У, крылан меня заberi! Говорил же — нельзя девчонок в игру принимать! Как засмотришься, так сразу удар проморгаешь... — он перевернулся на живот и подполз к ней, извиваясь, как уж. — А ты вообще-то откуда взялась?

Не желая вдаваться в объяснения, она неопределенно кивнула куда-то вправо.

— Из Троекошного подлесья, что ли? — настаивал он.

— Еще дальше.

— Врешь! Таких малолеток, как ты, дальше соседнего подлесья не пускают.

Она пригляделась к нему повнимательнее: заходящая луна высветила узкое большеглазое лицо какого-то странного матово-оливкового тона, словно никогда не выдавшее солнечного света, безусое, не тронутое никакими житейскими невзгодами. Ведет себя, как

сопливый несмышлениш, а ведь на голову выше Флейжа, да и лет ему примерно столько же.

— А я не очень-то спрашиваюсь, — проговорила она, стараясь держаться с ним на равных и для пущей убедительности показывая ему кончик языка.

— Врешь!.. — повторил он с восхищением.

— Нет, правда-правда. Я ищу Горона. У меня к нему дело.

Веселящаяся компания между тем вошла в раж — с ног сбивали уже не меховым мячом, а самыми примитивными приемами уличной драки; кое-кто с разбега перепрыгивал через лежащих — а таких было уже больше половины, и никто не подымался, как видно, блюдя правила нехитрой игры. Тот, кто был рядом, приблизил свое лицо почти вплотную:

— Слушай, нездешняя, я тебе открою тайну, только ты — никому. Волос из ноздри отдашь, если проболтаешься?

— Два.

— Горон скоро здесь будет. Старшие носильщицы меж собой шептались. Раз Лунного Нетопыря над нашей купиной видали, значит, скоро и Горон сюда проберется.

— А где это — ваша купина?

— Да ты что, ослепла? Вся вот эта зелень-серебрень, что наше подлесье укрывает, это и есть одна-единая купина. Тупая ты какая-то...

Она все-таки села, положив подбородок на коленки. Играющих осталось всего трое, и своими движениями они напоминали призрачных танцоров, покрытых лунной амальгамой; глядеть на них хотелось неотрывно.

— А этот полуночный Нетопырь... Он что, действительно на луне обитает? — повинувшись какому-то внезапному наитию спросила мона Сэниа.

— И на луне тоже. Видишь на ней три темных пят-

на? Это три его неприступных замка. А на нашей земле у него триста тридцать три обиталища.

— Интересно, где он сейчас?

— Везде. Он же — бог. Пребывает повсеместно, всё видит, всех слышит, всех судить волен.

Слова теперь сыпались, как горошинки — заученные, бесцветные.

— Постой, постой, ведь если твой бог — везде, то кто же тогда над вашей купиной пролетал?

— Ну остролист тебе на язык, и доняла же ты меня своими вопросами! Говорю тебе: один — всесущий, он же всевидящий и это... всекарающий. Да. И другой, который летает с места на место — это он же самый. Он один, хотя их и два. Понятно?

О, древние боги, и темный же здесь народ! Лепечет какую-то заученную чушь, которую и выговорить-то толком не умеет.

Но на всякий случай пришлось кивнуть.

— Ты уж прости меня за назойливость, — проговорила она вкрадчиво, — но я задам тебе последний вопрос: уж если ваш Нетопырь над этими местами пролетал, то он сейчас, по-видимому, отдыхает в том своем замке, который ближе всего отсюда. Так не проводишь ли ты меня к его стенам?

— Да ты что, совсем чокнутая? Горон, и тот, говорят, ни в одно Нетопырево обиталище пробраться не сумел. А тебя, значит, вот так за здорово живешь проводить туда! Я-то конечно знаю, где самая близкая Сумеречная Башня, только перед нею раскинулась Каленая Пустошь, на которой если заплутаешься, то на открытом месте день тебя и застанет. А укрыться там негде, так что Нетопырь тебя даже огораживать не станет, и так завялишься.

— Трусишь, значит.

— Кто, я? Хо!

— Не «хо», а хотя бы пальцем покажи, в какую сторону мне идти.

— Да вон двойные утесы, точно ворота, меж ними стезька протоптана, а как минувешь их, держи лунный свет в правом глазу. До заброшенной купины доберешься, ее Вялю Колодезной почему-то кличут, оттуда можно бы путь держать на соляной столб, но ты лучше там под зеленью переднуй.

Меж тем последний участник игры, как видно — победитель, совершал триумфальные прыжки, воздевая точеные руки к беззвездному небосводу, с которого бессильно уползала до смерти усталая луница — точно толстуха, которой неведомо таскать собственную тяжесть. Тоненькое многократное посвистывание слышалось понизу, словно крошечные суслики сновали в редкой траве.

Похоже, из мальчишки больше ничего вытянуть не удастся.

— Ну и на том спасибо, — сказала принцесса, легко поднимаясь. — Еще увидимся. Как тебя звать-то?

— Чичимиану-рожденный-чтобы-хранить-числа. А тебя?

— Сэнни.

Он принялся чесать в затылке и делал это долго и обстоятельно.

— Слушай, я как-то не пойму, что ты с таким именем хранить собираешься?

— Себя, любимую. Ну я пошла.

— А разве... — Взрыв глухой барабанной дробы весьма вовремя предотвратил все последующие вопросы. — Ну вот, только разговорились, как уже с молитвой да на урок...

Все поспешно подымались с земли и, бормоча себе под нос дружное, но нечленораздельное «бу-бу-бу, бу-бу-бу...» нехотя тянулись в глубину мерцающей зеленоватым светом купины, раздвигая скрежещущую ли-

ству — теперь стало ясно, для чего их руки были так старательно оплетены надежными ремешками. И еще принцесса заметила, что же делало их движения такими свободными: если почтенные матроны, которых она видела в прошлый раз, были одеты в тканые одежды, то все юноши носили не набедренные повязки, как ей поначалу показалось, а что-то вроде коротких юбок, связанных из эластичных стеблей или волокон. Надо будет это учесть, чтобы в следующий раз не надеть сюда чего-нибудь вязаного...

Так значит, это появление здесь — не последнее?

Она только пожала плечами — да что это с ее внутренним голосом, дрожит, как овечий хвост. Не иначе как от здешней жары. А направление следующего полета — это привилегия исключительно ее королевской воли.

Между тем и последний из юных невейцев исчез. А свистящий шорох за спиной усилился — да что это, осмелевшие здешние крысы? Она резко обернулась, и глаз уловил какое-то вертикальное движение над потемневшей землей. Определенно не живое. Она наклонилась и наконец поняла: растущая ровными рядами трава втягивалась в ноздреватую почву, точно тысячи подземных змей прятали свои жала, которыми они пили ночную прохладу. Ну еще с одной загадкой она разобралась.

Смотри, скоро рассветет...

Тогда — в торопливый полет.

Двойные утесы и едва различимая тропа меж ними, убегающая в залитую немилосердным, прямо-таки металлическим сиянием даль. Наверх, на один из них — осмотреться.

С прохладной башенной высоты половинка луны была еще видна — чуть пожелтевшая, точно увядающая, злобно косящая на сочное апельсиновое зарево рассвета. Отсюда хорошо просматривалась и бесфор-

менная шапка заброшенного подлесья, и опаловое мерцание соляного столба — неужели действительно соль? Любопытно бы попробовать, но некогда. А вокруг них — то, что Чичимиану назвал Каленой Пустошью, бархатисто-кофейная проплешина в этом царстве столбчатых утесов, еще не оживленная солнечным светом.

И уже совсем далеко, на горизонте, смутно угадывалось зловещее и недоступное обиталище Лунного Владыки... Недоступное? Гм...

В следующий миг, естественно, она была над ним.

Скопище черных утесов, ошетилившихся незатупленными ветром остриями, могло напугать кого угодно — из невестийцев, разумеется. И не только напугать, но и поставить в тупик: дальше для людей дороги не было, забраться на эти гигантские треугольные камни, взметнувшиеся вверх, точно крылья исполинских ночных птиц, было просто невозможно.

Невзирая на то что в последних лунных лучах она должна была отбрасывать предательскую тень, мона Сэниа рискнула: на какой-то миг зависла над острокопечной преградой. И этого мига было достаточно, чтобы разглядеть главное: каменный хоровод смыкался неприступным кольцом вокруг каких-то нелепых, беспорядочно громоздящихся друг подле друга древних строений. Часть из них покосилась или уже обрушилась, но остальные просто оскорбляли взгляд своей нелепостью. Невозможно было предположить, чтобы изящные, гармоничные в каждом своем движении невестийцы в здравом рассудке возвели такое: уродливые хоромины, напоминающие срезанный по вертикали исполинский колокол; или эту неуклюжую наклонную башню, обвитую, точно лентой, спиральной галереей, вздымающейся к ее приплюснутой верхушке — не будь она такой громадной, мона Сэниа приняла бы ее за глиняную игрушку, вылепленную руками дурашливого ребенка.

Строения теснились так близко друг к другу, что в этом сизом полумраке, еще не разбуженным рассветом, можно было надеяться остаться незамеченной...

На что она и понадеялась.

Стена, к которой она прижалась, стародавней шербатостью выдавала свою древность. Нелепая башня, сверху казавшаяся чем-то вроде забинтованного пальца, сейчас нависала прямо над нею своей тяжеловесной громадой, вселяя ужас чуть ли не катастрофическим наклоном. Окна полуколокольных домов были наглухо затворены дырчатыми ставнями, но узкие прорезы многочисленных минаретов беспрепятственно втягивали в себя рассветную прохладу вместе с ночным мраком, ищущим себе пристанища на день. Остроконечные шпили, вырастающие прямо из-под земли, зловещей колоннадой уводили в зеленоватую низину, показавшуюся ей поначалу озером, а затем — лугом; но ведь и то и другое просто не могло существовать под испепеляющими лучами полуденного Сорока. Эта зачарованная поляна так и притягивала к себе своей неправдоподобной свежестью, и мона Сэниа чуть было не направила неосторожные шаги вперед, как вдруг стремительная тень очертила над башней черную радугу, и выюжный шелест гигантских крыльев угольной поземкой пронесся по всем закоулкам Нетопырева обиталища.

А в следующий миг и он сам стоял у подножия своей Сумеречной Башни, раскинув чутко подрагивающие крылья. Казалось, он точно летучая мышь пытался уловить что-то, недоступное человеческому слуху или взору, и это неведомое «что-то» несомненно должно было указать ему на присутствие постороннего пришельца.

Мона Сэниа постаралась задержать дыхание. Перед нею наконец-то был тот, кого она надеялась разыскать с помощью Горона — бог не бог, но существо явно всемогу-

щее. Может быть, именно этот чародей и поможет им разгадать загадку, которая, согласно стихотворному посланию, полученному ею близ пятилученского пепелища, задана на Тихри, но ответ на нее должно получить только в каком-то неведомом мире. Мир был еще тот, неведомей некуда, а это место, огражденное траурным кольцом склоненных в одну сторону чернокаменных знамен, и вообще выглядело, как зловещее царство смерти.

Но принцесса не испытывала ни малейшего трепета: в конце концов, она ничего не теряет, ведь исчезнуть можно за одно мгновение до приближения настоящей опасности.

Здесь не может быть никакой опасности — это зачарованная обитель, где исполняется самое сокровенное желание...

Она даже не удивилась тому, что беззвучный голос, к которому она уже привыкла на пустынной вымершей Свахе, не оставлял ее без своего покровительства и тут, где обитали и божественной красоты дикари, и такие вот крылатые уроды. А последний между тем даже не глядел в ее сторону. Вот если он хотя бы повернет голову, увенчанную мрачной зубчатой короной...

И это будет значить, что наконец-то настал твой черед!

Головы он не повернул, только повел крылом в сторону нежданной гостьи, и что-то невидимое, угадываемое только по дрогнувшим и исказившимся контурам окрестных строений, метнулось к ней и невесомой клейкой пеленой прилепило ее к шершавой стене, не давая возможности не то что упасть, а хотя бы шевельнуться. Едва ощутимая упругость этого узилища позволяла лишь сделать вдох и выдох, если бы... если бы под ним оставался хотя бы один глоток воздуха. Непреоборимый ужас удушья чуть не заставил ее забиться в конвульсиях, но прозрачная пелена позволила ей только судорожную дрожь и омерзительно холодный пот, покрывший лицо.

Зловещий монстр стремительно развернулся, так что края его пепельных одежд взметнулись траурным ореолом, и широким скольльзящим шагом двинулся к ней, на ходу складывая за спиной крылья. Минуту назад она, может быть, и отпрянула бы в естественном испуге, но сейчас, теряя сознание от удушья и лишенная возможности даже крикнуть, она из последних сил беззвучно молила: скорее... скорее...

Властный взмах руки, точно сметающий паутину, освободил ее лицо, и она захлебнулась влажным промозглым воздухом, в котором сырость мешалась с запахом дурманного колдовского вина. Но горло, как и все тело, еще было стиснуто невидимой мерзостью, точно липкой лапой небытия.

Сделав еще один шаг тот, которого здесь именовали Повелителем Тьмы, оказался так близко, что до нее долетало его дыхание; ей даже захотелось запрокинуть голову — он был так высок, что она едва-едва доставала ему до плеча.

Он поднял руку и краем рукава стер пот с ее лица уверенным хозяйским движением, как стирают пыль со старого кувшина.

— Ты одна из немногих, кому удалось проникнуть в мой Сумеречный Замок, — прозвучал его голос, поражающий своей глубиной и полнозвучием. — Что ж, добро пожаловать.

10. Сокровищница мертвых

Она чуть было не выпалила: ничего себе добро, когда тебя приклеили к стене, точно охотничий трофей! Но это были бы слова напроказившей девчонки, забравшейся в чужой дом, а сейчас она наконец-то почувствовала себя принцессой Джаспера, с которой обращаются, мягко говоря, неподобающим образом.

Весьма кстати припомнилась древняя мудрость: самый надежный щит — это хладнокровие.

Ну это за неимением лучшего. Но лучшее всегда при тебе: это любовь. Взгляни на своего пленителя глазами любви...

Она только похлопала ресницами от такого совета: это в ее-то положении? И глазами любви? Ну и круглые же у нее будут глазки, точно вишенки... Нет, все-таки хладнокровие предпочтительнее. Но не мешало повнимательнее разглядеть того, в чьи запретные владения она вторглась так непрошенно, и обойтись хотя бы без предубеждения. Тогда и выход сам собою найдется.

Что ж, если действительно без предубеждения, то следовало бы признать, что если бы не безграничная надменность, то лицо, обращенное к ней, обладало прямо-таки дьявольской притягательностью и было прекрасно в той степени, которое даруется творцом, минуя ступень примитивной красоты.

Но сейчас к его высокомерию примешивалось и невольное изумление — от своей пленницы он ожидал чего угодно, но только не этого царственного спокойствия. Однако мона Сэниа поняла: если это затянувшееся молчание продлится еще немного, то он уже необратимо станет хозяином положения.

Она знала, что в таких случаях лучше всего не прибегать к дипломатическим уловкам, а просто сказать то, что естественным образом приходит на ум.

— Тебе не кажется, — невозмутимо проговорила она, — что всё это окружающее архитектурное безобразие просто чудовищно диссонирует с твоим собственным обликом?

Вот тут на его лице отразилась такая растерянность, что он невольно помотал головой, чтобы вернуть себе прежнюю полупрезрительную невозмутимость.

— Так ты из рода Блустителей Утраченного...—

проговорил он, справившись наконец с замешательством. — Да, конечно. Таких старинных уборов я не видел ни у кого.

Он снова по-хозяйски провел пальцами по ее инкрустированному аметистами обручу, и она всеми силами постаралась хотя бы не моргнуть. Казалось, он пребывал в неуверенности, не зная, как обойтись со своей пленницей.

— Так тебе не нравится мое жилище, — проговорил он, как видно, приняв какое-то решение. — Что ж, когда ты станешь моей еженощницей, ты сможешь попросить меня перестроить один из моих Сумеречных Замков по твоему вкусу.

— Еже... что?

Теперь он поглядел на нее уже с нескрываемым изумлением:

— Все девочки Подлунного Мира хоть вслух и проклиняют меня в своих молитвах, но втайне мечтают о том, чтобы на миг удостоиться великого блаженства скрасить мое одиночество. Удастся это немногим, и если я пожелаю, ты будешь в их числе.

Похоже, его единственный недостаток — излишек скромности.

— Ты забыл добавить: если этого пожелаю и я.

— И ты? Это говорит девочка, которая пробралась сюда по собственной воле?

— Да. Потому что мне нужна твоя помощь.

Он поморщился:

— Здесь обычно не начинают с просьб — здесь мольбами кончают.

Ай-яй-яй, как же она этого не предусмотрела! Перед нею был властелин варварских земель, и несомненно начинать следовало с подношения, достаточно великолепного для того, чтобы развеять сомнения в их равенстве.

— Прости мою неучтивость, — проговорила она

смирненно, — и позволь удалиться. В следующий раз я поднесу тебе бесценные дары, достойные...

— Знаю, знаю, — оборвал он ее с досадливым равнодушием. — Но все то, что вы принесли с собой во времена Великого Кочевья, а затем растеряли в своих смрадных пещерах, уже давно перестало меня забавлять. И теперь в этом подлунном мире осталось только одно, чем нельзя пресытиться и что скрашивает мое существование... Но всех остатков мудрости твоего тупеющего год от года племени не хватит, чтобы это понять.

Она внутренне поморщилась: его высокомерие было таким однообразным, к тому же лимит ее времени вместе с припозднившимся рассветом приближались к пределу. Надо было что-то предпринимать.

— Порой участливое внимание дороже холодной мудрости, — примирительно обронила она. — Если ты расскажешь мне...

— Тебе? Рассказать? — Он двумя пальцами приподнял ее подбородок, бесцеремонно разглядывая ее, как свою безраздельную собственность. — Право же, ты самое удивительное и, надо отдать тебе справедливость, бесстрашное дитя, повстречавшееся мне на моем веку. К тому же не лишенное пленительности. Но если я расскажу тебе о своих игрищах, мне ведь придется сразу же пригасить огонек твоей едва затеплившейся жизни. А это было бы расточительством...

Его ресницы, длинные и пушистые, точно опахала эльфов, не позволявшие ей до сих пор разглядеть его глаза, дрогнули, и под ними мелькнул голубоватый отблеск, точно отражение падающей звезды. Он тряхнул головой, как видно, окончательно утвердившись в своем решении.

Прекрасно! Еще немного, и ты у цели.

Да? А вот ему, по-видимому, кажется, что у цели — он.

— Осторожно, — не сдержалась она, — не трясись головой — корона слетит.

По надменным — с ума сойти, какой красоты! — губам проскользнуло что-то вроде улыбки.

— Я был прав, — пробормотал он удовлетворенно, — какое-то время я буду избавлен от скуки.

Он спокойно наклонился, и в следующее мгновение она почувствовала сухое и жесткое прикосновение его губ. Это не было даже поцелуем — бесстрастное наложение печати владычества, не порождающее никаких чувств, даже гнева.

Он отстранился, и только тогда, в миг разъединения их губ она почувствовала жгучую боль — так однажды в юности, залетев вместе с братьями в северную ледяную пустыню, она на лютом морозе голой рукой дотронулась до обнаженного клинка. Держать его было холодно. Отрывать — нестерпимо.

— Мне же больно! — вырвалось у нее с возмущением, к которому примешивалось удивление — жестокость, несомненно, была его неотъемлемой чертой, но не в такой же примитивной форме...

Снова властный взмах руки, от одного ее плеча до другого, и они были свободны от невидимых уз.

К сожалению, и от платья — тоже.

— Сейчас, девочка, тебе будет еще больнее, — с пугающим хладнокровием пообещал он.

Ради твоих богов, перестань наконец сопротивляться!

Спасибо за бесполезный совет.

— Да? — Брови ее выразительно дрогнули. — Ты так думаешь?

— Ты никак не можешь смириться с тем, что находишься в моей власти. Мне это нравится. Но сейчас и ты испытаешь, каким мучительным и сладким блаженством может быть беспредельное подчинение мне.

Кажется, он перестал ее забавлять. Да и время, ко-

торое она отводила на это маленькое приключение, истекло.

— Боюсь, — проговорила она с точно таким же хладнокровием, — что тебе самому придется смириться с тем, что ты не владеешь ничем — ни моим телом, ни даже моей жизнью. Потому что я по собственной воле могу погасить ее огонек в любой миг прежде, чем ты последуешь своему капризу. И я не думаю, что такой всемогущий чародей, как ты, сможет опуститься до труполобья.

Он задумчиво склонил голову набок, точно огромная печальная птица, и впервые его черты согрела теплота человеческой грусти.

— Какое же ты юное дитя, — проговорил он едва слышно, — ты даже не успела научиться страху смерти... Что ж, оставь себе и свою быстролетную жизнь, и свое неумелое бесчувственное тело. Пока. Но твоя душа уже принадлежит мне, потому что с того мига, когда твои губы познали невыносимую боль расставания со мной, память об этой муке останется в тебе до последнего часа твоей жизни. Сначала ты будешь вспоминать о ней с ужасом, потом — с удивлением, но постепенно она станет для тебя притягательной отравой, противостоять которой ты будешь не в силах. И ты пойдешь искать меня, но только теперь тобой будет владеть не праздное любопытство, а неподвластное разуму желание снова и снова изведать эту боль... Закрой глаза!

Его черные крылья взметнулись над ними, образуя шелестящий шатер, заслоняющий собою весь Сумеречный Замок.

— Закрой глаза, — повторил негромкий властный голос, и она послушно опустила ресницы.

Где ж ему было догадаться, что это ровным счетом ничего не значит — крошечные агатовые зрачки ее обруча были зорче орлиного ока. Теперь прямо перед

собой она видела янтарное светящееся колечко, которое он держал в руке.

— Сейчас ты забудешь то, как нашла дорогу в мои чертоги, и все, что было здесь с тобой, что ты видела и слышала. В твоей памяти останется только сладкая боль.

Кольцо вспыхнуло ярче, оделось зеленоватым ореолом, и медленно, точно нехотя, померкло.

— Я перенесу тебя обратно в заброшенное подлесье и дам три ночи на то, чтобы спрятаться от меня. Затем я начну искать тебя, а ты — разрываться между безоглядным детским ужасом передо мною и столь же непреодолимым влечением ко мне. Будет любопытно узнать, что же окажется сильнее, когда мы неминуемо встретимся вновь, по моей воле или по твоей... А сейчас забудь все, что здесь было.

Голос снова стал так оскорбительно равнодушен, что ее охватило неподдельное разочарование. Как, и это все? Выходит, он ее отпускает? И это после всего...

После всего? Так ты ничего не забыла? Тогда молчи, ради всех твоих богов, не произноси больше ни слова!

Он был властен над своим голосом, но не над руками, коснувшимися ее с такой неподдельной и неожиданной нежностью, что она даже не заметила, в какой миг исчезли все еще сковывавшие ее путы. Он поднял ее, и она почувствовала себя невесомой, но отнюдь не беззащитной: теперь в любой момент она могла выскользнуть и исчезнуть.

Пока можешь не выдавать своих колдовских для этого мира способностей — не делай этого!

Естественно. Тем более, что это такое чарующее ощущение — независимый от собственной воли полет, в котором соединяется и столь любимая свобода падения из подоблачной выси, и скачка на крылатом коне; вот только не нужно ни зорко следить за жадным при-

тяжением земли, ни напрягать свою волю в обуздании всегда такого своенравного скакуна; зато можно полностью отдаваться этому бережно охраняемому парению, когда внизу угольные росчерки теней от торчащих повсюду столпообразных утесов пересекаются с ленивым мерцанием поросших зеленью ущелий, а прозрачные стаи летучих мышей, сказочным эскортом сопровождающие их на почтительном расстоянии, усыпают небо плескучими отсветами и лунного сияния, и расцветной рыжести на своих кожистых крыльях...

Но самым удивительным было лицо, склонившееся над нею — страстное и в то же время изумленное; сейчас, когда он не подозревал, что она, несмотря на плотно сомкнутые веки, тайком всматривается в его черты почти невидимыми кристалликами на своем драгоценном обруче, он позволил себе сбросить маску надменного равнодушия и напоминал ребенка, получившего долгожданную игрушку, которая оказалась настолько хрупкой, что впервые желание сохранить этот дар пересилило своевольную жажду игры.

Крылья, мерными взмахами затенявшие небо, развернулись во всю свою невероятную ширь и замерли; плавное кружение неспешно приблизило ночного властителя к земле. Мона Сэниа почувствовала под своими ногами жесткую, как стерня, траву, и с этого мига прикосновение всесильных рук, так бережно хранивших ее во время всего полета, больше не ощущалось. Наверное, пора было поднимать ресницы.

— Иди вперед и не оглядывайся, — услышала она над собой голос, такой равнодушный и невыразительный, словно он и не принадлежал тому пепельнокрылому властелину этого подлунного мира, который еще миг назад вглядывался в ее лицо с таким упоением.

Бесформенный массив заброшенной купины громозвился перед нею, и она, не оглядываясь, послушно шагнула под неумолчно шелестящий свод. Бесчислен-

ные невидимые создания копошились вверх, стряхивая вниз какую-то шелуху; временами с глухим стуком шлепались крупные плоды или орехи.

Бесшумный порыв ветра пахнул сзади — она поняла, что это взмах крыльев, уносящий Лунного Нетопыря. И без единого слова прощания.

Интересно, о чем он думал, улетая?

О том, что в следующий раз он узнает, какого цвета твои глаза...

Пожалуй, желания совпадают. А теперь — домой. Домой!

Вот только что сказать дома?

Ну на то ты и женщина...

Что ж, посмотрим, как это получится...

А дома получилось абсолютно естественно:

— ...прямо с седла — и в море. Платье вот порвала, колючки там под водой какие-то, похожи на каменные... — Она стояла перед мужем, стягивая в кулачке ворот порванного платья легкая, юная, солгавшая, и ни чуточки не виноватая; совсем как в те невозвратимые времена, когда они с братьями совершали разбойничьи набеги на запретные сады королевского лесничего Иссабаста; да и лгать-то оказалось так же просто и естественно, как тогда — собственному папеньке-королю.

Хорошо еще, забирая коня с восточного мыса, догадалась заблаговременно окунуться с головой.

— Колючки каменные? — Хмурый супруг придиристо оглядывал ее, мокрую и неуязвимую. — Кораллы это. Тебе крупно повезло, что ни царапинки нет. А могла здорово пораниться. Смотри-ка, и губы у тебя совсем синие!

Знал бы он, отчего... Но прикосновение сумеречного демона не оставило ни обещанной боли, ни чувства оскорбленного достоинства и уж тем более — желания расквитаться. В самый первый раз, когда она только увидела его — пепельную тень на чужом небе, ей пред-

ставился человек, которого она будет ненавидеть. Но сейчас он вспоминался, как... пожалуй, всего лишь как инопланетный зверь, которого любопытно было бы приручить.

Она беззаботно пожала плечами:

— Перекупалась. Море закатное, золоченое, вылезать не хотелось — тихо там, никаких плавучих мордастых сюрпризов вроде давешней сирвенайи. Плещешься себе, как рыба в воде...

Всемогущество так неожиданно возвращенной юности — не иначе как оно обострило память, замусоренную житейской шелухой, возвращая ее к проклятой нерешенной загадке.

Как рыба в воде! Вот что пришло ей на ум перед тем, как она увидела среди придонной зелени эту пятнистую тушу.

Она научилась чувствовать себя в море, как в родной стихии; но ведь не одна она — все.

Вся дружина. Вся!

Недаром Паянна предсказывала, что воспоминание придет в самый неожиданный момент.

— Постой, постой!.. Все это мелочи, муж мой, любовь моя. Они подождут. А сейчас припомни-ка, кто из дружинников резвился с тобой в море в тот момент, когда на пороге дома появился этот хохлатый крэг?

— М-м-м... Борб, Пы и Ких. Но ведь и я находился там же!

— Ага, только спиной к ним. Ты же сам сказал, что следил за Ю-ю, который карабкался по камням, догоняя Фируза с Кукушонком. Но даже если бы ты глядел с берега на море, то наверняка и внимания не обратил бы на то, что кто-то из этой троицы нырнул и теперь находится под водой уже целую минуту. А минута — это очень много, около ста ударов сердца. За это время можно было успеть в один миг очутиться где-нибудь в заранее условленном месте на Равнине Па-

ладинов, отправить венценосного крэга к нам в Бирюзовый Дол, и затем так же незаметно вернуться обратно под воду.

— Знаешь, это уж чересчур сложно, как говорится, левой рукой за правым ухом.

— Но все простые варианты мы уже рассмотрели и отбросили. И с этим не поспоришь.

Звездный эрл растерянно почесал за ухом именно той рукой, которая только что упоминалась:

— Так кого ты подозреваешь? По-моему, все трое отпадают: Ких отличается прямо-таки щенячьей преданностью, почти как... как Гаррэль. Пы безнадежно туп для такой хитроумной комбинации. Борб... Я бы сказал, что это — эталон положительности, он заведомо непогрешим, как любимый мальчик кесаря... ох, извини. А главное, ни у одного из них нет, как говорят наши земные детективы, главного: мотива.

— От таких словечек пахнет залежалым пергаментом, со всех сторон обгрызанном крысами. В остальном я с тобой согласна. Так что нам остается одно: не выдавая своих подозрений, внимательно наблюдать за каждым из этой троицы.

Командор снова почесал за ухом:

— У тебя, как ты сама похвалялась, здорово получаются диалоги со своим внутренним голосом. Может, спросишь его?

— Гениальная мысль! — Она не удержалась — подпрыгнула, хлопнув влажными ладошками. — Сейчас: ау-у, ваше потаенное высочество!.. Молчит. Впрочем, я его на Джаспере ни разу и не слышала; похоже, на родной земле он просто отсыпается.

— А может, не согласен работать на голодный желудок? Ты ведь не ужинала.

— И не хочется. Знаешь, у меня такое ощущение, словно я все еще летаю... Не хочется утрачивать эту сказочную легкость.

— С чего бы это?

А действительно, с чего бы?..

Сумеречное лицо, склонившееся над нею с восторженным изумлением — не в нем ли причина?

Как бы не так! Навидалась она на своем веку восторгов. Не в первый раз. И не в десятый. И не в сотый.

Но впервые с тех пор, как она перестала резвиться на зеленом лугу их ребяческих игрищ, ей вlepили мячом по голове да еще подставили подножку и, если честно признаться, ткнули носом в землю.

И похвалили за увертливость, между прочим.

Неужели именно этого ей и не доставало?

Выходило, что так.

— Вот завтра слетаю на Сваху — надо же в конце концов разобраться с этим пятиногим шариком — тогда в тамошней тишине и посоветуюсь со своим внутриутробным подсказчиком, что это со мной и отчего.

— Ты главное спроси, как распознать, кто из нашей подозреваемой троицы нас предал и как вывести его на чистую воду.

— А ты не боишься, муж мой, что я со всем этим чревоуещанием в сибилло бесполое превращусь?..

Однако все шуточки относительно внутреннего голоса вылетели у нее из головы сразу же, как только «шарик» затрещал...

Этo нелепое архитектурное сооружение поражало своей бессмысленной величиной даже тогда, когда она глядела на него снизу — облупившийся каменный шар, в поперечнике даже больше их собственного шатрового корабля. Каким-то чудом он удерживался все это время на своих опорах, хрупких и ненадежных на вид; казалось, они вот-вот дрогнут, разминаясь, переступят с ноги на ногу и засемят, унося прочь эту тусклую

охристую сферу, напоминающую вздувшееся брюхо громадного каменного паука.

Но когда мона Сэниа взлетела на верхушку загадочного строения, оно показалось ей еще более несуразным и громоздким. Покатая поверхность (крыши? оболочки?) была покрыта разбегающимися трещинами, точно дно пересохшего озерца, но все они были так узки, что в них едва-едва могло протиснуться лезвие кинжала. Чтобы найти сквозную щель, дающую возможность заглянуть внутрь и при этом не провалиться, пришлось улеться на хрустящую каменную крошку, что при первом же вдохе породило оглушительный, совсем не женский чих.

Тонкая пыль порскнула во все стороны, и тотчас же прямо под носом открылась искомая прореха. Мона Сэниа достала маленький фонарик (тоже из земных сувениров, недаром все дружинники до сих пор считали его обыкновенным волшебным амулетом) и направила вниз тонкий пронзительный лучик. Он, точно шампур, вспорол осязаемо плотную черноту, заполнявшую сферу изнутри, и в тот же миг где-то в смутно угадываемой глубине жарким всплеском взметнулось тысячецветное зарево, порожденное мириадами крошечных трепещущих искр; казалось, целый эльфийский народ, заключенный в эту шаровую темницу, радужным фейерверком празднует свое освобождение от тысячелетнего плена.

Да никто там не празднует. Нет там ни эльфов, никакой другой живой души.

Уже догадалась. Обычные драгоценные камни, гори они синим огнем. Да уж, повезло! Пожалуй, никогда еще разочарование не было столь блистательным — в самом наибуквальнейшем смысле этого слова. Искать тайники древних магов и мудрецов — и наткнуться всего-навсего на замурованную кладовую, все сокровища которой оказались ненужными перед обреченно-

стью людей, копивших эти несметные богатства. От досады захотелось даже плюнуть в щелку (где-то в дальнем уголке сознания мелькнула мысль — пожалуй, такое желание вполне естественно для девчонки, которой только вчера врезали мячом по голове); удержали только настороженные взгляды сопровождавших ее дружинников, которым было велено держаться поблизости, но все-таки на безопасном расстоянии — нелепо было бы закончить свою верную службу под обломками этой пузатой хоромины, ненадежные опоры которой грозили в любой момент подломиться.

Наблюдательный пункт для них был определен удачно: всего в полуполете стрелы, на гребне местами сохранившейся массивной стены, огораживающей сокровищницу. Юрг настоял на том, чтобы в свои путешествия мона Сэниа выбирала только тех, кто не входил в число троих подозреваемых; она скрепя сердце согласилась, прекрасно понимая, что такое ограничение долго не продержится. Незаподозренных оставалось уж слишком мало.

Так что с ней был Флейж, который сейчас сидел себе на верхней кромке стены, влажной от вечного тумана, и болтал ногами, уже привыкший к тому, что с предводительницей неуязвимой дружины ничего случиться просто органически не может; достославный же Эрромиорг, нагулявший себе изрядный животик за зиму, проведенную в должности сенешаля-рестовратораасмуровского замка, напротив, замер у подножия стены в тревожной стойке, засунув большие пальцы за тесноватый пояс, чтобы руки были поближе к двум десинторам, снятым с предохранителя.

Принцесса помахала своим спутникам — мол, все в порядке, оставайтесь на месте; на всякий случай еще раз глянула на сверкавшую под нею россыпь драгоценностей.

И тут заметила, что они не были свалены как попа-

ло — искрящиеся нити, размытые овалы и однозначно распознаваемые многоугольники несомненно образовывали замысловатый узор, раздражающий своей асимметричностью. Внизу таилось изображение, интригующее своей загадочностью — так неужели же улететь, унося в памяти лишь малый его фрагмент, видимый в узкую щель?..

Естественно, в следующий миг она была уже там, внутри. Мелкие камешки, просыпавшиеся вниз, когда она шевельнулась, чтобы перейти через обязательное ничто, еще поклевывали ей макушку, а она уже выхватывала из-за пазухи свой новый свахейский амулет — Ракушку, думая только об одном: только бы успеть, только бы это неразгаданное диво не порушилось прежде, чем его запечатлеет магическая память.

— Как там эти семечки... а, кунжут, то есть сезам, открывайся быстрее, тролль тебя побери! — крикнула она нетерпеливо.

И Ракушка послушно разверзлась с едва уловимым сухим щелчком. Получилось!

Ну и уноси ноги, пока не поздно!

В самый раз.

Потому что над головой затопало, загрохотало, каменные осколки посыпались все крупнее и крупнее, разбиваясь с хрустальным звоном; и вот уже сверху рушилось что-то вовсе громадное и бесформенное, от чего она сумела-таки увернуться, спасаясь через ни разу не изменившее ей ничто.

Флейж поймал ее за плечи и помог удержаться на кромке стены. Вот только Эрма здесь не было.

— А где...

Толстяк появился в тот же миг, едва не сбив ее с ног. Алмазы и изумруды сыпались с него, как блохи с шелудивого пса. Голову потерял, заевшийся жирный каплун, не мог сообразить, что изъеденная временем оболочка не выдержит его тушу!

— Какой тролль понес тебя на этот шар? — Она с трудом подобрала наиболее мягкие выражения. — Ты же прямо на меня рухнул, и как только мне шею не свернул!

И без того осунувшуюся физиономию сенешаля словно сполоснули кислым молоком.

— Но, моя принцесса, ты изволила повелеть нам наблюдать за тобою с безопасного расстояния, так что как только ты исчезла из обозримого пространства...

— Эрм, ты в чужом созвездии, здесь нужно думать, прежде чем выполнять приказы буквально! — вот что значит засидеться на диванных подушках, сёкосой ему в задницу!

Она представила себе, что было бы с Эрромиоргом, произнеси она вслух это запоздалое пожелание, и едва не фыркнула; но сейчас он вызывал только жалость, тем более что по его обвисшей щеке стекала алая струйка — как видно, зацепило каким-то шальным самоцветом.

— Прости, дружище, — проговорила она, дотрагиваясь до его плеча. — Просто теперь я понимаю командора, который...

Оглушительный, почти живой треск долетел снизу — казалось, переломился хребет у гигантского дракона; воздух наполнился звенящим гулом.

Это было впечатляющее, но достаточно печальное зрелище: наблюдать, как основательно и даже в какой-то степени величаво рушится один из последних сохранившихся памятников нелепой свахейской архитектуры.

Желтоватый клуб пыли поглотил новоявленные руины, и отовсюду к нему уже спешили разнокалиберные поджарые жужелицы, стервозного вида сколопендры и солидные, словно сенешали, жуки-навозники, не говоря уже о мелкой блошиной шушере. Ничего удивительного — где разразилась катастрофа, там пахло обедом.

— Ну свое черное дело мы сделали, — усмехнулась принцесса, — можно возвращаться. Желающих подобрать себе сувенир на память не имеется? Тогда — домой!

Она заранее поёжилась, предчувствуя сокрушительный нагоняй со стороны заботливого супруга, и не столько по поводу ущерба, нанесенного культурному наследию Свахи, сколько из-за несоблюдения норм экспедиционной безопасности, которые, к сожалению, чересчур различались у жителей Джаспера и Земли.

Но ожидаемая головомойка так и не состоялась: Юрг утратил дар речи в тот же миг, когда, оживленная родниковой водой, на голубом лугу радужными перегибами вспыхнула иллюзорная сфера. Аналогичное впечатление произвела свахейская сокровищница и на всех остальных обитателей Игуаны, собравшихся поглядеть на невиданное диво; исключение составила только Гуен; с алчным уханьем метавшаяся над зрителями в безнадежной попытке забить своим страшным клювом помстившуюся ей добычу — нацеливалась она исключительно на парные изумруды и цитрины, принимая их, как видно, за глаза прячущихся неизвестно где зверей; продолжалось это безобразие до тех пор, пока разъяренный командор не гаркнул: «Куррра безмозглая, на место!» и разобиженная сова не убралась на свой насест на вершухе шатрового корабля.

Всёобщее безмолвное восхищение могло длиться до бесконечности, но первому надоело, естественно, непоседливому Ю-ю.

— Это для де-ев-цонок! — безапелляционно выпалил он, сползая с отцовских колен.

Паянна, все это время привычно обмывавшая целебным настоем глубокие царапины на холеном лице Эрромиорга, вытерла руки о свою многострадальную юбку.

— Не рачительно было этакое добро оставлять, —

заметила она, впрочем, достаточно равнодушно. — За тое богатство тебе, княжна, цельный дворец на этом острове можно б отгрохать. А то еще нашему князю Милосердному на дороге евоной — полстолицы. Ты как мыслишь, певун-молчун?

Менестрель, которого все это время по общему уговору никто не тревожил, дернул головой, точно его ужалил овод. Взгляд его, обычно обращенный как бы в глубину себя, загорелся мрачным огнем.

— Да будь у меня хотя б чуток от такого клада, — проговорил он глухо, — может, я ее у стражи и откупил бы...

Он снова помотал головой, точно конь на перепутье, и неверным шагом двинулся за ворота.

Мона Сэниа опустила руку в хрустальный сосуд с водой и выудила оттуда амулет. Радужное сияние сразу угасло.

Паянна поднялась и, упрямо пошевеливая бровями, решительным шагом пересекла шелестящий колокольчикам луг и догнала чернокожего соплеменника уже возле сосен, на развилке дорог.

— Постой-ка, горемычный. — Он послушно остановился, не оборачиваясь. — Может... может, еще не поздно откуплять-то? Тутешние на многое горазды. И богаты немеряно, промежду прочим.

— Поздно.

Он снова двинулся прочь, не разбирая дороги.

— Ты, как тебя, лыцарь Харр по-Харрада! Тогда, мне кажется, тебе есть с кем поквитаться!

Он обернулся, и она увидела, что он усмехается. Но лучше бы никому не зреть этой усмешки.

— С кем надо — поквитались. Сполна.

Кажется, говорить было больше не о чем, но Паянна упрямо уперла свои черные ручищи в бока, словно готовилась к нешуточной драке.

Однако тон ее понизился едва ли не до просительного:

— Не городись от меня, бродяжка промеждорожный. Я ведь на своем веку не мене твое горестей повидала, не то что эти здешние... летуны беззаботные.

— Ежели мы наши печали воедино сольем, так нам от того только вдвое тошнее будет, — с несвойственной ему рассудительностью изрек менестрель.

Но она придвинулась к нему, сочувственно покачивая головой, водрузила ему на плечи свои тяжкие, точно из чугуна отлитые руки, так что он послушно опустился на траву. Присела рядышком:

— Да не пытаю я тебя об любви твоей загубленной, сама знаю: грех о том по принуждению гуторить. В другом беда: небезопасно стало на этом острове. Добро б одна дружина тут стояла, так ведь и детишки при них. И твой, промежду прочим. Кто проведал, как засылать сюда врагов? Один ты про то знаешь, ведь и тебя сюда кто-то возвернул, как я понимаю, не по воле твоей...

— Говорил уже — никто меня не касался. В прорву бездонную меня скинули. Сперва меня, а потом и ее, безвинную...

— Как же, говоришь, не касались — ведь кто-то ж тебя толкнул?

— Опору из-под ног выдернули, брусом в спину ткнули.

Лицо у менестреля окаменело: сдерживался, чтобы не выдать перед настырной бабою неизбывного ужаса.

— Значит, все ж кто-то рядышком околачивался?

— Да не так чтобы поблизости... Конечное дело, были. Глазели, тешились.

— Это вестимо — на чужую смертушку поглазеть завсегда найдутся охотники. Только выходит, был среди этих поглядчиков чародей могучий, что тебя от гибели уберег.

— Не водились в той земле чародеи, а то б я знал.

Так, ворожейки-вещуны пустобрехие, да и те самих себя защитить не способные, когда их окаменывали. Да еще пирлюхи путеводные, коих здешние умники с крэгами-злыднями путают. Только пустое это, не может такого быть. Твари это насекомые, безвредные, у них и прозвание-то трепетное, переливчатое, не то что «крэг» — слово тяжелое, падучее; его с губ уронишь — как топором по ноге. А что до пирлюх беззаботных... Одна на плече моем аж в смертный час присоседилась, звоном-стрекотом от последнего страха заслоняла, да так вместе со мною и сгинула.

— Чтой ты баешь, окстись — ты ж живехонькой!

— Дак разве это жизнь... Одна жуть еженощная.

Она задумчиво оглядела его с ног до головы, покусывая лиловую губу:

— Хошь научу, как от ентого наваждения избавиться?

— А то!

— Ну ступай за мной.

Она обогнула его, как придорожный столб, и размашисто зашагала по утоптанной тропке, сбегаящей от большого просечного пути на полдень, к морю. Харр послушно плелся сзади. Внезапно они остановились — тропинка обрывалась, выходя на гранитный уступ, под которым далеко внизу недвижно застыла темная глубокая вода.

Харр отшатнулся и вцепился в сосновый ствол.

— Да что я тебя, топить собралась, точно кутенка лишайного? — фыркнула Паянна. — Не бойсь. А вот когда дрожать надоест и храбрости наберешься, одежду скинь да с кромочки этой вниз и сигани, тут невысоко. На лету и вспомнишь, что к чему. Клин ведь клином вышибают. Плавать, небось, умеешь?

— Тут обучили, ведь мне на Тихри-то нашей как река на пути, так загвоздочка, — проговорил вечный странник, постукивая зубами. — Только не по мне это...

— А я тебя и не неволю. Ну, почапала я.

Между тем на голубом лугу все уже разбрелись кто куда, одна мона Сэниа осталась на месте, задумчиво постукивая пальцами по опустевшему хрустальному кувшину, чьи льдистые отблески заставляли зябко подрагивать чуткую весеннюю траву.

Шумно дыша, протопала мимо Паянна.

— Ну что? — без особой надежды поинтересовалась принцесса.

— Он тебе скоро сам все поведает, разговорила я его. А что касаясь изменщика... — Она наклонилась так, что ее дыхание зашевелило волосы принцессы. — Среди своих ищи.

Мона Сэниа вопросительно подняла брови: не плохо было бы еще узнать — как?

По черному лицу скользнула недобрая усмешка, точно по чугунной сковороде протекла струйка масла.

— А надоть, можешь и не утруждаться, княжна. По житью-бытью в немирном краю своем точно знаю: изменщики-то долго не живут. — Она задумчиво почесала кончик носа. — Ежели, конечное дело, они не бессмертные...

11. Минута нездешней ночи

Мона Сэниа задумчиво глядела вслед Паянне, деловито направившейся к кухонному навесу. Она права, она почему-то всегда бывает права. Неужели и ей самой суждено когда-нибудь стать такой же мудрой... и такой же старой?

Руки сами собой поднялись, как у ночных плясунов невестийского подлесья, тело вытянулось в струнку, звенящую безрассудным всесилием юности. Сиреневое легкое платьице, искусно заштопанное сервом-рукодельцем, колыхнулось вокруг загорелых ног,

словно в танце. Да никогда! Не будет она дряхлой, грузной, неповоротливой. Этого не может быть, потому что такого просто быть не может! Ее крошечное сказочное королевство — Игуана — подчинено каким-то магическим законам, по которым у тех, кто не желает стареть, юность чудодейственным образом не иссякает. Просто так, даром. И скорее всего это постарался хитроумный Алэл (непонятно, правда, по каким соображениям), ведь по неписаным законам Джаспера короли на своей земле всесильны, а уж этот повелитель пяти стихий — и подавно...

Стоп, стоп! А не в этом ли разгадка предполагаемой тайны, которой на самом деле и вовсе нет? Ведь верховный крэг — это тоже король среди себе подобных. Так не обладает ли он способностью, которой наделены владыки джасперян — по собственной воле появляться в любом уголке подвластной ему планеты? Очень даже похоже на то, особенно если припомнить, как явился перед ними так называемый прокуратор Тихри. В нужный момент и точно у той Анделисовой Пуустыни, где они с Юргом тогда находились.

А ведь просторы Тихри необозримы, просто так, крылышками помахивая, не скоро долетишь. И если ее догадка верна, то, значит, среди ее верных дружинников вообще нет никакого предателя-оборотня!

Фу-у-у... Захотелось одновременно и повалиться на траву, и запрыгать, хлопая в ладошки.

— Ты что, княжна, точно камень с плеч сбросила? — донесся сквозь стук и лязг кухонной утвари зычный голос чернокожей домоправительницы.

— Так и есть, Паяннушка, так оно и есть! — легкость-то какая, древние боги, ну почему ее угораздило родиться человеком, а не птицей? — Будь другом, пригляди за Эзриком; вот и Пыметсу тебе поможет, если одна не справишься, он в караулке. А я полетаю чуточку над морем.

— Твоя воля, княжна, не проси — вели. Я ведь тебе, и только тебе служу, как мой князь наказал. Только, ежели радость у тебя приключилась, почто к своему-то благоверному не бежишь со всех ног?

— Ну да, опять начнется: из-под облака не падай, на большую глубину не ныряй... Ну совсем как в детстве, тогда тоже наслушалась: собачку не трогай — укусит, на елочку не лазай — уколешься. Мне это в три года уже надоело вот так... Ну я полетела. Гуен, за мной!

И, легкая, как жаворонок, она исчезла, чтобы в тот же миг появиться у самой кромки серебристого недождевого облака. Но если бы она успела обернуться, то выражение всегда такого невозмутимого угольно-черного лица ее по меньшей мере удивило бы.

Еще некоторое время Паянна простояла, хмуро вглядываясь в толчею клубящихся облаков, и со стороны могло показаться, что она просто прислушивается к полуденной тишине, которая вот-вот неминуемо должна была нарушиться голодным взревом менестрелева отпрыска. Но, как видно, молоко морской кормилицы пошло карапузу на пользу: из многокупольного жилища ее новой повелительницы не доносилось ни звука. Тогда она решительно отряхнула руки и, цыкнув на кухонных сервов, чтобы приглядели за очагом, направилась к караульному кораблику.

Пы как всегда занимался привычным делом: полировал свой страшноватый меч шкуркой тихрианского двоерыла.

— Ну, кажись, мы оба-два в няньках, — дружелюбно проговорила она, присаживаясь на порог.

Пы прекратил свое занятие и тупо уставился на нее: эта кухонная воеводиха, видом схожая с троллихой, распоряжалась тут с первых же минут, как у себя дома, и все ей беспрекословно повиновались; и только с ним она была проста и заботлива, точно с чадом малым и неразумным.

— Гляжу я на тебя, добрый молодец, и с каждым днем лик у тебя все темнится да хмурится... С чего бы? Не по девице ль зазнобушке сохнешь?

Пы испуганно потер щеку, потом другую.

— Как сменяю — умоюсь...

На лице Паянны не дрогнула ни одна морщинка.

— На душе у тебя темень, а что на лице, так это только ейное отражение. Подмога тебе надобна, хоть ты ее и не просишь.

— Дык не мне...

— Знаю, знаю, батюшкой ты озабочен. Вот и преломи свою гордыню, поклонись княжне в ножки белые, пусть она королевского лекаря к тебе в замок высвистает. Ей-то это не в труд.

— Лекарь уже глядел, да без толку.

— А может, я гляну? Я ведь скольких воинов на ноги поставила. Попроси княжну, пусть велит мне на пару с тобой в гнездо твое родимое слетать. Может, и сгожусь я, хоть и боязно мне в твоей фортеции-то будет.

Пы разинул рот, медленно соображая, не стоит ли ему оскорбиться. Наконец выдавил:

— В батюшкином замке ни единому гостю обиды не было... Да и кто посмеет — весь Джаспер знает, что мечи наши неодолимые. На том стоим.

Паянна подобрала ноги, обтянула колени юбкой:

— Не про то я. Не люда человеческого опасуюсь. А в том беда, что анделисы ваши, коих вы крэгами кличете, поквитаться могут за покойного властителя свово. Им ведь не ведомо, кто тут ихнего наивершего ухайдокал да в солнцежарище закинул; небось, каждого, кто с королевиной дочкой знается, мнят в том повинным. Так-то.

Она зыркнула черным глазом — дошло ли до туповатого слушателя? Судя по отвисшей челюсти, процесс шел медленно. Но верно.

— А что до непобедимости вашей, — она небрежно махнула своей аспидно-черной лапищей, — так это

покуда вы при мечях своих. А сгребите любого из вас в охапку да киньте хоть на солнышко наше тихрианское, ласковое — сгорите ж за милую душу. И весь сказ.

Она поднялась, с усилием оттолкнувшись обеими руками от порога, и пошла прочь с видом человека, посеявшего нечто доброе и вечное.

А «мощь и сила» дружины Асмуре так и остался сидеть с глубокомысленно полуоткрытым ртом и недочищенным мечом на коленях. Было ясно, что смысл сказанного дойдет до него ох как нескоро.

Но слова запомнятся.

И только мона Сэниа, в очередной раз окунувшаяся в неосязаемую облачную белизну, вместо чуть клейковатой влажной прохлады ощутила вдруг цепенящий холод, словно негаданно залетела в льдистую зимнюю тучу.

Она сложила руки над головой и вытянулась столбиком, чтобы как можно скорее пройти сквозь эту облачную стынь, но тут снова засияло солнце, и в невообразимой дали под ногами означился зеленый остров, ленивой ящерицей покоящийся на недвижимой воде. Никогда она еще не рисковала забираться так высоко, отсюда и холод. Пожалуй, пока долетишь до земли, совершенно оледенеешь...

А почему — именно до этой земли? Ведь если здесь — день, то ведь где-то, в необозримой дали можно так просто на несколько мгновений окунуться в жаркую ночь, где неправдоподобная луна заливают ослепительным зеркальным светом столпообразные горы, и фосфорическое мерцание нижней листвы, укрытой кольчужной сеткой верхнего защитного покрова, кружевными разводами означают ущелья и раскидистые купины, поросшие живительной зеленью, подозрительно пышной для такой засушливой планеты...

Действительно, почему же — нет? Ведь никто даже не заметит. Только обогреться, закутавшись в черную

вату никому здесь не ведомой ночи и даже не приближаясь к уже знакомому и такому падкому на контакты подлесью. В конце концов, на то ее королевская воля!

До земли было еще далеко, когда она позволила себе этот мимолетный каприз...

Так безошибочно угаданная ею невестийская ночь приняла ее в свои бестелесные ладони, но теперь свободное падение было ощущаемо как полет навстречу жаркому ветру, упругому и даже немножечко шершавому, напоенному запахом перспелого персика. Неведомая мгlistая земля, расчерченная лунными тенями, беззвучно летела навстречу, притягательная, как любая тайна. Еще минуточку, еще один взгляд вон на ту заброшенную купину, расстилавшуюся под ногами, точно темнубурая медвежья шкура, и на дальние контуры загадочного Сумеречного Замка, огражденного цепью иссиня-черных остроконечных шпилей, застывших в поминальном поклоне, которые издаека чудятся свернутыми траурными знаменами, по сравнению с которыми ночное небо кажется всего лишь бледными призраком темноты.

Не затягивая столь любезный ее сердцу, но отнюдь не безопасный в чужой полночи и над незнакомой землей свободный полет, она приглядела себе ровный серебрящийся уступ у подножия столбовых ворот, и в следующий миг уже стояла на нем, досадуя, что не догадалась прилететь сюда босиком: камень, с высоты кажущийся таким прохладным, пахнул на нее накопленным за день жаром, к которому примешивался пьянящий дух невидимых в тени растений. Платье и волосы, сохранявшие ледяную влагу джасперянских облаков, высохли мгновенно; губы свело жесткой корочкой. Она протянула руки, чтобы поймать проскальзывающий меж каменными столбами прохладный вихрящийся сквознячок...

— Прячься!

Негромкая отрывистая команда была так неожиданна, что она выполнила ее беспрекословно, повинуясь бессознательно вступившему в действие закону: первый и наиглавнейший долг воина и путешественника — это выжить. Она метнулась в сторону и откатилась в тень, вжавшись в неглубокую расщелину между камнями. Тот, кто отдал этот внезапный, но очевидно необходимый приказ, был совсем рядом, и если бы она не слышала его голоса, то сейчас приняла бы его за старую сгорбленную женщину, притаившуюся среди камней; длинные выющиеся волосы совершенно скрывали лицо, обращенное к заброшенной купине.

— Гляди. Разве не видишь?.. — снова прозвучал сдержанный, но несомненно мужской (и, кстати, совсем не старческий) голос.

Она подалась вперед, не высываясь, впрочем, из тени и пока не зная, что именно следует углядеть; но вот там, в прорези между двумя утесами, ясно очертилась аспидная тень громадного крыла; она нервно взметнулась над оливковым мерцанием подлиственной зелени и, разворачиваясь парусом, нацелилась на каменные ворота, точно пытаясь уловить доносящийся оттуда ветерок... или голоса?

Мона Сэниа торопливо кивнула, дивясь мгновенному исчезновению неразлучной своей строптивости.

— Замри. И не шевелись.

Она почесала кончик носа:

— А говорить можно? — Ее голос прозвучал хриловато: видно, треснула корочка на губах, потому что от горла и до колен проскользнула иголочка незнакомой боли.

— Шепотом. И самое необходимое. — Похоже, он пытался рассмотреть ее в темноте. — Нездешняя. Откуда?

— Издалека. Очень, — невольно переняв его лаконичность, она скупой отмеряла жгучие движения губ.

— Вовремя... Уходим. Из тени — ни-ни.

Что именно было вовремя, она не очень-то поняла, но ее спутник уже с завидной ловкостью скользил вниз по уступам, переходящим в пологую дорогу, ведущую к уже знакомому подлесью, где властвовал многомудрый карла, похожий на вырезанного из дерева истукана. Путь им пересекла хорошо утоптанная тропа, и горбатый (теперь это было уже очевидно) незнакомец остановился.

— Подождем, — проговорил он, по-прежнему приглушая голос. — Древнехранище объявило сбор для однолунных окрестностей, но все-таки может прибыть молодежь и из отдаленных подлесий. Заплутаются, как ты, и двинут навстречу Нетопырю. Предупредить надо.

— Древне... как?

Волнистая грива всколыхнулась, и теперь моне Сэниа на миг приоткрылось скорбное узкое лицо, в котором все черты как-то безнадежно устремлялись книзу — и разрез глаз, и уголки губ, и даже кончик носа. Можно сказать, король глубокого уныния. Но в его голосе проскользнула беззлобная усмешка:

— Скопидомщина. Это подлесье чаще всего именуют именно так... Ну да иначе под этим небом и не проживешь. Я им не судья.

Непонятная отстраненность прозвучала в его словах — должно быть, произвольно; но задавать вопросы было уже некогда: отведенная себе минуточка жаркой ночи давным-давно пролетела. Однако исчезать прямо на глазах непрошеного свидетеля тоже было ни к чему.

— Ну я пойду, — проговорила она, неопределенно махнув рукой.

— Одна? Без провожатых не пущу, — неожиданно властно проговорил незнакомец. — Вон, на зыбучие пески нацелилась. Пропадешь.

— Тебе-то что?

Зыбкая завеса длинных волос, которые постоянно шевелились, точно были живыми, приоткрыла брови, сложившиеся презрительными уголками:

— Бесчувственная. Вот ты, оказывается, какая.

Ей стало стыдно — эмоция, в экстремальной ситуации излишняя. И оправдаться хочется, и нельзя неосторожным словом выдать свое истинное происхождение.

— Ты не так меня понял: я только хотела сказать, что опасаться за меня не стоит. Я здесь ничего и никого не боюсь.

Действительно, боль уже прошла, и к ней вернулась прежняя самоуверенность.

— Никого? И Полуночного Дьявола? О, луны поднебесья, да ты еще совсем несмышленная!

— Я бы не сказала. Просто мы с ним однажды уже встретились на узкой дорожке, и, как видишь, я цела и невредима.

Еще бы — когда капля живой воды гарантирует эту неуязвимость.

— Невредима? — Глаза из-под спутанных волос, падающих на лицо, испытующе блеснули. — Он тебя не заметил?

— И этого я бы не сказала. Мы просто поговорили (просто!))... в общем, он меня отпустил.

— Отпустил... На него не похоже. Нет.

— Почему — нет?

Он протянул руку, словно намереваясь коснуться ее подбородка, но на полпути его узкая ладонь замерла и застыла в воздухе, точно серебряная лодочка. Редкого изящества, между прочим.

— Красота. Такой красоты, как твоя, я в этих местах еще не встречал. — Голос незнакомца прозвучал еще глуше. — И думаю, этот крылан окаянный — тоже...

Ну вот, дождалась и комплиментов. Когда каждая минута на счету, это особенно уместно.

— Я все-таки побегу, — проговорила она почти просительно, намереваясь скрыться за первым же поворотом проторенной дорожки. — Ночь ясная, с пути не собьюсь.

— Ясная? Чадо неразумное, ты даже не заметила, что на востоке зреет гроза.

Действительно, небо справа стало каким-то непрозрачным. Но это ее пугало меньше всего, как и едва уловимое дрожание почвы, которое скорее всего объяснялось топотом многочисленных ног.

— Кто-то сюда направляется, — на всякий случай предупредила она.

Незнакомец снова удивленно приподнял брови:

— Чуткость. Ты умеешь не только сама бесшумно карабкаться по камням — даже я не уловил твоего приближения; но у тебя еще и чуткий слух землеройки-паданицы... Видно, не даром тебя определили в бродяжки.

Ну, слава древним богам, хоть он-то не принимает ее за неведомую «ниладу», со всем комплексом поклонения!

— А ты сам-то разве не бродяга? — бросила она, не подумав, что может обидеть его таким предположением.

— Бродяга... — В его тоне не было оскорбленного достоинства, и в то же время он вроде бы давал ей понять, что любой другой на его месте по меньшей мере почувствовал бы себя задетым. — Не совсем. Я из древнего великого рода номадов и, наверное, последний из них.

Ей захотелось сделать шутливый реверанс, но она вовремя сдержалась. Слева между тем показалась цепочка людей; появились они внезапно, точно из-под земли.

— Спешу. Побежишь с ними по живой тропе, — безапелляционно велел незнакомец. — Если бы не гроза, можно было бы и не спешить — венчание начнется только на рассвете.

Ее что, снова хотят впутать в какой-то языческий обряд?

— А чье венчание-то? — Нет, женское любопытство все-таки неистребимо.

— Детей.

Цепочка ночных бегунов, уверенно лавирующая среди обломков скал, была уже совсем близко, и незнакомец, чей плащ уже трепетал под порывами предгрозового ветра, шагнул им навстречу, скрещивая руки над головой — знак, понятный, наверное, в любом уголке Вселенной.

Не задав ни единого вопроса, они резко прыгнули в сторону, на широкую дорогу, ведущую к Древнехранищу; по тому, как часто и боязливо они оглядывались на стремительно приближающуюся грозовую пелену, можно было предположить, что скоро тут разыграется небесная феерия, небезопасная для всего живого. Их летучие прыжки стали еще шире, так что принцессе невольно припомнились тихрианские гуки-куки.

— Догоняй! — свирепым шепотом приказал незнакомец, и она послушно, как девочка, бросилась выполнять его команду.

И что с ней творилось на этой Невесте?

Похоже, что те, кто бежал впереди нее, определенно были из рода скороходов, потому что несмотря на всю свою натренированность, в этой предгрозовой духоте она, несмотря на легкость своего сиреневого платья, взмокла уже на третьей минуте, но догнать мчащихся вихрем невестийцев ей так и не удалось. Но этого было и не нужно — крутой поворот скрыл позади согбенную фигуру в темном плаще (в такую жару — и плащ до земли?), и следующим прыжком, убедившись в собственной невидимости, она уже перенеслась на Джаспер, под прохладный свод шатрового покоя их крошечного замка.

Минутка, которую она отвела себе в этой жаркой ночи, давным-давно истекла.

— Ты это откуда такая взмыленная? — напустился на нее заботливый супруг. — Ветер сегодня холодный, подхватишь пневмонию...

Ну здесь-то она была уже не пай-девочка, которая потупив глазки слушает наставления старших.

— Не слышу в голосе почтительности, приличествующей обращению к владетельной моне.

— Почтительности тебе будет навалом. Немного погода. Просто за последнее время ты так скоропалительно меняешься, что каждый раз, встречая тебя, мне не терпится узнать тебя — новую...

— Ой, не сейчас же, светлый день на дворе!

— Во-первых, в нашу комнату никто не посмеет вломиться без спроса, а во-вторых... насколько я помню, в ту незабвенную пору, когда ты меня совращала — не отпирайся, твое мое своенравное величество, было дело! — тебя не очень-то волновало время суток по Гринвичу.

— Тогда вокруг моего твоего не орали голодные младенцы.

И словно по заказу за тонкой стеночкой тотчас же раздался трубный рев.

— Надо будет попросить Алэла, чтобы он ему, стервецу, жабры присобачил, как Ихтиандру, — пробормотал вконец раздосадованный супруг. — Чтобы с брюха своей сирвенайи не слезал... Э-э, мое твое, куда же ты? Там уже и без тебя и Ардинька, и бабища эта твоя черномор... пардон.

Но Сэнни уже исчезла.

Ардинька действительно была тут как тут — разрывалась, бедняга, между собственными племянниками и игуанской малышкой. Сейчас она сноровисто подsunула крикуну бутылочку с козым молоком — и, вскрикнув, отдернула руку.

— Чегой-то ты? — удивилась Паянна, наблюдавшая за ней в своей обычной позе, уперев в крутые бока громадные кулачища. — Аль куснул?

— Ему же месяца нет... — Ардиень изумленно поглядела на собственный палец с четкой розовой вмятинкой. — На морском молоке, конечно, все быстрее растут, но чтоб так... Наши маленькие ведь тоже у сирвеняй кормятся, но у них еще до зубов далеко.

Она естественным детским движением сунула палец в рот, но, оглянувшись на подошедшую принцессу, застеснялась и палец изо рта вынула. Она всегда почему-то смущалась в присутствии моны Сэниа.

— Коли у одной мамки подъедаются, да и по дням почти ровняшки, так что бы их в одну кучу не сбить? — резонно изрекла Паянна. — И нашей-то хозяйшке облегчение бы вышло.

— Это не одна и та же сирвеняй, разные они... — Ардинька засмушалась еще больше. — И потом, вряд ли сестры мои...

— Ну да, — грубовато подсказала Паянна. — Спесь поперек горла станет, чтоб царских внуков с незнамо чьим подкидышем ровнять. Скажешь, не так?

— Я уж как-нибудь сама с этим разберусь, Паяннушка, — как можно миролюбивее вмешалась принцесса. — Двоих на ноги поставили, с третьим тем более затруднений не будет. На нашем острове вообще нет проблем.

— Как же! — не унималась воеводиха. — Не господарское это дело — с младенцами титькаться. А уж коли к слову пришлось, то и княжич твой уж мечом баловаться намылился, хоть и деревянным покедова; скоро на коня сядет, а покоев у него собственных нету. Да и замок-то здешний — сарай караванный просторнее! И людишки служивые тут же обитаются, и живность потешная... Строиться вам впору!

— На Равнине Паладинов нового не строят, — с неожиданной для себя самой печалью заметила прин-

цесса. — Наши сервы к тому не приспособлены. Вот если что в ветхость придет, или при пожаре разрушится — тогда они восстанавливают, как было. Память у них такая.

— Значить, натаскать их надобно наново. Иль с той округи, откудова князь твой родом, умельцев подрядить — голубое-то золото тебе в безраздельное владычество дадено, пользуйся, княжна! А ежели незадача выйдет — так нам ведь в весеннем краю много чего возводить приходилось, я подмогну. Хоромы княжеские отгрохаем за милу душу, знамо дело.

Менестрелев отпрыск заперхал, захлебываясь, но бутылочки не выпускал — ненасытен он был до изумления.

— Подожди немного с грандиозными планами, — отмахнулась принцесса. — Строиться мы давно собрались, но каждый раз какой-нибудь сюрприз, вроде прибавления семейства... Да отберите у него у него бутылочку, скоро ведь сирвенаяя приплывет, а у него пузечко уже наетое.

— Он салощий, и двух отсосет, — ухмыльнулась Паянна. — А я вот все хочу спросить: отколь такая кормилица сыскалась? Чуден зверь, да еще морской, да еще пегий при том...

— Разве батюшка мой не рассказывал? — Ардинька безуспешно пыталась отнять у маленького обжоры опустевшую посуду. — В стародавние времена беда на Первозданные острова пала — мертвое тело в лодке к нашим берегам прибило. Должно быть, недобрый человек то был, потому что тогда вокруг его могилы много чудищ появилось, и почему-то все пестрые. Тогдашний король почти всех своими чарами уничтожил, вот только змея морского догнать не смог. В глубинах тот прятался. А потом мелкий кит-прыгун тоже весь пятнами пошел и на людей озлобился, нападать стал, на части рвать... Тогда уже новый король правил, молодой со-

всем, затейник, говорят, был и к зверью жалостлив. И решил он зло добром обернуть, всех китов-прыгунов переловил и в сирвеная певучих обратил, чтобы людям помогали, от скал подводных пением ограждали, рыбу в сети гнали, рыбацким сиротам молоко отдавали. Вот такая сказка.

— А вдруг он какого убийца морского прохлопал? — поёжившись, точно на ветру, предположила Паянна.

Ардинька уверенно качнула блекловолосой своей головкой:

— Так ведь не одно столетие минуло... А что?

— Вроде ветерком морским потянуло... да с тухлятинкой, — наморщила свой плоский нос Паянна. — Не к добру.

— По-моему, здесь кому-то очень хочется прикинуться ведьмой, — тихонько заметила принцесса.

— И-и, матушка моя, была б я ведьмой — перво-наперво сынов своих сберегла бы.

Ой, как неловко получилось...

— А знаешь что, Паянна, давай-ка и вправду присмотрим место для дворца! Ардинька, укачаешь Эзрика? Мы ненадолго, только прогуляемся по берегу.

Само собой разумеется, это «ненадолго» было строго запланировано — два часа, как раз столько, сколько, по ее расчетам, оставалось на Невесте до рассветной поры. Уж очень хотелось хоть одним глазком глянуть, что же это за венчание детей? Вот и бродили они с Паянной по самой кромке высокого берега (воеводи-ха, правда, немного подальше), прислоняясь к теплым и многоцветным, как пятнистая яшма, стволам, чьи обнаженные нечастыми дождями и еще более редкими ветрами корни свешивались с обрыва, тщетно пытаясь дотянуться до дразнящей морской синевы. Вид на эту необозримую синь с едва угадываемой цепочкой Внешних островов в этот вечерний час был, конечно, ска-

зочен, но вот осыпистая почва не располагала к возведению на ней жилья.

Паянна это тоже заметила и теперь неодобрительно хмыкала, тяжело топая по хрустящей хвое. Но принцесса не торопилась, временами искоса поглядывая на оседающее в море солнце. Белый мох снежными языками выливался временами из лесной чащи и как бы стекал к береговой кромке, и тогда громадные черные сапоги тихрианской великанши умудрялись ступать по нему совершенно бесшумно, отдавая вечерний берег во власть первозданной тишины.

Женщины, разомлевшие в предзакатном безмолвии, время от времени перебрасывались случайными фразами, но беседа то и дело затухала.

— А скажи, Паянна, сколько тебе на самом деле лет? — неожиданно спросила Сэнни.

— Не обучена я считать по-вашему, — почему-то настороженно отозвалась воеводиха. — А почто это вдруг? К моей старости свою младость примериваешь?

Принцесса смутилась — пожалуй, сейчас на всем Джаспере Паянна была единственным человеком, способным вогнать ее в краску:

— Да... То есть нет. Просто муж мой что-то слишком часто про мои годы вспоминает, хотя он меня ненамного старше. Говорит, я вроде бы молодею... Как ты думаешь, может, и вправду тут волшебство какое?

Паянна зычно расхохоталась, так что раскатистое эхо заметалось меж древесными стволами:

— А ты и не спорь с ним, девонька. Любит он тебя без памяти, оттого и глуп с тобой, точно сурок весенний. — Она со всхлипом втянула в себя пьяный воздух, как видно, предаваясь мимолетным воспоминаниям. — Эт-то глупость сладкая. А что до волшебства, так оно каждой матери по первости даруется, только не всякая про то ведает. Ведь как родишь, так принимаешься ждать: вот головушку держать начнет... вот зубок

прорежется... вот титьку бросит... вот ножками пойдет... И все ентое времечко ты его младышем числишь. А вот в ручонки он взял свой меч, пускай покуда хоть деревянный, и ты вдруг видишь: человеком стал. И тут точно гора у тебя с плеч. И так легко становится, точно девка ты еще немужняя, небрюхаченная, одно слово про то сказано: не скачи высоко — улетишь под облако...

— Все именно так и есть, Паяннушка, я сейчас как раз такая!

— А коль такая, то безрассудство какое не учини. Карахтер-то у тебя больно шалый.

Своевольный подбородок тут же дернулся кверху — ни от кого другого таких слов не потерпела бы.

— Ты ж сама говорила, Паянна: у судьбы две ладони. Если не сейчас, то когда же на другую-то ладонь глянуть?

— Гляди, коль дурь молодая велит, да только купно с супругом своим законным; ежели что, так он тебя обережет. На то он и муж, чтоб завсегда и советчиком был, и защитником верным.

Что-то от такой морали во рту стало кисло. Прямо скажем, нехарактерные для Паянны сентенции. И, как правило, достигающие обратного результата.

Она капризно оттопырила нижнюю губу:

— Вот-вот: собачку не гладь, на елочку не лазай...

— Ну воля твоя, княжна, я тебя упредила. А глянька, никак это нахлебничек наш?

И точно: за можжевеловым кустом, вцепившемся в самую кромку обрывистого берега, тускло отсвечивала черная обнаженная спина. Бродячий певец, скинув потрепанный в неведомых странствиях кафтан, сидел, свесив ноги с гранитного уступа, и задумчиво глядел вниз.

Сапоги тоже стояли рядышком.

Мона Сэниа замерла, прислушиваясь к себе: откуда эта неведомая тревога? Тишь и гладь, слепополуден-

ная тяга разомлеть на солнышке... И поняла: согбенная поза менестреля напомнила ей о горбатом страннике, оставленном там, на скрещении двух дорог, где под черными небесами уже наверняка бушует гроза. Кто же этот несчастный калека, оставшийся в одиночестве встречать надвигающуюся бурю?..

— Однако мы с тобой загулялись, Паянна, — проговорила она торопливо. — Сейчас я отошлю тебя в Бирюзовый Дол...

— И то дело. Только ступай-ка ты туда покедова одна, а я еще тут пообитаюсь, с земляком моим покумекаю. Лады?

Собственно говоря, этот вариант ее тоже устраивал.

— К ужину возвращайтесь вместе, — велела она, исчезая.

Паянна еще некоторое время стояла, задумчиво глядя на то место, где только что находилась принцесса, потом утерлась широкой ладонью — жарковато было в черном суконном одеянии — и решительно направилась в сторону Харра по-Харрады, отрешенного от всего джасперианского мира тягостными своими воспоминаниями.

Бесшумно ступая по белому мху, она приблизилась к менестрелю и точным пинком столкнула его с обрыва.

Невестийская гроза бушевала всухую — неистовая, ужасающая в своей безводной ярости. Ослепительные лиловые вспышки то и дело раздирали небо, тщетно пытаясь открыть доступ скопившейся где-то в черной высоте небесной влаге, и почти несмолкающий гром захлебывался бессильным бешенством. А как же горбун? Вот шархнет его молнией...

— Эгей, странник! — мона Сэниа даже не услышала

собственного голоса; стало очевидно, что звать бесполезно.

Она замахала руками, надеясь на то, что в блеске молний ее светлое платье привлечет внимание несчастного бродяги.

Никто не отзывался.

Громадная сухая ветвь просвистела над головой и шмякнулась позади, впечатываясь в каменистую почву — она почувствовала это лишь по тому, как вздрогнула земля под подошвами ее легких сандалий. О, тролль тихрианский тебя побери, трое детишек ведь сиротами останутся...

Берегись!

Она метнулась в сторону, чтобы в следующий миг уже очутиться под мерцающими сводами знакомой купины. И только тут осознала, что подчинилась своему внутреннему голосу, которого не слышала уже много дней. Где же ты был на Игуане-то, беззвучный мой? Или дожидался, когда опасность станет по-настоящему смертельной?

Ты слушай, слушай! Ты же за тем сюда и пришла...

Над головой звенел верхний слой листвы — металлический дребезжащий гул, точно сшибаются друг с другом множество маленьких лезвий. Слегка приглушенный гром. И все.

Нет, не все. Откуда-то из глубины этой дремучей рощи до нее донеслось тысячеголосое дружное «дум-дум». Это были не только барабаны — к ним примешивались и хлопки в ладоши, и удары по струнам, и человеческие голоса. Она невольно двинулась вперед, не опасаясь внимания жителей этого подлесья: похоже, к ней уже привыкли, принимают почти как свою. Да и гостей здесь, если верить горбуну, сегодня должно быть достаточно.

Древесные стволы, несущие на себе тяжелолиственные кроны, становились все толще и кражистее —

обхватов пять, не меньше; каменные рукотворные столбы поддерживали нижние ветви там, где еще не успели набрать силу молодые деревца, заботливо огражденные снопиками сухой травы. Перепрыгивая через корни и какое-то подобие грядок, она забиралась все дальше и дальше в глубину этого естественного убежища, которое изнутри оказалось гораздо обширнее, чем она подозревала; наконец она увидела на ровной поляне человеческие фигуры. Кто-то сидел, некоторые полулежали, расположившись на траве так безмятежно, словно над их головами и не бушевала неистовая стихия.

Противоположную сторону поляны окаймляло нечто вроде ступеней амфитеатра, заполненного людьми. Все это напомнило ей представления, которые нередко устраивались в королевских садах ее отца тоскующей от безделья знатной молодежи; мона Сэниа с детства терпеть их не могла за откровенную фальшь и снобистскую снисходительность к непосвященным. На дворцовых подмостках мечи были деревянными, они сверкали позолотой и поддельными драгоценностями, а поединки скорее напоминали дотошно отрепетированные танцы. Для юной принцессы этого было достаточно, чтобы раз и навсегда преисполниться глубочайшим презрением к любому лицедейству.

Но, похоже, ожидающее ее здесь маленькое представление должно было сочетать убогость и незамысловатость, учитывая уровень жизни туземцев. Какая-нибудь сказочка. Или откровенный фарс. Занесло же ее на эту бессмыслицу...

Она уже хотела попятиться назад, чтобы незаметно исчезнуть, но тут ее остановил голос, который показался ей знакомым:

— Выбор. Его вы сделали этой ночью, дети мои, и вступили в Школу Любви. До сих пор ваши наставники учили вас добывать пропитание, считать и запечат-

левать знаками то, что подлежит сохранению; врачевать близких и укреплять собственное тело. Но теперь вы будете постигать самое главное, что составляет смысл жизни каждого человека — вы будете учиться любить, и здесь единственным наставником будет для вас ваше собственное сердце...

Гром, способный обрушить свод любого дворца, грянул над самой головой, но никто даже не пошевелился, уверенный в неизбежности естественной кровли. Мона Сэниа поискала глазами оратора и невольно обратила внимание на статную фигуру в белом, до земли, плаще, обращенную к ней спиной. Рассыпавшиеся по плечам смоляные кудри заставили принцессу предположить, что перед нею женщина, но она тут же вспомнила, как ошиблась на перевале с убогим калекой, которого она тоже поначалу приняла за старуху; царственная осанка выдавала знатную особу.

Но голос-то был мужским.

Более десятка слушателей расположилось прямо на траве, но все они уже несомненно вышли из детского возраста. Парни, так те просто в дружину просятся...

— Быстротекучесть. Она неумолима к времени человеческой жизни, — снова зазвучал голос, одновременно ясный и печальный, как лунный свет; — и вы должны быть готовы, когда и вам настанет пора выбирать и быть избранными. Тогда счет времени пойдет на краткие дни и еще более мимолетные ночи, которые вы наполните своей последней и единственно настоящей любовью.

Говоривший опустил голову, точно собираясь с мыслями.

Легкий шорох, как эхо, пролетел над поляной, над головами взлетели руки с круглыми коробочками крошечных барабанов, и снова раздалось дружное «дум-дум», прозвучавшее как подтверждение: «да будет так».

— Свершилось, — снова зазвучал голос, покоряю-

щий своей мягкой властью. — Сегодня, по обычаю предков, я обвенчал вас с предметами вашей первой любви: заботливо взращенными саженцами и прирученными мелкими тварями, с привычными от пеленок куклами и недавно полученным, пока еще притупленным оружием. Этот выбор вы сможете изменить. Но Последняя Любовь — она неизменна, потому что с того мгновения, как она завладеет вами, вам будет отмерено лишь столько времени, сколько нужно для того, чтобы подарить Подлунью свое отражение — детей своей страсти и нежности, которые так же, как когда-то вы сами, начнут свой путь к последнему блаженству, венчающему всю человеческую жизнь.

Снова пауза, и снова дружное «дум-дум».

— Готовьтесь. Совершенствуйте умение любить, постигайте чародейную науку отдавать всего себя своему избраннику, с которым вы завершите череду своих ночей, как делают сегодня Чиута и Роому, уходящие, чтоб найти свое место под солнцем.

Дум-дум.

Что-то мрачновато все это для народного гулянья на открытом воздухе... хотя кто сказал, что все происходящее — это праздник? Во всяком случае, этих двоих, что спускаются сейчас по ступеням амфитеатра, веселящимися не назовешь. Совсем старенькие, он еще и хромает, она прямо-таки тащит его на себе — где уж им искать место под солнцем? Да еще под таким, как здешнее! Дикость какая-то. Доковыляли до оратора и... Древние боги, они что, раздеваются? Да, все скинули, даже лыковые сандалии, остались в убогих тряпочках на чреслах. Зато взамен получили какой-то кувшинчик и благославляющий взмах белого плаща. Поковыляли.

Мона Сэниа отступила за шершавый древесный ствол, потому что полуобнаженная чета двинулась прямо на нее. Дум... Дум... Дум... Казалось, маленькие

барабаны помогают старикам делать каждый шаг, дающий с таким трудом. Пряталась она напрасно: уходящие были настолько поглощены друг другом, что наверное не заметили бы и молнии, ударившей перед ними. Куда же они в грозу-то? Впрочем, пока им удастся таким шагом добраться до границы подлесья, буря утихнет — вот и гром доносится откуда-то издалека, а ни капли дождя так и не ударило в звонкую кольчужную листву верхнего покрова их купины. Дум... Дум... И барабаны звучат все тише, и всего двое двинулись следом — наверное, дети или внуки, готовые поддерживать старших родичей в этой нелепой ночной прогулке. Остальные просто поднялись и провожают уходящих задумчиво, но не слишком печально, как глядят на нечто такое, что для себя самих еще просто непредставимо. Вот и оратор обернулся им вслед...

Она почти не удивилась, узнав в нем давешнего горбуна. Теперь, когда он стоял к ней вполоборота, было видно, как белоснежный плащ топорщится за плечами, а вот на шее... Древние боги, такое она видела только на варварской Тихри — рабский ошейник!

Он скользнул взглядом по непрошеной гостье, словно не узнавая ее, потом круто повернулся и зашагал к опустевшему амфитеатру, со ступеней которого все уже спустились вниз, на поляну. Смешался с толпой, которая послушно расступалась перед ним, словно боясь к нему прикоснуться, и принцесса поняла, что сейчас потеряет его. Ну нет, раз уж они познакомились под ураганными порывами надвигающейся бури, то здесь, где тишь и гладь и вселенская благодать, она попытается получить у него ответы на свои вопросы. Ведь странники — наиболее информированные существа на каждой планете.

Она бесцеремонно врезалась в толпу; действительно, кто держал в руках куклу, кто — клеточку с какой-то мелкой живностью, кто — глиняный горшочек с чах-

лым саженцем. Но сейчас эти детали ее мало волновали. Не упуская из вида мелькающий впереди белый плащ, она приблизилась к каменным ступеням — надо же, и не амфитеатр это вовсе, а фасад куполообразной скалы, превращенной в громадный дом. Черные жерла тоннелей уходили вглубь с каждой ступени, провалы пещер были превращены в балконы и террасы; каменные навесы и козырьки поддерживались изящными столбиками, кое-где даже с полустершейся резьбой, и единственное, чего здесь ни в малейшей степени не наблюдалось, так это симметрии.

Горбун нырнул в какой-то дверной проем и она, не раздумывая, последовала за ним. Так и есть, естественные пещеры, приспособленные под жилье. Мягкий свет фосфоресцирующих камышей в тяжелых вазах, скамья между ними.

Незнакомец скинул на нее свой плащ, и принцесса едва не вскрикнула, увидав, что скрывается под ним.

12. Новоявленный бог земли Ала — Рани

Плащ снежными складками по-хозяйски разлегся на скамье, отчего в пещерке-комнатушке стало светлее, и у принцессы мелькнуло невольное желание отвернуться, чтобы не увидеть обнажившегося старческого уродства — естественная брезгливость юности; но она не успела: стоявший к ней спиной незнакомец пошевелил плечами, распрямляя их, и с безмерным изумлением она обнаружила, что никакого горба у него нет, а вместо этого всю спину прикрывает какой-то плоский решетчатый короб, закрепленный между кожаным ошейником и широким поясом. Сквозь редкое лыковое плетение было видно, что два жутких лиловых пятна, несомненное следствие недавнего ожога, расползлись от лопаток по всей коже, которую таким вот

хитроумным способом приходилось защищать от любого неосторожного прикосновения.

Принцесса почувствовала, как всю ее заливает жар неумного стыда, словно она подглядывала за чем-то непристойным. Между прочим, неслышимый советчик мог бы и предостеречь, но промолчал, собака.

А может, так лучше — с самого начала знать, что к чему?

Смущение сменилось злостью на себя. Да что она, девочка, что ли? Уж сколько раз купалась вместе со всей дружиной, а Милосердного князя тихрианского однажды умудрилась узреть во всей естественной красе (о чем он, к счастью, не подозревал); а тут вдруг... Да и вообще, почему — стыд? Сострадание тут уместнее.

Экс-горбун устало опустил — не на скамью, занятую парадным одеянием, а прямо на каменный пол. Ни секунды не колеблясь, она приблизилась к нему и присела рядом.

— Может, тебе воды? — спросила она участливо.

Он совсем не удивился, словно ждал ее появления.

— Принесут, — проговорил она с величавой простотой, как властитель, не сомневающийся в расторопности своих слуг. — А пока поговорим.

А вот продолжительного разговора она отнюдь не планировала. То, что хотела, она уже увидела — примитивный обряд полуварварского племени. Зрелище не впечатляющее.

— М-м-м... только недолго, хорошо?

Он слегка запрокинул голову, словно над ней было небо, а не выдолбленный в скале свод, и аскетическая замкнутость уступила место мягкой печали. Принцессе подумалось, что если бы уголки его губ не висели уныло книзу, как усы у сома, он казался бы намного моложе; зато серебристые нитяные просверки, которых прежде не разглядеть было в обманчивом свете луны, теперь явственно проступали в темных волосах,

кстати, не черных, а какого-то очень густого орехового тона. Они постоянно почти полностью закрывали его лицо — вероятно, незнакомец знал о том, что оно если и не столь уродливо, как его тело, то во всяком случае тоже малопривлекательно. Но, в самом деле, что это ей приспичило его разглядывать?

— Торопишься. — Он снова опустил голову, и летучая грива поспешила скрыть лицо. — Ты едва успела здесь появиться, а тебя уже кто-то ждет... Вот что значит быть такой юной. Но подари несколько мгновений и мне. Итак, празднество позади. Куда же ты теперь отправишься?

Он был совершенно уверен в том, что она настроена ему отвечать. И абсолютно правдиво притом. Его что, никогда не водили за нос?

Но у нее не было времени на хитрости.

— Я пойду искать Горона. Мне сказали, что он должен быть где-то поблизости.

— Хм... — пробормотал он озадаченно. — Оказывается, кому-то известно, где должен быть Горон. Между тем даже я этого не знаю. И кто же этот ясновидец?

— Да не помню я, кто именно... — Она действительно этого не могла припомнить. — Мы вместе играли в мяч.

Улыбка снова коснулась его губ.

— Мальчишки. Эти действительно знают все. Или им всегда везет на отгадки... И для чего тебе надобен Горон?

— Разве ты не слышал о нем? Он вроде здешнего пророка, всесильный и всеведущий..

— Рассказни. Легковерное дитя, тебя обманули. Горон — это я, и как видишь, не в моей власти даже облегчить собственные страдания. Как же я смогу помочь тебе?

Можно было и раньше догадаться — ну да, это и есть Горон, но только он не таинственный маг, а попросту

странствующий проповедник, из-за своего увечья не способный прокормить себя честным трудом и потому кочующий из одного подлесья к другому в ореоле призрачного всемогущества — такая иллюзия легко достигается с помощью хорошо подвешенного языка. Ах ты, какая досада, а она-то понадеялась, что Горон и будет тем искомым существом, который не является жителем ни Тихри, ни Джаспера, ни Земли и поэтому неподвластен заклятию, наложенному на Адские Горы. Значит, опять ползать по руинам и болотам полудохлой Свахи, которая надоела ей уже до тошноты своей безнадежной принудилровкой «искать то — не знаю что»...

— Спрашивай. О чем ты хотела попросить Горона? — с мягкостью, напомнившей ей Алэла, проговорил странник.

— Это долгая история, — безнадежно отмахнулась она.

— Ничего. У меня есть еще немного времени.

У него, видите ли! Однако. Она что, прилетела сюда развлекать разных бродяг?

Доверься ему, девочка, потому что сейчас он стоит на стезе добра...

А вот всяким беззвучным советчикам рекомендовалось бы помолчать. «Девочка». И этот туда же.

Тебе что, трудно ему ответить? Будь мягче, добрее, великодушнее...

— В пустынном холодном краю, который лежит так далеко, что ты и представить себе этого не можешь, стоит заколдованная гора, — совершенно неожиданно для себя самой начала рассказывать принцесса. — Где-то на склонах или на вершине этой горы спрятан человек. Мертвый или спящий — сейчас это не важно. Загадка в том, как его отыскать.

— Волшба. Не здешняя. А в чем, если точнее, заклятие? — деловито поинтересовался Горон.

— Гора одета колдовским туманом, таким густым, что в нем невозможно даже передвигаться. А уж что-нибудь рассмотреть...

— Звездное Око. Только оно могло бы тебе помочь. А для полета — ручной Крылан-Великан.

— Да, Горон, да! Где их найти?

— В сказках. Все это существует только в древних легендах, дитя мое.

Она не удержалась — вскочила, топнула ногой:

— Не может быть, чтобы на вашей земле не было магов и кудесников! Не может быть, чтобы под таким солнцем вы выжили без чародейства, амулетов и оберегов!

— Разумно. И тем не менее здесь, в горах кампьеров, нет колдунов и кудесников. Их надо искать в пустыне магиров.

— И ты знаешь, где это?

— Знаю. Мне уже доводилось вести переговоры с магирами. Собственно говоря, ни с кем другим они и встречаться-то не желают, огораживая свои оазисы песчаной пеленой. Не пытайся пробраться туда, девочка, это только мне под силу.

— Скажи, что ты хочешь за то, чтобы проводить меня туда?

— Забавно. Ты предлагаешь мне плату?

Ты оскорбила его, теперь если хочешь чего-то добиться — вымаливай прощение!

— Послушай, Горон,— заторопилась она; — я же не знаю ваших обычаев. Извини, если сторяча я сказала что-то, затрагивающее твое самолюбие. Будь настоящим мужчиной и не обращай внимания на такие мелочи. Итак, проводишь?..

— Тараторка. Ты напоминаешь мне песчаного кузнечика, который не перестает стрекотать даже жарким днем. Ты действительно не знаешь моих привычек, и мне жаль, что первая и наиглавнейшая из них такова:

я путешествую только в одиночестве. И для тебя это тем более досадно, потому что сейчас я направляюсь именно к маггирам.

— Ну и прелестно! Я не собираюсь надоедать тебе, цепляясь за руку или за край твоего плаща. Ступай себе потихоньку, а я двинусь следом, так что ты меня даже не заметишь.

— Исключается. Быть на расстоянии взгляда — для меня это все равно, что находиться не дальше шага. Сожалею.

Она чуть было снова не топнула ногой.

— Ну хорошо, хорошо! Ты нарисуешь мне план дороги. В конце концов, покажешь на пальцах. Я понятливая.

— Не только. Ты пристающая, как свежая смола, вот ты какая. И, скорее всего, для выполнения какой-то задачи, о которой мне знать не обязательно, именно тебя и избрали благодаря всем твоим невыносимым качествам... Но, надеюсь, в их число не входит отступление от клятв?

— Мое слово нерушимо.

Еще бы! Ведь это было королевское слово. И невольный тон, которым это было произнесено, как видно, был последней каплей, убедившей Горона.

— Верю. Ступай за мной.

Он наклонился и вытащил из-под скамьи темный ком — это оказался его старый плащ, в который он тут же старательно закутался, несмотря на жару поистине тропической ночи. Направился к выходу, нисколько не сомневаясь в том, что она послушно последует за ним. Снаружи, на широкой ступени, перекрывающей цокольный этаж этой превращенной в жилище скалы, терпеливо дожидался отрок с маленьким кувшинчиком и каким-то зеленым свертком. Горон принял все это как должное, поблагодарив благосклонным кивком и дви-

нулся по этой щербатой террасе вправо, минуя череду узких нор, вгрызавшихся в рыхлый песчаник горы.

— Спальни. Найдешь свободную и переднююешь, — кинул он через плечо Сэнни, которая следовала за ним чуть ли не вприпрыжку.

Терраса начала круто подниматься, скоро превратившись в неогражденную лестницу, но Горон своего шага не убавлял, как видно, проверяя выносливость навязчивой спутницы. Ничего, она пока справлялась. Лиственная крыша была уже совсем близко, и нижние ветви, заметно утратившие к утру свою светонбсность, заставили Горона пригнуться. Он остановился, отвел рукой, оплетенной змеиными ремнями, нависшую над лестницей ветку и пропустил девушку вперед. Она скользнула мимо него, постаравшись не задеть даже края его одежды, и неожиданно очутилась на открытой каменной площадке.

Грозовая туча, теряя в своем стремительном беге облачные ошметки, исчезала где-то справа; слева нежная прозелень неба предвещала погожий рассвет. Исчезающая луна едва проглядывала сквозь облачные прорехи на западе, зато на остальном небосводе проклюнулась причудливая россыпь незнакомых созвездий.

— Памятка. — Горон указал на вытянувшиеся в одну линию мерцающие небесные светлячки. — Это — Веретено. Завтра пойдешь прямо на него. Теперь смотри вниз: там начало живой тропы к соседнему подлесью. Как спустишься, увидишь перед собою каменные арки, их всего одиннадцать. Иди от одной к другой, не собьешься, но старайся ни к одной из них не прислониться. Затем — Бездорожная Пустошь, днем пересечь ее невозможно, потому что укрытий и подземных ходов под нею нет. Ночью другое дело, ты не запутаешься, если с живой тропы не собьешься и будешь держать путь прямо на Веретено. Под утро подойдешь к Горюнову подлесью, входи смело, скажешь: «С благослове-

нием Горона», тебя приветят. Есть чем за постой заплатить?

Она растерянно пожала плечами: этого она как-то не предусмотрела.

— Держи, — он протянул ей крошечный мешочек, как ей показалось, наполненный некрупными камешками. — Больше одного соля не давай. Путь-то неблизкий. И еще один соль заплати за повручи, а то как это ты все руки себе не изрезала, просто удивительно. Да, вот еще, это тебе...

Он суетливо, даже как-то по-стариковски сунул ей кувшинчик и что-то мягкое, завернутое в зеленый лист; затряс головой: не отказывайся, мол, и не благодарю. Она поняла — бедняга старался, чтобы руки их не соприкоснулись. Тоже, наверное, болят.

— Пора. Я сейчас на заутреннее сходбище к здешнему единцу зван, освобожусь только после рассвета, — проговорил он устало, — так что нынче мы уж не увидимся. А к вечеру как проснешься, так и пускайся в путь, заката не дожидаясь — под арками-то густая тень, Нетопырь тебя не заметит; он в узкие расщелины не суется, должно быть, крылья помять опасается. У тебя ноги резвее моих, так что я тебя вперед себя пушу. Как в Горюны прибудешь, под купину нырни и сиди там, меня дожидаясь. Ну?..

Его манера разговаривать до странности изменилась: словно не она, а он сам ей в спутники напросился. И ждет чего-то.

— Не поняла: что значит — «ну»?

— Слово. Дай слово.

— Какое слово, Горон?

— Честное. Что за всю эту ночь ты ни разу не пытаешься ни приблизиться ко мне, ни хотя бы проследить за мной.

— О чем речь! Это само собой разумеется. И в эту ночь, да и во все последующие. Я свое слово сказала.

— Помни.

И исчез. Некоторое время летучий шорох его шагов еще доносился снизу, из-под плотной, отливающей металлом листвы, нависающей над лесенкой. Поступь-то у этого бродяги не старческая, так что все эти рассуждения относительно резвости ее ног — это или кокетство, или лукавство. Уж не хочет ли он сам за ней проследить? В таком случае ему уготовано глубокое разочарование. Она не собирается проводить целый день в этом муравейнике, где, как она только сейчас поняла, спят с восхода солнца и до заката, чтобы бодрствовать всю светлую и более или менее прохладную ночь.

И путешествовать под трухлявыми арками, к которым даже прислоняться не рекомендуется, а затем пересекать открытую пустошь (неизвестно еще, какие на ней твари водятся), ей совершенно незачем. Потому что она сейчас пролетит до самого Горюнова подлесья, выберет укромный уголок, где можно будет неприметно для аборигенов появиться завтра поутру, и благополучно отбудет на свою Игуану, где ее уже совершенно определенно ждали... Кстати, по дороге хорошо бы придумать, как объяснить мужу, где она столько времени пропадала, а то что-то затянулась ее «минуточка».

Ах да, она ведь отправилась выбирать место для своего нового замка. Да еще надо проследить, не заблудилась ли эта чернокожая парочка, которую она бросила над самым морем. Итак, вперед, в жаркое, так и не омытое дождем поднебесье. Первая арка внизу... Пятая... Одиннадцатая... Пустошь в три перелета... А вот и искомое подлесье. Горону бы так путешествовать. Топать ему целую завтрашнюю ночь, пока не доберется он сюда, где уже позолоченная рассветом тропинка (почему — живая?) ныряет под свод незнакомой купины. Вот тут мы с ним завтра и встретимся.

А теперь — домой!

Дом — ну не сразу же дом, разумеется, а пока только обрывистый берег, встретивший ее опьяняющей морской благодатью. Никого. Ну, понятно, тихриане проголодались, а у странствующего менестреля безошибочный нюх на то направление, в котором надо искать предполагаемый ужин. Да, кстати об ужине — у нее в руках до сих пор Горонов гостинец. Попробовать? Нет, рисковать незачем. Хотя в кувшинчике может быть диковинное, ни с каким другим не сравнимое вино, да еще тепловатая лепешка, упругая плоть которой прощупывается через оливковый жилистый лист, поддразнивает пряным запахом ее любопытство.

Нет уж, хватит на сегодня сюрпризов. А то еще окажется, что Горон решил попотчевать ее каким-нибудь колдовским зельем... Для джасперянина, нечувствительного к любым инопланетным ядам, это смертельной опасности не представляет, но вот если напиток окажется убийственно пьянящим, то это еще одна заморочка. И без того сейчас предстоит очередное объяснение с супругом — и на что она лазала и кого она гладила...

Кувшинчик и лепешка полетели в море. Сирвеная, если ты поблизости, то приятного аппетита!

Да, и еще одно: крошечный мешочек, словно сплетенный из конского волоса. Что в нем за камешки?.. Тусклые белые кристаллы. Похоже на соль.

Сэнни опасно оглянулась по сторонам, потом не удержалась и лизнула-таки один из них. Ничего особенного, действительно соль. А ведь неплохая разменная монета для того уровня, на котором пребывает эта перепрелая Невеста. Кстати, надо будет попросить Эрромиорга, чтобы он связался с баронским домом Цоббу, в чьих владениях расположены все солеварни, и попросил прислать для конюшни ведро самой крупной соли. И все, все. Домой...

Резкий, упругий толчок воздуха чуть не сбросил ее

в море — так бывает, если кто-то, пройдя через *ничто*, появляется слишком близко. Она отпрыгнула от края обрыва и с немалым изумлением увидала, что этот неосторожный пришелец — не кто иной, как Харр, причем мокрый с ног до головы.

Она уже открыла рот, чтобы посочувствовать и предложить помощь (не иначе как дружиннички потешились, нашли над кем!), как он круто развернулся и, встряхиваясь, как собака, двинулся на нее с поднятыми кулаками:

— Ага, попалась, морда холуйская! Я ж тебя, стерву старую...

— Рыцарь по-Харрада!

Он остановился, протирая глаза:

— Никак ты, княжна? Думал, эта... воеводиха твоя кухонная.

— Кто это тебя искупал?

— Да все она, ведьма гребаная, строфион ее в ляжку! Весь берег обыскал — утопил бы не жалеючи!

Увы, за год чужедальних странствий манеры бродячего певца понесли значительный урон. Мона Сэния вздохнула — все-таки вина в том была именно ее.

— Ну летим к дому, там и ужин готов. Разведем вечерний костер, просохнешь...

— Ну уж нет! Я сначала ее, гадюку, найду да мордой в пень трухлявый!

— С пнем и завтра успеется, — заверила его принцесса. — Дай-ка руку, пора нам в Бирюзовый Дол, а то заплутаешься тут в темноте, ищи тебя потом...

— Сам я.

— В каком смысле — сам?

— А вот в таком.

И менестрель, до сих пор боявшийся высоты пуще огня, зажмурился и шагнул с обрыва.

Принцесса от неожиданности вскрикнула и наклонилась над водой, которая тихо, по-вечернему синела

далеко внизу, чтобы точно определить, где перехватить падающее тело.

Под обрывом никого не было.

— Харр! — позвала она, не позволяя себе понять, что произошло. — Харр!!!

Откуда-то с верхушки сосны сорвалась Гуен и с омерзительным хохотом ринулась вниз.

— Гуен, ищи его, ищи! — Она понимала, что приказ бессмысленный, но ее разум отказывался принять то, что произошло на ее глазах.

Гигантская птица заметалась между стволов, врезалась в можжевельниковый куст, затихла. Колючки клювом выщипывает у себя из брюха, а может, решила ягодами побаловаться... Искать-то некого.

Мона Сэниа так и стояла не шевелясь, пока не ощутила новый порыв встревоженного воздуха. Теперь Харр появился в нескольких шагах, уже малость пообсохший, с какими-то колосьями в руках.

Вид у него был пришибленный, почти виноватый.

— На Тихри побывал... — прошептал он растерянно; руки его опустились, колоски посыпались на землю. — Ежели все так просто, то как же я ее не спас?..

Мона Сэниа подошла, мягко положила руки ему на плечи:

— Вернемся в Бирюзовый Дол, милый Харр, я прошу тебя! Там во всем и разберемся.

Он послушно кивнул, позволяя увлечь себя в такой привычный для джасперянки — и такой невероятный для самого себя — полет через ничто, и через мгновение они уже стояли на голубом колокольчиковом ковре.

— Ну, Сэнни, у меня просто слов нет! — командор, разносивший в пух и прах за какие-то провинности покрасневшего Киха, оставил свою жертву и бросился к жене. — Паянну Ких отыскал, а вот где вас с этим гусем носило...

— Харр, — вполголоса проговорила принцесса, обернувшись к «этому гусю». — Продемонстрируй ему.

Менестрель послушно кивнул, зажмурился, сделал вперед коротенький, падающий шажок...

И его уже как не бывало.

Раздался дружный икающий вздох — все, кто был на лугу, остолбенели от изумления.

— Ты... — первым пришел в себя командор. — Ты научила его... А меня?!

Мона Сэниа про себя усмехнулась: ну вот, на сегодня и покончено с супружеским дознанием, где это она пропадала.

— Я подозреваю, — задумчиво проговорила она, — что его не учил вообще никто, разве что эти насекомоподобные крэги... как их... пирли.

Паянна, до сих пор тихонько — вот уж что совершенно было на нее не похоже! — притулившаяся возле кухонного закутка, поднялась и бесшумно подошла поближе.

— Постой, постой, — командор, взмокший от волнения, в буквальном смысле слова схватился за голову, — ты хочешь сказать, что и Тихри населена людьми, способными совершать эти немыслимые перелеты через подпространство?

— Нет, не думаю. Иначе за столько-то тысячелетий уж кто-нибудь из них обязательно открыл бы это свойство, столь необходимое кочевникам, и не тянулись бы по всей планете нескончаемые караваны... Нет. Я полагаю, что этим даром обладает только наш гость. Он или наделен им от рождения, или незаметно для себя приобрел где-то... Он и сам потрясен.

Юрг круто повернулся на каблуках: все дружинники уже собрались вокруг него, Паянна, набычившись, угрюмо глядела в спину Флейжа, и даже всегда нелюбопытная Ардинька вышла из детской с голопузым Эзриком на руках.

А вот Харра нигде не было.

— Боюсь, что он уже не наш гость, — пробормотал командор.

Принцесса вздохнула: да уж, теперь менестрель вряд ли появится здесь, пока не натешится вволю только что открытым у себя чудодейственным даром.

— Свин певчий, — убежденно изрекла Паянна. — Сам волшебой овладел, так нет, чтоб с другими поделиться! И дитё на чужие руки кинул...

Мона Сэниа оглянулась на раздосадованную воеводицу, поняла: той тоже до смерти хотелось постранствовать.

— Да не завидуй ты ему, Паяннушка, — проговорила она примирительно; — скажи только, куда слетать хочешь, и мои дружинники доставят тебя куда пожелаешь. Не по Тихри ли соскучилась?

Паянна шумно вздохнула, покачала головой (принцессе почему-то сразу представилась тучная рогатиха, отгоняющая пристающую караванную муху).

— Не, — проговорила она убежденно, — покедова дел невпроворот, не до удовольстvieв. А сподвижникам своим на всякий случай накажи: ежели я спрошусь, то по первому моему слову чтоб меня на родимую дорогу кинули или еще куда. Ведь не приведи нелегкая что с князем моим приключится, или он просто по мне соскучится, то я ведь и почуять могу. Тогда — чтоб враз...

— Да разумеется, Паянна, — заторопилась принцесса, по опыту знавшая, как раздражает супруга бесцеремонная многословность кухонной воеводицы. — Все слышали? Чтоб по первому же требованию!

— А ежели царевна-рыбонька всех малявок на себя примет да мне отпускную на один дѣн предоставит, то недурственно бы на дворец твой княжий поглядеть, что на равнине паладиновой стоит, чтоб иметь в воображе-

нии, на какой такой манер вы тут хоромину возводить намылились.

— Эрм, чтоб завтра же с утра!..

Юный Эзерис, счевший, что ему слишком долго не оказывают внимания, требовательно взревел.

— Да, в самом деле, утро вечера мудренее, — обрадовался командор, которому симпатии жены к этой отставной воительнице с самого начала (и если честно говоря, то совершенно беспричинно) были поперек горла. — Пора и за ужин приниматься, тем более что нам опять долгое время придется обходиться без застольных песен...

И точно в ответ на это не вполне обоснованное пророчество мощный всплеск воздуха сбил с ног Флейжа, и на этом месте появился менестрель, встрепанный и с десинтором в руках.

— Ты, строфион черноперый, — напустился на него Флейж, поднимаясь и отряхивая свой щегольской камзол. — В другой раз нацеливайся поближе к стеночке!

Командор же, увидев в черных пальцах грозное оружие, в очередной раз схватился за голову:

— Ты с ума сошел! Положи немедленно! Ты же тут всех перестреляешь.

Менестрель задумчиво поглядел на свое новое приобретение, перекинул из левой руки в правую:

— Так зачем же — здесь? Вот погуляю по Дороге Свины, там на каждом шагу есть кого приласкать.

— Командор, — быстро шепнула мона Сэниа, оборотясь к супругу, — добытое оружие не отбирают...

Менестрель — даром что чуткий слух! — уловил ее слова, деловито засунул ствол за расшитый пояс.

Паянна не выдержала, фыркнула:

— Эй, горлопан, где хлопушку-то спер?

Тихрианин необидчиво пожал плечами:

— Зачем же так сразу и спер... В джанибастовом хлеву, где давеча гулял я в чем мать родила, у каждо-

го бандюги по пятку таких. Одного пришлось облегчить.

— Тебя кто просил на конфликт нарываться? — снова вскипел командор. — С той самой потасовки, когда вы Касаулту вызволяли, тебя там каждый прохвост в личико твое симпатичное помнит! Еще решат, что это принцесса тебя послала, а она ведь слово дала, что ни в какие распри не станет вмешиваться; ты хоть это понимаешь?

— От кого я оружие поимел, тот ничего уж решать не будет, — проговорил когда-то добродушный менестрель таким ужасающе спокойным тоном, что даже принцессе стало не по себе.

— Что сделано, то сделано, — проговорила она примирительно. — Завтра поутру, славный рыцарь по-Харрада, Дуз, как самый спокойный и рассудительный, отведет тебя в лес и научит обращаться с этим оружием... во всяком случае, как снимать его с предохранителя и как подзаряжать. А пока сделай милость, не прикасайся к нему, хорошо? Мы сейчас разведем вечерний костер, и ты расскажешь нам наконец, какие радости и невзгоды превратили тебя из веселого певца в сурового воина.

— Какие? Да ты ж сама, государыня моя ласковая, — невесело усмехнулся менестрель.

— Прости, рыцарь, я тогда погорячилась, — с подкупающей простотой склонила голову принцесса. — Но, сам понимаешь, сейчас нам необходимо знать, каким образом ты приобрел дар, свойственный лишь обитателям Равнины Паладинов. Ведь если кто из наших врагов тоже...

— Имел я твоего врага, когда он сюда залететь посмел! Ну не знаю я, чего это я вам уподобился, не знаю, хоть режьте! А ежели и узнаю, оба уха даю на отсечение, что никого не обучу. Все с меня?

Всем, кроме него самого, было ясно, что — не все.

— Рассказа от тебя ждут, шелудь копченая! — рявкнула на него Паянна, и Харр вздрогнул и выпрямился, точно его укололи шилом промеж лопаток. — Дар получил — плати за него сказом побродяжным!

Странник зябко повел плечами, глянул на потемневшее небо:

— Костерок обещали...

И все поняли, что сейчас последует наконец его повествование.

Костер развели на берегу, у самой кромки воды: ждали появления морской кормилицы. Ужин на подогретых серебряных блюдах был расставлен прямо на камнях, но любопытство было сильнее аппетита, и все жадно глядели Харру в рот, так что и ему кусок в горло не лез. Даже Ардинька, как правило в этот час торопившаяся домой, осталась заночевать. Харр уселся на заботливо подстеленную шкуру, скрестив ноги, глянул на первую луну, тоже с любопытством уставившуюся на него своим немигающим глазом, и призрак изумрудной звезды, предвозвестницы бед, загоревшейся над уступами и озерами Ала-Рани как раз накануне его появления, ослепительной вспышкой осветил все уголки его памяти, которую он так долго и старательно — и так безнадежно! — старался пригасить.

И он начал свой рассказ вполголоса, словно только для самого себя, и припомнил бескрайний, как море-океан, зеленовато-ворсистый ковер болота, и так кстати подвернувшегося гада-плавунца с изящной точеной головкой, принявшего его на свою чешуйчатую плоскую спину, и мудрого змия, обвивающего крест и, по видимому, нашептавшего плавунцу наказ беречь гостя; описал он и гору лестничную, на которой встретился ему призрачный козерог-белопух, такой невесомый, что золоченые его копытца даже не цокали по камню; дошел черед наконец и до подружек зелогровских.

Флейж не упустил случая выразительно хмыкнуть,

за что и получил от командора кинжальными ножнами по шее; Харр не стал делать вид, будто не заметил ни дружеской насмешки, ни командорской остротки, напротив, как-то чересчур спокойно, почти безучастно кивнул — было дело, в свое время обеих, значит; только давайте уж по порядку.

Он говорил и сам удивлялся себе: точно и не с ним все это приключилось, а с кем-то, кто был поблизости и все время у него на виду; а больше всего изумляло его то, что выговаривалось все это как-то само собой, точно его безукоризненно подвешенный язык действовал сейчас независимо от его воли и странным образом выбирал из воспоминаний все только светлое, не упоминая ни о болотной вони, ни о тоскливом ужасе перед волнами Хляби Беспредельной, ни о третьей подружке, придушенной и поруганной блудливыми подкоряжниками.

Он поведал о сказочном городке Зелогривье, с золотыми маковками и зеленеными гладкоузорчатými стенами, с многоногим зверем-блѐвом и мохнолицыми амантами, правящими не слишком дружно, но в целом разумно; особо остановился на Стеновом и его славных детишках, Завле и Завулони, бесстрашных и зорких, как рысята; про собственные ратные подвиги упомянул мимоходом, и то лишь для того, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, сколь пользы и радости приносили аларанцам светоносные пирли, то ли птицы, то ли мотыли — ограждающие от бед, указующие на врага...

Хлебнул вина и, переведя дыхание и забегая вперед, со всеми красотами перечислил все знакомые становища: Лилоян, обнесенный фиолетовыми стенами, точно мазанными черничным соком, и раскинувшееся на каменистом берегу Межозерье, голубеющее синими своими домишками, точно прибрежными незабудками; описал с уважением мастеровитое Серогорье и за-

дымленную Огневую Падь; не были забыты им вечно несытая, несмотря на лакомое прозвание, Кипень Сли-вошная и обобравшая ее зажиточная владелица судь-щенского луга Жженовка-Туга-Мошна. Изумляясь соб-ственным словам, он припоминал, какой распоследней руганью клял тогда все эти окамененные хоромы тол-стомордых амантов и вонючие хижины окольного люда... Видно, золотым светом Мадинькиных глаз была озарена сейчас — и навеки веков — его память.

Но когда дело дошло до разграбленного лесными ордами безлюдного Двоеручья, во рту точно пересохло.

Он помотал головой и решил вернуться назад, к подружкам неразлучным, потому как не было до сих пор ничего легче и слаще, чем рассказывать за доброй чарой о юных (и не очень), пылких и щедрых (а иног-да и наоборот), но в конце концов всегда сговорчивых (всегда ведь, строфион их ети, всегда, всегда!) девах, без которых не обходился ни один поворот его извилис-того жизненного пути.

Однако и тут вышла заминка.

О сытном и беззаботном житье у безотказной Ма-хидушки он долго не распространялся, поелику славы в том никакой не было; а когда дело дошло до Мадн, губы вдруг сами собой шевелиться перестали.

— Да ладно, — махнул рукой Юрг, опасаясь, как бы не остаться без продолжения рассказа. — Подробнос-ти можешь опустить. Ну был грех, так с кем не случалось...

— Не грех то был! — Черное лицо менестреля вдруг посветлело, точно его ополоснули зарницей. — Дитя-тю она у бога своего вымаливала, да что тот мог дать — он одними птенцами желторотыми ведал. Вот и при-шлось ей меня просить, а я, чурбан стоеросовый, еще мытарил ее, отнекивался...

Флейж, охальник известный, заперхал, подавив-шись невысказанными комментариями.

Спасли положение аларанские боги — никудышные, мелкотравчатые, избираемые каждым жителем по собственному убогому разумению. Не находилось слов, чтобы вот так, перед всеми пересказать все то немногое, что случилось между ним и Мадинькой, а паче того — повиниться в том, чего между ними так и не было (не научил он ее, кобель окаянный, как подобно пчелке ненасытненькой снимать каплю за каплей дурманного меду с каждой минуточки жаркой ночи); вот и начал он поносить всех никчемных божков аларанских, и пуховых, и коровых, и копейных, и оселковых, вкупе с мясными, рыбными и хлебными. Как ни странно, и принцессу, и командора эта тема заинтересовала гораздо живее, чем скорбная повесть о Мадинькином недотрожестве, и Харр, чрезвычайно обрадованный тем, что можно увильнуть от щекотливых подробностей, принялся в тонкостях описывать, как он чуть ли не в каждом становище пытался внушить этим тупым аларанцам, что бог-то один на всем белом свете — солнышко щедрое, жизнь всему сущему дарящее.

Ан не вышло.

— Ты там что же, единобожие пытался учредить? — с опаской переспросил Юрг.

— А то!

Подхватил-таки словечко от Дяхона. Всего и прибытку, с Ала-Рани унесенного...

— Вот на казнь смертную и напросился через язык свой балабошный, — вставила Паянна, как видно все еще кипевшая от зависти.

— Тебя что, действительно прищучили за все эти ереси солнцепоклоннические? — осторожно уточнил командор.

— Так, да не так... Они ж сами по единому богу тосковали. Вот и получили. А мне — расхлебывай...

— Что, сотворил-таки им нового идола?

— Вот именно. Сотворил. Вон он, у царевны-рыбоньки на коленях пригрелся...

Реакция слушателей была единодушной — как говорится, немая сцена.

— Ну тогда давай все-таки в подробностях! — велел первым пришедший в себя командор.

И пришлось до самой третьей луны повествовать о том, как осчастливленная Мади еще до рождения нарекла сына золотым именем — Эзерис, что значит Осиянный, не ведая, что такое же прозвание предуготовано будущему богу, пришествия которого ожидали полчища м'сэймов.

И про этих скудоумных и, в сущности, несчастных аларанских фанатиках пришлось рассказать со всею доскональностью, а особенно — о их Наивершем, сучонке лживом, который в одиночку заправлял всем этим неисчислимым тупым стадом, а самого менестреля подбивал сочинять для задурманенных людишек песни прельстительные, блаженство послесмертное обещающие. И про странные речи его, когда говорил он вроде как по писаному, обещая приход нового бога вовсе не по молитвам призывным, а по какому-то высшему рассуждению...

— Не понял, — сказал командор. — Поясни-ка, если помнишь.

Он помнил — не зря же в каждую минуту своих странствий старался запомнить все диковинное, чтобы потом пересказать это Мадиньке-недотроге.

— А слова его были таковы: «Бог приходит на землю грешную не тогда, когда узреть его жаждущие молят его об этом. Он на краткий срок являет себя, чтобы бросить в мир семена мудрости, кои, дав тучные победы, сплотят и возвысят род людской перед той смертной бедою, которая будет грозить потомкам нынешних поколений только через многие годы...» Вот вроде бы так.

— Да, — пробормотал Юрг, — предыстория всех великих религий; только для раннего Средневековья это вроде бы чересчур мудрено. Ну так на чем вы с этим пророком липовым договорились?

Договорились! Пришлось признаваться в том, как он по глупой доверчивости угодил в яму громовую, чтоб молнии-убивицы ожидать, и как исхитрился на свое место Наивершего посадить, да своими руками не придушил — урок наглядный преподал: не убий.

И о скорбной участи Мадиньки пришлось рассказать, что была за грех измены своей сослана в дальнее становище, и родила там мальчонку, которого пирлюхи-защитницы теплым своим свечением обогревали, да вот на грех разбойнички с большой дороги подоспели, двери сараюшки распахнули, и люд простой то сияние за ниспосланный свыше знак принял, младенчика-то богом и ославил... Хорошо еще, по чистой случайности и Харра в то становище занесло, представление там было, судбище великое вроде бы разыгрывали. Спас он тогда и Мади, и сына своего... Да ненадолго. Шелуда, строфионий выблевок, зельем опоил, страже продал. За то Завка, амантова дочка, с ним и посчиталась. Ну а потом уж все известно — небось, и без суда обошлись, так прямо над прорвой бездонной их беспамятных привязали, приговор наскоро слепленный зачитали, и — привет из края ледяного, бессолнечного...

Он вздохнул и обвел слушателей тоскливым взглядом: все, все, отпустите теперь с миром.

Но командор упрямо мотнул головой — нет, не все.

— Прости меня, дружище, но ты умолчал о главном: как ты здесь-то очутился? Напрягись, вспомни...

— Да и вспоминать тут нечего. Как пихнули меня первого в спину, понял — лечу. А подо мною прорва ненасытная, у коей дна не разглядеть. То есть вроде как ничего внизу нет. Ничего! И понял я, что предстоит мне пролететь через это самое, что я никогда до сих пор

и представить себе не мог, а вы сквозь него ныряли и в других краях оказывались; да тут еще пирлюшка, утешительница неразлучная, на плече приладившись, зудела-названивала: Бирюз-з-зовый Дол, Бирюз-з-зовый... Он мне как последнее утешение и привиделся. Вот так оно и было, — он и сейчас не мог обозвать свою спасительницу таким ненавистным именем — «крэг».

По затянувшемуся молчанию было ясно, что на рассказе поставлена точка. И никто не знал, что в ответ сказать — ну не «спасибо» же!

А нашлась Ардинька, скорбно молчавшая во все время Харрова повествования.

— Прости нас, странник безутешный, — проговорила она, поднимаясь с камня и подходя к менестрелю, — что принудили мы тебя заново пережить всю горесть любви твоей загубленной...

Харр, как ошпаренный, тоже вскочил на ноги.

— Да не любил я ее, не любил! Просила она, вот и приласкал походя, почитай, из одной только жалости. В том и грех мой неискупаемый... — Он осекся, словно прислушиваясь к чему-то невидимому.

— И сейчас не люблю, — признался он с глухим отчаянием. — Может, я и вовсе благодатью той обделенный?

Ардиень, печально и неотрывно глядевшая на него, подняв свое светившееся в наступившем полумраке личико, тихо покачала головой.

— А, — отмахнулся он, — где ж понять это тебе, убогонькой!

Все задохнулись, словно каждому по лицу пришлось по хлесткому удару. Еще одно его слово, и все как один бросились бы на защиту младшей царевны от менестрелевой непочтительности.

Но Ардинька спокойно опустила на прибрежный песок задремавшего младенца, потом поднялась на

цыпочки и, обеими руками обхватив голову менестреля, пригнула ее к себе и беззвучно поцеловала в лоб.

Харр оторопело попятился, замахал руками... и исчез.

Никто не успел высказаться по этому поводу, как он снова появился, ухватил с блюда баранью ногу и пропал уже окончательно.

Командор облегченно вздохнул:

— Ну я вижу, что теперь за него можно не волноваться — выговорился и вернулся в прежнее свое бродячее состояние. Придется тебе, Эрм, получше приглядывать за собственными кладовыми да кухнями.

— Да уж, это еще надоть поглядеть, кто тут есть прорва ненасытная, — глухо проворчала Паянна, так и не примирившаяся с новой способностью своего земляка.

— Гм... Похождения, конечно, увлекательные, — это совершенно неожиданно Флейж подал голос, в котором тоже звучали ревнивые нотки. — Но все-таки откуда у него в самый нужный момент появилась наша способность перелетать через ничто? Ведь сколько мы с ним дурака валяли, он только по-козлиному прыгал...

— Откудова — оттудова... Стало быть, таким уродился, — изрекла Паянна, поднимая закрихтевшего малыша, который только сейчас спохватился, что пропустил вечернюю кормежку. — Раз уж вам прошвырнуться на Тихри было что плюнуть, то почем знать, может, дедки ваши тоже на дорогах княжеских пошустрили, вот кто-то из них на какую нашу шалаву и соблазнулся. Так и пошел род попорченный, к лёту гожий, у коих в кровушке ходить не вдоль дорог, а поперек.

— А ведь и вправду, — встрепенулась принцесса, которую Харрово повествование привело в состояние несвойственной ей растроганной задумчивости. — Мы знаем, что крэги сами по себе не способны на межзвез-

дные перелеты. Значит, на Тихри их занесли наши предки, больше некому.

— Хорошо, если предки, — возразил командор. — И гораздо хуже, если еще на какой-то планете мыслящие существа обладают таким же даром.

— Что же в том плохого? — удивилась Ардиень, доброе сердечко.

— Потому что они служат крэгам.

13. Два странника — ночь и день

— Ты спишь? — Юрг знал, что это не так, несмотря на плотно сомкнутые веки и безмятежное дыхание своей жены — как-никак за столько-то ночей научился различать, когда она притворяется.

— Не сплю, — послушно отозвалась она, не открывая глаз. — Девочку эту жалко...

— Какую девочку?

— Маму нашего Эзрика.

— Ну да, конечно, конечно... А я вот все думаю: как это мне сразу не бросилось в глаза, насколько Харр по своему нраву и бродяжьим привычкам отличается от всех прочих тихрианских караванников... Ты меня слушаешь?...

— Да-да.

Но на самом деле она думала совсем не о Мадии. Причудливая судьба (интересно, которая ее ладонь?) почти одновременно скрестила ее жизненный путь с дорогами двух бродяг, тихрианского и невестийского. Оба были одиноки и никому не подвластны; и тот и другой на ее взгляд не обладали ни малейшей привлекательностью как мужчины; обоим катастрофически не сиделось на одном месте. И пожалуй, на том их сходство и заканчивалось.

Харр по-Харрада, раздолбай неподражаемый, в чьей

снежно-белой шевелюре приманчиво вилась одна вороная прядь, был лицом черен, как головешка; непривычно длинные ноги и поджарость вечно голодной охотничьей собаки неизбежно приводили к сравнению с обугленной жердью.

Горон своей роскошной гривой смоляных кудрей мог бы тоже похвастаться (правда, в склонности к хвастовству его никак нельзя было заподозрить), тем более что они магическим образом все время сами собой шевелились, закрывая его унылый лик, и без того никогда не знавший солнца и потому, как и у всех остальных невестийцев, приобретший какой-то серебристый оттенок оливкового тона; о его фигуре, изуродованной защитным коробом, и говорить не приходилось.

Бесшабашный, словоохотливый Харр пользовался неизменным успехом у женщин и, по собственному признанию, на каждой дороге оставил далеко не по одному продолжателю собственного рода, не говоря уж об Эзрике. Горон же, похоже, ко всем женщинам относился с каким-то старческим безразличием, и представить его в роли отца семейства было просто невыносимо. Уж не наложил ли он на себя какой-нибудь монашеский зарок?..

И потом — проблема хлеба насущного. Ни Тихри, ни Невеста еще не приблизились к тому уровню, на котором услужливые сервы и пашут, и сеют, и на стол подают (Юрг, завистливо вздыхая, говорил, что даже на его Земле о таком до сих пор только мечтают). Так вот Харр, даром что рыцарем назывался, а ведь начал самостоятельную жизнь в кузнице, подмастерьем, да и потом не прихлебалой незванным за стол садился — песнями да прибаутками с хозяевами рассчитывался, а когда надо, с завидной своевременностью и за оружие хватался.

А вот Горон наверняка за всю свою жизнь палец о палец не ударил, одними проповедями да благослове-

ниями пробавлялся; руки выдают — холеные, как у принца.

Харр шлся по белу свету исключительно по собственной бесшабашности; Горон же, похоже, имел какую-то тайную цель.

И главное: Харру принадлежал день, Горону — ночь.

— ...нет, ты все-таки меня не слушаешь, мое твое сонное величество!

— Прости, муж мой, любовь моя. Я задумалась о странниках. Приносят ли они пользу своей земле или только топчут ее в свое удовольствие?

— Ну пока на их земле есть неоткрытые уголки, так сказать, белые проплешины на карте, то польза несомненная. А вот потом... Потом — это уже смотря какой странник. Наш вот перекасти-поле чуть было новую религию на какой-то там Ала-Рани не ввел.

— Почему — чуть? То, что он таким таинственным образом избежал смерти, да еще и с новоявленным «божественным» младенцем, по-моему, может только подстегнуть появление целого букета легенд, а там и до религии — один шаг. Я помню, в подземелье Асмурова замка ты забавлял меня с утра до вечера... а может и с вечера до утра, чудными сказками. Помнишь предание о младенце, сыне невидимого божества, которого жестокий царь повелел убить, но его спасла мать, сбегав вместе с ним в пустынные края?

— Насколько я помню по классической живописи, его спасал целый коллектив: мать, отчим, ослик и ангел. Но это уже детали.

— Вот именно. А разве не могло быть такого, что на самом-то деле его тоже зарубили царские стражники, вместе со всеми остальными новорожденными того города?

— Теоретически-то могло, но тогда самого христианства не существовало бы вообще.

Сэнни закинула руки за голову, и как всегда во вре-

мя долгих ночных бесед, которые она так любила (ясно, почему — это с того самого заточения в золотом подземелье), подняла невидящие, но такие огромные и совершенно черные в полумраке глаза к дымчатому потолку, за которым полуночная луна тоже, казалось, прислушивалась к их разговору; Юрг потому и просил жену оставлять на ночь купол над головой полупрозрачным, что сумеречная мягкость сглаживала на любимом лице всю напряженность их отнюдь не беззаботной жизни; тогда жена казалась ему совсем девочкой, да она такой и была — сколько же ей стукнуло, когда она бросилась в эту вселенскую авантюру за своим ненаглядным Асмуром? Семнадцать? Или даже меньше?

А ведь в таком случае ей нет сейчас и двадцати... И сказки любит, как дитя малое, а у самой уже трое на руках.

— Когда меня бросил мой крэг, — задумчиво проговорила она, — и я осталась в темноте, которой конца могло и не быть, я все твои рассказы на себя примеряла, как королевские одежды, рыцарские доспехи или покрывала фей... Не только на себя — еще и на сына, который вскоре должен был родиться. Так вот, когда ты начал мне пересказывать древнюю историю про кроткого мудрого Иешуа и трусоватого, но весьма практичного Пилата, я вдруг представила себе, что было бы со мной, если бы это мне явился крылатый посланник и возвестил, что у меня родится новый бог...

— Минуточку, минуточку — это от кого же? Прежде всего ты должна была себе представить, как же я наkostenял бы этому Гаврюше снежнокрылому по шее!

— Кажется, ты сам в таких случаях говоришь: «Не порти песню, любовь моя!» Мне дозволено будет продолжать?

— Извини, я вешаю свои уши на гвоздь внимания и восхищения, мое твое Шахрезадное величество!

Она оперлась на локоть, и другая ее рука безошибочно нашла его лицо, едва уловимым касанием запечатлевая его черты, как это делают, наверное, слепые всей Вселенной.

— А потом я вообразила, — продолжала она глуховато, с придыханием, как рассказывают о страшном сне; — что у меня действительно родился божественный младенец, обласканный звездным светом, привлеченный волхвами и пастухами... А потом случилось бы самое страшное. Ирод и его стражники. Но разве я поверила бы, что моего божественного сына можно убить? Даже если бы это произошло у меня на глазах!

Она приподнялась, опираясь на локоть; запрокинувшееся лицо словно засветилось в полумраке.

— Наверное, я сошла бы с ума от горя, но — безумная или в здравом рассудке, я верила бы в то, что он чудодейственным образом спасен, что ангел, возвестивший мне о нем, просто из самолюбия не допустит, чтобы воплощение его пророчества было загублено. и что мой первенец где-то в неведомом далеке растет, и набирается мудрости, и даже творит чудеса...

— Но это осталось бы только в твоём воображении, — осторожно заметил Юрг.

Он любил эти ночные разговоры, любил — но черт побери, кажется, он на свою голову научил жену сочинять весьма пространные сказки. А летние ночи коротки...

— О, нет! — возразила супруга с пылкостью, не предвещавшей скорого конца ее фантазиям. — Я рассказывала бы о нем всем, кто жаждет до сказок — а чем примитивнее мир, тем доверчивее он к выдумкам; скоро среди моих слушателей объявилось бы несколько фанатиков, которые своими собственными глазами (что они — хуже других?) видели бы сотворенные моим сыном чудеса, и точно круги по озерной воде, эти слухи расходились бы по всей моей земле, отражаясь от

берегов и возвращаясь ко мне, исполненные новых звуков, и отблесков, и запахов... Золотые рыбы плескались бы в этих волнах, и белые орлы, схватывая их с пенных гребней, разносили бы по всему свету радужную чешую уже не мной придуманных легенд...

— Ну рано или поздно тебя должны были бы разоблачить.

— А зачем? Ведь это только на твоей Земле прямо-таки патологическая тяга к разоблачению сказок и развенчанию героев.

— Что есть, то есть, — согласился супруг не без сожаления.

— Ну вот, а я рано или поздно — ну когда стала бы такой старой, как Паянна — выбрала бы день какого-нибудь жуткого стихийного бедствия, когда память людская замутнена ужасом перед землетрясением, ураганом или черной бурей, и завершила бы повествование о своем сыне историей о такой трагедии, которая стала бы просто немыслимой вершиной всей его придуманной жизни. Это было бы больно... но не больнее, чем ежечасно, ежеминутно видеть короткий тупой меч, занесенный стражником над головенкой младенца...

— Четыреста чертей, Сэнни, да в твоём роду были поэты! Знай я это, может быть, и постеснялся блистать перед тобой своим детдомовским красноречием... Только должен я тебя огорчить: таких рассказов, даже если бы они и были длиной в человеческую жизнь, было бы мало для основания религии. Эксперимент доказывает. Думаешь, никто у нас на Земле нового бога не выдумывал? Бывало. И неоднократно. Но беда в том, что нашим миром... впрочем, наверное, как когда-то и вашим тоже — правит литература. Ведь каждая маломальски уважающая себя религия зиждилась на высокохудожественных, прямо-таки обалденных текстах, причем обязательно черным по белому, на папирусе, бумаге или телячьей шкуре, или хоть просто на стене,

это без разницы. Если бы Эхнатон был таким же величайшим поэтом, как Магомет, вся история Египта пошла бы другим путем, потому что гениальные строчки на то и гениальны, что живут в сердцах и передаются из поколения в поколение, как «Илиада» или сказания Эдды, пока не отыщется какой-нибудь грамотей, способный их записать. И все Средиземноморье, начиная с Египта, получило бы единого бога на много столетий раньше. История встала бы на голову, но давай все разговоры об этом перенесем на завтра, а?

— Но сегодня наш разговор получился каким-то странным, ты не находишь, муж мой, любовь моя? Не следует ли из него, что Харру нужно вернуться назад, на Ала-Рани, и написать ту песню, которую требовал от него этот чей-то сын Наиверший?

— А вот такие рекомендации я бы давать поостерегся. Если бы ты знала, сколько крестов и костров породили эти предания о добром и кротком боге... А на Ала-Рани и без того, как ты слышала, и в пропасть сбрасывают, и заживо в статую каменную превращают. Так что пусть уж сами аларанцы сочиняют себе сказочку пододбее...

— Но я боюсь, что Харр уже там — десинтор и меч при нем, кус мяса он себе раздобыл. Ах, как нехорошо, что мы его одного отпустили! Как только он снова здесь появится, нужно будет под любым предлогом его задержать и взять слово, что в другой раз он полетит на Ала-Рани только с кем-нибудь из наших.

— Из наших? Тебя ли я слышу, мое твое своенравие? Ты впервые сказала «с кем-то», хотя по твоему характеру судя, я должен был бы услышать «со мной». Да и на Сваху в последнее время ты как-то не рвешься... Что с тобой, скажи на милость?

Она откинулась на подушку и натянула одеяло до самого подбородка:

— Я просто последовательна. Раз уж решили возво-

дить замок, то надо окончательно выбрать место, прикинуть план, поглядеть, хорош ли здешний камень, или придется пересылать его с Равнины... Да и Алэла на всякий случай надо поставить в известность...

Ах, как легко в темноте лгать собственному мужу, как легко, как легко...

* * *

Только вот к следующему вечеру стало ясно, что менестрель не собирается возвращаться на Игуану. С десинтором он, как видно, и сам разобрался. Умелец, ничего не скажешь. Ну заряды-то кончатся, так обязательно прискочит. Или за очередной оленьей ногой. А пока сыт и игрушка недобрая в черной лапище, он еще погуляет по неведомым дорогам.

Между прочим, раз день прошел и на Игуане заси-
нел вечер, то, значит, над столпообразными скалами
Невесты уже потухают звезды. Там близится утро.
Пора на свободу...

— Борб, передай моему супругу, что мы с моим пер-
шероном на вечерней прогулке, пусть не волнуется!

Но над Горюновым подлесьем, куда она вчера так
предусмотрительно слетала, полускрытая горами кана-
речна заря еще только занималась. Из-под громадной
островерхой шапки поблескивающей листвы доноси-
лись приближающиеся голоса, заунывное пение. Она
торопливо сошла с теплой упругой тропинки (и в са-
мом деле — точно живой), поверхность которой чуть
заметно пульсировала, словно дышала. Притаилась за
грудой камней. К счастью, подлесье расположилось
между двумя скальными массивами, и недостатка в
укрытиях не было. Быстро светлело, и она хорошо ви-
дела, как оплетенные лыком руки приподняли край
чешуйчатого листовенного полога и приладили подпор-
ки; уж не Горона ли ждали? Нет, просто пятеро тузем-
цев с большими корзинами торопливо выскользнули

из подлиственной темноты и деловито направились в ее сторону. Не заметили, прошагали мимо — нога за ногу, понутив головы. Вот уж поистине горюновцы! Полезли вверх по осыпчатому склону, разом пропали — вероятно, нырнули в невидимую отсюда пещеру. Это хорошо, ей совсем не хотелось, чтобы кто-то подсмотрел ее встречу с Гороном или вмешался в их разговор...

А если он обманул? Послал не в ту сторону, а сам сейчас уже попивает чай в каком-нибудь отдаленном селении... хотя — какой, к троллям свинячьим, чай при такой жаре? Да и ни одного дымка она здесь ни разу не заметила. Просто Горон сидит сейчас один на каком-нибудь перевале, обдуваемом ночными влажными ветрами со всех сторон...

Горон близко. И он не обманывает тебя — ты нужна ему не меньше, чем он — тебе.

И откуда ты это знаешь, неслышимый ты мой?

А кому знать, как не мне? Впрочем, сейчас ты убедишься.

И точно — шаги. Легкие, твердые. Другой на его месте, отмерив за ночь добрый караванный переход, как сказали бы на Тихри, сейчас плелся бы нога за ногу... Хорошо, что он решил пропустить ее вперед, а то сейчас у него самого возникли бы аналогичные подозрения относительно ее собственной необъяснимой выносливости. А так — все правдоподобно. Добралась до условленной цели, теперь сидит себе на камушке, ловит последние минуты ночной прохлады.

— Я жду тебя, Горон.

— Вижу. И я ожидал встречи с тобой, хотя и не был уверен, что за долгую ночь ты не передумаешь и не вернешься к своим древнехранильцам.

Он подошел, присел рядом, но не слишком близко — вероятно, чтобы избежать случайного прикосновения. И — странно! — даже на расстоянии от него пах-

нуло жаром, точно он явился не из ночной прохлады, а из самого солнечного пекла. Торопился изо всех сил, наверное. Волосы, в предраассветной полумгле кажущиеся совсем черными, во время ходьбы отброшенные назад, теперь заструились по плечам, скрывая лицо. Словно их шевелил ветер... которого не было.

— Я умею держать слово, Горон.

— Редкость. Что ж, раз я не разуверился в тебе, то мне пора узнать твое имя.

Держится хозяином положения, но разговор какой-то... необязательный.

— А вчера это было тебе не нужно?

— Естественно. Зачем же утруждать свою память понапрасну. Сколько уж мне в спутники набивалось, и кампьерров, и даже маггиров — не счесть.

— И всем-всем ты отказывал?

— Сомневаешься? Но как видишь, я один.

— А я? Разве я не с тобой?

— Ошибаешься. Ты либо впереди, либо позади. Светлый лучик, появляющийся всего лишь на краткий миг и предвещающий дневное отдохновение. Поэтому я буду рад видеть тебя каждое утро. Но только тогда, когда мой одинокий ночной путь окончен.

Как просто он все это говорит! И простота ну поистине королевская. Ни тени неправды...

— Тогда зови меня Сэниа... Нет, просто Сэнни.

— Просто... Родившие тебя выбрали дивное имя! К сожалению, оно сейчас совсем позабыто, как и древний язык этой земли, известный только немногим маггирам. Эссени — значит «Сошедшая с вечерней звезды»...

Он невольно запрокинул голову, словно пытаюсь отыскать ту звезду, откуда могла спуститься его нечаянная попутчица, и ее поразило какое-то запредельное отчаянье, исказившее и без того всегда безрадостный лик. Роскошные его волосы (между прочим, совсем не спутанные, как должно бы у бездомного бродяги) сно-

ва беспокойно заматались по плечам, точно обладали способностью самостоятельно двигаться.

Она облизнула пересохшие губы, отмечая легкую тревогу:

— Я просто прибыла из дальних земель, где детям дают еще и не такие диковинные имена... — О черные небеса Вселенной, как легко обманывать мужа, и как трудно говорить первому встречному одну только правду! — Но ты устал за долгую ночь, проголодался...

Он, как и вчера, серебряной лодочкой приблизил к ее лицу свою ладонь, точно намереваясь коснуться подбородка, и снова удержал руку на расстоянии падающей ресницы. Горон Неприкасаемый...

— Лукавишь. Ты вовсе не хочешь забираться под лиственную крышу, дитя ночных дорог!

Она засмеялась, но постаралась при этом, чтобы ее смех не звучал слишком тревожно:

— Откуда ты это знаешь? Внутренний голос шепнул?

Теперь настала его очередь удивляться:

— Голос? Внутренний? Ты имеешь в виду ветер, завывающий в подгорных лазах и переходах?

Ну, слава древним богам, у него нет дара этого... яснослышанья, что ли. Проверить ее слова он не может. Но все равно она чувствовала, как что-то заставляло ее избегать любой неправды (кроме собственного происхождения, да и про это она ему рано или поздно поведает).

— Нет, Горон, не ветер. Я так называю всякие внезапные мысли, которые приходят в голову словно ниоткуда... да пожалуй, действительно, как ветер.

Он задумчиво покачал головой, пробормотал как бы про себя:

— Ниоткуда. Слово для чужака. А я исходил здесь столько дорог, что знаю, откуда, из какого ущелья прилетает каждый ветерок...

— Сколько же в тебе неутомимости! — невольно вырвалось у принцессы. — Из тебя вышел бы непобедимый воин!..

Она осеклась — а что, если здесь и вовсе нет воинов?

Но на этот раз он понял ее неверно и, кажется, горестно усмехнулся, хотя за волной волос этого было не разглядеть:

— Воин. Ты хочешь сказать: если бы не мое уродство? Тем не менее я неплохо владею длинным клинком.

— У нас это называют — меч. Я тоже им владею... — Ну вот опять приходится прикусывать язычок! — Настолько, насколько это доступно женской руке.

Вывернулась.

Ох, как трудно четко отмеривать правду!

— Меч... Тоже забытое слово.

Он вздохнул и словно замкнулся в себе. Как видно, она опять слишком близко подошла к какой-то тайне, от которой он решил держать ее подальше.

Надо надеяться — пока.

Что ж, спешить она не будет — чем больше тайн, тем интереснее. А сейчас надо довольствоваться хотя бы тем, что он согласился проводить ее к загадочным маггирам.

— Скажи, Горон, ты и на завтрашнее утро оговоришь место встречи?

— Разумеется. Оглянись на склон горы — видишь три белых камня, а меж ними — проем, ведущий в подземный лаз? Вход в него узкий, но потом он расширяется, так что пойдешь по нему неспешно, левой рукой касаясь стены. Правой-то камень не щупай, там ходы боковые, третий по счету как раз к Нетопыреву замку выводит. Опасайся туда свернуть. А как треть от всей ночи пройдешь, так подгорный лаз кончится и живая тропа продолжится, вечным деревом обереженная, как сегодня. Не заблудишься.

— Ну сегодня-то деревца были не вечные, а совсем молоденькие, — невольно вырвалось у нее как бы в подтверждение того, что всю ночь она честно прошагала по указанной тропочке.

Но Горон возмущенно встряхнул своей гривой:

— Нерадиво! Учили тебя спустя рукава — а может, и ты, поскакушка, была неприлежна. Какие ж еще деревья?

Ей оставалось только пожать плечами:

— Да все, что вдоль дороги...

— Древо. Вечное, единое древо. Все леса, кои дали пристанища здешним поселенцам — лишь ветви единого дерева. Его корни тянутся от подлесья к подлесью, и над ними проложены тропы, живые тропы. Приложи ухо к такой тропе — услышишь, как дышит под нею корень.

— Ну это я уже уловила, — пробормотала она смущенно.

— Добро. А подлесье, возле которого ты будешь ждать меня завтра поутру, носит гиблое название: Поврух

— Как, как?

— Порух. В незапамятные времена на том месте с неба обрушилась глыба исполинская, извергающая колдовской огонь. Чего огонь коснулся, то преобразилось: травы выше людей выросли, стволы раздвоились и по земле стлаться стали; живность окрестная кто ног прибавила, а у кого и головы лишние появились... Должно быть, без маггиров не обошлось, хотя они и не признаются. И народ в том подлесье, как трава пещерная — ввысь тянутся, а телом чахлы до изумления. И живут недолго.

— Так, может, мы в это селение и заходить не будем?

— Придется. Ни одного из них я не могу пропустить. Да и сейчас мне пора. Мы с тобой, Эссени, оба ищем то, что нам самим пока не ведомо. Путь неблизкий.

Отдыхай... и пусть этим жарким днем сны твои будут облачны.

Он повернулся так стремительно, что она не успела разобрать, улыбнулся он ей, или это ей только показалось.

— Горон!

— Да.

Он обернулся — нет, улыбки не было.

— Если я все-таки собоюсь с дороги, по каким приметам мне искать этот Порух?

Вот теперь он действительно улыбнулся:

— Не заблудишься. На подходе к Поруховой купине стоят два обгорелых пня, сожженных молниями. Хотя на них, пожалуй, уже и сеть накинули, чтобы ногами по ней вьюнковая звень-трава тянулась... Порухто невелик, ему бы давно надо расширить свое подлесье, да руки у порушанцев слишком слабы, им под силу плести да ткать, в гонцы да носильщики и то редко кто годится. Вымрет подлесье.

— А почему маггиры не помогут — разве они не чудодеи?

— Разве, — сурово проговорил, как отрезал, Горон. — До завтрашнего утра, Эссени. И помни про левую руку.

— Горон!

— Да? — Казалось, он совсем не был раздосадован тем, что она все время останавливает его. А она на его месте уже давно взбеленилась бы.

— Ты сказал — путь будет недолгим; так что давай, на этот раз сделаем наоборот: вперед пойдешь ты.

Он молча кивнул и исчез под щетинистым покровом купины. Торопливо до совершеннейшей неучливости.

Так ты ему нужна или он — тебе?

Она, вздохнув, задумчиво проводила его взглядом, нахмурилась: что это он говорил про левую руку? А, да.

Пойдешь направо — к Нетопырю попадешь. Такую сказку она уже слыхала. В золотом асмуровском подземелье. Сказка, в которой древние богатыри были до странности нелюбопытны. Чем она от них и отличается...

А посему в следующий миг она была уже на верхушке самого высокого здесь скального пика. По одну сторону далеко внизу виднелось темное пятно, точно брошенный меж камней ком лесного мха — так выглядела отсюда Горюнова купина, растратившая к восходу солнца, как и вся здешняя зелень, свое свечение. По другую сторону удручало взгляд беспорядочное нагромождение столбчатых пирамид, меж которых черным ручейком вилась крытая зеленью дорога. А обещанный замок-то где?

Какой-то лиловатый туман, сгустившийся во впадине между остроконечными пиками, сомкнувшимися в хоровод, привлек ее внимание. Она слетела пониже, на едва выступающую из обрывистого склона площадку. Забавно. Похоже на дождевое облако, лежащее прямо на земле.

Перепархивая с одной скалы на другую, она подобралась поближе, все время оглядываясь на солнце, которое вот-вот должно было выметнуть из-за каменной кромки первый огненный луч; непривычный, инстинктивный страх заставлял ее быть по-беличьи осторожной, хотя в этом горном хаосе ничто не выдавало присутствия ни человека, ни зверя.

О, тролли ледяные, не успела! С этого уступа ей не было видно даже солнечной кромки, но вершина бурого пика внезапно окрасилась в ярчайший шоколадный тон; золотые блески слюдяных вкраплений заискрились, осыпая вниз мечущиеся отблески, словно пригоршни новеньких монет — солнце щедро платило ночи за право вступить в свои владения.

И сумеречного облака внизу уже не было, а лишь наклоненные остроконечные шпиль, выстроенные в

плавно замыкающееся кольцо, огораживали небольшую площадку такой же безжизненной, как и все вокруг, каменной свалки. И ни малейшего намека не то чтобы на замок — на захудалую горную хижину.

А может, здесь и нет никакого полуночного чертога? Мурашки с горячими лапками, бегающие по спине, подсказывают, что — есть. И камни уж слишком одинаковы. И так же, как вокруг Сумеречной Башни, они напоминают траурные стяги, склонившиеся в одну сторону — только вот как представить себе эти знамена, если древко каждого из них высотой с доброе дерево?

А может, само жилище Нетопыря укрывается под землей? Это было бы в стиле здешнего, так сказать, градостроительства. Но тогда в него должен вести какой-то ход. Глянуть одним глазком, с близкого расстояния...

Один раз ты чуть было не поплатилась за подобное любопытство!

Дразнишься, неслышимый? Не стоит.

Она позволила себе в последний раз нырнуть вниз, чтобы угнездиться между массивными зубцами стилой ограды. Но что-то мешало разглядывать каменный хаос там, внизу; остатки тумана? Она невольно протянула руку — и в следующий миг что-то невидимое и клейкое пружинисто оттолкнуло ее назад, так что пришлось взмахнуть руками, чтобы сохранить равновесие. Девушка потеряла ладонь, чтобы очистить ее от чего-то налипшего, но кожа была на удивление суха. Ко всем чудесам еще и незримая преграда, на которой вряд ли стоит пробовать удар кинжала или разряд десинтора. Проще прямо слететь вниз, вон на тот светлый, как будто бы песчаный пятачок...

Заветное ничто, не подводившее ее ни разу в жизни, упруго оттолкнуло ее, возвращая на прежнее место.

Не веря себе — так не могло быть, потому что не могло быть никогда! — она взметнулась вверх, в рассветную синь, и отдалась тому упоительному свободному падению, которое всегда освежало ее и приводило в норму, как купанье в пенящейся воде. С высоты птичьего полета загадочный частокол притягивал ее своей неразгаданностью, точно лакомый кусочек сыра в мышеловке, и она снова нацелилась на песчаный пятачок, чтобы перебросить свое тело, как всегда, через ничто...

И — снова осечка: пружинящий толчок отбросил ее в сторону.

Назад, на вершину!

Вверх-то сработало.

Отсюда, с высоты, едва уловимая дымчатая полусфера, прикрывающая частокол, если не просматривалась, то во всяком случае угадывалась. Хорошо. Сегодня нет времени на дальнейшие попытки, да и стоит сначала порасспросить Горона о природе этого загадочного укрытия, он-то наверняка о нем знает. И разузнать у своих дружинников, не слышал ли кто-нибудь о том, что свободный перелет джасперян хоть где-то был остановлен невидимой преградой. Хотя вряд ли, за столько дней, проведенных вместе, ей наверняка поведали бы о такой небывальщине...

Глубокая выемка возле самой вершины привлекла ее внимание — здесь можно укрыться, чтобы уж точно быть уверенной, что сюда никто не забредет. И, между прочим, устроить склад необходимых вещей — ведь даже Юргу обязательно бросится в глаза, что она каждый вечер надевает одно и то же платье и обувь. Заодно держать запасы соляных кристаллов. Оружие. А сейчас пора присмотреть себе укромное местечко возле Поруха, где она объявится завтра, чтобы потом как ни в чем ни бывало выйти на тропу и поглядеть, будет ли Горон так же ждать ее, как она сегодня ожидала его...

Только вот в последний раз глянуть свысока на неприступный зазубренный хоровод, опоясывающий чуть посветлевший каменный лабиринт, точно всплывающий из глубины еще не тронутой рассветом мглы. Каменные обелиски, осыпи рухнувших пирамид, треугольные глыбы...

И — плавный размах исполинских крыльев, которые до сих пор, в рассветной дымке, были неотличимы от черных скал.

14. Боль по наследству

Теперь и на Игуане продолжалась эта легкая и лукавая, как улыбка эльфа, игра: неприметно для всех остальных обитателей Бирюзового Дола появлялись и бесследно исчезали какие-то мелочи; местом неусыпного внимания принцессы почему-то стал не береговой участок, выбранный для строительства замка, а тенистый загон для коз, куда Юрг как правило не заглядывал. Распорядительный Эрромиорг несколько не удивился, когда ему было велено прислать туда мешочек самой крупной соли; так же старательно он выполнил просьбу найти в кладовых побольше тисненых разноцветными узорами ремней и серебряных колокольчиков. Поразился этой внезапной причуде Юрг, но. — «Разве ты не помнишь, муж мой, любовь моя, как ты рассказывал сказку про Серебряное Копытечко?..»

Детвора была в восторге от новой забавы — обрядить флегматичных длинношерстных животных в узорчатые ошейники: Фирюза — в силу своей женской склонности к любому причудливому убранству, Ю-ю — потому что отец, не желавший отстать от матери, пообещал ему соорудить настоящую козлиную упряжку, на манер тех, что были мечтой каждого мальчугана античных времен. И, естественно, никто не заме-

тил, как в неизвестном направлении улетучилась и добрая половина соляного запаса, и несколько ремней, чей рисунок напоминал змеиную кожу, и дюжина колокольчиков-бубенчиков, и еще целый ряд незначительных мелочей, включая десинтор с приличным запасом зарядных батарей.

И что окончательно привело командора в состояние предельного изумления, так это уклончивое, но неизменное стремление жены избегать встреч с Алэлом.

— Ты же сама говорила, что не худо бы получить у него формальное разрешение на возведение нехарактерного для данной местности дворцового комплекса со всякими архитектурными излишествами?..

— Говорила; ну и что? Ты — глава семьи, да и вообще, строительство — исключительно мужское дело. Так что забирай Ю-ю, как наследника будущего дворца, в свиту возьми Эрма и Пы, чтобы выглядеть посolidнее хотя бы в силу их весовой категории, и вечером отправляйтесь с официальным визитом. Королеве и сестричкам-царевнам подношения не забудь. А мы с Паяннкой тут приглядим за Эзриком и нашей синеглазой куколкой...

— Фирюзой? А почему бы и ее не взять, она обидчивая, как заметит, что ее обошли, такой вой поднимет...

— Справимся. — В голосе принцессы появилась несвойственная ей жесткость. — Мне в гостях за нее просто неудобно, она так недвусмысленно тянется к лубой драгоценности... И вообще — жадина.

— Ну так воспитывай, тебе и карты в руки! По вашим дурацким этикетам девчонки — твоя забота.

— Предпочитаю, чтобы это были руки Паянны, потому что в них нужны не карты, а хороший ремень. Совершенно забаловали сиротинку несчастненькую. Она же этого не понимает, ей никто не говорил, что мы ей — не родные.

— А знаешь, она ведь никогда не называет тебя мамой...

— Да? Не заметила. Ну ладно, уговорил, бери и Фирюзу.

— Кстати, а почему попозже, а не днем?

— Потому, что мы с тобой, муж мой, любовь моя, просто бессовестные бездельники, а у Алэла королевских забот полон рот, да и дом у него — не чета нашим замкам, где на каждом шагу по серву на любой случай жизни.

— Да уж, плюнуть некуда...

Вот так освободилась еще на один вечер — вернее, на маленькую его дольку. И если бы кто-нибудь, наблюдающий со стороны (хотя бы пресловутый внутренний голос, который на Игуане предпочитал помалкивать), шепнул ей, что ее поведение несколько смахивает на измену мужу, она очень удивилась бы. Ну Горон не в счет, из него соперник Юргу — все равно как из Паянны танцовщица.

А впрочем... Два соперника, а точнее, соперницы, у ее супруга все-таки имеются: это — их величества Свобода и Тайна.

Навстречу им она и ринулась, едва командор со свитой отбыл с официальным визитом к королю Алэлу.

На Невесте традиционно занималось бледное утро.

Обнаруженная вчера пещерка, узкая, но глубокая, за ночь продутая прохладными вершинными ветрами, могла бы стать убежищем и на целый день, тем более что здесь не водилось даже крупных птиц, иначе кто-нибудь из них обязательно устроил бы в этой норе, выходящей на запад (хорошо — солнечные лучи сюда не могли заглянуть) свое гнездо.

Теперь здесь она будет каждый раз надевать свое легкое светло-лиловое платье — без рукавов, но с закрытым воротом, чтобы не дразнить любопытство

невестийцев нитью колдовских хрустальных бус; распускать волосы по плечам — тоже по здешней моде; обвивать правую руку поскрипывающими полосами «змеиной кожи». Сюда бы еще и зеркало.

Однако светало.

Разглядеть поближе непотребное Нетопырево жилище, разумеется, так и тянуло, но она решила не рисковать: еще приклеит, как в прошлый раз, к стенке, точно муху, попавшую в паучьи тенета, а Горон дожидаться не станет, исчезнет в неизвестном направлении, и ищи ветра в лабиринтах столбчатых. А ведь под ослепительным полуденным солнцем эти слоистые каменные башни кажутся, наверное, совсем золотыми... Надо будет как-нибудь появиться здесь на одну секундочку посреди бела дня, полюбоваться, а затем сразу — в прохладное море.

Она глянула вниз, на темную змейку затененной дороги, и вдруг заметила над обрывистым склоном площадку, на которой что-то белело, вызывая какие-то мрачные ассоциации. Она, не задумываясь, слетела туда...

На самой середине крутого склона, совершенно очевидно недоступного для здешних туземцев, в неглубокой выемке покоились два человеческих скелета. И опрокинутый кувшин, не тронутый ветрами и временем.

Кто, каким образом, а главное — зачем смог забраться на такую высоту, чтоб закончить здесь свои дни... а вернее — ночи?

Еще одна загадка Невесты.

Для тебя самая главная тайна этой земли — это сам Горон. И он ждет.

А то я не знаю! И я... я уже рядом.

Странная вещь — слово. Оно может быть правдой и ложью одновременно. «Рядом» — это ведь если сравнить с расстоянием, отделяющим Джаспер от Невесты.

А по здешним меркам не так-то она и близко от Поруха, вчера пришлось выбирать такое местечко, где между двумя зигзагами тропы ее внезапное появление не станет ни для кого из туземцев настораживающим чудом. Так что бежать ей еще и бежать по этому узкому каньону, укрытому сверху подозрительно позванивающей зеленью, в которой копошится кто-то неведомый, пока она не попадет в долину, где приютился Порух. Хорошо еще, что лишь солнышко начинает припекать, верхний слой листьев смыкается, образуя непроницаемую кровлю, похожую на металлический панцирь. Так что до выхода, так сказать, на финишную прямую (еще одно выражение Юрга, здесь звучащее несколько диковато) она успела споткнуться и растянуться на камнях не более трех раз; но зато от громадных, в добрый кулак, не то жуков, не то кузнечиков, то и дело бросавшихся на нее сверху, она успевала увернуться — как видно, эти твари привыкли нацеливаться на менее подвижных туземцев, и им оставалось лишь разочарованно забираться обратно, под многоярусную крышу, оставляя за собой толстую пушистую нить паутины.

Но когда крытая галерея кончилась и она выбежала на открытую площадку, стало ясно, что торопилась она совершенно напрасно: кучка понурых невестийцев замерла возле приземистой, всего в человеческий рост, плоской крыши подлесья, и голова сирого скитальца Горона, увенчанная короной ухоженных кудрей, так всегда изумлявших принцессу, вздымалась над толпой.

Жгучая иголочка досады прошла все тело от горла до коленок: в этот рассветный час Горон должен был принадлежать ей, и только ей.

Не спеши досадовать — приглядишься хорошенько.

Ой, и правда: несколько молодых мужчин уносили прочь от селения травяную сеть с едва прикрытым телом, а следом еще двое уводили под руки тщедуш-

ного до полупрозрачности старца. Как печально, хотя ее это в конечном счете и не касается. Раздражение прошло... нет, не прошло — растеклось по всему телу, заставляя каждую его клеточку томительно зудеть. И с чего бы?

Словно почувствовав ее приближение, Горон резко обернулся, и какое-то коротко брошенное им слово заставило всех торопливо нырнуть под лиственный навес, откуда при этом смрадно пахнуло нечищенным стойлом — стало очевидно, что злосчастный Порух целиком располагается в обширной, абсолютно не проветриваемой ямине.

Сэнни заторопилась приблизиться к Горону, насколько придумывая повод для оправдания своей задержки, но он опередил ее:

— Успела, — кивнул он. — Хорошо. По здешним поверьям чем больше людей провожают уходящих по Дороге Прощальной Любви, тем легче им расставаться с жизнью.

— Да уж, — бездумно сорвалось у нее с языка, — легко ли в таком возрасте карабкаться на гору...

Под длиннющими (наверное, при таком-то солнце других и быть не может!) ресницами странника словно что-то блеснуло.

— Гору? Почему ты так решила?

Она смущенно покраснела — ну прямо девочка, которую поймали за подсматриванием в щелку.

— Ну... Я однажды видела кости на довольно приличной высоте. Даже не представляю себе, как это здешнее старичье по таким кручам карабкается, да еще перед самой смертью. Но ведь не устраивать же кладбище под боком у собственного селения!

Под тенью его загнутых ресниц ей снова померещился фосфорический блик, но скорее всего это был отблеск занимающейся зари.

— Наблюдательность. Редкостная черта для твоего

возраста, — медленно проговорил Горон. — Но для правильных выводов у тебя недостает опыта. Кладбища нам не нужны — солнце сжигает тела за несколько дней, а ночные летуны и паданицы растаскивают частицы истлевшей плоти. Но если ты действительно видела останки, вознесенные на недостижимую высоту, то знай, что это — кости нетопыревых прислужников. Они тайно уползают подальше от своих селений — потому их и прозвали «поползнями» — и передают ночному дьяволу все то, что слышали и в собственном подлесье, и от пришлых людей, за что эта полночная тварь и спасает их тела от падальщиков. Поэтому я боюсь, что ему известен каждый твой шаг. Ведь Нетопырь близко. Очень близко.

Она недоверчиво вскинула голову: а он-то откуда это знает? Но пряди волос, обрамлявшие хмурое лицо, тут же шевельнулись и сдвинулись, точно шторы; теперь она угадывала только сухо сжатые губы с опущенными углами, да густую тень ресниц. Маска. Но если это маска, то зачем же еще и ее прятать под завесой волос?

— А почему ты не боишься, что ему известен каждый твой шаг?

Он, точно не расслышав ее слов, отвернулся и направился к щетинистой кровле подлесья. Наклонившись, негромко что-то проговорил. Почти тотчас же из-под колючих листьев высунулась палка, приподняла какую-то ветвь, так что образовалась дыра вроде бойницы, и оттуда вместе со струей навозного аромата в руки Горона переключевали традиционный кувшин и корзиночка с разной снедью. Он принял все это как должное, даже не поблагодарив, вернулся к Сэнни и благосклонным кивком пригласил ее следовать за собой.

Шаг, легкий и размашистый, заставил ее пуститься следом едва ли не вприпрыжку; они вернулись в зате-

ненную аллею, где в нижней мягкой листве суетливо копошилась какая-то непевчая летучая мелочь. Горон величественно опустился на плоский камень (как на трон — отметила про себя принцесса), нимало не заботясь о том, как устроится его спутница.

Хорошо разыгрываемая царственность этого бродяги ее нисколько не раздражала, а скорее забавляла, поэтому она просто наклонилась, расчистила себе местечко от мелких камешков и уселась прямо на теплую землю в своей любимой позе, подтянув коленки к груди и охватив их руками. Едва уловимая пульсация почвы, так поразившая ее в прошлый раз, чувствовалась и на этом месте, смутно доносились какие-то звуки, вроде журчания. А может, это и не корень дерева, а подземный ручей? Но спрашивать о таких мелочах не стоило — было очевидно, что Горон собирается о чем-то поговорить.

— Ты пугал меня Нетопырем, — напомнила она, — а сам...

— Привычка. Я давно смирился с тем, что он следит за каждым моим шагом, — проговорил Горон, и голос его прозвучал глуше обычного. — И теперь я уже не знаю, то ли он — там, где я, то ли я — там, где он.

Она от удивления чуть не вскочила на ноги:

— Постой, постой, так значит ты... как это... тоже поползень?

На унылом лице ни возмущения, ни усмешки:

— Скородумье. Твой детский ум на другое и не способен. Нет. На всем Новоземье нет у Нетопыря противника непримиримее, чем Горон, и нет у Горона врага злее, чем Лунный Дьявол. Нам вдвоем нет места в одном мире.

Древние боги! Если бы он слышал себя со стороны! Это не злоба, не ненависть... Это отчаяние. И неужели все это — правда?

Правда.

— Горон, но ведь ты не волшебник, и любой меч против Лунного Властителя — все равно что соломинка. Почему же до сих пор он не справился с тобой?

— Мудро. И мой ответ не сделает мне чести: я думаю, что он таким образом просто забавляется. Он ведь страшно одинок, и мимолетные девочки, которых он время от времени умыкает в один из своих замков — все равно что мотыльки-однодневки перед ликом вечной луны. Ведь Нетопырь бессмертен, он уже властвовал над этим безлюдным миром, когда сюда пришли кампьерры и маггиры, и никто пока не знает средства — а кроме меня и не хочет знать — как его уничтожить... или хотя бы прогнать.

— А стоит? — невольно вырвалось у нее. — Мне вот даже жалко его... Немножко.

— Ребячество. Ты вероятно не знаешь, что это такое: находиться под властью чужака. Но для свободных номадов, из племени которых я веду свой род, гнет такой власти просто невыносим.

И еще как знаю! Иначе не отрелась бы от собственной семьи.

Рано, рано выдавать ему свои секреты!

Да уж, пусть лучше расскажет о себе. Нет мужчины, который устоял бы перед искушением воспеть собственные подвиги, когда на него смотрят снизу вверх широко раскрытыми глазами... А такими, как у нее — особенно. Это если без фальшивой скромности. Кстати, не лишним будет и ему чуточку польстить:

— Ну по тебе сразу видно, что ты — из рода врожденно непокорных.

Что-то дрогнуло в его лице, но только не улыбка.

— Проницательность... Нет. С твоим возрастом это качество несовместимо. Просто кто-то уже успел поведать тебе обо мне.

— Да нет, Горон! Честное слово! И если тебе неприятно рассказывать о том, как и с кем ты сражался и как

тебя искалечили — не надо. И я не буду никого расспрашивать.

— Действительно. Я смогу сделать это сам. Нам предстоит еще не одна утренняя встреча. И раз это тебя занимает, то знай: никто и никогда не побеждал Горона.

— Но твое...

— Уродство. То, что ты видела и что стало для меня таким привычным страданием, что я научился его даже не замечать — это наследство от моего непокорного предка. Я родился таким. Как и мой отец, и мой дед. Я даже не знаю точно, в котором поколении мой великий прапрадед был искалечен Нетопырем и предан проклятию — передавать своим детям эту неизбывную боль.

Он запнулся, словно проверяя: а не покинул ли его наследственный недуг? Нет, конечно. И странное дело: только сейчас принцесса догадалась, что ее собственное щемящее томление — это отзвук его страдания, которое ее тело готово было взять на себя... Она даже не сразу расслышала то, что он продолжал:

— ...предание. В последней своей подлунной битве мой пращур сошелся с этой тварью, когда его возлюбленная еще не стала его женой. Их общей мечтой было сбросить иго крылатого деспота и жить по собственным законам. План был прост: заманить Нетопыря в ловушку и опутать сетью, поломав крылья.

Вот теперь по его лицу действительно пробежала усмешка.

— Наивность... Ошибка моего прапрадеда заключалась в том, что в его время почему-то существовало заблуждение, будто вся сила Нетопыря заключена в его крыльях. Ночной дьявол побеждал своих противников довольно странным даже для колдунов способом: он ограждал их невидимой стеной и оставлял под палящим солнцем, где уже к полудню они умирали от

чудовищной жажды и ожогов. При этом было замечено, что в тот миг, когда воздвигалась эта призрачная преграда, нетопыревы крылья распахивались, словно он готовился взлететь...

Сэнни невольно вздрогнула — да, перед тем, как липкая пелена окутала ее тело, она заметила взмах пепельного крыла. Но Горон не спрашивал о подробностях ее встречи с Властителем Ночи, и она сочла за лучшее промолчать. Сначала нужно выслушать до конца его самого.

— Ошибка. Но на ней и строился план заговорщиков, — продолжал он свой рассказ. — Раз Нетопырь побеждает людей, лишая их возможности двигаться, значит, и его самого можно одолеть таким же способом. Вот они и заманили своего врага в западню — как я подозреваю, он попросту забавлялся тем, что позволил себя пленить. А потом... потом невидимая сила, ощущаемая как исполинский липкий хлыст, разметала как нападающих, так и саму ловушку. На открытом месте остался только предводитель восставших, а вокруг него — стена, невидимая и непроницаемая. Говорят, у крылатой твари не появилось даже желания потешиться, глядя, как тщетно мятежники пытаются пробить ножами и острыми камнями несокрушимую преграду, и он удалился, не оглядываясь. Не пытался этого сделать только сам их предводитель. Прикинув к невидимой стене, он до самого рассвета говорил с той, которая так и не успела стать его женой; последние, как он думал, часы своей жизни он потратил на то, что заставил свою возлюбленную дать клятву с первыми же лучами солнца удалиться от места казни в спасительную тень подлесья, беречь себя ради его памяти, а затем от любого из бывших соратников родить сына, который продолжил бы дело отца...

— Так значит, ты все-таки не его потомок?

Не перебивай! Разве не чувствуешь, что ему легче, когда он с тобой говорит?

— Нетерпение. Быстролетная примета юности... — бесстрастно продолжал Горон. — Но впереди еще самое страшное, что пришлось пережить моему прадеду. Как повествует предание, он был человеком богатырского сложения, недюжинной силы и звериной выносливости. Легенды, как правило, приукрашают действительность, но здесь сам факт говорит за себя: это был единственный человек во всем Новоземье, который смог пережить солнечный день. По-видимому, он сжался в комок, чтобы уберечь голову и грудь, и сначала перекатывался с боку на бок, а потом попытался зарыться в каменистый грунт... На этом он и потерял сознание. К заходу солнца мясо на его спине было сожжено до костей, но он был еще жив. С последним дневным лучом стена сама собой исчезла — как видно, крылатому палачу показалось, что урок послушания преподан полностью и дерзкий бунтовщик мертв.

Горон перевел дыхание, и Сэнни заметила крошечные, точно росинки, капельки пота, выступившие у него на лбу. Как видно, он помнил все это не только умом, но и изуродованной спиной.

— Непредставимо. Но когда друзья на руках унесли его в прохладное подземелье, он попросил их всех удалиться, оставив его наедине со своей любимой. Воистину он был человеком сказочной силы и мужества, потому что совершил то, что невозможно даже помыслить: он провел с ней час любви и зачал того, кто продолжил его род... И к полуночи умер, чтобы возродиться в собственном сыне.

Сэнни почувствовала предательское пощипывание в носу и, не стесняясь, потеряла его ладошкой.

— Мальчик. Он появился на свет с отчаянным криком, который прозвучал еще в утробе матери. И все увидели, что его спинка представляет собой одну кровавую, обожженную рану. Никто не верил, что он выживет, но он выжил несмотря ни на что. И мать нена-

видела его — не за уродство, нет; ей казалось, что если бы ее любимый не был бы одержим стремлением оставить после себя сына, он перенес бы последнюю ночь и остался в живых... Но она, как и все здешние матери, умерла слишком скоро, едва выкормив первенца, и тяжести ее нелюбви он почти не запомнил. Гораздо тяжелее переносил он свое одиночество, ведь на этой земле женщины рожают как правило сразу по двое, а то и по трое младенцев, и они подрастают в теплой близости брата или сестры. И вот, если не лгут предания, — тут голос рассказчика зазвучал еще глуше, словно стиснутый неподдельной болью, — кто-то из нянек-бобылих проговорился, что и у него родился брат...

Горон снова запнулся, но на сей раз он словно взвешивал: а стоит ли рассказывать дальше?

— Монстр. Непотребное чудовище, непохожее на человека — истинное дитя солнечной ярости, — прозвучал его твердый и безжалостный голос. — От вырожденца-близнеца поспешили избавиться, но память о нем преследовала этого человека так же неотступно, как и жгучая боль в спине.

— Ты говоришь как будто о себе! Я не ошиблась — ведь это у тебя тоже был брат-урод! — По какому-то наитию быстро проговорила — даже не спросила — Сэнни, и волосы Горона, всегда точно колышимые неощутимым ветерком, вдруг замерли в неподвижности.

Но ничто в его лице не дрогнуло — или этого не было заметно за теневой завесой. И голос был совершенно спокоен:

— Маловероятно. Мне бы об этом поведали. Но всю жизнь меня преследует ощущение, будто кто-то подползает ко мне, ластится, просит разрешения хотя бы побыть рядом... И я невольно гоню его прочь, хотя точно знаю, что никого на самом деле нет... Вот и весь мой рассказ о последнем из вольного рода номадов, которые не терпят над собой никакой чужой власти.

— Ты сказал: последний. Так ты что же, не хочешь оставить после себя сына?

Он внезапно наклонился над нею — так резко, что волосы стремительно метнулись назад, словно не желая коснуться лица и плеч молодой женщины, над которой Горон навис, точно ночная птица:

— Сына! А ты... ты согласилась бы?

Она осторожно отклонилась, поднялась на ноги. К такому повороту разговора она была не готова. Теперь главное — собрать всю свою дипломатичность и не обидеть его нечаянным словом:

— Горон, тебе нужна сильная, я бы даже сказала — неукротимая женщина, равная тебе самому, а не любопытное и легкомысленное дитя, как ты меня называешь.

Он тоже поднялся, медлительно и легко, как черное облако из грозового ущелья:

— Дитя. Беспечное, пленительное дитя, — прошептал он как бы про себя, — откуда тебе знать, о какой любви мечтает одинокий странник, у которого нет ни собственного гнезда, ни, может быть, завтрашней вечерней зари? И тем более тебе ли ведать, что настоящую любовь дарит не зрелая женщина, а беззаботное, юное существо, подобное эльфу из маггировских легенд, чье первое чувство вспыхивает, словно предгрозовая зарница; оно чисто, как отражение лунного света в капле росы на придорожной паутинке, потому что не замутнено ни оскорбительной осторожностью, ни расчетливым опытом. Только в юности, не ведающей страха смерти, можно любить безоглядно, как любят те девочки, которые несмотря на все запреты летят навстречу самому Лунному Нетопырю, волшебным providческим даром предугадывая в себе именно такое самозабвение. Законы этой земли, сотворенные и записанные бобылями и одиночками, правящими в каждом подлесье, определяют им совсем иную судьбу: моло-

дось длиною почти в целую жизнь, и лишь на закате — единственную скоропалительную страсть, рождение потомства и — последний путь, хорошо, если вдвоем... Но на самом деле это не любовь, нет — это просто страх одиночества. Прижизненного одиночества... такого смехотворно краткого — перед одиночеством вечным. И прошу тебя: никому не передавай моих слов, Эссени...

Он поднес руки к вискам, закрывая лицо, и длинные пряди волос зашевелились, обвиваясь вокруг них.

Бедный, бедный Горон...

— Бедный, бедный Горон, — как эхо, повторила она. — Вот, значит, какой любовью любил ты сам на заре твоих дней...

— Нет, — глухо проговорил он, отворачиваясь. — Не любил. Я никогда не позволял себе никого полюбить, поэтому какая-то частица моего сердца так и осталась юной. Я не имею права на счастье — моя жизнь по завещанию пращуров отдана делу борьбы.

— Но ведь каждый из них оставлял после себя сына!

— Каждый. Но не я. Может быть, они не были так горды... и так уродливы. И не ждали от судьбы того беззаветного отклика, который нужен мне. Но я никогда и ни у кого не стану его вымаливать. И закончим на этом.

— Ты меня прогоняешь?

— Нет. Просто я попрошу тебя, Эссени, больше не подходить ко мне так близко, как сегодня, чтобы мне снова не показалось... Но хватит об этом. — Он глянул вверх, где сомкнувшиеся листья уже не пропускали неумеренного сияния вступившего в свои права утра. — Ты перетерпишь дневную жару прямо здесь, на затененной тропе, потому что смрадный дух этого подлесья будет для тебя непереносим. Еды и питья достаточно. Как только солнце сядет, обойди купину слева, и увидишь черные ворота в Слудяной распадок. Иди строго по

вешкам живой тропы, береги глаза от блеска. Тропа упрется в гладкую известняковую стену, иди вдоль нее влево, пока снова не наткнешься на черные воротца. За ними лежит устье трех долин, это земли вяльев. Жди сразу за вторыми воротами. А сейчас мне недосуг, надо совет держать с одним поруханским.

Он круто повернулся и пошел прочь, как всегда не попрощавшись. Жалеет о том, что был чересчур откровенен с первой встречной?

Разве ты не заметила, что ты ему — не первая встречная?

Очень, очень, очень жаль. Однако рано или поздно придется его разочаровать... Но все-таки хорошо, что это произошло не сегодня.

Сегодня. Это слово разом вернуло ей ощущение быстротечности времени. Домой, скорее домой!

* * *

А на Игуане, где она успела только на минутку заглянуть на прибрежное пастбище и, к ужасу сервов-пастухов, скормить двум ни в чем не повинным козлам невестийские гостинцы, она чуть не столкнулась с супругом, возвращавшимся от Алэла в состоянии крайней ажнотации.

— Сэнни! — крикнул он, метнувшись к жене, которая только-только уселась на пороге, подставив свои сандалии серву-чистильщику. — Сэнни, мы — олухи царя небесного!

— Ка-акая новость! — флегматично отозвалась супруга. — Не подпускай ко мне детишек, я вся в козьем помете. Испачкаются.

— Сэнни, да ты послушай: то, что мы принимали за самоцветную шкатулку на бажовский манер, оказывается — карта Свахи! Алэл, мудрая голова, сразу до этого додумался, вот что значит быть королем-чародеем.

— Постой, постой, как это — карта? Там ведь всё... — Она сделала несколько беспомощных вращательных движений руками, точно обнимала громадную дыню. — Там внутри все круглое...

— Естественно! Сваха-то тоже круглая, точно башка у нашего Пыметсу. Впрочем, как и все остальные планеты. И звезды. Такая сферическая карта называется глобусом. Что, на Джаспере такого не изобрели? Впрочем, ваши крэги издавна внушили вам отвращение ко всяким изображениям. Так вот, это — глобус, только навыворот.словно ты стоишь в самой сердцевине планеты и видишь вокруг себя ее поверхность. Понимаешь?

Если признаться честно, то у нее голова кружилась — так сразу из невестийского рассвета да в игуанские сумерки... Но она мужественно кивнула:

— Это я понимаю. Неясно только, почему эта выдумка древних свахейцев привела тебя в такой неописуемый восторг.

— Ну, честное слово, ты сегодня какая-то бесчувственная, мое твое величество. А восторг по поводу того, что на этой карте я, кажется, обнаружил космодром...

— Космы... что?

— То место, откуда взлетают гигантские корабли, чтобы направиться к другим планетам! И это значит, что кто-то из свахейцев мог уцелеть.

— Где?

— Ну... Жених и Невеста отпадают, там можно только поджариваться, а вот космические станции, работающие в автономном режиме, для технического уровня свахейцев вполне достижимы. Надо только их поискать.

— А зачем?

Он опешил:

— Как это — зачем? Это же люди, стоящие на том же уровне развития, что и мы на Земле...

— Если это тот же уровень, значит, у них в данный момент нет ни волшебников, ни талисманов. Нам-то ведь от них нужно только это. А людей во всей Вселенной знаешь, сколько? Со всеми не перезнакомишься, — она зевнула.

Ее всегда приводила в недоумение эта исключительно земная тяга: на все планеты слетать, со всеми туземцами подружиться, всем несчастеньким помочь...

— А если они действительно заперты в какой-то межпланетной конструкции, — настаивал командор; — и теперь, по прошествии стольких лет, им нужна помощь — кто, кроме твоей дружины, сможет сослужить им эту службу?

Ну вот, и до благотворительности дошли.

— Джасперяне никому не служат, ты забыл, муж мой, любовь моя. А если у свахейцев имеются корабли, способные летать в черной пустоте, то они могут вернуться к себе на родину, там ведь уже снова можно жить. И потом, ты же в этих черных небесах достаточно поработал, можешь себе представить, реально ли это — искать крошечную песчинку твоей так называемой автономной станции, кружащую где-то меж звездами.

— Мне бы твое царственное спокойствие! Я вот теперь места себе не найду, пока не выясню, соответствует ли моя догадка истине.

— Ну и прекрасно — с утра прогуляй Ю-юшеньку на коне, ему полезно подышать морским воздухом, а потом бери хотя бы Дуза, он человек хладнокровный, приступам телячьего восторга не подвержен. И проверь свою выдумку.

— Гипотезу, с твоего разрешения... О, черт, если бы пару лет назад мне предсказали, что я буду слышать от жены: погуляй с ребенком, а потом можешь слетать на планету, которая от тебя за сотни парсеков... Заикой бы стал. От смеха.

— Смеющийся муж — залог семейного счастья. Только посмотрим, кто будет смеяться последним, отыскав проклятый талисман.

— Боюсь, что это будешь не ты, дорогая — в последнее время я замечаю у тебя упадок энтузиазма и явное охлаждение к прогулкам на Сваху.

— Нет свежих идей. А шарить наугад — дело безнадежное, я уже убедилась. Вот посижу на закатном солнышке, подумаю, на карту эту самоцветную полюбуюсь — авось какая-нибудь мыслишка и промелькнет. Ведь талисман может находиться и в Джанибастовом замке, и... хоть наш менестрель утверждал, что его Ала-Рани волшебством не богата, но именно там. Нужно только терпеливо дожидаться его возвращения.

— До чего ты стала рассудительной, даже не верится!

— А эта рассудительность — только часть моей переменчивости. Сейчас мне гораздо интереснее возвести над морем невиданный в здешних краях замок, чем облететь десяток незнакомых созвездий, — ох, какое вранье, какое махровое вранье!

Просто счастье, что оно совершенно безобидно.

Но вот землянину от таких реплик, совершенно естественных для джасперян, иногда хотелось взвыть:

— Насколько же вы не цените того дара, что вам дан от рождения!

— Вон твоя дружина, командор, бери любого, и — черные небеса перед тобой скатертью расстелены... Я правильно цитирую фольклорную мудрость? Лет через десять тебе это тоже надоест до оскомины.

— Даже через десять лет мне не надоест только одно...

— Ох.

К счастью (супружескому) это междометие вовсе не переводилось сакраментальной общеземельной формулой «яусталакаксобака», а означало лишь истинно

королевское «сначала завоюй!». Сразу по возвращении на Игуану жаркое колдовство чужого мира улетучивалось, оставался только ее Юрг, и нечародейная темнота их ночей, в которых он всегда был командором, а если повезет — то и звездным волком, от которого так остерегали ее позабытые «Звездные Анналы». И она не утруждала себя никчемным вопросом: какой же из двух миров ей нужнее. Тут не надо было и обращаться к неслышимому голосу. Оба. И друг другу они отнюдь не мешали.

Вот почему поздно ночью, когда Юрг уже похрапывал, она долго лежала, из-под прикрытых век уставясь в черные небеса собственной слепоты. Что-то во вчерашнем разговоре настораживало ее, заставляло припоминать и взвешивать каждое слово... Только это был разговор не с мужем.

С Гороном.

Его поведение она сочла бы естественным — нестарый еще мужчина, хоть и с комплексом надуманных самоограничений, и молодая женщина... а, вот она и поймала за мышинный хвостик источник собственного недоумения. С одной стороны, он все время подчеркивал, что она — еще дитя, и не в иносказательно-комплиментарном смысле, а в самом прямом. Который и для нее стал ясен только тогда, когда он сообщил, что у невестийских аборигенов детство длится почти всю сознательную жизнь. Она припомнила своих нечаянных товарищей по игре в мяч: на вид они были ее сверстниками, если даже не старше, но вели себя как расшалившаяся детвора. Они и ее включили в свой круг как малолетку.

Дитя, значит.

Но тогда какого же тролля он ее охмурял — а уж на то, чтобы распознать подобную попытку, у нее был если не нюх, то весьма внушительный опыт. На нее заглядывались чуть ли не с десяти лет, и вовсе не по-

тому, что она была ненаследной принцессой и, стало быть, по джасперианским меркам — лакомый кусочек в матримониальном плане. И теперь все повторялось бог знает в который раз — горный странник готов был отринуть все собственные обеты вкупе с законами своего Новоземья, лишь бы... Вот именно — лишь бы. Выходило, что все-таки он видел в ней женщину, а не ребенка.

Как и Нетопырь, умыкающий девочек в свои лунные замки.

И тут все окончательно встало на свои места. Они ведь были вечными соперниками, эти два одиноких существа. Ей припомнились слова, сказанные Гороном с безмерной горечью: «Я уже не знаю, то ли он — там, где я, то ли я — там, где он...» Властитель этого мира, Лунный Нетопырь не мог простить Горону той власти над умами, которую невестийцы, так жаждущие свободы (только вот — от чего?), добровольно передали в руки последнего из рода номадов; он же, в свою очередь, не мог не завидовать магическим способностям, да и вообще всему образу жизни, включая бессмертие, своего крылатого соперника. Вот отсюда и бессознательная страсть к случайно встреченной большеглазой девочке. Нет, не страсть — прощсе. Взять ее себе в одноразовые наложницы для него, наверное, значило бы стать с Лунным Демоном на одну ступень.

Ну вот, все разъяснилось, сочтено и разложено по полочкам. Можно спать.

Но сон не шел. Кампьерры... странноватое прозвание для племени варваров, как она успела заметить, даже не применяющих огня. А что, если прав Юрг, и это действительно потомки свахейцев, долетевших каким-то чудом до соседней планеты, когда свою собственную загадили уже до предела? Надо будет поподробнее расспросить Горона о том, откуда пришли в эти столбчатые горы предки современных обитателей подли-

ственных селений. А они пришли издалека, и одно название, которое они дали своей стране — Новоземье, уже само по себе говорит о многом. И Горон, которому, похоже, их предрассветные беседы доставляют не меньше радости, чем ей самой, охотно поведает все, что знает. Кстати, он и сам из рода кочевников и, следовательно, не здешний — во всяком случае, такими были его достославные пращуры.

Но ведь есть еще и магиры, к которым сейчас и направлялся неутомимый странник. Не исключено, что одно из этих двух племен — пришлые, а кто-то — коренные жители Невесты. Кто же из них прилетел со Свахи? Пожалуй, не стоит с этим торопиться, этот вопрос может разрешиться сам собой, когда их совместное путешествие подойдет к концу. Тогда станет ясно, у кого могут сохраниться старинные свахейские амулеты, с кем торговаться... или воевать.

А ведь забавно будет, если в конце концов окажется, что и магиры, и кампьерры — исконные племена Невесты. А пришелец с далекой Свахи — один только Горон, уцелевший каким-то чудом.

Но уж, во всяком случае, не Лунный Нетопырь.

Она чуть было не засмеялась вслух, пришлось прикрыть губы ладошкой, чтобы не разбудить мужа. А что смешного? Да ничего. Смеются ведь не только потому, что в голову пришла забавная мысль. Можно смеяться и просто так, чувствуя себя свободной и потому счастливой.

Она протянула руку и нащупала свой аметистовый обруч, покоившийся рядом с подушкой. Надела. Эй ты, внутренний голос, что будет, если я сейчас возьму и слетаю в Слюдяную долину? На одну-единственную минуточку?

Молчит, собака. На других-то планетах он куда как разговорчивее! Впрочем, сейчас она б его и не послушалась. Ее действительно тянуло лишь взглянуть на

точно выскобленную гладкую впадину между гор, всего несколько часов назад, когда она стремительно пролетала над нею, тускло поблескивавшую в свете разгоравшегося утра колдовскими розовато-сиреневыми бликами, точно отсветами ее собственных глаз; сейчас там уже буйствует обжигающий солнечным пламенем день, и слюдяные блески должны быть поистине золотыми, и жаркий воздух, тяжело вздымаясь к побледневшему от жажды небу, должен густым маревом унести ввысь это неизбывное призрачное золото...

Ей не нужно будет даже появляться над долиной — достаточно возникнуть в аспидно-черных воротах, таких глубоких, что в них могли бы встать друг за другом три больших королевских колесницы; не беда, что на ней сейчас всего лишь прозрачная сорочка, в разгар солнечного дня никто не рискнет добираться из Поруха до чернокаменного тоннеля, хотя ночью этот путь легко может проделать даже ребенок.

Она осторожно спустила ноги с постели, глянула вверх: сквозь полупрозрачный потолок едва угадывалась неподвижная тень Гуен, замершей на верхушке шатрового корабля. Значит, рассвет еще не близок. И, не ступая на пол, она прыгнула в сторону, чтобы мгновенно перенестись под свод угрюмых ворот, прорубленных в одиноком черном утесе.

15. Ничто против ничего

Но кто-то все-таки рискнул преодолеть открытое пространство, напоенное жаром полудня, и теперь сидел спиной к ней у самого выхода из ворот; нисколько не сомневаясь, что это может быть только ее добровольный проводник, она окликнула его:

— Горон, ты? Посреди бела дня?

Он поднялся одним гибким движением, и на мгно-

вание раньше, чем размах его пепельных крыльев заслонил собой все золото сверкающей долины, она поняла, что перед нею сам Лунный Нетопырь.

Удивилась она другому: под ребрышком не ёкнул гаденыш неперемогимого постыдного страха; напротив — с каким-то чувством отстранённого восторга, с каким следят за изменчивым абрисом облаков, она наблюдала за тем, как медленно-медленно опадают и складываются крылья, с естественной надменностью слегка запрокидывается точно выточенная из гагата голова с маленькой изящной короной, охватывающей узел волос, туго стянутых и уложенных на темени; судя по легкому движению плеч, скрещиваются на груди руки. Заслоняя собой стрельчатую арку ворот, он был сейчас всего лишь черным силуэтом на золотом знамени ее своенравия.

Где-то в глубинах памяти, конечно, сохранились и возмущение, и ужас, охватившие ее, когда невидимая липкая пелена сковала ее тело в их прошлую встречу, но ведь потом были еще и его властные руки, с такой негаданной нежностью поднявшие ее, чтобы унести прочь из лунного замка... Но на этот раз она каким-то шестым, а может — первым, наиглавнейшим женским чувством уловила, что никакие колдовские чары ей не грозят.

Тебе нечего опасаться, ведь он ждет тебя, исполненный добра и...

Слушай, может, ты заткнешься, а? Говорить надо было, когда спрашивают. А сейчас не до тебя.

— Приблизься, непокорная девочка.

Однако интонации прирожденного властелина у него неискоренимы. И смягчать их придется очень и очень неспешно и оглядливо, чтобы не разрушить того хрупкого невидимого мостика, который между союзниками называется согласием, а между противниками — временным перемирием.

Она подошла, легко ступая босыми ногами по камню, горячему даже в этом сумрачном тоннеле. Как и в прошлый раз, подивилась необычной для здешних людей (о чем ты говоришь — он же не человек!) высоте его роста, из-за чего ей приходилось слегка запрокидывать голову, чтобы попытаться увидеть его лицо. Но сзади него, на выходе из каменного коридора, полыхало такое оголтелое сияние, что на огненном фоне, от которого прямо-таки наворачивались слезы, все черты сливались в одну агатовую маску. Вот незадача, всегда что-нибудь мешает, в тот раз — лунный свет, сейчас — солнечный...

А вот ему свою голову пришлось несколько наклонить, чтобы не задевать короной за неровности свода, отчего величавости несколько поубавилось.

— Я думала, ты появляешься только ночью, — проговорила она с невольным раздражением. — Тебя же зовут Властелином Тьмы!

— Это только потому, что днем никто не осмеливается не то чтобы приблизиться ко мне, а хотя бы взглянуть в мою сторону. Для меня же таких законов не существует.

Она беззаботно пожала плечами:

— Как видишь, не для тебя одного.

Она уже начала привыкать к контрасту угольной черноты и расплавленного золота, потому что ей показалось, что она различает, как брови его дрогнули, смыкаясь в одну грозную черту.

— Пожалуйста, — с видимым усилием проговорил он, понизив и без того шуршащий голос до шепота, — никогда больше так не поступай.

Наверное, никакие другие слова не изумили бы ее больше, чем эти; даже не сами слова, а интонация.

Он — просил!

Если и у него имеется собственный внутренний голос, то тот, похоже, должен был бы сейчас начать заикаться от удивления, бедняга.

— А... если очень захочется? — это пробный шар, примитивный, только для того, чтобы не упускать инициативу.

— Я вынужден буду тебя покарать. Они (небрежный кивок через плечо) должны видеть, что мои законы нельзя нарушать безнаказанно. Иначе то, что совершил один, обязательно захочет повторить другой.

Однако! Это надо было слышать, с какой устоявшейся, многовековой надменностью слетело с его губ это презрительное «они»!

— Знаешь что, Подлунный Вседержитель, — проговорила она медленно, — чародей ты, король Новоземья или сам бог, но на твоём месте я отказалась бы властвовать над людьми, которые достойны такого презрения, какое ты к ним испытываешь. Из гордости.

Она никогда не знала, что бывают черные молнии, но если не вспышка черного света, то что же тогда полыхнуло между ними?

— Все-таки рано или поздно мне придется тебя убить. — Это прозвучало так тихо, что, похоже, он убеждал сам себя. Спасал собственное достоинство.

Ау, неслышимый мой, так убьет или нет?

Нет.

Ну вот, сразу как-то легче.

— Что ж, попробуй, — проговорила она равнодушно, в то же время мгновенно изготавливаясь к одному неуловимому движению, которое позволит ей мгновенно исчезнуть, пройдя через ничто.

Опередить его она теперь успеет, научена горьким опытом, но уж очень не хочется открывать ему свои способности, на этой земле несомненно причисляемые к разряду магических и посему возможно и наказуемых.

Он задумчиво покачал головой:

— Нет, не так поспешно. Ты ведь единственная, которая за все эти годы посмела разговаривать со мной, как равная с равным.

А, так вот в чем изюминка! И вовсе не в ее обольстительных внешних достоинствах. Но слишком много загадок осложняют отношения, поэтому кое-что придется ему объяснить, тем более что, как она и решила, в ее словах не будет неправды.

Но учти, что властелину лучше солгать, чем оскорбить.

Ну уж это мне решать!

— В той земле, откуда я родом, мой отец — властитель, не менее могущественный, чем ты.

— А мать? — спросил он так быстро, что стало ясно — слова эти вырвались у него независимо от воли.

— Я не помню своей матери, — вздохнула она, облизнув потрескавшиеся губы, и это снова было правдой. — Но почему ты спрашиваешь? Разве для тебя когда-нибудь имело значение происхождение твоих... м-м-м... мимолетных подруг?

Полночные глаза в пол-лица — это вскинулась завеса невероятных его ресниц, слившихся с ними в одну колодезную черноту, в которой ни проблеска белков, ни мерцания зрачка. И тем не менее что-то в этих глазах дрогнуло.

— Да, действительно, о чем мы говорим, когда ты уже прошла через пекло раскаленных гор — навстречу мне.

Однако!

— Вовсе нет! — Она рассерженно фыркнула, и это получилось совсем по-детски. — Я просто захотела поглядеть на эту слюдяную долину при дневном свете.

Ты что, промолчать не могла?

— Ты... Ты просто хотела посмотреть? На долину? При свете дня? Тем самым совершая преступление, за которое здесь любого карают мучительной смертью?

— Кто карает?

— Я.

— И кто установил этот закон?

— Я.

— Ну и стоило устанавливать законы для жалких людишек, которых ты так презираешь? — А ледяной тон дается все труднее и труднее, и немудрено — дышать в этом тоннеле уже нечем. — Владыка ночного поднебесья, круг замкнулся. Я снова хочу тебя спросить: а почему ты не оставишь их в покое? Ты — сам по себе, они — аналогично. Пусть они сами выбирают своих вождей, сами сочиняют себе правила и законы, сами карают отступников. Зачем они тебе?

Кажется, он хотел что-то сказать, но она вскинула ладошку, предупреждая его возражение. Пусть тело уже налилось упругим, меднопышавшим жаром, но ничего, надо выдержать, потому что вряд ли представится еще случай высказать ему то, чего он, по-видимому, ни разу в жизни не слышал:

— Ты несметно богат; у тебя, говорят, одних только замков больше, чем человеческих поселений. Что еще? Прислуга? Проблемы пропитания? Но все это сотворят юные сластолюбивые девы, которые сами ищут тебя, и так будет всегда, потому что ты не просто прекрасен — в тебе скрыто какое-то приманчивое колдовство.

Так, девочка, так...

Но он тихо покачал головой — нет, не так. Выходит, он тоже дал себе зарок быть с нею предельно честным:

— Если колдовство не проявило себя хотя бы один-единственный раз — это уже нечто, выпадающее из магической цепи и разрывающее ее раз и навсегда. И мне начинает казаться, что оно над тобою... над одной тобой! — не властно...

По его лицу, и без того полускрытому мраком тоннеля, как будто скользнуло облако — тень в тени, горькая усмешка уязвленного достоинства. Ну вот, не хватало ей еще залечивать его гордость!

Но при виде этой улыбки разом всплыла в памяти боль от прикосновения его губ, томительная, всепоглощающая, затлевшаяся на губах и стремительно заполняющая все ее тело, от пересохшего горла и ниже, в стиснутой потным платьем груди, и ниже, и ниже, и она уже в безвольно подгибающихся коленях...

Я, мона Сэниа, принцесса Джаспера, приказываю себе — опомнись!!!

Зачем, зачем?..

— Твое колдовство властно надо мной. Оно и сейчас во мне, — проговорила она бесстрастно и в то же самое время гордо, как пристало тому, кто исполнен рыцарского духа, признавать свое поражение. — Оно в моей памяти и пребудет там до конца моих дней. Но — там и только там.

На этот раз черты его лица остались недвижны, только все лился и лился черный свет, обволакивающий ее неодолимыми чарами. Если на этой земле присутствовали незримые духи, то сейчас они были с ним. Еще несколько таких мгновений — и ей придется отступить и исчезнуть прямо здесь, у него на глазах.

— Разве ты забыл, зачем я пришла на твою землю? — спросила она как можно тверже. — На мне мой долг.

Он отступил на шаг, и черный свет угас.

Он согласен подождать, пока ты этот долг исполнишь.

Ну-ну.

— Прекрасно, вернемся к твоему долгу, — он снова почувствовал себя всевластным господином положения. — Ты ищешь волшебный талисман? У маггиров их предостаточно, на любой случай и вкус. Хочешь, я перенесу тебя к ним?

Она мгновенно оценила его предложение: это, конечно, спасение от невыносимой жары, но еще неизвестно, насколько его верховная власть простирается на

земли этих загадочных маггиров. И что будет, если он заявится туда и начнет устанавливать свои законы, верша скорый суд и карая по собственному капризу?

И потом — не встретить больше Горона?..

— Благодарю тебя, но у меня уже есть проводник, и несправедливо будет обижать его отказом, — удивительно, и как это пересохшие, немеющие от боли губы умудряются произносить слова без малейшей дрожи! — И я обещаю тебе, что больше не буду нарушать твои законы: мы продолжим наше путешествие только по ночам.

Ну что, а его-то самого я не очень обидела?

Не очень.

Что-то ты стал лаконичным...

— Но сейчас обратно в Порушанское подлесье ты можешь меня отнести, — проговорила она, прикрывая веки; пусть знает, что она не боится даже открытого солнца, и в этом они равны.

Обожжет, конечно. Ну и пусть. Она вытерпит.

Неправда. Ты просто жаждешь оказаться во власти его рук...

Да заткнись ты, ради всех богов!

Но положение спас сам Нетопырь:

— Подожди. Мне трудно говорить с тобой, я ведь никогда и никому не давал отчета в том, что совершаю. Но тебе... Дочери властителя...

Уж не оправдывается ли он? Не перед нею, естественно — перед собой.

— Я постараюсь понять тебя, — проговорила она как можно мягче; — говори свободно, пусть слова не связывают тебя.

Он недоверчиво покачал головой:

— Тебе это будет трудно понять, если подданные твоего отца отличаются от тех, кто населяет эту горную страну. Я не знаю, заметил ли это твой быстрый ум, но все эти туземцы — сущие дети. И остаются такими

всю... почти всю свою жизнь, пока время не убелит их головы. Тогда настает краткий срок того, что они по скудости своего ума называют порой любви. Далее, как естественное следствие, сразу же рождаются младенцы; у тех, кому повезет, даже близнецы. А затем они превращаются в обузу для своего племени, отнимая у младших так трудно добываемый кусок лепешки; от жизни ждать больше нечего, можно только поддерживать друг друга, больше всего на свете опасаясь того, что кто-то из двоих уйдет первым.

Дался ему этот диспут! Ведь просто проверяет, сколько еще она сможет выдержать этой пытки раскаленным воздухом... и близостью его губ.

— И ради того, чтобы этот путь закончился поближе к горным вершинам, один из этих двоих становится «поползнем» и предает свое племя, сообщая тебе его тайны? — Пусть вулканический жар, но каждое ее слово все равно останется звонким, как льдинка.

— А чего они на самом деле стоят, эти стариковские заговоры и кухонные секреты?

Ради всего, что тебе дорого, не повторяй еще раз, что круг презрения замкнулся — дай ему высказать все то, в чем он еще никому и никогда не признавался!

Мне тоже нет дела до всех этих племен, но это дьявольское высокомерие... Оно просто оскорбительно для слуха.

Да уйми ты свое детское самолюбие!

Детское? Ну ладно.

— Раскрытые секреты помогают мудро править, — вот дипломатичная реплика принцессы, выпестованной учтивыми царедворцами; ты доволен, неслышимый?

— Мне не надобна помощь в вопросах правления. Моя правая рука — это мой многовековой опыт, левая — не знающая сострадания жестокость. И это все, что может удержать обитателей этих подлесий от пол-

ного исчезновения. Мои законы немногочисленны, неизменны, необходимы и немилосердны. Но без их — вымирание всего обитающего здесь народа.

Любой властитель обязательно сказал бы: «моего народа».

— Но, может быть, твои подданные были бы немного счастливее, если бы ты — хотя бы через своих тайных приспешников — хитроумно подсказал бы им эти самые законы, чтобы они приняли их как свои собственные?

— А что мне до их счастья? Оно так быстротечно по сравнению с длением моих собственных дней и ночей, что не стоит моего внимания. И довольно о них. Проходя серебряными тропами этих полуночных гор, ты своим острым умом, несомненно унаследованном от своего властительного отца, будешь вынуждена сама признать, что не существует другого способа сохранить жизнь на этой земле. Но хватит на сегодня. До заката ждать уже недолго, поэтому оставайся здесь, в тени; я не хочу переносить тебя к многолюдному подлесью, как ты просишь, потому что какой-нибудь непоседливый старец, страдающий дневной бессонницей, сможет углядеть нас сквозь прорезь листвы, и тогда тебя примут за мою бывшую избранницу, от которой я только что избавился.

Какая трогательная чуткость!

— Ты опасаясь, что это заденет мою гордость?

— Нет. Просто на тебя найдется сразу слишком много претендентов. Это может снова осложнить твоё путешествие.

Проклятие, он говорит это так, словно ему известен каждый ее шаг! Но чье-то неусыпное внимание — это уже ограничение той свободы, ради которой она и прилетает на эту землю.

— Тебе что же, известно, куда я направляю свой путь?

— Мне нет нужды это знать. Потому что рано или поздно он неизбежно приведет тебя ко мне.

Он отступил на несколько шагов, окунаясь в расплавленное слепополуденное золото невестийского зноя, и распахнувшиеся крылья на миг затмили ослепительный свет.

И только тут она вспомнила о времени. Ноги подкашивались, но камень под босыми ступнями был слишком горяч, чтобы на него упасть. Море! Спасительное море Первозданных островов!

Пепельная крылатая тень, бледнея и размываясь, еще скользила по янтарным закраинам Слюдяного распада, когда сонные воды игуанского побережья почти без всплеска приняли в себя неожиданную гостью. Ох, и холод, после невестийского-то пекла! Прочь из глубины, а то ведь так можно зазябнуть до умопомрачения...

Она вынырнула и прямо перед собой обнаружила пятнистую морду. Сирвенаяя, как видно, тоже испытала легкий шок и судорожно зевнула, обнажив чудовищные клыки.

— У т-тебя, однако, собачьи п-привычки, — проговорила Сэнни, от холода постукивая зубами и на всякий случай отплывая подальше. — Зеваешь вот от в-волнения...

Даже приглушенный голос раскатывался над едва шепчущимися волнами, как легкий гром. Сирвенаяя встопорщила усы и беззвучно ушла в глубину. Теперь — скорее на берег, сбросить намокшую сорочку, чтобы не превратить супружескую постель в маленькое болотце...

Тончайшая ткань липла к телу, и стоя на холодном камне, она почувствовала себя совершенно голой. Черные небеса, да на ней же не платье — проклятая воздушная кисея, о которой она совершенно забыла! Вот что значит вырасти без зеркал, этого дивного изобретения далекой Земли, и не уметь глянуть на себя со

стороны. Хороша же она была перед Лунным Демоном, хотя полумрак глубоких ворот, да еще и заслоненных его крылатой фигурой с одной стороны, должен был хоть в какой-то степени ее укрыть.

Но все равно — ткань рубашки была совершенно прозрачна, так что у него, разумеется, даже не возникло сомнения в том, что она прошла обнаженной под запретными солнечными лучами лишь для того... лишь для того, чтобы...

Ключья ни в чем не повинной сорочки полетели в воду. Домой, домой! Доигралась.

А дома — угрюмый взгляд супруга, сидевшего на постели уже в походных штанах, но еще босиком.

— Голая, мокрая, растрепанная. Ночная ведьма, одним словом. На каком шабаше прикажешь тебя искать?

— А зачем меня искать? Стало душновато, как-никак лето подошло, мне окунуться захотелось, — только бы не заметил, с каким трудом слетает каждое слово с губ, все еще пульсирующих нездешней болью!

— Окунуться? Да я вот так уже полчаса сижу!

— Что, не спится? — Даже самой противно от собственного невинного тона. — А я с сирвенайей познакомилась поближе. Ардинька говорила, что они с вечера уплывают от берега, чтобы во сне их не выбросило прибоем на камни, но наша теперь и ночью здесь, как в почетном карауле... Ты все еще сердисься?

— Глупенькая ты моя! Разве так сердятся? Я просто боюсь за тебя. Каждый раз, когда я не обнаруживаю тебя в пределах досягаемости, на меня накатывает жуть — словно я никогда больше тебя не увижу.

— Уж лучше бы сердился... В пределах досягаемости.

— Да? Ну ладно, не пожалей только. Я ведь могу сердиться и до самого утра... и до обеда... и до вечера... Нет, вру, до вечера не могу, обратно же зван к Алэлу.

Давешняя, вроде бы уже усмирённая подозрительность снова встрепелась в дальнем уголке памяти.

— Зван? Второй вечер подряд? У нашего островного королька какой-то неестественный всплеск гостеприимства.

— Это у твоего моего подозрительного величества подозрительный всплеск подозрительности!

— Ну родишься и проведешь первые шестнадцать лет своей жизни во дворце...

— Вот именно — в самом что ни на есть средневековом дворце. А по моим книжным представлениям, недоверчивость как-то противоречит этическим принципам рыцарства. Или нет?

— Или да. И все-таки, что понадобилось от тебя этому старому лису Алэлу?

— Да ничего. Он просто предложил свою помощь. Магическую притом. Понимаешь, будет очень жаль, если вдруг наша Ракушка (хотя она больше похожа на завалявшуюся сплюснутую смокву) переключится на какое-нибудь другое изображение. А самоцветный глобус, как я понимаю, навсегда исчезнет из ее памяти, замещенный новой картинкой.

— И что же предлагает Алэл?

— Он собирается эту самоцветную шкатулку воспроизвести в натуральную величину, но без подпорок — и с твоего позволения, естественно. Чтобы потом детишки любовались. Призовет на помощь духов земли, благо это одна из повинующихся ему стихий, они обеспечат его любыми минералами, и даже в надлежащей огранке — куда там музею Горного института! Ну ты как, позволяешь?

— Если это для детишек, то ты мог бы и не спрашивать.

— Ну вот мы обо всем и договорились. Мне можно начинать сердиться?..

Но ни до вечера, ни даже до обеда побыть вдвоем

не удалось — приполз свянич, принялся щекотать за пятки. Понятно, побудка по-игуански. Как выяснилось, неугомонная Паянна с утра пораньше успела слезать с Эрмом на материк, оглядела окрестности Асмурова замка. Вернулась с рулоном плотной бумаги и парой широких гладких досок.

Сейчас она, нетерпеливо прохаживаясь взад и вперед, ожидала появления владетельной четы в шатровом покое, уже порядком присыпанном пылью Равнины Паладинов.

— Ты вот что, княжна, — безапелляционно обратилась она к Сэнни, все еще сонно протиравшей глаза. — В тоём образе, как твоя домина стоит там, на шири равнинной, здесь его возводить не моги. Несуразность получится.

— Послушай, Паяннушка, я об этом как-то еще не думала, — позевывая, проговорила принцесса. — Мы пока только место выбираем...

— Ужо выбрали, дак с какой радости канитель-то? Токмо над откосом таку махину громоздить негоже, неровен час али земля дрогнет, али ураган надыбится. Да и что проку в море, ежели оно незнамо где внизу плещется? И ребятня туда скувырнуться может. Не, на мой погляд, берег надоть уступами срезать, а на каждом — по единому... как это у вас... етажу во фронт развернуть, навродё башни пятилученской. С нижнего на верхний лесенки резные перекинуть, на это у вас шустрики-работнички безответные дюже умельственны. В такую ширь дворец раскинем, что королек тутошний зайдется от зависти!

— Слушай, уважаемая, уймись, ладно? — поморщился командор, которому с основательного недосыпа зычный бас воеводиши прямо-таки обухом бил по голове. — Если тебя обуревают архитектурные фантазии, пожалуйста, набросай все это на бумаге и представь на подпись. Желательно в трех экземплярах.

— Ты, князь, когда наследничков накуешь в трех ыкзымплярах, тогда и мне указывать будешь, как хоромы городить, — срезала его Паянна. — А ты, княжна, вели мне где-нибудь на бережочку место разровнять и мелким песочком засыпать. Ежели у твоего господина к таким затеям душа не прикипает, то я для тебя одной на песке свои задумки представлять буду; что тебе по нраву придется, я на твердый холст перенесу, на то я его цельный свиток приволочила.

— Гениальная мысль! — возрадовался командор. — Бери себе по-быстрому дюжину сервов и вали на берег. Там они тебе кусок пляжа отбульдозерят под чертежную доску — и рисуй себе, сколько душе угодно. Заодно детишек позабавишь. Как говорится, бог в помощь!

— Не забава то, князь милостивый, — сурово ответствовала воеводиха, — а, может статься, остатняя для меня радость под солнышком приветным. Что мы до толе в весеннем нашем краю клепали — казармы да анбары. Когда и темницы. А тут — дворец цельный...

Она круто повернулась и, глухо топая, покинула шатровый покой.

— Зачем ты так? — с естественным упреком обернулась принцесса к мужу. — Ты посмотри, она даже ходит-то с трудом. А сколько забот на себя приняла?

— Да столько, сколько хотела, никто ее не принуждал. А что касается бытовых перегрузок, то в последнее время я что-то не замечал, чтобы она слишком уж себя утруждала. С Ю-ю все больше мы с Кихом да Флейжем занимаемся, Фирюзушку все, кому не лень балуют, этот оголец Харров у Ардиньки с рук не сходит. А Паянна твоя исключительно командует да вот теперь еще приноровилась на материк летать, тут она пока каждый чулан в замке не облазает, не уgomонится. Впрочем, это как раз меня устраивает, и на берег с сервами я ее для того же отправил — с глаз подальше.

— Скажи, чем она тебе не угодила?

— Да вот ей-богу, не знаю! Только голос ее трубный прямо-таки слышать не могу. Все эти «анбары», «шустрики умельственные», «ыкзымпляры»... Как будто нарочно выдрючивается, чтобы серость свою продемонстрировать. С души воротит...

— Тоже, заметь, словесный оборот, не вполне приличествующий благородному эрлу. Можешь считать, что мои аристократические уши особой разницы между вами не отмечают.

— Понял. Уши королевских кровей, которые не видят разницы...

— Вот именно. — Она с царственным равнодушием пропустила едкие оттенки в интонациях мужа. — Поэтому лечу следом за Паянной, чтобы извиниться за тебя, и делаю это в последний раз, предупреждая! Кстати, в знак примирения можешь взять ее с собой вечером к Алэлу.

— А вот это — ни за какие коврижки. Можешь сама миловаться со своей Бабарихой.

— Миловаться... заразился.

Она, не дожидаясь ответной реплики мужа, выпорхнула из дома, но «кухонной воеводижи» на голубом лугу уже не было; годы — годами, но сгоряча она порой могла развить такую прыть, что и дружина едва за ней поспевала.

Куда может податься обиженный человек? К морю, естественно. Детишек на колокольчиковом лугу не видно, значит, взяла их с собой. Мона Сэниа взлетела над каменистым спуском и едва не столкнулась в воздухе с Гуен, которая отпрянула с мерзким хохотом — разозлилась. Паянна действительно спускалась по неровным камням, которые, выступая из земли, создавали подобие лестницы; плешины осыпей и обрубки корней делали этот путь малопригодным даже для тренированных ног. Но Паянна, как видно, в сердцах пре-

небрегла услужливостью дружинников, без хлопот доставлявших ее куда только ее душа пожелает, и теперь, кряхтя, перебиралась боком с камня на камень, напоминая гигантского черного краба. Ю-ю и Фирюза, зажатые, как поросята, у нее под мышками, дрыгали ногами и похрюкивали то ли от страха, то ли от восторга.

Непременные сопровождающие, Пы и Флейж, зорко наблюдали за происходящим с вершины лестницы и от ее подножия. Принцесса знала, что в неусыпности стражи она может не сомневаться. Три пары глаз, не меньше (если считать и сову) — так будет всегда.

Она спустилась, легким взмахом руки показывая, что караул свободен. Подхватила обидчивую Фирюзу (возьмешь первым сына — разревется).

— Слушай, Паянна, а почему бы тебе не побывать вечером у Алэла? Посмотришь, как тут, на островах, простые люди живут.

— Простые! Сказанула. Это король-то — простой?

— А здесь короли живут, как все.

— Дерьмовый-то королек, стало быть, козь прибытку у него недостает жить по-княжески. — Она углядела вогнутый, как седло, камень, с облегчением присела.

— Лроногирэхихауд Милосердный, между прочим, тоже не любит роскоши, — заметила как бы вскользь принцесса, предоставляя младшему поколению заканчивать спуск самостоятельно, благо плюхнуться они могли только в воду, в которой уже научились себя чувствовать свободно, как два лягушонка.

— Ну-у-у! Супоставила. То — мудрый князь, всем бывшим не чета. Евоная простота — от строгости душевной.

— Ну что касается мудрости, то Алэл ему вряд ли уступит, а к тому же он еще и чародей, не чета вашим сибиллам.

— Во-во, потому и брезгую. Уж на что наш-то кня-

жий ведун никудышный, а как вперится очи в очи — точно вилкой в душе ковыряет. Не любо мне такое.

Мона Сэниа пожала плечами — вот уже чего-чего, а робости или неловкости она перед магами и колдунами никогда не испытывала.

— Тебе-то что, княжна, — Паянна прихватила край своей необъятной юбки и шумно в него высморкалась. — Ты живу воду пила, так что покудова у тебя в крови хоть макова росинка от той воды имеется, тебе колдовства сторожиться нечего. Тебя никое черно-книжное стервов не проймет.

Принцесса всеми силами постаралась, чтобы на ее лице не промелькнуло ни тени высокомерной усмешки. Какой бы бесстрашной подругой ни была Паянна своему покойному мужу, управлявшемуся с оголтелыми ордами подрассветных земель, но ее храбрость ограничивалась тем, что могли ей противопоставить человеческая хитрость и стальное оружие (да и сталь-то на Тихри была дрянноватой). Но вот как не без разочарования убедилась принцесса, даже шаманские фокусы сибиллы заставляли старую воеводику от него шарахаться, а высокая магия пугала до смерти. Кроме того Паянна, простолюдинка по крови, даже представить себе не могла, как же это — не бояться абсолютно ничего и никогда, независимо от количества капель живой воды, еще сохранявшихся в крови (интересно, и как надолго?); вероятно, для такого нужно было все-таки родиться дочерью короля Джаспера.

Мона Сэниа рассмеялась, постаравшись при этом, чтобы этот смех прозвучал по-детски беззаботно.

— Это что же выходит, колдовская молния мне не страшна, а простой стрелы следует опасаться?

— И чему токмо тебя в дитячестве твоём учили? Это ж и пню придорожному яснее ясного: колдовство от колдовства спасает, а естеству естество противостоит. Так что чар не опасуйся, а боронись от железа оруж-

ного, кроме заговоренного — то тебе не грозит. А что поранено, то заживать на тебе будет, как на кошке.

— Ну что касается железа, то тут ты можешь за меня не беспокоиться: ты меня в бою еще не видала. И Алэла ты напрасно сторонись, в глаза он тебе глядеть не будет, у него сейчас другая забота. Он все ближайшее время намерен земными дарами властвовать.

— Эт-т как понимать? — почему-то насторожилась Паянна. — Яблочками-огурчиками, что ли?

— Каменьями драгоценными. Он из них одну диковину строить собрался.

Ой, манера говорить старой воеводихи похоже, оказалась заразной.

— Блажит дед, одно слово — фигура венчанная. Ан ведь имеет право. — Паянна пожевала губами, поднялась с камня, подбирая края юбки. — Однако ж выходит — не беден... Ну у меня туточки делов невпроворот, княжна, а то наша мелюзга до синюшных задов докупается, пока мы с тобой языки-то чешем.

«Мелюзга» действительно уже бултыхалась в воде, время от времени выставляя разномастные попки. Паянна, переваливавшаяся с камня на камень с изяществом и энергией моржихи, вдруг резко остановилась, так что Сэнни, следовавшая за нею, вынуждена была по-воробыиному перескочить на ступеньку выше.

— С твоих слов выходит, что ежели королек тутошний в земле шарить надумал, то ему при том над людьми простым кудесить неважноту? — глухо прозвучал низкий голос воеводихи.

Мона Сэниа, уже переключившая свое внимание на шалости Ю-ю и его подружки, не сразу поняла, к чему прикованы неотвязные мысли ее спутницы.

— Ты про Алэла? Да, пять стихий ему, как он утверждает, подвластны, но... не одновременно. Насколько я поняла, каждый день с утра он, сообразно со своими монаршими планами, получает власть над одной из

стихий. Молится он там, жертвы приносит или просто святочкам брюшко чешет — не спрашивала. Но если он посвятил свой день огню, то в море он уже беззащитен, как простой смертный; если надумал самоцветы из недр земных добывать — души людские от него укрыты.

— А-а... то не волшебство, а срамство одно, — с демонстративным равнодушием протянула Паянна и, утеревшись рукавом, продолжила свои опекунские хлопоты.

От моря тянуло гнилыми водорослями и нелетним беспокойным холодком. Ау, неслышимый мой, к чему бы это?..

Как всегда на собственной планете, внутренний голос ответить не соизволил.

Паянна, достигшая наконец цели, не снимая сапог забрела в мелкую воду и молниеносным движением выудила из пены морской взвизгнувшую от неожиданности Фирюзу — так цапля безошибочно выхватывает из водорослей серебряную рыбешку. Ю-ю, однако, увернулся. Ненадолго, правда.

— А ты, княжна, ступай по своим делам, — укладывая детишек на мелкую гальку, распорядилась воеводи-ха. — Тебе, я чаю, токмо ввечеру купаться любо. А взамен косолапика мово пришли.

«Косолапиком» она величала неповоротливого (везде, кроме поля боя) Пыметсу, чаще других выбирая его себе в собеседники — наверное, потому, что он один слушал ее байки, раскрыв рот и, как казалось со стороны, не без плохо скрываемого ужаса. Ну скудный умишком, что с него возьмешь.

— Как скажешь, нянюшка.

Вот уж чего она никак не ожидала, так это того, что ворчливая воеводи-ха растрогается чуть не до слез:

— Ах ты, девонька моя горемышная! Даром что дщеря королевина, а все едино без ровдной матери-то — сиротинка необласканная. Чай, мамку-кормилиху свою

вспомнила? Ладно уж, слетаю ввечеру к чародею твоему, скопидому загребущему, погляжу...

— Что, что? Скопидому? Ты это про Алэла? — Принцесса от изумления чуть было не утратила дар речи.

— А то нет! Ты, княжна, по рождению высокому — королевна, а он тебе землицы выделил с гулькин нос. Островок задрипанный — обсмеешь... Нет чтобы полцарства отделить!

— Да зачем мне его полцарства?

— Енто как же — зачем? Перекинули бы мосты горбатые с острова на остров, уложили б по ним дороженьку гладкобитую, чтобы всех их в одно кольцо единила, и гуляли б мы по раздольному пути тому беспрепятственно да весело...

— Просто так, для удовольствия? — не могла понять ее принцесса.

— И еще для каковского! Всю б дорогу дворцами-теремами обстроили, побогаче пятилученских...

— А ты разве в Пятилучье побывала?

— Так рассказывали ссыльные, когда им карачун приходил.

— Хорошо, Паянна, я подумаю.

Вот, оказывается, о чем мечтала старая воеводиха, задумчиво глядя в ослепительно голубое, как бывает только ранним летом, джасперянское небо. Над бесконечными унылыми дорогами Тихри оно как-то ниже, тусклее; под тем небом люди бредут, думая лишь о ночлеге под убогой своей повозкой, но их грёзы не принимают очертаний сказочных замков.

А вот старая воеводиха, как выяснилось, оказалась исключением. И рушить одним словом такие мечты было просто кощунством.

— Я подумаю, нянюшка, обещаю тебе.

Но в следующий миг, очутившись на бирюзовом лугу, она думала уже совсем о другом: а долго ли до вечера?..

«Торопливость женщину не украшает» — кажется, эту сентенцию она слышала еще на Равнине Паладинов, от одной из придворных дам, которым было доверено ее воспитание. Хотя «слышала» — не то слово. Все подобные нотации она добросовестно пропускала мимо ушей, старательно отбирая только те, которые относились к турнирам, кодексу рыцарской чести и оружию.

Тем не менее наставление припомнилось нынче же вечером, и не где-нибудь, а на весьма удаленном от Равнины Паладинов взгорье Невесты. И весьма кстати. Мрачная стена, явно страдающая приступами камнепада, была еще по-ночному черным-черна (как Па-яннина юбка), и щербатые ниши, в которых можно было укрыться от каменных брызг, приходилось отыскивать на ощупь. Правильно ли она запомнила? Влево. Все время влево. Несколько ночей назад, в подземном коридоре, ей тоже было велено: ни в коем случае не поворачивать направо. Похоже, они с Гороном двигались не по прямой и даже не зигзагом, а по плавной, на первый взгляд и неугадываемой дуге. Если бы она действительно проводила здесь целые сутки, она могла бы запомнить ориентиры чужого ночного неба. Но сейчас в толчее нехотя угасающих звезд ей не удалось отыскать даже знакомое Веретено.

Что ж, тогда остается только поскорее добраться до вторых ворот, ведущих в долину вяльев; ведь не исключено, что Горон уже там.

Нет, торопиться все-таки не следовало — его и там не оказалось, да и ворота представляли собой всего лишь два черных, неаккуратно обтесанных монолита, каким-то образом втиснутые в треугольный пролом сероватой стены, оказавшейся в этом месте на удивление тонкой. Мона Сэниа только пожала плечами: склонность примитивных цивилизаций к манипулированию такими тяжеловесными глыбами (неоднократ-

но упоминаемая в Звездных Анналах) неизменно приводила ее в недоумение. А Горон по всей вероятности все-таки опередил ее и сейчас разыскивает свою напросившуюся на его шею попутчицу там, в долине, куда вчера она второпях даже не удосужилась заглянуть, ограничившись в своей разведке только этой стеной. Кляня себя за непредусмотрительность, она вспрыгнула на шероховатый камень, служащий естественным порогом, и от неожиданности едва не потеряла равновесия: такого она здесь еще не видела.

Естественная базальтовая лестница широкими ступами спускалась вниз; от нижней ступени, точно трилистник кормового бесцветника, расходились овальные рощицы, слишком уж одинаковые по форме, что наводило на мысль о их рукотворном происхождении. Крайняя справа и была, похоже, местом поселения вяльев — об этом говорила темно-зеленая бугорчатая пелена, укрывающая от дневного зноя людской муравейник; тусклый фосфорический свет нижней листвы проступал сквозь медлительное, точно неживое шевеление верхних защитных листьев. Здесь все было обычно.

Левый гигантский «лепесток» даже на беглый взгляд производил впечатление чего-то мертвого, тяжеловесного — ни единого зеленоватого проблеска в предрассветной полумгле было не разобрать. Несомненно при свете дня он замутнеет гиблыми пятнами бронзовой патины или подернется рыжим прахом безнадёжной ржавчины. Но живой зеленью ему не быть, это и сейчас ясно.

Но вот средняя часть этой трехдольной низины, черная и смрадная, курилась многочисленными дымками; время от времени то тут, то там стремительно вспархивали тонкие язычки радужно окрашенного пламени, точно пытаясь вырваться из пепельного плена, но в глубине этого миниатюрного пекла кто-то не-

сомненно улавливал эти огоньки, пресекая их попытки к бегству. Эта часть долины была обнесена добротной плитняковой стеной, так что жилому подлесью пожар не грозил — предосторожность обязательная, ведь в такой сухости он стал бы бедствием стремительным и ужасающим.

И все-таки интересно: почему разводить костры допускается именно вяльям — или они не подчиняются запретам ночного тирана?

Ну а раз уж ей стало интересно, значит — вперед и вниз!.. И тут же — упругий толчок невидимой липкой стены, преградившей ей путь на выходе из черных ворот.

Боли не было, но она чуть не закричала. Дьявольская воля проклятого Нетопыря не просто отрезала ей дорогу в трилистниковую долину — она встала между нею и Гороном, который, несомненно, был уже там, внизу...

Между тобой — и твоим Гороном.

Да! Проклятие, да!

Она в бешенстве выхватила свой маленький боевой нож, с которым никогда не расставалась, и бесполезные удары посыпались на несокрушимую, безразличную к ее ярости преграду, через которую ее не мог перенести даже всемогущий полет через доступное только джасперянам ничто...

— Назад.

Голос — Горона или Нетопыря, она даже не поняла, таким тихим, но беспрекословным он был — заставил ее отпрянуть от черного треугольника ворот.

— Сюда.

Судя по направлению, откуда доносился шепот, это значило — налево. Нырнуть под тяжелый уступчатый навес, под которым приходится сгибаться и куда не проникает еще сиреневатая дымка рассвета. Для крылатого нелюдя здесь слишком тесно, значит — Горон.

Твой Горон.

— Спрячь. Твой нож бесполезен, Эссени, — продолжал доносящийся откуда-то сбоку голос. — Ничто не может сокрушить то, что мы зовем «лунной поволокой», хотя на самом деле она есть ничто.

16. Звезды подземелья

Наверное, Горон принял ее смятение за испуг, но это была скорее растерянность: как же она сама-то не догадалась?..

Закон Вселенной: равному должно противостоять равное.

Изделие простых кузнецов не равноценно талисману.

— Знаешь, Горон, сама мудрость глаголет твоими устами. Тебе и самому неизвестно, какую загадку ты сейчас разрешил! Только... где же ты? Я тебя не вижу.

— Поспеши. Пройди еще немного влево. Не время для разгадывания загадок.

Она послушно двинулась на голос, царапая голое плечо о шербатую стену, и вдруг у самых ног завидела слабое мерцание. Дыра. И в глубине — фосфоресцирующая ветвь с крупными зазубренными листьями, словно плавающая в густой черноте.

— Спускайся.

Мерцающий оливковый факел плавно сдвинулся в сторону. Оно, конечно, для королевского достоинства неуместно, но придется подчиниться.

Опираясь на локти она, как было велено, спустила ноги и тихонько пошарила под собой — никакой опоры. Повисла на вытянутых руках, цепляясь за каменные края сильными пальцами (все-таки в походных штанах было бы удобнее, но вот беда — они здесь не в моде!). Немного подождала: неужели не подхватит, хотя бы из вежливости?

Ты забыла — он же неприкасаемый!

— Спокойно. Не бойся, отпусти руки.

Послушалась, спрыгнула. Невысоко. И мягко.

— Молодец. И сойди с моего плаща.

Пещера, в которой она очутилась, была просторной, так что отодвинуться было куда. Горон поднял над головой что-то тяжелое, завозился, как видно заделывая дыру в потолке.

— А как же обратно?.. — Она сама удивилась собственному голосу: прямо как у перепуганной девочки.

— Обратно... Нам с тобой предстоит еще долгий путь. — Он сделал вид, что не замечает этого испуга. — Но никогда — назад.

— А здесь мы не наткнемся на эту... «лунную поволоку»? И вообще, Горон, почему ваш Нетопырь не хочет, чтобы я познакомилась с вяльями?

— Идем. Разговаривать будем на ходу. Постарайся ступать след в след. Знаешь, как это делается? — Не дожидаясь ее ответа, он поднял над собой светящуюся ветвь и двинулся в глубину пещеры, где смутно угадывался наклонный лаз со сглаженными ступенями. — Кстати, не припомню, чтобы я тебе велел спускаться к вяльеву подлесью. Нужно было ждать у ворот. А кому из нас двоих Нетопырь препону ставил, это еще вопрос.

— Ну тебя-то он до сих пор всюду пропускал! Ой... дымом запахло... Горон, мы не поджаримся?

— Вяльи. Это самый могущественный род из всех кампьерров: они изготавливают оружие. Вершинный лист, провяленный на медленном огне, становится крепче железа, которого здесь нет.

— Если его здесь нет, то откуда же ты о нем знаешь? — не удержалась она. — И потом, я своими глазами видела...

— Ножи. Старинное оружие кампьерров, принесенное из Староземья. — Он продолжал спускаться по сту-

пенчатой подземной галерее, не умеряя шага и не обращиваясь; звучание его голоса, отражаясь от глухих стен, невольно приобретало какой-то замогильный оттенок. — Оно принесено сюда во времена Великого Кочевья и передается от поколения к поколению как бесценная реликвия, а вовсе не средство защиты или нападения.

Что-то не похоже, чтобы эти дети жарких столбчатых гор, удрученные вечной темнотой, были способны на кого-нибудь напасть...

Еще, как ты сама говоришь, не вечер.

Спасибо за предупреждение. Но все равно не верится.

— Знаешь, Горон, — с какой-то детской беспечностью бросила она, — люди твоего народа показались мне созданными для красоты, а не для междоусобных драк...

— Красота. В тебе сейчас говорит избалованная дочь нездешнего властителя, никогда не задумывавшаяся над тем, во что обходится порой каждый кусок лепешки. Кто думает о красоте, когда нужно накормить собственного ребенка...

Хм, собственного?

Да, у него нет и никогда не будет собственных детей, но совсем не обязательно напоминать ему об этом. Помалкивай и слушай, пригодится.

А я, кстати, и не думала съязвить по поводу отцовских забот у прожженного холостяка... Уж на это моего королевского воспитания хватило. Но, честно говоря, сегодняшний менторский тон Горона не каждому придется по душе.

А чего ты ждала? Он вчера протянул тебе руку...

Обе руки!

Тем более. А ты его оттолкнула. Впервые в его жизни.

Ну надо ж когда-нибудь начинать. И уж не в отме-

стку ли за мои капризы он затащил меня в эту нору? Терпеть не могу подземелий! Дышать нечем, по стенам кто-то ползает...

— Горон, мы скоро отсюда выберемся?

— Иди. Я уже говорил: обратной дороги нет. Так что иди, пока можешь.

— Вот это мне нравится — пока могу! А потом-то что?

— Понесу.

Если бы она стояла на ровном месте, то наверное подскочила бы от удивления. Понесу! А как же с его пресловутой неприкасаемостью?..

Посторонних прикосновений он боится по привычке, но боль от них испытает только его спина. Так что верь ему.

Ну верить-то несложно, но все равно этот бесконечный спуск радужных эмоций не вызывает. В конце концов, она сюда прилетает только для того, чтобы хоть на недолгое время почувствовать себя беззаботной, свободной девчонкой. А страшилки она может найти и в других местах.

— Горон, ты не ответил — далеко ли до выхода?

Уверенные, совсем не старческие шаги впечатываются в стертый камень. Даже если бы он сейчас обернулся, она не смогла бы разглядеть выражения его лица, но и без того она знает, что оно сурово и несколько торжественно.

— Странно. Я не понимаю, почему тебя беспокоит этот путь. — Голос глуховатый и совершенно бесстрастный. — Ведь все эти ночи ты проходишь по моей земле, точно по безлунному миру пустынного подземелья: тебя не трогают судьбы здешнего народа, как будто это зреющая на горизонте пелена грозы, которая пронесется далеко от тебя; ты не улыбаешься шалостям детей, не помогаешь работникам в их трудах, не делишься со

старейшинами крупницами мудрости твоего собственного племени.

— А я что, должна?..

— Отнюдь. Ты ничего не должна. Ты со мной, и поэтому ты не должна ничего и никому. Я просто говорю о твоем равнодушии ко всему, что тебя окружает. Ты не пленяешься щебетом птиц, тебя не пугает пещерное зверье...

— Постой, постой, Горон! За все это время я не слышала никаких птиц, не встретила ни одного зверя.

Осторожно! Еще одно слово, и он догадается, что вместо переходов по ночным тропам ты исчезаешь неизвестно куда!

Шаги как будто загнулись.

— Справедливо. — Голос прозвучал еще глуше. — Я просто перестал обращать на это внимание. Значит, все это время он неотлучно был рядом...

— Он? Лунный Вседержитель?

— Нетопырь. Он, да будет проклят каждый взмах его крыльев! Мелкие создания, лишенные человеческого разума, взамен наделены непостижимым чутьем, которое позволяет им угадывать присутствие ночного дьявола — чтобы спрятаться или разбежаться. Может быть, люди Новоземья когда-то тоже обладали этим даром, но утратили его давным-давно, как и многое другое. Даже маггиры.

— Так может, ты расскажешь мне наконец об этих загадочных маггирах и чем они отличаются от остальных жителей Новоземья? Да и вообще, что это было за переселение народов, о котором ты уже не первый раз упоминаешь? Кто и откуда переселялся?

— Кочевье... — Он вдруг загнулся и замер, полуобернувшись к ней. — Но разве твое племя не хранит память о том, откуда оно пришло? Ведь судя по тому, как свободно ты владеешь нашим языком, мы когда-то были одним народом.

Нет, Горон, об этом говорить еще рано. Всякая, пусть даже самая маленькая тайна — это уже оружие. Так что о хрустальном колокольчике, который позволяет мне беседовать с тобой на твоём языке и понимать твою речь, ты пока знать не будешь.

— Мне, во всяком случае, об этом никто не рассказывал, — ответила она просто, умудрившись при этом снова ни единым словом не солгать ему.

По-видимому, этот небрежный ответ удовлетворил его, потому что он вернулся к ее просьбе:

— Магиры. Этих ты скоро увидишь сама, мы должны добраться до них завтра. А что касается истории всех остальных горных племен... Расскажу. Но не сейчас. Потому что дальше мы будем сохранять молчание. Впереди — пещера, в которой нам могут встретиться люди. Вяльцы. Меня они знают и пропустят, но вот тебя... Попробуем проскользнуть незамеченными. Надень-ка!

Его грубый шершавый плащ, укутывая ее плечи, бесцеремонно царапнул по щеке; влажная шелковистость светящейся ветви скользнула по другой. И где-то совсем близко — тепло его руки. На миг возникло и тут же растворилось в темноте, пробудив неотвратимое воспоминание о другом прикосновении. Губы полночного небожителя, которые властвовали над ней наперекор ее воле.

— Молчи. И дальше — ни звука. Распусти свои волосы, чтобы скрыть лицо.

Пронизывающий сквозняк, точно поземка, прошелся по ногам. Если бы не Горонов плащ, она вздрогнула бы — не от холода, а от неожиданности. Откуда? Точно кто-то неподалеку приоткрыл двери склепа. А Горон, похоже, все предвидел — у него под плащом сегодня оказался какой-то бесформенный черный балахон. Если бы не мерцающая ветвь в руке, он был бы совершенно невидим в этой мгле. Впрочем, она теперь — тоже.

Оливковый факел, скорее лишь обозначавший, чем освещавший дорогу, внезапно исчез: вероятно, Горон спрятал его в складках своей одежды. Разом обостривший слух тотчас же отметил доносящиеся откуда-то снизу шумы — плеск, постукивание, неразличимые голоса. Горбатый силуэт, который она теперь только угадывала перед собой по едва уловимому шороху, сместился влево, и Сэнни увидела, что они уже находятся в пещере.

Невероятных размеров подземелье, в котором свободно мог поместиться небольшой замок, было освещено только в центре: торчки мерцающего камыша, по какой-то прихоти расположенные там правильными кольцами, оставляли невидимый отсюда свод и стены в спасительной для путешественников мгле. Какое-то нелепое сооружение громоздилось в самой середине этого гигантского склепа, и на нем, как на пьедестале, высилась неуклюжая колонна, уходящая в темноту и по-видимому подпирающая свод. У ее подножия несуетливо маячили две человеческие фигурки, и монотонное постукивание явно исходило от них.

Пол был завален какими-то обломками и кучами мусора высотой почти в человеческий рост, так что прятаться за ними не составляло никакого труда, зато в сандалии сразу же набилась въедливая каменная крошка. Если не шуметь, то всю эту пещеру можно было бы обойти по окружности, и не один раз, и не привлечь внимания возможных ее обитателей.

И тем не менее Горон замер, положив ладони на стену, словно ожидая сигнала тревоги. Казалось, он превратился в статую, изваянную из тени, и только суховатый шелест его живых волос, скользящих по плечам, был единственным признаком жизни — так шевелятся чуткие усы хищного зверя, настороженного опасностью. Но за кого он боится?..

За тебя, разумеется. Так что повторяй все, что делает он, и не вздумай проявлять самостоятельность.

Да уж как-нибудь.

Между тем пауза затягивалась, и невольно пришлось — о, проклятие, в который уже раз! — подумать о том, что на Игуане могут обратить внимание на ее ежевечерние исчезновения. И тотчас же Горон, словно угадав нетерпение своей спутницы, двинулся вдоль стены; она — следом. Все время касаться бугристой поверхности камня было неприятно: на ладонях оставался паутинный налет, и какие-то мелкие твари ускользали прямо из-под пальцев. Несколько раз камень под руками пропадал, означая невидимый лаз, из которого весьма ощутимо тянуло затхалью; по тому, как уверенно Горон пренебрегал каждым из них, было очевидно, что он привычным путем направляется к проходу, ведущему из этой пещеры под открытое небо. Скорее бы...

Замри!

Ну вот, опять заминка; замерла, а что дальше?

И тут из того, что она считала пьедесталом колонны, а на деле оказалось громадной печью, вырвался сноп ослепительных искр; крупные, точно головешки, они стремительно пропарывали подземную темноту в тщетной попытке пробиться сквозь каменный свод к рассветному небу, но на излете вдруг теряли свою огненную тяжесть и, замерев в задумчивой невесомости, в последний миг собственного блистательного существования осознавали наконец всю бесполезность этой попытки к бегству — и рассыпались дочерним роем золотой шелухи, обреченной угаснуть в бесшумном падении.

А каменный свод, кичась своей несокрушимостью, ликовал, отражая в бесчисленных изломах все буйство живого огня и своенравно окрашивая его в переливчатые оттенки подземной радуги; вкрапленные в горную породу кристаллы самоцветов мгновенно наливались нестерпимым сиянием, таким пронзительным, что ка-

залось, пещера наполнилась назойливым одурманивающим звоном, и это зарево тысячецветных бликов вверху, над головой, было столь ослепительно, что вся нижняя часть волшебной пещеры оказалась теперь окончательно погруженной в непроглядный мрак, вместе с населявшими ее трудолюбивыми гномами и их гигантской печью, в которой они варили какой-то колдовской сплав.

И, неотрывно вглядываясь в творящееся здесь таинство немигающими зрачками своего аметистового офита, мона Сэниа вдруг подумала, что точно так же от нее укрыта вся реальная жизнь этой подлунной Невесты, потому что обыденных житейских хлопот ей хватает и на Игуане, а сюда она прилетает лишь для того, чтобы на несколько предрассветных минут окунуться в сказку, принадлежащую ей одной. Так что по своему прав был Горон, упрекавший ее...

Берегись!

В следующий миг камень, просвистевший у самого виска, разом вернул ее к реальной действительности, зло и звонко врезавшись в стену, точно досадуя на промах; но тут же послышался второй удар — шмякающий, удовлетворенный, свидетельствующий о том, что умелый бросок нашел-таки живую плоть. Она стремительно пригнулась, одновременно выхватывая из-за пояса боевой нож, и скорее почувствовала, чем увидела, как рядом медленно-медленно оседает на пол тело Горона. Нет, не может быть, неужели он...

Сначала защиты его!

Приказ был излишним — разъяренные гномы, гулко топая, мчались прямо на нее, ловко перепрыгивая через препятствия и подхватывая на бегу увесистые обломки, которые теперь сыпались градом слева и справа, и рука сама собой распрямилась в уверенном броске — первый из нападавших с каркающим вскриком рухнул наземь. Второй отреагировал мгновенно:

отскочил в сторону, пригнулся, по-звериному высматривая в темноте противника.

Но принцессе было достаточно одного неуловимого движения, чтобы, перелетев через ничто, уже оказаться возле своей первой жертвы и выдернуть торчавший из горла нож. Раздался чмокающий звук, и теплая липкая струя выплеснулась ей на руки и на платье, затекая за ворот. Но на эмоции не было времени и, подавив неумную, казалось, тошноту она в следующий миг нависла над согнувшимся на свою беду вторым противником и, охватив литую рукоятку двумя руками, с неженской силой ударила туда, где угадывалось основание шеи. Раздался хруст перебитых позвонков, что вызвало не меньший всплеск омерзения, но эта жертва нашла в себе силы еще закричать — впрочем, инстинкт неминуемой гибели породил этот крик на секунду раньше, чем оружие коснулось тела; но так или иначе, а вопль этот удесятерило подземное эхо, и отдаленный топот показал, что цель была достигнута — кто-то, и не один, спешил на помощь.

Если они сейчас найдут трупы...

И снова движения рук опережали обдуманность решений: достаточно было двух поспешных толчков, и вот уже оба еще не остывших тела впервые (увы, уже не в жизни!) преодолев неведомое в этом мире *ничто*, возникли на самой вершине какой-то заоблачной горы, чтобы в следующий миг начать неудержимое падение вдоль каменной кручи, обреченные в конце этого пути превратиться в обезображенные до неузнаваемости безымянные останки.

А ведь они всего-навсего исполняли свой долг.

Да. Но они подняли руку на моего Горона.

Ну этой игрушки ты можешь сейчас лишиться...

Так. Значит, он жив. Пока еще жив.

Топот и тревожные голоса между тем действительно приближались. Назад, к стене, найти Горона, вместе

укрыться его жестким плащом — даже вблизи это будет почти неотличимо от черноты камней. Конечно, ей ничего не стоило прямо сейчас перенестись вместе с ним в любое безопасное место, хотя бы в заброшенное подлесье возле Сумеречной Башни, но как объяснить это Горону, если он придет в себя? Хрупкое равновесие их отношений будет разрушено раз и навсегда...

Значит, этот вариант — на самый крайний случай.

Голоса вместе с топотом влились в пещеру. Она чуть приподняла краешек шершавой ткани, выглядывая наружу — около десятка кампьерров, подняв над головами пучки светящейся травы, кружили по пещере, собираясь у каждого кольца торчков-камышей и, вытянув шеи, перегибались через это непрочное ограждение и заглядывали куда-то внутрь. Вот оно что — колодцы! От таких фейерверков, какой она наблюдала совсем недавно, легко шарахнуться в сторону и угодить в провал; похоже, именно так сейчас и полагали невестийцы, опоздавшие к развязке разыгравшейся здесь трагедии. Но такое предположение хорошо до той поры, пока они не наткнутся на лужу крови. Тогда — все. А они ближе. Еще ближе. Уже слышно тяжелое, тревожное сопение...

Высокий женский крик донесся настолько издалека, что казалось — из другого мира. Не почудилось ли?

Нет. Вот оно, снова: «Ай-яа-яа-ааа!.. ааа... ааа...» Эхо? Нет. Так бьются головой о стену. И было в этом безысходном вопле еще что-то, недоступное пониманию чужака, но заставившее всех невестийцев замереть на месте, а затем разом, не сговариваясь, броситься вон из пещеры. Ну вот, можно хоть дух перевести. Ни одного не осталось?..

Какой там дух? Они же сейчас вернутся!

Без паники, мой неслышимый, без паники. Перевести дух — это значит просто какое-то время обойтись без драки. А то, что на смену исчезнувшим подземель-

цам пришлют других, ясно даже и ежу, как говаривал кто-то... Знать бы только, что это за чудовище такое: ёж. Кажется, так звали жалостливого чародея, сотворившего Неоплаканных Зверей: ёж-Хриёр-ёж. Нст, как-то не так... А бормочу я все это от страха, потому что не могу нашарить заветный проход, до которого так и не добрался Горон. Где-то здесь... Или чуть подальше... Есть!

Каменная плита, из-под которой ощутимо тянуло холодком, на удивление легко сдвинулась в сторону; круглый лаз, открывшийся за ней, напоминал скорее звериную нору, но времени на сомнения не было, и Сэнни нырнула в темноту. Только бы не тупик, только бы проскользнуть хотя бы ползком... Получилось, и даже не ползком, а просто пригнувшись, только гораздо труднее было справиться с врожденным ужасом всех джасперян перед любым подземельем; а тут еще что-то острое, цепляющее за волосы, точно коготки летучих мышей, и неотвязные воспоминания о затопленных водой потаенных лабиринтах Пятилучья, где утлая лодчонка несла ее, связанную по рукам и ногам, в золоченый колодец, откуда, казалось, не было выхода даже через спасительное ничто...

Тусклый свет забрезжил над головой, и она с облегчением почувствовала, что может выпрямиться. Опять что-то вроде колодца. Одно утешение: он широк, точно башня, да и золотом не блещет, зато пол устлан упругим моховым ковром. И, как полагается в башне, узенькое оконце под самым потолком с неохотой пропускает сиреневатый полусвет — значит, выходит на север или запад. Но об этом потом, сейчас главное — переправить сюда Горона. И поскорее, пока он не очнулся.

Она метнулась обратно в пещеру, естественно, не по тесному лазу, а привычным для джасперян способом; замерла. Так. Никого, кроме Горона, которого она безошибочно не увидала, но почувствовала рядом — легкий,

тревожащий шелест его волос выдавал его. Очень важно было угадать, в сознании он, или нет?..

Нет.

Тогда все проще.

Он лежал лицом вниз, и его колдовские волосы хлестко метнулись ей навстречу, когда она наклонилась; но вместо удара она почувствовала всего лишь мягкое, ограждающее прикосновение. Теперь только бы не дотронуться до спины... Она пошарила по каменным осколкам, наткнулась наконец на безжизненную кисть суховатой руки. Этого достаточно, чтобы совершить совместный перелет. Она сжала запястье — не про-снись, Горон, миленький, еще секунду...

Все. Они в безопасности. Теперь бы немного воды. Ах да, колодцы...

Небезопасно!

Да понимаю. И что-то еще...

Башенная камера медленно, словно нехотя, наполнялась утренним туманным светом. Свет. Ведь у Горона с собой была светящаяся ветвь! Скорее назад, потому что она безошибочно укажет подземным жителям на место недавней трагедии. Что, в пещере еще пусто? Да, еще. А вот и потускневшая ветка. Кстати, надо и вход задвинуть понадежнее, ведь похоже, что здешним гномам он неизвестен. Если они не наткнутся сегодня на кровь, то за пару часов она в такой жаре высохнет...

Какие-то частые клацающие звуки послышались совсем неподалеку, словно некрупный зверь лакал воду... Или не воду.

Злобное шипение, выгнувшаяся горбиком спина и три немигающих кровавых глаза.

А главное — нестерпимая вонь.

Все, что угодно, она могла перенести, но только не это. Так что возвращение в спасительную башню-колодец можно было бы смело назвать позорным бегством. Но сладковатый прилипчивый запах за несколько се-

кунд уже успел проникнуть между ворсинками плаща и теперь преследовал ее даже здесь. Она отшвырнула плащ, опустилась на колени возле Горона. Воды-то она так и не принесла. А что еще можно было сделать с раненым, кроме того, чтобы смыть с него кровь и перевязать потуже рану, она просто не представляла. На то у нее всегда имелся собственный лекарь. Да и крови что-то не видно, так что или удар пришелся по голове и его смягчила шапка волос, или по спине, и тогда это настоящий болевой шок. Что же делать, что делать?.. Да еще и этот неотступный тошнотворный запах, от которого все кругом плывет и невозможно сосредоточиться...

Проклятие, да ведь это пахнет кровь, пятнающая ее собственное платье и руки! Все-таки придется рискнуть и вернуться к колодцу...

А что, нет другого способа?

Действительно. Вот что значит вжиться в роль несмышленой девчонки, путешествующей по сказочному миру в поисках того — неизвестно чего. И совсем из головы вон такая простая, реальная вещь — что ведь в ее владении все моря Вселенной!

— Горон, подождешь? Я на две секундочки, и сразу назад!

Не отвечает. Тогда мгновенный полет, и — каменистая осыпь, по которой спускается дорога, пролегающая вдоль всего хребта Игуаны к самой восточной оконечности ее «хвоста». Промчатся по влажной гальке, даже не снимая на бегу окровавленного платья и — в теплынь вечерней морской воды, смывающей всю скверну вынужденного убийства. В две секунды она, естественно, не уложилась, но в десять — пожалуй, потому что осталось только накинуть на мокрое тело плащ, туго затянуться лиловым пояском, и — обратно!

Иссиня-черный мох, едва угадываемый на нем профиль.

— Горон, ты меня слышишь?..

До волос даже не пришлось дотрагиваться: сами, зашелестев, точно легкая волна по гальке, сдвинулись в сторону, обнажая высокий, без единой морщинки лоб. Правда, губы, всегда обезображенные скорбным изломом, так и остались укрытыми ревнивой прядью, но вот пушистые ресницы — древние боги, какая красавица не отдала бы полжизни за такие!

Нашла время любоваться! Естественная защита для глаз от здешнего ослепительного солнца.

Которого невестийцы практически не видят... И потом, кто это решил, что я им люблюсь? Мне бы его только в чувство привести. Влажная тряпка на лоб, вот все, что приходит в голову. Из мокрого — только подол платья. А, сойдет. Только наклониться пониже...

Сперва дрогнули ресницы, потом — все тело. Руки судорожно нашарили на лбу влажную ткань, точно в ней было спасение от всех ведомых и неведомой бед, и Горон, вздрагивая всем телом, уткнулся в него лицом, как щенок зарывается в теплую шерсть материнского брюха.

Запах! Запах твоего тела и горькой колдовской воды!

— Очнись, Горон! — крикнула Сэнни вовсе не потому, что хотела ему помочь — просто ей было нестерпимо стыдно глядеть на то, как этого таинственного человека, на которого она привыкла глядеть снизу вверх, сотрясает какая-то жалкая дрожь.

Он очнулся. Рывком сел. Еще резче обернулся к ней, так что они оказались лицом к лицу.

И оба замерли в невольном оцепенении. Он — на какой-то миг не узнавая ее, словно ожидал увидеть совсем другого человека. А она — потому, что впервые так близко увидела его глаза.

Раньше он тоже, разумеется, глядел на нее, не без того; но это был ускользающий взгляд из-под непроницаемых ресниц, что-то вроде черной молнии, и толь-

ко. А сейчас она с каким-то суеверным ужасом, граничащим с восхищением, вглядывалась в эту сплошную агатовую черноту и с трудом различала серебряные паутинки, очерчивающие контуры радужки и разбегающиеся от зрачка лучики; никакого белка, все одинаково бездонно чернотой межзвездного Пространства...

Древние боги, да человек ли он?

Ты слышала его рассказ: он — последний из рода номадов. И этим сказано все.

Ну кому сказано, а кому и нет.

— Прости... Кажется, я напугал тебя, Эссени...

Нет, не напугал — снова столкнул в омут нестерпимого внутреннего жара, сравнимого разве что со здешним солнцем. Горели даже подошвы ступней, даже кожа изнутри... Почему? Не потому ли, что нечеловечьи агаты его глаз напомнила ей магический черный свет, которым притягивал ее к себе проклятый Нетопырь?

Только бы он не заметил — ведь к нему, собственно, это отношения не имеет.

— Это ты меня прости: там, в пещере, я загляделась на огненный фонтан и не успела защитить тебя от опасности.

— Защитить? Ты — меня?

Сэнни с трудом выдавила улыбку:

— Ну... произошло маленькое недоразумение. Эти печные мастера набросились на нас... Разве ты не помнишь? Впрочем, тебе, кажется, крепко досталось по голове. Могло отшибить память.

Он инстинктивно вскинул руку к затылку и вдруг рассмеялся:

— Действительно. Но если бы ты только знала, как давно я ни от кого не получал по голове... Забытое ощущение, осколочек детства.

— В таком случае, двое нас. В меня тоже недавно запустили мячом, и по тому же месту. И я так же, как и ты, была в восторге. Родство душ.

Смеялись теперь оба, почти счастливо. Теперь, когда все беды остались позади...

Да? А ты не думаешь о том, что ты вместе с Горон замурована в этой башне?

Она еще продолжала смеяться, но Горон уже почувствовал, как в этом смехе задребезжали фальшивые нотки.

— Что? Чего ты испугалась, Эссени?

— Да ничего страшного. Просто я вспомнила, что задвинула единственный проход каменной плитой. Как же мы пройдем завтра к маггирам?

— Задвинула? Зачем? — искренне изумился он.

— Видишь ли, когда на нас напали... Меня... То есть я...

Волосы взметнулись с такой яростью, что между прядками проскочили крохотные искорки:

— Что? Что они с тобой сделали? Говори!

— Со мной? Кто бы посмел... Ничего. Но у меня не было другого выхода — прости, Горон, но мне пришлось их убить.

— Ты? Ты смогла убить человека?

— Двоих, Горон, двоих. И не гляди на меня так изумленно: если бы я не могла постоять за себя, встретил бы ты меня так далеко от моего дома?

Волосы с шелестом опустились, как всегда, оставляя видимой лишь узкую щелку для глаз. Горон долго глядел на нее из-под полуопущенных ресниц, как будто подыскивал оправдание ее словам. Не нашел.

— Убила. И ты говоришь об этом так просто, словно разбила две чашки... Неужели тебе не приходило в голову, как дорога на этой земле каждая человеческая жизнь?

— Думаю, она везде дорога одинаково, но знаешь, в тот момент из всех человеческих жизней меня волновала только твоя.

Снова повисла томительная пауза, и было нестер-

пимо трудно не опустить голову, не спрятаться от следующего вопроса. А он был неизбежен:

— Почему, Эссени? Кто я для тебя?

Не обмани его!

Не обману. А иначе и быть не может.

— Горон, для этого на нашем языке просто нет слова. Для всего остального есть, а для этого — нет. Судьбе (а некоторые говорят — богам) было угодно, чтобы мы пошли одной дорогой, и не знаю, как получилось, но я не могу тебя предать, не могу тебе солгать. Не важно, мужчина ты или женщина, старик или ребенок, человек или дух. Ты для меня не просто тот, кто рядом; ты — Тот, Кто Рядом. Это не много и не мало. Это — бесконечно высоко. Понимаешь?

Он первый опустил голову, и волосы совсем скрыли его лицо.

— Высоко. И только. А понимаешь ли ты, как горько это слышать мне?

Похоже, что ее странствие по сказочном далям вместе с ним закончилось...

— Значит, мне лучше исчезнуть.

— Нет!!!

А, вот и он испугался потерять свою игрушку.

— В таком случае,— она постаралась придать своей улыбке беззаботность, — тебе придется подумать, как мы отсюда будем выбираться.

— Просто. Здесь имеется выход, известный мне одному, — он небрежно кивнул куда-то в угол; надо думать, это была не последняя тайна, которой он владел единолично. — Беда не в этом...

— Говори, в чем — я сделаю все, что в моих силах.

Он покачал головой, задумчиво провел ладонью по лицу, словно стирая боль.

— Время. Мне просто нужно еще немного времени. Мне предстоит нелегкий разговор со здешним один-

цом, его участие в нашем общем деле чрезвычайно важно. И он не должен заметить моей слабости.

Ага, маленький первобытный заговор. И тут все как у людей. Впрочем, она давно это подозревала. Непонятно только, почему эту незначительную задержку он именует бедой... Да и вообще всегда торопится покинуть ее и удалиться на какие-то дипломатические переговоры со здешними старейшинами. Боится он подолгу оставаться с ней наедине, что ли?

— А к маггирам мы идем тоже для того, чтобы договориться с их предводителем?

— Естественно. Но маггиры мне откажут.

— Зачем же тогда терять время?

— Политика. Хотя ты вряд ли знаешь это слово. Видишь ли, это прекрасная возможность еще раз показать всем окрестным племенам, что маггиры троевластные, почитающие себя средоточием всей мудрости, чести и совести Новоземья, на самом деле черствы и упрямы, и превыше всего ставят свои ведовские знания, позволяющие им повелевать огнем, землей и водой.

— Также неплохо. Что же превыше знания?

— Любовь. Пойми, Эссени, если бы не умение любить, которое кампьерры воспитывают в своих детях даже раньше, чем те учатся говорить — им бы не выжить под этим солнцем. Ведь все лучшие качества человека — терпение и сострадание, трудолюбие и повиновение, все они порождаются любовью...

Каким странным, нравоучительным тоном говорит он о любви... Вроде бы он прав, но где-то в глубине души топорщит свои колючки насмешливое несогласие.

Похоже, не знает бедный Горон, что такое настоящая-то любовь!

А если он стоит на ее пороге?

Тогда надо срочно переводить разговор на другую тему.

— Почему же магиры подчиняются Лунному Нетопырю, если они так всемогущи?

— Поневоле. Они троевластны, но не всемогущи. Повелителю Тьмы подвластен один воздух, зато в любой момент он может кого угодно оградить своей лунной поволокой, которая непреодолима для колдовских чар. Но магиры действительно мудры, и Нетопырь позволяет им многое... Во всяком случае то, что не опасно для жизни.

— Одного я не пойму: почему этот летучий деспот так заботится о жизни тех, кого презирает, над кем издевается, кого ценит не больше, чем пыль под ногами?

— Почему? Да потому, что он — бог. А что такое бог без тех, кто в него верит?

— Но его же все ненавидят!

— Правильно. Любовь — это для ближних своих. Ненависть — для бога.

Вот это заповедь!

Он поднялся. Вспомнил, наверное, что если богу — богово, то здешнему единцу — как минимум уважение:

— Пора. До завтра, Эссени. Оставайся на этом месте. А меня ждут.

17. Магиры троевластные

Поспешность, с которой он удалился, была чуть ли не оскорбительна. Отогнул, точно ковер, край мохового покрова, устилавшего пол, нашарил что-то вроде скобы или кольца; с усилием потянул (она чуть было не влезла не в свое дело со своим традиционно-непрощенным «тебе помочь?», но вовремя прикусила язычок). Раздался странный для здешних мест гул, словно вода хлынула по трубам. И тут же появилось

ощущение, будто пол, покачиваясь как поплавок, поднимается. Сэнни, не скрывая тревоги, глянула на Горона — по тому, как он, перебирая пальцами по гладкому камню стены, внимательно следил за подъемом, она поняла, что это ей не чудится. Стало быть, все идет как нужно. Пол стремительно уменьшающегося по высоте колодца уже почти достиг оконца, еще немного, и придется сгибаться... Горон что-то нажал в оконном проеме, и движение прекратилось.

— Располагайся. В соседней комнате найдешь воду и вяленые плоды, — не оборачиваясь, проговорил он так сухо, словно отдавал распоряжение прислуге. И помни: после всего случившегося тебя никто не должен видеть. Я прииду за тобой на рассвете..

И, как ей показалось, прошел прямо сквозь стену.

Нет, на сей раз только показалось. Просто в камне открылся проход, своими очертаниями напоминающий человеческую тень. Пожалуй, даже не просто человеческую, а именно горбатую тень ее загадочного спутника. Так что или он сам был немножечко чародеем, или тут не обошлось без ведовства маггиров, обитающих где-то совсем поблизости. Но это — завтра, потому что сегодня она просто потеряла счет времени. Итак, завтра, на этом месте... Но до завтра пол здесь может снова опуститься, проход сам собой замуроваться, и вообще все перевернуться вверх ногами.

Она осторожно ступила за порог — и обомлела: маленькая ротонда со множеством дверей или ниш, занавешенных пестроткаными циновками, была убрана с фантастической роскошью. Даже голова закружилась. Ну что же, наконец-то ее сказка начала расцветиваться достойными ее красками! Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы отметить на полу настоящий и совсем не потертый ковер, множество расшитых кожаных подушек, разбросанных по нему, из которых легко было бы соорудить комфортабельное ложе (гм,

двухспальное...)). На золоченых цепочках с потолка свисал не то щит, не то поднос, весь уставленный узкогорлыми кувшинами, черненными чашами и чеканными сосудами — все заботливо прикрытое или даже запечатанное; в отличие от ковра вся эта утварь имела вид бережно сохраненной древности. К сожалению, все это были предметы роскоши давно ушедших веков, но — ни одного амулета. Только откуда такие раритеты?

Неужели непонятно? Это подношения.

А, остатки былых сокровищ, принесенных из Староземья. Только кому они предназначались — маггирам, Нетопырю или Горону? Ведь совершенно очевидно, что здесь он бывает регулярно.

Под самым потолком трепыхнулся крошечный язычок едва приметного светильника. Пожалуй, это сокрытое от посторонних глаз временное пристанище больше подошло бы самому Властителю Тьмы, нежели аскетическому страннику...

Не раздумывай — пользуйся. А может, приляжешь, отдохнешь, вкусишь заповедных плодов, возвращенных чудодейством маггиров?..

Не вкушу. От одной мысли тошнит. И магиры тут ни при чем — это все наваждение здешних дурманных запахов, не выпускающих ее из липких лапок щемящей истомы. Скорее на вершину, продутую свежими ветрами, где в потайной норке ее оружие, запасной плащ...

И правда: тут, на мшистой ложбинке возле самого пика неприступной горы, так и тянет залечь и отдохнуть; солнышко уже припекает, хотя едва-едва вылезло из горной расщелины, как свежевylупившийся цыпленок из скорлупы. Желтое, торопливо разогревающее поостывшие за ночь верхушки гор, оно скоро станет нестерпимым. Но только не для нее.

Потому что здесь ее через миг не будет. На целые бесконечно долгие сутки.

Последний перелет через *ничто*, и вот она уже на восточном мысу Игуаны, куда никогда не осмеливаются заглядывать ее дружинники, знающие, что это ее излюбленное место купания. О, древние боги, до чего же голова кружится — а ведь здесь нет никаких запахов. Только нежный дух лиловатых водорослей, обнажившихся во время вечернего отлива. Еще раз застирать платье, а то ведь завтра — первый официальный визит к сильным мира того. Плывет все перед глазами... Может, все-таки запах? Ведь этой тканью, напитанной морской влагой, Горон обтирал лицо. Горон... Она взмахнула руками, теряя равновесие, поскользнулась на мокром камне и плюхнулась в неглубокую воду... Но наваждение дурноты этой водой ничуть не смыло.

Да что же это за напасть такая, неслышимый мой?

Молчит. На собственной земле ему почему-то непременно нужно потерять дар речи. Вероятно потому, что здесь нет места даже такому примитивному волшебству, как шелест внутреннего нашептывания... Здесь такое дремучее царство реальности, что дикой ересью кажется одно воспоминание о том, как этого платья касались губы постороннего мужчины.

Но тогда откуда это тягостное, захлестнувшее все ее тело ощущение, граничащее с болью, будто внутри угнездилась мучительно изнывающая пустота, унижительно и неодолимо требующая наполнения? С каждым мигом оно становилось все нетерпеливее, оно рвалось наружу нечленораздельным, первобытным криком — так пещерный дикарь, еще не обретший дар речи, оплакивает погибшую подругу, так осиротелая волчица подлунным воем призывает того, кто не вернулся с охоты в пустое логово...

Я, мона Сэниа, ненаследная принцесса Джаспера, приказываю себе — сбрось эти чары!!!

Она встряхнула шелковистый ком начисто отстиранного одеяния, и лиловые капли, словно вобравшие в себя все фиалковые тени гаснущего заката, звонкой россыпью растревожили поверхность притихшего моря. Все. С Невестой на сегодня покончено. У нее еще хватает власти над собой, чтобы оборвать наваждение, которое (только сейчас она поняла это совершенно точно) возникло, как эхо, в ответ на вопль, долетевший до подземелья вяльев — ну конечно, такой смертной тоской мог звенеть только крик нилады, неприкаянной изгнанницы Лунного Нетопыря.

И не старина Горон, бессменный ее поводырь, был повинен в ее смятении — проклятие Нетопыревых губ, разбудивших в ней неистовое, звериное стремление подчиниться неизбежному властелину. Такого она не испытывала еще ни разу в жизни. Ну, чародейной власти над собой она не потерпит. С этим-то ее воля справится...

Уже справилась.

Только вот ежевечерняя торопливость оставила за пределами сознания еще одну, вроде бы примелькавшуюся кроху памяти: ей, несущей в своей крови хоть каплю живой воды, вся магия Вселенной была не страшна. Так что в заклятии ледяного поцелуя не было никакой ворожбы. И для простых смертных (как шепнул бы неслышимый голос) такое судьбой отмеряется. Дело житейское.

Так что в конский загон она влетела уже легкая и чистая, властная над собою и над всей Игуаной. И сомнениями не обремененная. Пожалуй, в первый раз почему-то пожалела о том, что оставила в замковых конюшнях на Равнине Паладинов свою серебряную кобылку с аметистовой гривой... Ничего, завтра же ее любимица будет здесь А сейчас — любой конь, хотя бы вот этот чалый; припасть к гриве и мчаться по просеке, высыхая на скаку.

Вот только надо будет вовремя от него избавиться, отослав на материк, чтобы никому не бросилось в глаза, что он недостаточно взмылен для той продолжительной скачки, которой она собиралась объяснить свое столь долгое отсутствие.

Не получилось. Деревья, уже погруженные в сумрак, провожали косыми взглядами неистовый галоп ее чалого, сдвигаясь теснее и затеняя просеку; конь взвился на дыбы и остановился прежде, чем она сама успела его осадить.

Они сидели возле самого перекрестка, все вместе тесной кучкой — Юрг в обнимку с детишками, идолоподобная Паянна, вальяжно раскинувшийся на траве Эрромиорг и почти неотличимые друг от друга Сорк и Дуз. На толстом суку ближайшего раскидистого древа расположились рядком Гуен, Кукушонок, Фируз и Флейж.

— Ма-а-а! — Ю-ю с победным кличем сорвался с отцовских колен и, подпрыгнув, повис на материнской шее.

— Ну где ты так долго? — это уже отец.

— В сказке!

— А в какой?

— А вот в такой!

Она подбросила сына вверх, и он тут же исчез, чтобы едва различимой точечкой — это можно было бы принять за припозднившегося стрижа — появиться под самым низким вечерним облаком. Тройка пернатых стремительно снялась с насеста и пошла на перехват, но мона Сэниа, опередив их, была уже в прохладной вышине, чтобы бережно принять на руки визжащего от восторга сынулю. Она не в первый раз проделывала этот фокус, приводя в ужас как родного отца, так и «приемных родителей» — Гуен и Кукушонка. Застенчивый Фируз никогда своих эмоций не выдавал.

— Да ты с ума сошла! — традиционно завопил перетрусивший папаша, когда они оба очутились на твердой земле. — Если у ребенка отсутствует естественный страх высоты, то в любой момент он может...

— Все это ты мне скажешь, когда мы останемся с тобой наедине; — стоило ей только ступить на землю своего зеленого Джаспера, как к ней тотчас же возвратился царственный тон. — К тому же, мы с пеленок приучаем своих детей забывать о такой противоестественной слабости, как страх высоты.

— Вот погоди, набьет он себе шишек, сверзившись со скалы, и это еще в лучшем случае...

— Надеюсь, юный наследник Игуаны достаточно рассудителен и послушен, чтобы подобных ситуаций избегать. Не так ли, мой босоногий принц?

— Не-а!

Честно признаться, она весьма огорчилась бы, если бы ответ был другим. Но пришлось легонечко щелкнуть первенца по носу и спустить на траву:

— Значит, побежишь домой ножками.

— Сэнни, это непедагогично! Он же ответил тебе правду, а ты, выходит, его за это наказываешь? Зачем же воспитывать в нем лицемерие?

— Знал бы ты, муж мой, любовь моя, насколько это необходимо настоящим принцам... — Она обернулась к Фирюзе, которая в силу своего характера неизменно требовала того же, что получал Ю-ю, будь то купание в воздухе или щелчок по носу; Юрг как-то заметил, что ее пронзительное «И я! И я!» определенно напоминает ему крик новорожденного ишачка...

Но Фирюза, надувшись, молчала.

— Да вы что, поссорились? — забеспокоилась Сэнни.

— А папа сказал, что Гиин...рракл! — Ю-ю совсем недавно освоил букву «р», поэтому каждый раз долго к ней готовился, а потом наслаждался ее звучанием, как

маленькой победой, даже забывая о том, что он хотел сказать.

— Ну и что там с Гераклом?

— А папа сказал, что он гиин...ррой! А он змеек задушил.

— А они кусачие! Кусачие! Так и надо! — Голосок у Фирюзы был тонюсенький, так и казалось, что невидимая спица пронзает барабанные перепонки.

— А вот и не надо! — Ю-ю, всегда и во всем уступавший младшей подружке, на сей раз как видно решил настоять на своем.

Фирюза открыла было свой капризно очерченный ротик, чтобы использовать традиционное оружие — визг на ультразвуковых частотах, но мона Сэниа присела перед ней на корточки и примирительно положила руку на смоляные кудряшки.

— Давай, не будем ссориться перед сном, хорошо? А в ближайшие дни кто-нибудь из нас слетает в созвездие Геркулеса и узнает точно, кусачие там змеи или нет. А сейчас — живо по кроваткам!

— Интересно, и кто это полетит? — мрачно пробормотал супруг, до сих пор не успевший сменить гнев на милость.

— Разберемся, когда детишек уложим. Кстати, а где Эзрик?

— Эшка животиком занемог, — подала голос Паянна. — Так утресь царевна-рыбонька решила его матери показать, пусть колдовской муравушкой попользуется. Ких с Борбом их двоих и полетели.

Командор выразительно закатил глаза — если только подрастающее поколение, стремительно осваивающее разговорную речь, усвоит ее выражения...

Но принцесса уже ухватила обоих представителей младшего поколения под мышки и исчезла. Сорк, Дуз и Флейж, как и полагается хорошо обученному эскорту, отстали всего на долю секунды. Командор помрач-

нел: нет, он был не против пешей прогулки до ворот Бирюзового Дола, но предпочел бы любого другого спутника, только не Паянну. Между тем в последнее время ему стало казаться, что она определенно ищет случая поговорить с ним с глазу на глаз. Вот только у него самого такого желания не возникало.

— А ты не хмурься, князь, не ужимничай, — как видно, у кухонной воеводихи на этот счет было другое мнение. — Не ладно у тебя с супружницей, так посоветовайся...

— Извини, уважаемая, но это наше личное дело. Исключительно.

— Девка она гордая, — Паянна словно и не слышала его возражений; — сама тебе не признается...

— Ты о чем? — Командор почувствовал, как у него холодеет спина. В странном месте угнездилась ревность!

— Дак о том, что мечется она день-деньской, нераздельно ей на присуженной-то земле, хотя, чаю, конек-рыл ейный и на соседние острова дорогу вызнал. Я по первости так размыслила, что ежели построить туточки знатную хоромину, с прежней схожую, угомонится она... Ан нет. Видать, тянет ее к родовому гнезду, на паладинову равнину, а дорога-то заказана.

— Тот замок, который тебе Эрм показывал, вовсе и не «родовое гнездо», а принадлежал ее первому мужу. Мы там жили совсем недолго; так что тут, уважаемая, ты маху дала — никакого «зова сердца», если можно так выразиться, здесь и в помине нет.

Паянна задумчиво шагала, уставясь себе под ноги; шаг ее был широк и размашист, как у мужчины — когда-то ровняла она его по мужу и сыновьям; но при этом косолапила она по-бабьи, слегка переваливаясь с боку на бок. И похоже, топать по Игуане она намеревалась еще долго...

— Это вить один хрен, за кем тая домина допрежь

вас зачислена была; — проговорила она с плохо затаенной горечью; — слюбились вы тама, вот и тянет ее туда, как в омут заговоренный. Это ж для нее, что для меня земляночка-несветелочка, где меня мой воевода охмурил...

Вот ведь и хотел болтливую бабу оборвать, на место поставить, чтоб не лезла не в свое дело, а на последних ее словах все-таки не повернулся язык, смолчал.

— А не слабо тебе, князь, королевский подарок женке своей сделать? — с неожиданной силой проговорила она.

Не слабо! Набралась бабуля от дружинничков. Ну а те, естественно, от него самого.

— Ну предположим... А какой?

— А такой, чтоб вотчину ее законную взад возвратить!

Он только головой потряс:

— Асмуров замок, что ли? Так ты же его сама взялась на здешнем берегу отстраивать!

— То ж не вразправдашний. Этот мы как-нибудь с шустриками-работничками доварганим. Я о том дворце баю, где сейчас господин милостивый Эрм хозяйствует.

Он подозрительно скосился на свою спутницу:

— Слушай, Паянна, ты что-то крутишь, а что именно, мне невдомек. Я прекрасно знаю, что ты в курсе всех тонкостей нашего пребывания здесь. Не отнекивайся...

— А я что, тень на плетень навожу?..

— Не перебивай. Ты знаешь, что в моем присутствии моя супруга мона Сэниа поклялась, что ее нога не ступит на землю Равнины Паладинов...

— Во-во! На землю, князь, приметь — на землю!

— Это ничего не меняет.

— Еще как меняет. Говаривал мне господин светлый Эрм, что в родовых угодьях его всякие железа добываются. Так?

Странно. И куда это бабульку фантазии заносят?

— Ну вроде так. Руда у него на севере неплохая и, похоже, полиметаллы кое-какие... Только к чему это?

— А к тому, князь, что вели ему из голубого злата наготовить тонких плит кованых, да такое множество, чтобы всю землю окрест замка покрыть. Токмо насечку узорчату сделать, чтоб не склизко было — и гуляй себе по ним, слова княжьего не нарушаючи!

Юрг почесал в затылке:

— Между прочим, я сам подобные варианты прокручивал; только тут одна неувязочка: в представлении крэгов, которые нас к стенке приперли, все, что добывается из недр Джаспера — это тоже земля. Включая металлы. Так что и по железным, и по золотым плитам нам ступать не получится.

— Плохо соображалка твоя варит, князь. Плиты голубые, звончатые — то не из тутошней руды вели ковать, а из тихрианского заповедного золота, что вам в полное владение Лронг Милосердный передал! И ступать по ним будешь, как по земле нездешней! А от твою Эрма не железо — токмо печи плавильные потребуются. Так-то вот. Возвернется твоя княжна в края отчие, защемит ей грудь воздуха?ми садов душистых — может, и надумает она царство принять, как ей батюшка, чтой-то сверх меры щедрый, предлагал. Ты-то с ним часом не знаком?

Еще как знаком! В первый раз Сэнни вызвала его величество, когда ее замок громили науськанные крэгами фанатики; она потребовала от отца законной защиты для своего мужа и его названного брата. Как же, дождалась. Этот крючоктвор в лапсердачке из лошадиной шкуры, и на короля-то непохожий, предложил им с Юханом по птичке на загривок!

У командора уже тогда появилось неудержимое желание попробовать крепость своих пальцев на монаршей шее; случай такой представился во время вто-

рой их встречи, когда ревнивые братцы умыкнули Сэнни прямо с порога их золоченого подземного убежища, и Юрг нашел ее во дворце совсем как спящую царевну, в драгоценном гробу, с шестью бледными лучиками, скользящими по ее помертвелому лицу. Тогда-то он и добрался до жилистой шеи короля, тупо ожидавшего, когда же волшебный сон его единственной дочери сменится вечным...

Он до сих пор не рассказывал ей о том, каким не вполне гуманным способом ему удалось выжать из державного тестя секрет ее пробуждения; удержался, не передал и чудовищных отцовских слов: «Пусть она лучше не просыпается»... Да, как видно, догадалась она, что державный венец ближе к сердцу, чем дочь единственная.

— Да не захочет она царствовать, — проговорил он убежденно. — И слава всем чертям Вселенной.

— Ой, не зарекайся, князь, плохо ты у своей благоверной натуру ейную выведал. Это она на семью свою сейчас злобится, крепко, видать, на горло ей наступили. Вот и ты ентого ярма не тяготи.

— Я?!

— А то я, что ль? Девки-то все как из-под батюшкина пригляда упорхнут, так под мужнин сапог и угораздят. Был бы ты об ейной душе попечителен, не в одиночку по лесным дорогам шастала бы.

Он невольно вздохнул: что-то в этом было... И вдруг с досадой понял, что они уже долгое время топчутся перед самым караульным корабликом, распахантым на обе стороны и служившим воротами в Бирюзовый Дол. Пыметсу, наряженный в этот день на сторожевой пост, наблюдал за ними с недоумением — никогда еще командор не устаивал старую воеводишу столь длительной беседой.

— Послушай, Паянна, — не выдержал Юрг; — признайся мне, так сказать, под занавес: и что это тебя все

время тянет придумывать какую-нибудь мороку на нашу и свою голову? Отдыхала бы себе на старости лет, ты ведь руки свои в весеннем краю до костей отмозолила!

Тьфу, черт, сам в конце концов заговорил с ней на манер бабки деревенской!

— Что правда, то правда, — согласилась Паянна не отнекиваясь. — Но только в весеннем моем краю говаривал мне один старый конюший: ежели рогат тебе служит — кинь ему охапку травы, и будет с него. А вот когдыть ты служишь рогату, то убери перед ним все камни с той дороги, что ведет к лугам полнотравным... Я служу верно, князь.

Когдыть... Ох, мать мою до дна глазного яблока, как говаривал космодромный эскулап Стамен в лучшие времена!

А Паянна, запрокинув голову, глядела в потемневшее небо, точно пыталась отыскать далекую звездочку своей делла-уэлла Тихри. Как показалось командору — с тоской.

— Ну лады, — хлопнула она себя по бокам. — Кончен на том мой сказ. Ты только допреж поры-времени княжне не проболтайся, да и толстомордику ентому, что на карауле, накажи держать язык вонутри хлебалки... Да я сама его настрожу.

Последнее заключалось в красноречивом шлепке по губам, которым Паянна наградила Пыметсу проходя мимо, и пудовом чугунно-черном кулаке, проплывшем у него перед носом на отнюдь не безопасном расстоянии.

Командор в очередной раз вздохнул и весь остаток дня был до странности немногословен, чем весьма порадовал супругу, которая справедливо опасалась возврата к разговору о ее постоянных отлучках. Но Юрг упорно молчал, и когда они затворились в своей полутемной спальне, ей срочно потребовалось изыскивать нейтральную тему для традиционной вечерней беседы:

— А кстати, муж мой, любовь моя, что это за ребячьи конфликты на мифологической почве? Помню, когда ты меня в подземелье нашего замка сказками забавлял, я воспринимала их не так придиричиво...

— Подростающее поколение, знаешь ли, чересчур критически настроено. Вопросы задавать начали, доросли — хотя у нас на Земле такие карапузы только «ма-ма» да «бу-бу» лепечут. А я ведь, если честно признаться, только рассказывать могу, а вот комментировать — увольте!

— Бедненький ты мой, — сонно протянула она, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— А что? Ведь если трезво рассудить, то Али-Баба — ворюга беззастенчивый, жена его — врунья; о Язоне с его дубленкой, у спящего дракона умыкнутой, и говорить не приходится. А Геракл, тот и вовсе экологический бандит: дикую лань керинейскую, самочку на выданье, поймал и к царскому столу доставил; льва пещерного, вымерший, между прочим, вид, по черепу звезданул дубиной, после чего придушил; трехголовую змею-мутанта огнем пожег, подземных собачек и свинок-вепрей там всяких обижал ну прямо по-хулигански, о птичках меднокрылых и говорить не приходится...

— Негодя-а-ай... — зевнула принцесса.

— Это еще не проблемы, это цветочки! А вот скажи, как на пальцах объяснить этим не по возрасту развитым малолеткам, что родителями Геракла считались Алкмена и Амфитрион, и тем не менее он был сыном Зевса? А что они с братцем Ификлом были двойняшками, но от разных отцов? Мамочка, однако, была зело шаловлива... А его негалантное обращение с Ипполитой, царицей амазонок? Овладеть поясом — это в традициях поэтического иносказания означало попросту трахнуть. Извини. Но ведь как? Хоронить же потом пришлось старую деву. Ну а то, что он целый год но-

сил женское платье, доказывает только то, что в эллинском обществе не считалось зазорным и...

— Дорогой, может, достаточно про эллинское общество? — пробормотала принцесса. — Пусть хоть в моем представлении Геракл останется идеальным мужчиной.

— Ну как мужику ему до идеала — то есть до меня — ого-го как далеко, — не без скромности заметил командор. — Видал я его статуи в масштабе один к одному... Ты что, уже спишь?

— Угу. Идеальные мужчины, между прочим, не тратят столько времени на разговоры.

— Да я только к тому, что завтра с утречка смотаюсь на Землю. На предмет ограбления всех, какие попадутся, магазинов детской книги. И еще... Сэнни, мне бы золотишка немного...

У принцессы весь сон как ветром сдуло. На Землю... А что, если он не вернется к вечеру? До магиров остался один переход, и Горон ждать не будет. Только нельзя показывать своего испуга.

— Ну зачем тебе такая дрянь? — протянула она лениво.

— Да я Алэлу обещал при первом удобном случае привезти с Земли один алмаз. На Джаспере, оказывается, их вовсе нет, а для копии свахейского шара, который он мастерит, требуется их около сотни.

— Ну так привези сотню, — пожала плечами принцесса. — Вели Эрму спуститься в подземелье, там всякой золотой утвари видимо-невидимо. Мы же золота не любим.

— Все равно дороговато. Колдовство дешевле. Вот Алэл — он сейчас что ни день повелителем земных недр себя объявляет — взяв за образец хотя бы крошечный алмазик, может любую морскую галечку в громадный бриллиант превратить. Это ему раз плюнуть и главное — задаром.

— Что-то я в этом шаре алмазов не заметила, — засомневалась мона Сэниа.

— Ну ты ведь была там всего несколько мгновений, пока крыша не начала рушиться. А я тоже не с первого раза их углядел, уж чересчур там все бьет в глаза сверканием да переливами. А потом смотрю — очень уж правильный квадрат, весь гранатами кровавыми выложен, а с него прямо вверх устремляется алмазная стрелка... Тут меня и осенило: так можно было обозначить только то место, откуда начинается дорога к звездам.

— Дорога к звездам начнется, если ты меня поцелуешь...

...и если ты завтра успеешь вернуться до заката, муж мой, любовь моя.

— Это — алмаз, — она торопливо протянула Алэлу на раскрытой ладони сверкающий всеми брызгами радуги многогранник, который и сама-то держала в руках впервые в жизни. Но сейчас у нее не было времени его разглядывать.

— Благодарю, владетельная мона. — Он царственно склонил кудлатую голову; волосы его подхватывал простой кожаный ремешок, перечеркивая изображение лазоревого кристалла, нарисованного у него на лбу явно не рукой Ардиени. — Я верну тебе сей волшебный камень, когда закончу возводить это самоцветное чудо, какое не удалось создать еще ни одному королю.

Мона Сэниа незаметно вздохнула: бедный маленький король, за всю свою жизнь он, похоже, не воздвиг ничего такого, что могло бы увековечить его имя; теперь вот радуется, что хотя бы копирует чужое творение.

— Я думаю, о мудрый властитель, что Первозданные острова еще много веков не увидят ничего подобного! — воскликнула она, вложив в свои интонации максимум положенного восторга.

Сегодня, как впрочем и все последние дни, Алэл был повелителем камня; если бы не это, она заподозрила бы, что он сегодня взял на себя власть над живой плотью, а отсюда недалеко и до проверки искренности. Впредь надо будет удерживаться от столь примитивной лести.

— Это еще только начало, а то ли еще будет! — горделиво пообещал ничего не заподозривший король.

Забыл, наверное, что она в свое время воочию видела то, что ему еще предстояло возвести. А вот постороннему зрителю даже то небольшое, что он успел сделать, должно было показаться чудом.

Маленький островок, на котором расположился королевский дом (его нарочитая скромность не позволяла назвать это строение «дворцом»), зеленой конической пирамидой круто поднимался над морем, соединенный с соседними островами множеством горбатых ажурных мостков; вдоль берега тянулась кольцевая пристань, и широкие пологие ступени открывали любому островитянину доступ к королевскому жилищу, как бы врезанному в тело горы. Все склоны покрывал сплошной благоухающий сад, под зеленью которого таились немногочисленные лесенки, ведущие наверх, где на плоско срезанной вершине расположились поодаль друг от друга пять довольно крупных «термитников». Как видно, это были обиталища святичей, потому что кишели эти твари здесь как в муравейнике, так что принцесса едва удерживалась от того, чтобы не подобрать на всякий случай юбку; но шестиногие пучеглазики, деловито снующие между кучами морской гальки и громадной прозрачной чашей, занимавшей всю середину площадки,

столь же брезгливо избегали прикосновения к ее сандалиям.

Посередине площадки сверкал вогнутый фундамент — как минимум стеклянный, но скорее всего хрустальный; с подоблачной высоты он напомнил ей гигантское блюдо. На бесцветном дне Алэлова творения уже расположился значительный фрагмент пестрой свахейской мозаики, набранной из диковинных самоцветов, большинства которых мона Сэниа не видала даже в отцовском дворце. Хитроумный Алэл это здорово придумал — сделать стены шара прозрачными, в отличие от оригинала, так что после окончания работы можно будет разглядывать карту далекой Свахи не проникая внутрь гигантского глобуса, а снаружи.

Даже сейчас, когда солнце склонилось к самому морю, мозаика искрилась, точно парадная корона ее отца, которую он не надевал на памяти Сэнни ни разу, отведя ей роль декоративной принадлежности тронного зала.

— Ты намерен продолжать свои труды и ночью, неутомимый король? — Мона Сэниа опасливо покосилась на солнце.

— Нет, косые лучи искажают оттенки, а я не хочу ошибаться, — проговорил Алэл, машинально перекатывая из ладони в ладонь холодный алмазик. — Пожалуй, я еще немного задержусь здесь: нужно наготовить на завтра побольше этих диковинок... Тебе интересно, как я это делаю?

Интересно, разумеется, не то слово, но солнышко садилось, и ей нужно было быть совсем в другом месте... Однако она не решилась выдать свое нетерпение. Пришлось кивнуть.

— Рыбий глаз! — повелел король, щелкнув пальцами.

Омерзительно мохнатый свянич, крутившийся возле королевских ног, метнулся к галечной куче, так

что камешки брызнули во все стороны; через секунду он уже мчался обратно, зажав что-то в устрашающих своих жвалах.

— Сдоблаговоли взглянуть, юная мона, на этот обыкновенный восковичок, — Алэл принял у него поноску и продемонстрировал принцессе невзрачный полупрозрачный камешек, что-то среднее между горошиной и очень скверной жемчужинкой; затем вернул его свяничу.

По новому щелчку резво подбежал второй мохнатик, чернополосый как шмель, присел напротив первого, уставясь ему прямо в глаза. Два барана, да и только. Но тут между двумя парами выпуклых фасеток протянулись какие-то мерцающие нити, послышался нарастающий зудящий звук, точно приближалась пара шершней. Алэл небрежно кинул полосатику алмаз, тот поймал его на лету, точно собачонка, и ловко упрятал себе под брюшко; первый последовал его примеру и тоже упрятал под себя свою галечку. Алэл вскинул руку, рисуя в воздухе какой-то магический знак, и тут же оба свянича засучили подогнутыми под себя лапками, как это делают пауки, заматывая плененную муху в паутинный кокон; глаза шмелевидного владельца алмаза засверкали радужными искорками, шерстка на перетянутой по-жужеличному спине поднялась дыбом, с нее снялось и слетело в сторону колечко не то дыма, не то пара; но тут первый насекомый чудодей взвился на задние лапки, и принцесса увидела поблескивающий на темной земле алмаз — точную копию земного.

— Осторожно, — предупредил ее естественное движение Алэл, — он еще горячий.

— Так же весь берег алмазами засыпать можно! — простодушно восхитилась принцесса.

— Не стоит, ходить будет колко. Так что пусть уж диковина сия только тут и тешит глаз игрой своей искрометной. — Он нагнулся, поднял новоявленную дра-

гоценность. — Вот, прими от меня на память о той силе, какую дает власть над земной стихией. Да не бойся, остыл он.

Мона Сэниа приняла еще теплый дар с поклоном, замялась.

— Если тебе еще что-нибудь надобно, не смущайся, проси, владетельная мона, — благосклонно улыбнулся король, по-простецки обтирая руки о холщовые штаны. — Я не могу поделиться с тобой секретами наследственной магии, которой владеют только короли Первозданных островов, но если тебе хочется еще полюбоваться...

Она нетерпеливо переступила с ноги на ногу: о великий маленький король, да не позволят черные небеса Вселенной никому объяснить тебе, какой же ты хвастун и зануда!

— Прости меня, искуснейший из всех чародеев, но я и так до глубины души потрясена и твоим мастерством, и твоей щедростью, — торопливо проговорила она, — но просьба моя совсем другого свойства. Внизу, в покоях твоей королевы, меня дожидается моя прислужница с чужеземным младенцем, которого исцелила мудрая Ушинь. Не позволишь ли им еще немного побыть в твоём гостеприимном доме, пока я слетаю туда, где меня ждет неотложное дело?

— Дома королей открыты друг для друга, — торжественно возгласил Алэл, и принцессе показалось, что за этой велеречивостью скрывается легкое недовольство; но он не по-королевски, как-то застенчиво улыбнулся, и в голосе его зазвучала мягкая грусть. — Над тобой не властно время, юная мона: ты сейчас похожа на девочку, которая отпрашивается у строгого опекуна в ближайший лесок за горсточкой земляники...

— Если мне попадетсЯ земляника, я обязательно поделюсь с тобой, мой добрый друг и наставник!

Вырвалась наконец-то!..

И уже с вершины невестийской горы, где в потаен-

ной пещерке кроме оружия ее ждало запасное сиреневое платье, она неодобрительно скосилась на торопливо растущий ослепительный горбик только что взшедшего солнца. Скорее, скорее... Она чуть не оборвала змеинный ремешок, по здешним обычаям наматывая его на правую руку. Скорее!

Кажется, она успела: Горона в полуосвещенной ротонде еще не было, вода и кучки сушеных плодов стояли нетронутыми. Сэнни откинула одну из циновок, прикрывавших то ли двери, то ли ниши, и ей открылся бесконечный мерцающий лабиринт, образованный небольшими арочками на витых колоннах; с каждой дуги что-то свешивалось — или крошечный светильник, или чуткий колокольчик, или просто связка стеклянных бус. Легкого ветерка, поднятого движением циновки, было достаточно, чтобы все это заколебалось, зазвенело; смутные очертания каких-то безногих фигур стремительно скользили над полом, возникая на пустом месте и так же загадочно растворяясь в полумраке...

Тебе — сюда.

— Горон? — вполголоса позвала она, и лабиринт наполнился отраженным холодным позвякиванием бесчисленных стекляшек.

Было ясно, что незаметно пройти здесь невозможно; только вот каких сторожей может встревожить столь нежный сигнал?

Извечное любопытство, подкрепленное уверенностью в том, что никакие волшебные напасти не могут причинить вреда ей, носящей в своей крови частицы живой воды, в который уже раз толкнуло ее вперед раньше, чем она удосужилась предугадать последствия такого шага; но бледный безногий призрак промелькнул на сей раз так близко, что она невольно подалась вперед и, проскользнув в глубину загадочной круговерти, попыталась поймать хотя бы обрывок этого серебристого тумана...

В следующий миг что-то острое и в своей отточенности отнюдь не волшебное царапнуло тыльную сторону ладони, и принцесса отскочила в сторону, прижавшись к витому столбику; покачивающийся на тоненькой цепочке кораблик-светильник позволил ей заметить капельки крови, выступившие вдоль неглубокого пореза. Так. Мог бы предупредить, неслышимый мой, что никакой магии тут и в помине нет.

Естественно. Но тебе стоило все-таки меня спросить.

Ой, не до вопросов. Хотя — если здесь не пахнет чародейством, то откуда призраки?

Ты — женщина. Как же ты не догадалась, что это зеркала?

А ведь так оно и есть — огромные жесткие листья, отполированные до зеркального блеска, повешены тут на каждом шагу; беззвучно вращаясь в мерцающем полумраке подземелья, они дразнят пришельца его собственным мимолетным отражением, чтобы в следующий миг, повернувшись тончайшим (и смертельно острым, как она уже испытала) ребром, загадочно исчезнуть из вида. И магии ни на маковое зернышко.

Что ж, если здесь не пройти (да и куда?), то остается только вернуться в ротонду и там дожидаться своего проводника.

На дорогах Горона обратно не поворачивают.

Она все-таки обернулась: за спиной точно такое же поблескивание светильников, коловращение зеркал и стекляшек и ни малейшего намека на возврат в так легкомысленно оставленное убежище. Если отбросить возможность улизнуть отсюда по-джасперянски (а вдруг Горон наблюдает за ней из какого-нибудь тайника), то единственный способ спастись — это прижаться к полу и ползком, извиваясь как гусеница, между этими беспорядочно поставленными арочками, добраться до ближайшей стенки. Только очень уж не хочется...

— Эссени.

— Горон! Наконец-то!

Так бы и полетела ему навстречу...

— Напугалась? Я не сомневался, что найду тебя здесь. Глупышка.

Слава древним богам, он сумел-таки найти слово, которое подействовало на нее, как ковшик холодной воды. А то простодушно бросилась бы ему на шею. Правда, остановка была за немногим — увидеть его сквозь все эти чертовы просверки.

— Да где же ты, Горон? Уже утро, и нам надо договориться, как мы с тобой завтра доберемся до маггиров...

— Нет. Мы двинемся в путь прямо сейчас.

— Сейчас? И вдвоем? Но ведь между нами твердая договоренность...

— Отменяется. Нам осталось совсем немного, к тому же маггиры не признают обязательных для всего Новоземья законов ночи, и каждый из них выбирает себе любой час для трудов или отдыха. Так что идем.

— Легко сказать...

В ответ раздался смешанный гул — скрип, глухой скрежет, нестройный звон. Лабиринт пришел в движение, некоторые арочки вдруг начали расти, так что часть светильников и колоколец подтянулась кверху, зависнув под своими стрельчатыми дужками высоко над ее головой; смертоносные зеркала остановили свое вращение. Похоже, в этой нелепой свалке всевозможных преград намечился безопасный, хотя и весьма извилистый проход.

Следуй за Черным Эльфом!

Ну ничего себе эльф! Неизвестно откуда взявшаяся мышь, громадная и толстопузая, только без хвоста, припустила вперед так уверенно, словно и не сомневалась, что непрошенная посетительница лабиринта обязательно двинется следом. Безошибочно угадыва-

емая ею тропочка петляла, девушке порой приходилось приседать, подныривая под жемчужно-белые гирлянды светляков; один раз ей даже почудилось, что совсем рядом промелькнул такой же хрустальный колокольчик, как и тот, что был спрятан у нее на груди. Она уже совершенно запуталась в бесчисленных поворотах, но спокойствие Горона, несомненно наблюдавшего за нею, и молчание внутреннего голоса, который должен был бы подать сигнал тревоги в случае опасности, заставляли ее беспрекословно повиноваться своему экзотическому поводырю.

— Наконец! — раздалось совсем рядом, и она увидела Горона, который стоял, устало привалившись к выступившей из мрака стене.

Не следует спрашивать его о том, как он провел все это время.

Ну уж на это ее аристократического воспитания как-нибудь хватит.

— Ты сказал, что мы прямо сейчас двинемся к владениям маггиров. Где же проходит этот путь — под землей?

— Здесь. Мы уже в их владениях.

Древние боги, могла бы и сама догадаться.

— А вот эта бесхвостая тварь — это и есть маггир?

Вместо ответа Горон взмахнул рукой, словно отдернул занавеску, и прямо в глаза Сэнни ударил ослепительный солнечный свет. Горон первым шагнул в разверзшийся проем, следом метнулся черный эльф; девушка, естественным образом заслонившая глаза рукой, не раздумывая шагнула следом — и словно поплыла в невесомом золоте утреннего сияния.

Зеленые отравные круги плыли еще перед глазами, впереди слышались упругие, короткие удары, по которым можно было догадаться, что Горон бежит, торопясь покинуть запретное место, открытое солнечным лучам. Сэнни помчалась следом, наугад ставя ногу туда, где

миг назад означалась округлая тень мышастого эльфа. Глаза ей пришлось прищурить до узеньких щелочек, так что все окружающее воспринималось скорее как сказочное видение (впрочем, а что тут было не сказочным?), а не та необозримая каменистая равнина, которая простиралась перед ней до самого горизонта. Вот только почва была не золотисто-бурой, как во владениях кампьерров, а зеленоватой, с маслянистым ониковым отливом.

И на этой сплошной зелени она не сразу угадала очертания гигантского лежачего дерева, ствол которого уходил верхушкой своей за горизонт. К основанию поверженного исполина они сейчас и мчались, а оно с каждым шагом приближалось стремительно и грозно, неодолимо защищенное поблескивающей щетиной железной листвы.

— Горон, назад! Куда...

Звонящий перебряк — словно встряхнули громадную кольчугу. Листья разом повернулись, и перед глазами, нехотя привыкающими к свету, встала стенка из крупной рыбьей чешуи, плавно изгибающейся к центру, где угадывалась не то вмятина, не то воронка. Черный эльф вдруг взметнулся, точно его поддели носком сапога под несуществующий хвост, стрелой промчался над плечом Горона и врезался прямо в середину этой чешуйчатой выемки. Горон, даже не оглянувшись, последовал его примеру, и оба исчезли в хаосе холодного звона.

Ну что же ты?..

Нельзя сказать, что она ничего не почувствовала, но ледяное оглаживание, с которым зеркально отполированные листья пропускали сквозь собственный строй ее тело, было почти эфемерным. Непонятно, каким образом они успевали расступиться, так что она ощущала лишь мертвенный холод пустоты между собственной кожей и той звонящей преградой, которая

отодвигалась от нее на расстояние не больше толщины волоса, но режущего прикосновения она не испытала ни разу.

Не вздумай только шагнуть назад!

Она даже вздрогнула, представив себе, что в этом случае будет: сейчас она скользила как бы внутри гигантской еловой шишки, вывернутой наизнанку; одно движение в противоположную сторону, и смертоносные острия вопьются в ее тело, не позволяя ей даже шевельнуться, чтобы перелететь через заветное *ничто* на такой желанный в этот миг Джаспер. Она никогда не любила замкнутого пространства, но этот чешуйчатый плен был во сто крат страшнее любого подземного лаза.

Что-то теплое потерялось о ее ноги, и она, опустив голову, снова увидела круглую, точно мячик, мышь. Да какой там эльф — просто надувная игрушка, которую заставили двигаться самыми примитивными магическими приемами. И гремячей листвы со всех сторон уже нет, она позванивает где-то за спиной. А над головой покачивают цветущими ветвями медоносные деревья, и солнечный свет, проникая в глубину их смыкающихся крон и многократно отражаясь от глянцевой поверхности листьев, достигает земли уже мягким, не ослепляющим потоком мерцающих бликов. Да и не земля это вовсе, а аккуратная дорожка, выложенная пестрыми плитками, уходящая в даль этой прямой, как копье, оранжереи.

Горон, полуобернувшись, ждал ее, но свисавшие по его пренеприятнейшему обычаю волосы не позволяли принцессе заметить, насколько он раздосадован ее медлительностью. Она и сама была бы рада поторопиться, но несвойственная ей нерешительность заставляла переминыться с ноги на ногу. Она у маггиров. Путь окончен. Поиски — нет. Один неверный шаг, неосторожное слово, неуместная интонация, и не видать ей

не то что заветного талисмана, а и благосклонности Горона, так рыцарственно терпевшего ее присутствие.

— Испугалась? Нет? Но что-то тебя смущает, Эссени, я вижу, — бросил он через плечо. — Хотя ты всего-навсего получила то, к чему стремилась.

До чего он порой догадлив, просто дрожь пробирает.

— Горон, мы достигли цели слишком быстро, а я так о многом хотела тебя расспросить... Это, конечно, смешно, но я не представляю себе, как мне держаться с этими маггирами.

— Как. Не как, а где. Тебе следует держаться за моей спиной. И все.

— Скажи хотя бы, как следует обращаться к ним?

— Зачем?

— Ну... Я, как и подобает дочери могущественного владыки, бываю не всегда достаточно почтительна...

— Успокойся. Ты будешь избавлена от подобных затруднений. Маггиры не разговаривают с женщинами. Они только отдают им распоряжения.

— Что-о-о?!

Ну, Горон, лучше бы ты этого не говорил! Она открыла было рот, чтобы высказать все, что она думает по поводу подобной дискриминации, но тут вдалеке показалась человеческая фигура, очертания которой были размыты трепещущими тенями. Маггир! Наконец-то.

Рано радуешься.

Накаркал, неслышимый мой. И откуда только тебе было знать, что из-под сводов этой крытой аллеи бесшумно упадут жгутики стремительно распускающегося плюща, словно серпантин на ежегодном балу в День Коронации...

Но не только это всплыло в памяти — чуткие выюнки в бесчисленных переходах и галереях замка Асмурра. Неподвластные законам тяготения, живущие собственной жизнью, как и колдовские волосы Горона...

Весенняя зелень, с изнанки блекло-жемчужная, точно ивовые листья над первоцветными сережками. Прохладный полупрозрачный занавес, мягко и неоскорбительно преградивший им путь. Черный эльф плюхнулся на свой жирный задок и задрал кверху мышиную мордочку.

— Терпение. Нас просят обождать, — почему-то шепотом проговорил Горон.

— Кто просит? — Она покосилась на застывшую черную тушку, в которой, в отличие от струящейся зелени, не чудилось ничего живого.

— Магиры. Магиры троевластные.

18. Война мышей и лягушек

Горон сошел с плитняковой дорожки и самым естественным образом уселся на травку, подтянув колени к груди и охватив их руками. Лица его, как всегда, было не видно из-за пелены волос, зато горб стал еще заметнее. Сэнни пришло на ум, что для нее столь же естественным движением было бы свернуться клубочком у его ног и положить голову ему на колени. Только ведь подумает тролль знает что. А действительно, что это на нее нашло? Словно девочкой залетела в чертоги эрлалесничего Иссабаста, и сейчас он глуховатым голосом начнет один из своих немножечко жутковатых рассказов о безмозглых и злобных духах первобытных чащоб, которые и породили не менее тупых жавров. А натешившись седыми преданиями, она ринется в неистовую гонку охоты, или упорхнет на блистательный бал, или вопреки королевскому соизволению снова появится на рыцарском турнире, где непобедимый эрл Асмур опять же вопреки монаршей воле преломит копье, осененное лиловым шарфом, в честь юной принцессы.

И все еще будет впереди...

Встряхнись! Что за нелепые фантазии, когда перед тобой цель твоего пути?

А может, эти фантазии потому и одолевают, что цель совсем близко; а вот что потом?..

— Горон, а куда ты двинешься потом?

О, четыреста чертей, как теперь выражается вся дружина, она, похоже, его разбудила. Как неловко, тем более что на сей раз он показался ей таким измученным, словно пребывал в трудах праведных до самого захода луны.

— Потом? Да, конечно, потом... — кажется, его встревожил этот вопрос. — Потом, Эссени, я должен буду вернуться и донести ответ маггиров до каждого подлесья.

— Значит, обратно? Но ты же говорил, что никогда не возвращаешься!

— Справедливо. Но мы снова пойдем вперед, потому что двинемся по другому пути. Ты и не заметила, что все это время мы шли как бы по кругу, и теперь до того подлесья, которое зовут Древнехранищем, всего один переход.

Мы. Он сказал: мы. Собственно, это и все, что она хотела услышать.

Да, Горон и мысли не допускает, что ты можешь его покинуть. Но уверена ли ты в себе самой?

— Послушай, Горон, я уже сказала тебе, что никогда тебя не покину, если только... если только меня не задержат нездешние силы, о которых я пока говорить не могу. Но я рано или поздно вырвусь к тебе. Тогда ищи меня на том месте, где мы встретились впервые, недалеко от заброшенной купины. Договорились? Так что если я скажу тебе: дальше иди один — не спрашивай меня ни о чем и продолжай свой путь как прежде, в одиночестве. Я сама тебя найду возле столбовых ворот, так что не думай обо мне, занимайся своими делами.

Он еще ниже опустил голову. Неужели прячет усмешку?

— Повинуюсь. Что повелишь еще, о дочь могущественного владыки?

— Ну вот, я серьезно, а ты смеешься...

— Обиделась?

Ее брови надменно сошлись в одну линию, так что шевельнулся аметистовый обруч:

— Обида — это удел низших.

Осторожно, осторожно!..

Но непослушные волосы колыхнулись, отлетая назад, и пугающая полночь его нечеловеческих глаз на миг обдала ее черным светом:

— Удел. Роковой фатум высших и мизерная доля низших. Насколько же мы с тобой одинаковы, Эссени...

А вот лирики не надо. Ей самой можно, ему — нет.

— Ой, а там кто-то шевелится!.. — детская уловка, конечно, примитивна, но действует безотказно, тем более что смутные тени, проплывающие за кружевной зеленой завесой, она заметила уже давно.

— Собираются. — В голосе Горона послышалось плохо скрытое раздражение: похоже, у кампьерров-то он привык к большей почтительности, исключаящей подобные задержки.

Она вздохнула, мысленно отпуская себе еще пять последних минут на разговоры, и присела на траву рядом с ним, бессознательно приняв ту же позу: колени подтянуты к груди, подбородок на скрещенных руках. Шелковистость здешних трав, которым под таким солнцем впору бы на корню превращаться в ломкое сено, ее изумляла; воздух, влажный и терпкий, как обычно и бывает в теплицах, где разводят пряности, был по-утреннему прохладен, хотя мелькающая в прорезах неустанно трепещущей листвы небо уже выбелилось предполуденным зноем. Не хватало какой-то мелочи, чтобы этот райский сад, плетенной из ветвей

трубой пролегли по ониксовой пустыне, походил бы на крошечный цветущий уголок, уместившийся на крыше дома Алэла... А, вот чего: басовитого гудения пчел, сухого потрескивания, с которым бронзовые жуки складывают свои крылья, тоненького зудения невидимой мошкары, такой бестелесной, что, казалось, ей дано пить медовый настой прямо из воздуха...

Время, время!

Да.

— Скажи, Горон, а чем, кроме ведовства, эти колдуны отличаются от обычных людей?

— Увидишь. — В его приглушенном голосе сквозило явно скрываемое раздражение — может быть, нежелание развивать эту тему? Но невозможно противостоять тому, кто глядит на тебя такими вот широко раскрытыми глазами (немного старания, и получилось совсем как у доверчивого ручного олененка). — Они ведь когда-то были одним народом. И, как можно судить по тем обрывкам знаний, которые они так наивно стараются сохранить, весьма просвещенным.

— Ты имеешь в виду — до этого самого пресловутого кочевья?

Он легонько повел плечами — вероятно, это должно было означать, что он за точность своих слов не ручается, потому что знает все это только понаслышке.

— Именно. Как следует из преданий, на своей прародине это был народ с высоким уровнем техники, которая делала за них почти все — кормила, развлекала... — Он исподлобья глянул на зеленотканую кружевную завесу, за которой время от времени означались неспешные тени; магиры что-то не торопились, и он, нашарив в листе продолговатый плод, по цвету напоминавший персик, с усилием выдрал его и протянул своей слушательнице. — Боюсь, что так мы прождем до полудня.

Она вздрогнула, снова вспомнив Паянну, ожидающую ее в Алэловом садике.

— Успокойся, — Горон истолковал ее волнение довольно примитивно, — здесь нас накормят. Так о чем это ты меня пытаешь?.. Да, люди Староземья.

Он снова сделал над собой усилие и заговорил каким-то чужим голосом, чеканя слова, точно читал заученный наизусть текст:

— Кампьерры. Когда они время от времени обнаруживали в своей среде существо, обладающее необъяснимыми с точки зрения науки способностями, они воспринимали его как уroda, как некую лишайную опухоль на всем человечестве. Дикость, свидетельствующая о том, что уровни их технического и нравственного развития существенно отличались друг от друга. — Он взглянул вверх, на затейливое переплетение ветвей, и в невольно потеплевшем голосе проскользнули нотки сочувствия. — Представляю себе, каково было им, чародеям, осознающим свое превосходство над остальными, выносить положение изгоев.

— Я тоже это себе представляю...— вполголоса пробормотала принцесса. — Но почему они не воспользовались своими чарами, чтобы изменить отношение к себе? Ведь в истории каждого народа даже простые смертные восставали против деспотии большинства!

Горон усмехнулся:

— Поодиночке? Ты, дитя могущественного, но малого народа, просто не можешь себе этого представить. Я давно подозревал, что твое собственное племя немногочисленно; иначе где бы вы могли спрятаться на этой земле так, что мы даже не слышали о таких, как ты?

Он искоса глянул на нее, но не дождавшись ответа, снова продолжал монотонным голосом придворного чтеца:

— Староземье. Эта прародина здешних народов была огромна, а населяющее ее человечество просто

неисчислимо. Так что каждый, кто открывал в себе магический дар, начинал чувствовать себя, как искорка небесного огня, затерянная в песчаной пустыне. Затопчут без сожаления, а может быть, и не без удовольствия. Только скрываясь в неприступных горах, магиры находили себе подобных, но их крошечные поселения не могли противостоять всему человечеству Староземья.

Принцесса невольно представила себе пологие замшелые складки, которыми лениво сбегали к морю, заполоненному тиной, «неприступные» горы Свахи. Нет, не похоже, чтобы речь шла об этой планете — что-то тут не состыковывалось.

— Противостоять. Но как? — понизив голос, словно рассуждая сам с собой, продолжал Горон. — Ведь единственной заповедью маггиров было: творить добро. Время от времени некоторые из них возвращались в большой мир, чтобы врачевать безнадежных больных, отваживать от пороков развратников, предсказывать властителям неминуемое будущее... И в благодарность получали насмешки, подозрение в шарлатанстве и плохо скрытую зависть.

— Не понимаю, — покачала головой Сэнни. — На каком же уровне находилась цивилизация кампьеров? Как правило, колдуны были не в чести только у относительно примитивных народов. Просвещенные же старались их изучать.

Ты проявляешь слишком глубокие познания!

Помолчи, сделай милость. Видишь — люди разговаривают!

— Изучать? И откуда такие сведения? — быстро, как-то по-птичьи Горон наклонился к ней, но тут же отпрянул. — Впрочем, вопрос напрасный: ты слишком молода, чтобы знать что-либо из собственного опыта.

— Ну конечно. Так, рассказывал кто-то... — Она с облегчением перевела дыхание — вот уж было бы некта-

ти, если бы их роли переменялись и вопросы начал задавать он.

— Цивилизация... Меня все время поражает, что ты знаешь такие слова. Впрочем, об этом ты расскажешь мне сама. Когда придет время. Но сегодня — не о тебе. Так вот, мне трудно описывать некоторые вещи, ведь мои предки относились совсем к другому народу. Знаю только, что Староземье процветало. Без всякого волшебства кампьерры создали бессчетное количество машин, которые умели бегать и летать, забавлять и лечить, светить и звучать; но главное — люди изобрели нечто, способное без их вмешательства управлять всем этим механическим стадом. И тогда людям стало нечего делать, они все получали без труда. Даром.

— А вот это уже мечта каждого первобытного племени, — флегматично заметила Сэнни; картина, нарисованная Гороном, не была для нее сказкой: ведь точно так же на Джаспере всю работу выполняли сервы, вот только джасперяне ими командовали и уж отнюдь не изнывали от безделья.

— Первобытного. Да. И племени, изначально неразумного или отупевшего от непреходящей беззаботности, — подхватил Горон. — Представь себе: неисчислимые толпы людей, сытых и здоровых, которые от поколения к поколению утрачивают способность производить все необходимое для поддержания жизни.

— Но только не маггиры?

— Отчасти. В какой-то степени и они, ведь их колдовство помогало им удовлетворять свои потребности без особых проблем; подозреваю, что многие свои способности они тоже понемногу растеряли.

— Ну хорошо, а как же с продолжением рода? Мало того что родить младенца — это все-таки тяжелая работа, но его потом и воспитывать надо!

— Родить. Не рано ли тебе судить об этом, дитя? Для тебя это еще в таком далеке... Нет, и продолжение

рода больше не было проблемой. Кампьерры не были волшебниками, но их дети появлялись как-то независимо от общения мужчин с женщинами, которые не желали больше испытывать родовые муки.

Скороговорка, на которую он невольно перешел, свидетельствовала о том, что все это он знал только по чужим воспоминаниям, недоступным его пониманию.

— Младенцы. Они произрастали в прозрачных сосудах, как икринки в прудах. Зрелище, вероятно, омерзительное. Тебе этого не представить и не понять. А воспитывали детей домашние зверушки, прирученные давным-давно. Добрые, заботливые, разумные.

— Гуки-куки лапчатые? — невольно вырвалось у нее, потому что в памяти сразу же возникли прыгучие тихрианские спутники караванов, с маленькими кроткими мордочками и громадными сумками на брюхе, откуда выглядывали сонные рожицы человеческих малышей.

— Гуки... Никогда не слышал такого слова. Нет. Мыши. Мышланы.

— Что-о-о? — Она с изумлением уставилась на черного мышастого эльфа, который так и сидел перед ними столбиком, как суслик, ни разу не моргнув и не шелохнувшись; конечно, по размеру он годился в няньки — пожалуй, с небольшого серва и уж гораздо крупнее, чем самый откормленный свянич, да и лапки у него разительно напоминали детские ручки в беленьких перчатках; но предположить в этих бархатных тварях хотя бы куриный разум... — Мне как-то казалось, что любому ребенку прежде всего необходимо общение с тем, кто хотя бы на чуточку умнее его самого.

— Естественно. Так оно и было. Сохранились сведения, — голос Горона снова стал отстраненным, словно читающим по писаному, — что мышланы обладали развитой речью, способностью к чтению, счету, запоминанию и логическим построениям. Они обеспечивали

безопасность и развитие детей до их полового созревания. Следует отметить, что продолжительность жизни у народов Староземья была искусственно увеличена, причем исключительно за счет ювенального периода. Необозримо долгая юность, не обременяемая ничем, кроме детских забав; зрелость, насыщенная любовными утехами, капризами и извращениями, и старость, ограниченная лишь собственной прихотью. И это на протяжении многих веков.

Прямо-таки исторический доклад. Она с трудом стряхнула с себя оцепенение, вызванное непривычной монотонностью Гороновой речи. Или этим приторным до неестественности цветочным ароматом?

— И сколько же они жили? — спросила она только для того, чтобы не поддаваться мягко обволакивающей ее сонной одури.

— Досыта. Столько, сколько желали — каждый волен был уйти из жизни, когда она переставала его забавлять. Умственный труд, кстати, тоже стал забавой, поэтому кампьерры, не подгоняемые нуждой или надвигающимся старческим бессилием, для собственного удовольствия постигали сокровеннейшие тайны природы.

— Мне показалось — они были неучами, — пробормотала она.

— Нисколько. Я этого не говорил.

Точка была поставлена так весомо, что стало ясно: он вздохнет с облегчением, если она не будет настаивать на продолжении этого разговора.

Но она неотрывно глядела на него снизу вверх, как наверное казалось ему — настойчиво и безжалостно (на самом-то деле ей приходилось делать над собой усилие, чтобы глаза не слипались от монотонности каждого его монолога); ей нужно было точно знать, чего именно ожидать и на что совсем не надеяться в этом обещанном ей сказочном царстве некогда презираемых, а теперь почти всесильных чародеев.

И ведь надо было подготовиться и к тому, что ей скажут: «На, возьми и возвращайся» — и так долго разыскиваемый амулет станет единственной осязаемой частицей ее воспоминаний о стране сказок...

Хотя может быть и по-другому.

Вот именно, по-другому.

Хватит каркать!

— Послушай, Горон, если ты считаешь, что говорить о маггирах в их собственных владениях для тебя неудобно или небезопасно...

Он дернул головой, как норовистый конь.

— Безопасность! — Он произнес это с легким презрением — забыл, видимо, как совсем недавно получил камнем по голове. — Я уже говорил тебе, что со мной ты в безопасности всегда. А слово «неучи» вообще неприменимо к древним кампьеррам: ведь рядом с ними постоянно были их Ка, которые несли в себе все познания их цивилизации.

— Ты не ошибся? Ты же назвал их мышланами!

— Нет. Не путай. Мышланы — живые твари, находившиеся в услужении у людей, с них достаточно было того, что они помнили предания и песни, занятные анекдоты и назидательные притчи на все случаи жизни. Но для того, чтобы хранить и использовать неисчислимы объемы накопившихся научных данных, потребовалось создать нечто более совершенное, чем человеческий мозг. Так были построены великие Ка.

— Построены?

Он снова раздраженно передернулся. Его волосы, двумя роскошными темно-каштановыми волнами ниспадающие на плечи, пришли в неистовое волнение; тоненькие верхние прядки начали нервно свиваться в колечки — верный знак того, что Горон сердится.

До этого дня все, о чем он с тобой говорил, было ему доступно и подвластно; сейчас же он столкнулся с какими-то старинными смутными воспоминаниями,

чуждыми его разуму, в которых он ничего не может толком объяснить. Неудивительно, что это выводит его из себя.

Хорошо еще, всегдашняя снисходительная невозмутимость ему пока не изменила.

— «Построены». Это точное определение, потому что Ка, в отличие от мышланов, были созданием человеческих рук. В остальном они были схожи: так же служили людям, умели говорить, читать и передвигаться, только питались солнечным светом, а не лунным. Они давали людям советы, когда те их о чем-либо спрашивали, но основной их задачей было запоминать и вычислять. Маггиры, кстати, не признавали ни тех, ни других.

— Странно, колдуны, как правило, любят и оберегают домашних животных, — рассеянно проговорила Сэнни. — В сказках, например, у каждой уважающей себя ведьмы по черному коту, не говоря уж о пауках и крысах. Ну, и долго продолжалась эта гармония живой и неодоушевленной челяди?

— Долго. Но, как ты уже догадалась, она не могла длиться бесконечно... Да. Кто-то из них рано или поздно должен был оказаться лишним.

Значит, началась война мышей и лягушек... Нет, это название сказки, одной из тех, что баюкали ее в золотом подземелье замка Асмуре, припомнилось не случайно — путешествие по этой земле, ведомой ей одной, было тоже прикосновением к чуду. Запретный мир маггиров, в свою очередь, стал сказкой в сказке; теперь под его тепличными сводами звучало еще одно почти сказочное предание — все это напоминало ей диковинное яйцо, выточенное из бивня морского чудовища не сервами, а живыми мастерами зеленого Джаспера в глубокой древности, еще до Темных Времен. Тончайшее костяное кружево позволяло увидеть целых двенадцать резных яиц, расположенных друг в друге, и это

рукотворное чудо было одной из величайших драгоценностей королевской сокровищницы.

Здесь же мерцающая таинственная шелуха, которая так медлительно осыпавла свои чешуйки, скрывала в своей глубине ядрышко, которому вообще не было цены: сведения о долгожданном талисмানে. Поэтому как бы ни подгоняло ее время, она должна была дослушать Горона до конца.

— ...главенство. Строго говоря, — звучал между тем усыпляющий голос, — это нельзя было назвать ни войной, ни даже борьбой за первенство: Ка, не имевшие души и потому не способные желать, самосовершенствовались просто потому, что такую задачу перед ними поставили люди; зато мышланы подобно любой живой твари больше всего на свете ценили как собственную жизнь, так и безопасность всего своего рода. Для этого им нужно было внушить людям веру в то, что они жизненно необходимы и абсолютно незаменимы.

Ты опять засыпаешь!

Потому что пахнет сладкими снами. Сейчас встряхнись.

— Мышки — и внушить что-то людям?..

— Мышланы. Судя по всему, это были очень сообразительные мышки. Потому что они нашли наиболее убедительный способ достигнуть своей цели: это была лесть.

— Это как: «Ах, какие вы большие, да какие вы бесхвостые, да какие вы прямоходящие...» Горон, это неправдоподобно даже для сказки.

— Неправдоподобно? И тем не менее это была лесть, возведенная в ранг религии.

— Ты не упоминал о том, что у кампьерров были боги.

— Были. Правда, в глубокой древности. Затем за ненадобностью они как-то забылись, ведь самый простейший Ка мог создать иллюзию, затмевающую любой

божественный акт. И тогда эти мышастые приживалы начали исподволь, ненавязчиво внушать своим хозяевам, что на свете есть единственное высшее существо, по своему могуществу равное позабытому богу, и это существо — Человек. Нет никого превыше Человека! Все — для Человека!

— А знаешь, очень мило звучит.

Кончики его волос снова, как по команде, завились мелкими колечками.

— Мило... Ты не берешь на себя труд это представить: все — для каждого человека.

Пришлось взять на себя такой труд.

— Пожалуй, да, — сказала она после непродолжительного раздумья. — Бардак получается.

— Что?

А вот этого она объяснить не могла — нечаянно слетевшее с ее губ словечко было из тех, коими ее благородный эрл в последнее время обогатил словарный запас своих дружинников; на Джаспере оно не имело смыслового эквивалента, на Невесте, по всей вероятности, тоже.

— Не обращай внимания. Магическая присказка. Да, кстати о магах: а они-то почему молчали, не вмешивались?

Может, хватит? Ты задаешь уж слишком много вопросов.

Что поделаешь — характер такой.

— Вмешались. Но позднее, когда время было уже безнадежно упущено. А пока жизнь человеческая протекала как сплошной непреходящий праздник: в честь новоявленного божества устраивались феерии, сочинялись музыкальные представления с огненными забавами и пиршеством, длящимся по много дней; воздвигались храмы, стены которых были исписаны одами и гимнами; самое непостижимое заключалось в том, что все это творилось по подсказкам скромных, оста-

ющихся в тени мышланов. То, что совершенствовались Ка, было у всех на виду; но насколько развились умственные способности мышастой живности, можно было определить только оглянувшись назад из более поздних времен. Но человечество шло к своему закату не оглядываясь, и никому в голову не приходило, что мышланы догнали в своем развитии людей, и Ка... а может быть, превзошли и тех, и других.

— А ты не допускаешь, что они с самого начала были такими, только у них хватало хитрости скрывать свое превосходство?

И опять сквозь вроде бы непроницаемую пелену волос, поверху золотящуюся сердитыми колечками, как будто пробилась вспышка невидимого света — полыхнуло, обдало колючим жаром.

— Возможно. Но твоя преждевременная, недетская мудрость меня постоянно озадачивает. Я слишком мало знаю о мышланах, записи о них скудны и пренебрежительны...

— ... что заставляет сомневаться в их достоверности.

Да прекрати же!

Все, все, все. Замолчала.

— Бесспорно. Поэтому я на твой вопрос ответить не рискну. Во всяком случае, у мышланов хватало ума скрывать свои способности, и во всех восхвалениях, возносимых ими, в первую очередь звучало одно: нет и не может быть во Вселенной существа, не то что превосходящего, а хотя бы равного человеку.

Пожалуй, если четвероногие подхалимы делали это не из примитивного раболепства, а с какой-то дальней целью, то они и впрямь были умнее древних невестийцев.

— Летописи. Все, что первопоселенцы хотели сохранить для потомства, они наносили здесь на стены пещер, — продолжал витийствовать Горон, — там встре-

чается не слишком много рисунков — то ли нашлось мало пригодных для того стен, то ли на исходе оказались силы тех очевидцев, которые еще способны были запечатлеть то, что перенесла сюда их память; до наших дней лишь в Древнехранище сохранились пещеры, где записаны хроники последнего периода владычества мышланов. Там говорится, что по подсказке этих тварей люди начали сооружать исполинского идола, высекая его из белого утеса, поднимающегося из моря прямо к облакам; он был так высок, что вершина его постоянно была укрыта туманом. Над гигантской статуей трудилось несколько поколений добровольных ваятелей и золотильщиков, камнерезов и плотогонов. Разумеется, сами люди при этом и пальцем не пошевелили — они только управляли своими Ка.

— А как же там с ленью, с неприспособленностью к труду, утопанию в роскошном безделье? Неужели мыши так оболванили людей, что тех потянуло если не к труду, то хотя бы к его имитации?

Ты опять произносишь слова, которые тебе не должно знать!

Тонкие пальцы (тоже, кстати, не отмеченные следами грубой работы) едва заметно дрогнули и сжались.

— Оболванили. Слово для меня новое, но довольно точное. Но как могло быть иначе, если все, внушаемое мышланами, воспринималось, как говорится, «с молоком матери»... Хотя, как я полагаю, с материнским молоком можно получить только заразную болезнь, а память младенца формируется из впервые услышанного и увиденного.

Сэнни с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться: она сама не помнила собственной матери, как и все королевские дети Джаспера, но все-таки...

— Внушение. То, что слышали кампьерры, едва получив способность воспринимать окружающий мир, было нашептано им мышланами. Пожизненный гип-

ноз. Такое неискоренимо. Так что культ Человека, этого, с позволения сказать, венца мира, был прямо-таки в крови у каждого жителя Староземья. Без исключений. Что же касается лени, то каждый староземец, лелея себя, несомненно предавался праздным, бездумным упражнениям, которые совершенствовали плоть, но не тревожили ум. «Несметные тьмы людские раскинули на берегах Светозарного моря свои блистательные шатры» — так говорят полустертые записи в подземельях Древнехранища, и за этими словами отнюдь не кроется принуждение; напротив, мне кажется, что путешествие к морю было для нескольких поколений чем-то вроде религиозного паломничества... Так в течение нескольких веков создавался гигантский златовенчаный идол, столь величественный, что невесомая мантия облаков, нависшая над ним, не смела коснуться его плеч, по-человечески теплых; он светился даже в ночи, но три полустертые фрески, сохранившиеся в самой глубокой пещере, рисуют его в мягком сиянии не по-здешнему туманного дня.

— На нашем языке это называется «триптих»... — прошептала она, безуспешно напрягая память, в глубинах которой гнездилась не менее загадочная картина, но вот какая именно, она припомнить не могла. — Ты своими глазами это видел или знаешь по рассказам?

— Видел. Довелось. На первой Он изображен в полный рост, — продолжал Горон с невольным благоговением, — и Его можно принять за алебастровую статуэтку, забытую на прибрежном мелководье. Но на другом рисунке крошечная былинка, едва угадываемая на фоне золотого пьедестала, на самом деле оказывается парусной лодкой, причалившей к ступеням островного золотоколонного храма — циклопического подножья венценосного колосса. Крошечная человеческая фигурка, воздевшая руки в молитвенном порыве, кажется мошкой по сравнению с нависающими над нею

пальцами ног, которым хватило бы малейшего шевеления, чтобы нечувствительно для себя обратить в прах все окрестное толчище беззаботной людской мошкары. А на третьей картине уже нет и человека — только отраженный в стоячей воде парус пустой лодки, предвозвестник стремительно надвигающихся времен, когда на берегах этого моря не останется уже ничего живого... Но пока этот идол царил над миром, и имя ему было наречено Рекс, что значит не просто король или правитель, а — Владыка Всего Сущего.

Где-то и сейчас плескалось это пустынное море, а здесь медвяный запах, сгустившийся до непрозрачности, пеленал доверчивую гостью слоистым туманом, застилал нависшую прямо над головой глянцевитую зелень...

— Счастливые люди, — пробормотала она, — никто их на берег морской не ссылал, жили по собственной воле...

— Счастливые. Да. — Голос, такой же завораживающий, как и это чародейное благоухание, доносился из невидимого далека, и если бы не усилие, которое ей приходилось постоянно прикладывать, чтобы расслышать каждое слово, она, наверное, уже свернулась бы на траве — или на Гороновых коленях. — Но за счастье надо платить. Особенно за бездумное.

Спать, спать... Почему она не позволяет себе уступить этому неодолимому дурману, властному и нежному, как... как руки Властителя Ночи?

Потому, что за словами Горона скрывается тайна, которую ты пока только смутно предощущаешь.

Так и есть. Значит — не спать.

Она встрепенулась:

— Кому платить? И чем?..

Она, не глядя, все же почувствовала — Горон досадливо шевельнулся, наверное, пожал плечами:

— Плата. Мерзкое слово. Тем более что здесь при-

шлось расплачиваться не отдельным людям, а всему человечеству. Ка подчинялись единой цели, изначально заложенной в их памяти: прежде всего обеспечить каждому обитателю Староземья исполнение всех его прихотей. А это год от года становилось все труднее. Бесценным стало то, о чем раньше никто и не задумывался: то, что природа давала даром. Мелкие моря затягивались гниющими водорослями, удушливый жаркий туман отравлял каждый глоток воздуха, ни один клочок истощенной земли не рождал больше естественной пищи...

— Я догадываюсь, — перебила его Сэнни. — Потом настали Темные Времена.

— Непроглядные Дни, — поправил он. — Но они настали не сами собой — это сделали магиры. Они наконец вышли из своих горных отшельнических скитов и обратились к замкнувшимся в своих прозрачных скорлупках людям с призывом — а может, мольбой: отказаться от владычества тех, кто давно уже стал истинными хозяевами планеты. И самое надежное — уничтожить их всех, до единого.

— Всех до единого? Но как же тогда жить, ведь именно Ка обеспечивали...

— Ка? Бездушная механическая челядь. Нет. Речь шла о мышланах, лстивых, сладкоречивых, почти бесплотных тварях. Магиры утверждали, что они поставили своей целью подчинить себе разум людей — любой ценой; что злобная воля мышлановой стаи ведет человечество к неминуемой и предопределенной гибели. Но слова, как и ожидалось, оказались бесполезны.

— Знаешь, Горон, я бы тоже не поверила. Маленькие безобидные мышки, наставники детишек и забава стариков... Не вяжется. И главное — зачем? Зачем? Добро бы... — Она запнулась, потому что едва не произнесла: если бы это были крэги.

Но ты никогда не рассказывала Горону о существах, именуемых крэгами.

Еще бы — слишком уж несовместимы они были с лунной сказкой этой заповедной земли.

— Зачем? — Хорошо еще, что Горон так увлекся собственным повествованием, что не заметил ее запинки.

— На этот вопрос магиры ответить не смогли, а без этого их предостережения просто повисли в воздухе. И тогда им осталось впервые проявить всю мощь своего чародейства: на планету опустилась ночь. Предание гласит, что из глубин небытия они вызвали дракона-солнцеда, который заслонил своей мерзостной тушей дневное светило, так что над всею землей распростерлась непроглядная мгла, а по ночам его мерцающий хвост закрывал собой половину небосвода, не давая пробиться ни единому лунному лучу. И так продолжалось несколько суток, пока на земле не осталось ни одного живого мышлана.

А ведь такие хвостатые облака она встречала где-то в созвездии Костлявого Кентавра. Становилось все интереснее, даже сон понемногу отступил.

— Впервые слышу, чтобы мыши боялись темноты.

— Невнимательность. Естественное следствие чрезмерного любопытства. Ведь я говорил тебе, что мышланы, точно так же как и Ка, питались светом. Только лунным. И потому все до единого погибли от голода. А когда Непроглядные Дни миновали, бездушные Ка, насытившись солнечными лучами, вернулись к жизни, как ни в чем не бывало, но вот мышланы навсегда исчезли с лица Старой Земли. Впрочем, существовало предположение, — он заговорил медленнее, словно впервые обдумывал и взвешивал каждое слово, — что они просто стали невидимыми, а главное — души их вселились в Ка. Если...

Он долго молчал, потом пробормотал едва слышно:

— Конечно. Они и до этого там пребывали.

Ну это чересчур даже для легенды. А «лягушки»-то молодцы, победили — как-никак, творения технического прогресса... Она сонно прищурила один глаз и поглядела на пушистую зверушку, черным столбиком замершую у ее ног. Идолище сиятельное, столь высокопарно нареченное Рексом, кто-то догадался запечатлеть на стенке, а вот мышланы сохранились лишь в виде механических плюшевых игрушек. Зачем только? Своеобразный юмор, по всей видимости.

Никаких игрушек, никакого юмора. Не забывай — тайна, неведомая даже мне, еще не раскрыта.

— Все, — с видимым облегчением проговорил Горон, поднимаясь. — Остальное самоочевидно. Староземье все быстрее и необратимее становилось непригодным для жизни, начался хаос и мор. И единственное, до чего додумались староземцы — это заставить своих Ка построить несколько гигантских железных птиц, которые, опираясь на огненный хвост, могли перенести некоторое число людей на новые земли.

— Но ведь эти края принадлежали твоему племени?

Горон скорбно покачал головой:

— Когда-то. Но моего народа больше не существовало. И такая же участь постигла тех кампьерров, которым не нашлось места на кораблях. Маггирам же удалось захватить всего одну, последнюю исполинскую птицу... Поистине героический акт, ведь убеждения не позволяли им убивать даже ради спасения собственной жизни.

— Тогда им нужно было остаться в Староземье и из сострадания закончить свое существование вместе с обреченными, — насмешливо бросила принцесса, в которой проснулось неприятие ложного гуманизма.

Горон не принял ее иронии:

— Сострадание. Вот оно-то и двигало теми из маггиров, кто прекрасно понимал, что на новых землях кампьерры могут не вынести тягот самостоятельной

жизни и погибнут все до единого. Так что захват последнего корабля был деянием, продиктованным добротой, а не борьбой за собственную шкуру. И они были правы: в непривычных, можно сказать — нечеловеческих условиях двух-трех поколений оказалось достаточно, чтобы кампьерры утратили все свои знания, а немногие машины, в том числе и Ка, в этой невыносимой жаре стремительно пришли в негодность. Иссякли захваченные с собой лекарства, а с ними и неограниченная продолжительность жизни, которая, укороченная лишениями, стала теперь одним несмысленным детством с бездумной юностью, после чего сразу же следовала скоротечная старость.

Вот тебе и сказка!

Не все то золото, что блестит.

— Ну какая-никакая, а все-таки жизнь, — удрученно пробормотала девушка, — и она продолжается...

— Теплится. И несомненно угасла бы окончательно, если б не обилие скороспелых плодов, да подземные воды, ставшие доступными благодаря чародейству маггиров, и... И жестокие законы Лунного Нетопыря.

— Хорошенькая доброта, которая отсюда и досюда. Что же магиры не помогут остальным людям заменить жестокость справедливостью?

— Умолкни. Не нам с тобой осуждать тех, кто возвышен над нами даром чародейства, — тон Горона стал вдруг неестественно высокопарным, и вокруг что-то переменялось — светлее стало, что ли? — Поднимайся, нас ждут.

Она прежде всего подняла ресницы, и не без труда: действительно, нависавшая зелень как будто раздалась в стороны, прижавшись к стенам; занавес, сотканный из вьюнков, и вовсе исчез, а вправо и влево открылись широкие проходы — как бы нижние ветви того «лежащего дерева», каким увиделось ей со стороны оранжерейное поселение маггиров. А прямо перед ними

возник нескладный человеческий детеныш, с любопытством разглядывавший ее. Никакой утонченной грации, так поразившей ее при встрече с кампьеррами — подвижное личико с утиным носом, какие-то лоскутные штанишки, угловатые мальчишечьи плечи и торс не слишком хорошо кормленного пажа из захудалого семейства. Ни малейших следов воинской выучки. Ко всему еще одной босой ногой чешет другую.

Но глаза — огромные, жадно распахнутые, они настолько осязательно притягивали к себе, что ей показалось, будто что-то — легчайшая невидимая оболочка ее тела — отделяется от нее и летит ему навстречу, а он впитывает этот фантом всем своим существом, как иссохший, но еще не умерший лист впитывает влагу тумана... Еще один волшебный персонаж из ее собственной, единоличной сказки.

— Привет тебе, чужак Горон, — проговорил наконец человек ломким голосом, встряхивая шапкой нечесаных волос, словно освобождаясь от какого-то наваждения. — Меня прислали сказать, что твой вопрос услышан, а желающие ответить собрались... Многовато их что-то сегодня.

Он улыбнулся так доверчиво и простодушно, что его замечание не показалось принцессе непочтительной вольностью.

— Благодарю. Мы готовы следовать за тобой, — величественно, но отнюдь не высокомерно отвечал Горон, нетерпеливым жестом призывая спутницу подняться наконец с земли.

— Нет, — с явным разочарованием возразил юнец, — твоя маленькая чужестранка там не нужна. Знаешь, кое-кто из старших пытался наслать на нее медвяный дурман, но она почему-то не приняла ни один из волшебных снов... Я потом спрошу у нее, как ей это удалось, ладно?

Нашли, на кого чары наводить, чудодеи доморо-

щенные — на нее, в жилах которой кровь с живой водой! И этот сопливый утконосик, так непочтительно повернувшийся к ней задом...

А вот тут ты ошибаешься — в отличие от твоего проводника, он уже уловил веяние нездешнего чародейства.

Действительно, уловил — развернулся к ней с неловкой ужимкой, опустив одно плечо; как видно, это должно было означать поклон.

— А сейчас черный эльф со всем почтением проводит тебя в гостевое преддверие.

— Возражаю. Я не затем... — Вот теперь в голосе Горона зазвучало ну прямо-таки царственное высокомерие.

Ага, здесь, значит, он мог позволить себе и такой тон.

Принцесса вскинула руку:

— Постой, Горон, может быть, так и лучше, — проговорила она просто и в то же самое время так, как привыкла отдавать распоряжения в своем собственном замке. — Договорись сначала с маггирами с глазу на глаз, а то вдруг мое присутствие затруднит ваши переговоры. Когда же вы достигнете согласия, я к вам присоединюсь. Ну а если что — ты знаешь, где мы условились встретиться. И не беспокойся за меня, этот мышлан — прекрасный проводник.

Горон, следом за мальчиком уже направившийся к левому проходу, обернулся:

— Ошибаешься. Эта пушистая юркая зверушка, Эссени, всего лишь эльф на посылках. А мышланы... Это ведь были мыши не простые, а летучие, которые садились на плечи человеку и нашептывали ...

— Что? — крикнула она, вскакивая на ноги. — ЧТО?!

Летучие...

19. Рондо каприччиозо

Она бежала, не разбирая дороги и видя перед собою только темный ворсистый шар, до которого, как бы она ни убыстряла свой бег, неизменно оставался один шаг, так что наступить на него было невозможно. Домой, немедленно домой! Теперь нужно только скрыться за каким-нибудь поворотом, чтобы Горон, изумленно глядевший ей вслед, не был еще больше потрясен ее загадочным исчезновением. Вьюнковая завеса, которая пропустила их с недоуменным шелестом... пологие ступени... всюду резной камень, маслянистый и полупрозрачный, точно агальматолит... еще одна залитая трепещущими солнечными бликами оранжерея...

Троль ледяной, да откуда же здесь столько воды? Ручьи, каскады, бассейны. Она вгляделась, чтобы запомнить это чудо с предельной четкостью — на предмет возвращения. В последний миг отметила: а вода вроде бы под тончайшей, поблескивающей на изломах пленкой.

— Жди меня на этом месте и никому ничего не говори! — крикнула она своему бесхвостому провожатому, впрочем, по всей видимости и без того бессловесному.

Ринулась в какую-то нишу, традиционно занавешенную вьюнковым пологом — неглубокий грот с дерновой скамьей, как раз то, что нужно; а дальше через привычное ничто прочь из этой сказки, прямо в тусклую невзрачность джасперянского лунного мерцания. Такой вот перелетный вселенский мотылек, порхающий из ночи в день, изо дня — в ночь...

После ослепительных бликов невестийского солнца розоватая перепрелая луна, зависшая над игрушечным садиком Алэла, казалась давно не мытым тусклым фонарем, и все-таки при ее свете принцесса сразу распознала, что происходит что-то неладное: Паянна вжа-

лась своим необъятным задом в зеленое ограждение, того и гляди проломит его и полетит вниз, на узенькую прибрежную полосу, мощенную тесаными камнями. Что-бы что-то могло напугать бывалую воеводиху?

Мона Сэниа догадалась, что это «что-то» у нее за спиной; она резко обернулась, проклиная себя за то, что, пускаясь в свой волшебный вояж, на этот раз пренебрегла даже компактным карманным десинтором... И очутилась нос к носу с Алэлом, замершим на ступеньках лесенки, по которой он, совершенно очевидно, только что спустился с вершины холма.

Вид у маленького короля был еще тот: взъерошенный и одновременно ошеломленный, он напоминал небольшого зверька, который внезапно увидел перед собой хищника, превосходящего его и величиной, и силой; инстинкт отпускает всего лишь миг на то, чтобы решиться — броситься на врага, защищая свое гнездо, или бежать без оглядки. Но сейчас этот миг что-то подзатынулся.

— Прости меня, великодушный властитель. — Мона Сэниа поспешила склониться перед ним самым почти-тельным и демонстративным образом. — Я замешкалась, а моя прислужница, как я вижу, утомила тебя своим присутствием.

— Не извиняйся, дитя мое. — Он уже овладел собой и медленно расправлял плечи и опускал кулачки, судорожно прижатые к груди; даже при свете послезакатной рыжеватой луны было заметно, что между сухими старческими пальцами что-то поблескивает.

Алмазы. Полные горсти алмазов. Черные небеса, неужели беззащитный королек испугался, что его ограбят?

Алэл, похоже, угадал ее мысли.

— Я изумился, потому что никак не ожидал увидеть здесь чужеземку. Ведь она, если я не ошибаюсь, соплеменница того, кто был счастлив подарить миру такого

славного малыша? — Мона Сэниа, спохватившись, поискала глазами — так и есть, безмятежно спящий Эзрик сопит в углу, ничьими заботами не обласканный. — И, насколько я могу догадаться, эта почтенная женщина так же, как и другой твой чернокожий гость, лишена летучего дара?

Странно. Одного предположения о возможной причастности Паянны к племени «перелетных» вроде бы маловато, чтобы до такой степени напугать чародея. А вот о новоявленных способностях Харра она ему рассказать не успела и, наверное, правильно сделала; во всяком случае умолчать — это еще не обмануть.

— Ты совершенно прав, о мудрый король. Видно, на то была воля древних богов, чтобы число наших наследников сравнялось с числом твоих внуков; вот мне и понадобилась помощница. Я выбрала именно Паянну в нянюшки нашему приемышу, потому что боялась поселить здесь прислужницу, обладающую даром перелета через ничто — ведь тогда я не чувствовала бы себя в полной безопасности ни за своих детей, ни за народ твоих островов. Скажи, разве я не права?

Но Алэл задумчиво глядел куда-то повыше ее плеча и словно не слышал обращенного к нему вопроса.

— Да, — проговорил он наконец так задумчиво, словно обращался к себе самому. — Мне нужно закончить высокий труд, возложенный на меня судьбой... или волей древних богов. Поэтому до его окончания дни мои будут отягчены нелегкой властью над стихией земли. А за это время ты, неутомимая владетельница острова, который ты так причудливо нарекла Игуаной, должно быть, закончишь строительство нового дома.

Последовала недоуменная пауза. Что за странный логический переход? «Да он ведь ждет приглашения!» — вспыхнула неожиданная догадка.

Вот это действительно сюрприз!

— Ты угадал, всеведущий Алэл, — она снова поклонилась, — строительство близится к концу, и мы с мужем были бы несказанно счастливы, если бы ты, полновластный государь всех Первозданных островов, благословил наш новый замок, первым переступив его порог. Этот дом возводится из камня, поэтому твоя власть над всеми дарами земли принесет ему удачу.

Алэл снова устремил взгляд куда-то вдаль:

— Нет... Нет. В тот день я испрошу власти у другого божества, ибо мне понадобится владение иной стихией.

— О, разумеется. — Она вспомнила его первое появление — легкокрылая лодка в ночи и черная величественная тень могучего короля (на скамейке стоял, как она потом догадалась). — Но путь по морским волнам неблизок, так что моя дружина, да и я сама к твоим услугам, король Алэл. Тем более если это приглашение примут и твои дочери вместе со своими...

— Нет!

Это «нет» было столь решительно и поспешно, что несколько камешков, сверкнув в лунных лучах, выскользнули из его рук и глухо затукали, прыгая по утопанному земляному полу.

В воздухе повисла напряженная тишина, только с моря доносился отдаленный плеск и редкие, неразличимые возгласы, которыми перебрасывались припозднившиеся рыбаки.

Алэл и сам почувствовал ни с чем несообразную резкость своего тона:

— Я хотел сказать: нет, не воды морей и земных источников будут подчинены мне в этот день. Мне понадобится мудрость всеведения, даруемая самой загадочной, пятой стихией, коей подвластна вся живая плоть.

И снова его взгляд метнулся к Паянне, теперь уже, похоже, независимо от его воли. Но тут, как видно, коса

на камень нашла: чернокожая великанша фыркнула, как добрый боевой конь, сделала несколько решительных шагов и встала рядом со своей госпожой, уперев ручищи в бока и набычившись:

— И чем же это я тебе не угодила, государь мой добрый? — пророкотал воеводшин бас, в котором не проскальзывало ни малейшей убежденности в королевской доброте.

Алэл от неожиданности дернул головой, заставил себя улыбнуться:

— Владетельная мона, скажи своей прислужнице, что слуге надлежит угождать только собственному господину. А в знак того, что нет у меня к ней никакого нерасположения, пусть она возьмет любой из камней бесценных, что лежат на земле.

Паянна фыркнула еще громче:

— Да на кой ляд они мне, старухе? Ты уж одаривай ими своих дочерей, король мой милостивый, раз уж ничем другим осчастливить их не смог!

Принцесса только ахнула и, метнувшись в сторону, подхватила на руки небрежно спеленутого Эзрика.

— Ты прости ее, великодушный Алэл, она прибыла из диких земель...

— Не тревожься понапрасну. — Голос короля потеплел и утратил монаршие интонации; воеводшиной грубости он как будто и не слышал. — Тем более что сейчас кто-то беспокоится за тебя гораздо сильнее.

Намек был недвусмысленным.

Мона Сэниа торопливо поклонилась, цепко ухватила за плечо распоясавшуюся няньку, нимало не заботясь о том, что это отнюдь не безболезненно, и в следующий миг они вместе с приемышем очутились возле своего маленького замка, центральный купол которого был как всегда увенчан недвижно замершей белоперой птицей.

Колокольчиковый луг, при свете пряничной луны

казавшийся лиловым, был пуст, если не считать Пы, неприкаянно болтавшегося возле привратного кораблика — похоже, ожидал Паянну, к которой в последнее время испытывал прямо-таки сыновнюю привязанность.

— Ты с ума сошла! — напустилась принцесса на свою спутницу, едва лишь их ноги коснулись отяжелевших от ночной росы цветов. — Никто не смеет разговаривать таким тоном с королем Первозданных островов... вообще с любым королем!

— Чевой-то ты распетушилась? — хмыкнула воеводша; вот уж что роднило ее с Харром, так это стойкое наплевательство к канонам субординации. — Тоже мне королек сероштаный, даром что они у него шелками понавышиты. И рожа-то наярена, точно кувшин расписной. А сам — хмырь болотный, вот что я тебе скажу.

— Держи свое мнение при себе, на кухне! — окончательно вышла из себя принцесса. — Он — владелец земли, на которой мы живем, и наш ближайший сосед...

— А то это жизнь! Да и сосед таковский, коли твоих чад, что рожоного, что подкидышей, в упор зреть не желает. Вишь, не ровня они царевниным высеркам, а!

— Паянна!!!

— Ну и что — Паянна? Не правду баю? Я-то на евонную королеву, Ушиню-лапушку гляючи, обмирала от зависти — ведь и лицом мила, и душой щедра; думала, и мужик над нею всем гораздый, уж не хуже мово покойника. А этот — тьфу, шмакодявка. Не, была бы Ушиня всем островам господарыней, она б и рыбачьим народом своим мудрее правила, и в собственном дому достатку было бы поболее — не смерды, чать; да и мелюзгу свою вкупе с нашими содержать велела, дитям-то в куче все веселее, с малолетства сдружились бы — всюю жисть их было бы водой не разлить. Такое что в бою, что в беде дороже золота. Даж голубого.

— Королевская воля не обсуждается, Паянна, хотя справедливости ради должна тебе сказать, что о детях я точно так же думаю. Ради них я тоже предпочла бы видеть на троне мудрую Ушинь, но никогда не позволю себе обсуждать это даже в самом тесном кругу. Король — это тебе не твой придорожный князь.

— Так был бы король, а то — обсосок...

За спиной кто-то икнул, давась смехом, и принцесса, круто обернувшись, только сейчас обратила внимание на Пыметсу, который ловил каждое слово своей опекуни с немим восторгом.

— Пы, ты в карауле? Нет? Тогда — марш спать. А с тобой, Паянна...

С верхушки центрального корабля раздалось восторженное уханье Гуен, и одновременно возле самого порога возникли две фигуры. Эрм и... да не кто иной, как собственный муж. И где это он так поздно пропал?

В следующий миг она досадливо прикусила губу: из-за этой неотесанной бабищи она не успела не только привести себя в порядок, но и подумать о том, как же она будет, старательно избегая явной лжи, оправдывать свое столь долгое отсутствие. Тут главное — не допустить, чтобы вид был виноватый. Ну хоть это-то она успеет?..

И с удивлением поняла, что если у кого-то из присутствующих вид донельзя растерянный, так это как раз у доблестного командора.

Нападение — лучший способ защиты.

— Смею спросить тебя, благородный эрл, и кто это в последнее время донимает меня упреками за поздние прогулки?

— А что, так уж поздно? — Как будто луна не над самой головой! — Знаешь, мы с Эрмом как-то заболтались на берегу, тут одна неувязочка выплыла: сервы, не разобравшись, конюшню на втором этаже лепить нача-

ли, вот мы и решили ее не сносить, а приладить под спортивный зал... Ему слетать пришлось в Асмуров замок, кое-что на месте проверить...

Убедительно. Одно только насторожило: многозначительный взгляд, которым ее супруг обменялся — но не с Эрромиоргом, а с Паянной.

— А дети где?

— Как — где? Спят без задних ног. Набегались.

— Одни?

— Что это сегодня с тобой, мое твое величество? Когда это наши дети оставались одни? Сорк возле них. И Дуз с Кихом в шатровом. Пошли, пошли...

Он протянул ей руку и вдруг замер с самой восторженной физиономией:

— Ты... Ты сегодня... сделай милость, подними руку, словно хочешь достать стрелу из колчана, который за спиной... Так. Не хватает только Бэмби с рожками, и тогда я буду первым мужиком, который имел... Кхм. Паянна, ну что стоишь? Покорми Оську и уложи побыстрому.

— Кормлен. От пуза.

— Так чего же ты ждешь? А ты, Эрм, можешь вернуться в замок, но завтра с утра мы продолжим... то, что начали.

Ох, темнит звездный эрл, темнит. И очень кстати.

— Ты хотел что-то сказать, муж мой, любовь моя? — вкрадчиво напомнила мона Сэниа, когда они остались одни.

— Я хотел сказать, что буду первым мужиком в истории... — Он подхватил жену на руки, понес к дому торжественно, словно почетный трофей. ...который имел честь... Не дрыгай ногами... Дело в том, что Артемида-девственница, она же по совместительству и Диана-охотница, предводительница нимф, охранительница флоры и фауны, ревнительница целомудрия и прочая, и прочая, похожа на тебя, как две капли воды.

На своем веку сия дева страсть сколько мужиков загробила, и все только потому, что они осмелились глаз на нее положить. Кровожадная была, недотрога античная, ей даже человеческие жертвы приносили. Завтра я покопаюсь в Ююшкиных книжках, покажу тебе ее на картинке.

Она обняла его за шею, доверительно шепнула:

— Мне бы столько титулов и, как говорят к тебе на Земле, общественных нагрузок по совместительству — тоже навсегда в девочках осталась бы...

Он почесал в затылке, как делал всегда, когда пытался что-то припомнить (и постоянно забывая о том, что это чувствительнейшим образом ее раздражало).

— Да, чуть не забыл: прибавь ко всему еще и диадему лунной владычицы! Представь себе: ты — в пелене лунного света...

Вот к этому она никак не была готова — из мягкого плена любимых рук ее точно отбросило назад, в душную полночь, где черные скалы перечеркнуты ослепительным серебром, оливковое кружево подлесий таится в долинах... И неизбывная боль на губах. Впервые — между нею и Юргом.

Ну уж нет! Что подвластно Юпитеру... А в первую очередь ему подвластен он сам (плохо же она Юпитера знала...) Так что это наваждение она сейчас пригасит. Не впервой.

— Не дрожи, не поможет, — свирепым басом, которому позавидовал бы любой козлонравный сатир, уже отловивший свою нимфу, пообещал командор, перенося жену через порог их жилища. — Пора поставить на всей этой мифологии жирный крест.

Она заставила себя засмеяться:

— Хвастун! А если получится клякса?

— Не дразни античного героя!..

И уже за полночь, когда над Бирюзовым Долom торопливо выкатилась пятая луна, мона Сэниа улови-

ла сонный шепот: «Ну теперь и помереть не жалко, пусть хоть вепри рвут, хоть псы грызут...»

Банально, конечно, но что еще возьмешь с простодушного варвара, мнящего себя Геркулесом по завершению тринадцатого подвига? Она не отозвалась. Как и на всякую женщину, отрезвление нисходило на нее прежде, чем на ее супруга; но как и каждая Настоящая Женщина, она никогда не давала почувствовать этого мужу. Тем более что мысленно она была уже в непредставимом для него далеке, в царстве Лунного Нетопыря, где до желанной цели — талисмана, который, черт побери, достанется ей и только ей, оставалось всего несколько шагов. Если бы не заунывный рассказ Горона, она, может быть, к этому времени уже получила бы от маггиров заветный амулет... или убедилась в том, что и на этой планете искать его бесполезно.

Теперь придется ждать, пока муж не начнет похрапывать отнюдь не на античный манер. Горон тем временем отправится в обратный путь, маггиры разбредутся кто куда и ради нее уж конечно снова не соберутся. И во всем виновато ее любопытство, как будто нельзя было оставить до лучших времен эту доисторическую междоусобицу с мышами и лягушками...

Хотя что-то в этой эпопее было нелогичным. Ну оказались мышланы не плюшевыми зверюшками, а коварными вездесущими крэгами — так этого можно было ожидать, сами же джасперяне, отдавая последний долг почившим предкам, и раскидывали их осиротевших спутников-поводырей по всем, какие ни попадя, планетам Вселенной. Тут-то они и расплодились...

Стоп. Вот и неувязка: ведь крэги соглашались оставаться только на незаселенных планетах.

Хотя — привез же их кто-то в незапамятные времена на Тихри. И на Джаспер. И от многолюдства Равнины Паладинов они не передохли, размножились как миленькие.

А в этом самом легендарном Староземье мышланы вели себя так, как и следовало ожидать от крэгов: исподволь, от поколения к поколению завладевали умами людей, чтобы привести их к полному повиновению, дабы стать полновластными хозяевами планеты. Умудрились вселиться в этих загадочных Ка.

Но магиры, надо отдать должное, вмещались вовремя. Только как же тогда быть со знаменитой доктриной крэгов, которую в последние секунды своей жизни выдал вероломный тихрианский колдун Кадьян? Ведь целью своего существования крэги считали не уничтожение человечества и даже не безграничную власть над ним; у нее в памяти, врезавшись навечно, были отчеканены слова: «Необходимым и достаточным условием покорения Вселенной в целом является подчинение себе на каждой отдельной планете той имманентно присущей ей ноосферной надсистемы, которая...»

Тогда, помнится, громовой раскат заглушил окончание фразы, но оно воспроизводилось однозначно: «...которая на ранних стадиях развития цивилизации именуется богом.»

Но ведь летучие мышланы не делали никаких попыток прибрать к рукам бога кампьерров — да и как это можно было сделать практически? Статуя Рекса была только исполинской игрушкой, поклонение ему скорее напоминало модное времяпрепровождение — если только любая религия со всеми ее прибабасами не есть самое долговременное и грандиознейшее воплощение моды...

Она повернулась на бок, подсунула ладошку под щеку. Благородный эрл даже не шевельнулся. Для надежности надо подождать еще пару минуток, а то ведь нельзя каждый раз оправдываться тем, что захотелось окунуться в полночное море.

Море!

Она сразу вспомнила недоумение, которое охватило ее, когда она услышала из уст Горона это слово. Его родная земля, выжженная смертоносными солнечными лучами, где нет не то чтобы озера — лужи с открытой водой. И совершенно естественный рассказ о море! Непостижимо. И говорил-то он о море как о чем-то реальном, словно видел его собственными глазами... Где только?

Сонные чары, которыми пытались усыпить ее магиры, притупили ее ум, и сейчас она с трудом представляла себе и мелкое розоватое море, и белоснежного колосса, вознесшегося золотой своей тиарой под самые облака. Хотя вряд ли он устоял за столько-то лет — чем крупнее такой исполин, тем он уязвимее для малейшего подземного толчка. И скорее всего сейчас лишь раскиданные по дну бесформенные обломки проступают сквозь толщу мутноватой морской воды... Да, так оно и есть. Цепочка мелких островков. И еще что-то изжелта-белое, похожее на скелет громадной рыбы... Да ведь это те самые кости, которые были найдены на берегу, где сервы возводили их новый замок! Но почему они не тонут, а плавают на поверхности свахейского залива?

Она осторожно, чтобы не разбудить мужа, спустила ноги с постели прямо в теплую воду и побрела, подбирая края своего сиреневого одеяния, к витым золоченым колоннам полузатопленного храма, радуясь тому, что вода едва-едва доставала до колен; но внезапно костяной хребет, стремительно обрастая зловонной плотью, по-кошачьи изогнулся горбом и надвинулся на нее, и она, заходясь детским безудержным страхом, закричала: «Алэл, да помоги же!..» — «Я исполнен власти над стихией земли, поэтому в море я сегодня так же незащищен, как и ты, — донеслось до нее словно из глубины. — Прости меня, я плохой король и никудышный чародей. Беги, спасайся!» И страх тут же пропал.

Бежать? Маленький королек советовал это ей, ненаследной принцессе Джаспера?

Она презрительно вздернула подбородок и шагнула дальше, сразу же проваливаясь уже по пояс. Чудовище, успевшее покрыться пятнистой шкурой, ударило хвостом по воде в бессильной ярости, словно его студенистые мертвые глаза без зрачков не в силах были разглядеть свою жертву. Только не бояться, ничего не бояться, ведь пока в ее жилах еще пульсирует хотя бы капелька чудотворной воды, никакое волшебство не может причинить ей ни малейшего вреда!

Лупоглазая морда замерла совсем близко, змеиный проворный язычок облизнул бородавчатые губы. «Однако снедь на столе, завтракать подано», — флегматично заметило чудо-юдо голосом Паянны, и принцесса, схватившись за голову, взметнулась на постели.

Проспала! Позорно проспала!

— Ты что же, окаянный, раньше разбудить не мог... — бормотала она, на шаривая свой аметистовый обруч.

Свянич, сидевший у нее в ногах на задних лапках и старательно полировавший передними свой правый глаз, укоризненно скосился на нее и юркнул под кровать. Ах да, наяву-то они ведь не разговаривают. Как сервы. Но мог бы хоть за пятку пощекотать. А то теперь ломай себе голову, с каким выходным монологом являться перед маггирами; а того проблематичнее — под каким предлогом среди ясного раннего утра исчезнуть с Игуаны.

Она торопливо затянула змеиные ремешки сандалий и выбежала под мягкие лучи едва пробудившегося солнышка.

Зрелище, представшее ее взору, было для мирного завтрака, мягко говоря, нехарактерным: все взрослое население Бирюзового Дола собралось в тесный кружок, взволнованно разглядывая нечто, лежащее у их ног; три птицы, образуя небесный хоровод, кружили

над самыми их головами, причем Гуен все время обнаруживала поползновение ринуться к земле и разобраться с тем, что там скрывалось, в своих лучших хищных традициях. Ее отгоняли без особого рвения. Доносились возгласы: «Да точно он!» — «А чего мастью в козла? Был же рыжим!» — «От его-то жизни посидеешь...» — «Козлом жил, козлом и помер».

Она подбежала, раздвинула стоящих — на залитых солнцем колокольчиках злобно кривила губы кудлатая голова. Лоб рассекала запекшаяся рана, как видно, с первого удара противник взял чуток повыше, чем следовало.

— Джанибаст, — с законным удовлетворением констатировала принцесса. — Уберите эту пакость, пока дети не увидали.

— А вот пацанке не худо бы поглядеть, как с мучителем ее матушки поквитались, — с петушиным задором возразил полнозвучный знакомый голос.

Менестрель бродячий, естественно — кто же иной с утра пораньше дерзнул бы пререкаться с ее высочеством?

— Прибери черепушку-то, косолапик, тебе сподручнее, — буркнула Паянна. — Как верховным судьей станешь, сколь еще головешек за чуб покидаешь!

Пы послушно нагнулся (в последнее время он повиновался своей опекунке едва ли не проворнее, чем командору), ухватил жуткий трофей за слипшуюся от крови бороду и легонько подкинул вверх. Гуен с плотоядным уханьем ринулась на добычу — и ошалело захлопала крыльями, обнаружив, что та загадочным образом испарилась прямо у нее из-под клюва. Исполненная законного негодования, она наградила Пыметсу смачным творожистым шлепком.

— Умойся, растяпа, — брезгливо сморщившись, поторопила его принцесса, поглядывая на оскверненное светило, в последнее время что-то чересчур часто ис-

пользуемое в качестве мусоросжигательной печи. — И в дальнейшем прошу больше наше солнышко подобной мерзостью не марать. Выбирайте что-нибудь подальше от Джаспера. А теперь живо — за стол.

Все потянулись к столу, накрытому прямо на траве. Толстая воловья шкура пригибала росистые колокольчики, на нее была наброшена двухцветная льняная скатерть — сувенир с Земли. Харр по-Харрада, чувствуя себя именинником, бесцеремонно примеривался, к какому из дымящихся блюд стоит пристроиться поближе.

Флейж не стерпел, поддал ему острым локтем под ребро:

— Что, вольные хлеба поперек горла встали?

— С чего ты взял? Я, может, каждый день с князьями да графьями харчевал!

— То-то у тебя кафтан на брюхе от жира светится — сколько пирогов да окороков за пазухой побывало?

Харр скосил глаза книзу: угадано было точно, пировал он не за столами вельможными, а все больше по ночам в кухнях да кладовках.

— Ну! — произнес он с вызовом. — Зато гада приложил, до которого вы тут, прохлаждаючись, за целый год дотянуться не могли.

— Ладно, герой, что сделано, то сделано, — проговорил командор, пристраивая на колене примчавшегося сынишку. — Мой стол для тебя накрыт что днем, что ночью. А вот новопреставленного гада мы не без умысла не трогали — неужели ты думаешь, что мои воины с ним давным-давно не сквитались бы, дай им только волю?

— Да на кой он тебе ляд? — изумился менестрель.

— Видишь ли, друг мой, — как можно мягче проговорила мона Сэниа, усаживая рядом с собой Фирюзу, — не исключено, что таинственный амулет, который мы столько времени пытаемся отыскать, находится уже на

Джаспере... и скорее всего в замке покойного Джанибаста, челядинцы которого, как мы полагаем, не прочь были поживиться чужим добром на других планетах. Если начать штурм, все самое ценное начнут прятать, а если к тому же этот скотный двор запылает...

— Ну раз уж мы там Скуюзову девку разыскали да отбили, то и твой амулет откопаям, хоть пришлось бы замок по щепочке разнести! — решительно пообещал странствующий рыцарь, в котором наконец-то проснулся былой неукротимый дух. — Прикажи только, княгинюшка разлюбезная!

— Но-но, — командор, уже всерьез занятый копченой олениной, погрозил ему обглоданным ребрышком. — Отставить самодеятельность. Тем более что вероятность такого варианта все-таки мизерна. У нас тут другая идея возникла... Ты как, никуда не торопишься?

— Одно дело и было — так управился, как видишь, побойчее твоих, — тихрианский менестрель самодовольно огляделся, обтер жирные пальцы о штаны. — Больше спешить вроде и некуда, Тихри свою я уж поперек дорог всю облетал, теперь осталось одно: в весенний край заглянуть, где Паянна-сударыня воеводила.

При этих словах Паянна замерла и медленно выгнулась грудью вперед.

— А ничего ль не опасуешься, певчий воробей?

— Это я-то? Х-ха! Сколько дорог пёхом перемерял, а теперь летом летаю — так чего бояться-то?

— Ну-ну, — неожиданно сбавила тон старая воеводиха, задумчиво рисуя кончиком ножа на скатерти какие-то рунические знаки. — А вот что присоветую я тебе в напутствие: коль решил ты покинуть кров гостеприимный, где и спалось тебе сладко, и пилось-жралось до усёру...

Мона Сэниа не выдержала, тоскливо глянула вверх: солнце поднималось сегодня, как ей показалось, вдвое быстрее, чем обычно. И что это Паянну за язык дернуло?..

А та продолжала, вкрадчиво и даже напевно:

— Так не любо ли тебе дань уплатить посильную, — не унималась воеводиха, — приветить хозяев песнею благодарственной?

— Ну дань — не дань, а песню-то мы с тебя потребуем, — оживился командор. — Иметь в гостях менестреля, и ни тебе баллады, ни серенады, ни как его там... рондо каприччиозо, что ли. В общем, спой, что хочешь.

Харр потянулся через стол, одобрительно хлопнул Паянну по плечу:

— Ну это ты, старав, на отличку придумала — доброй песней день начать. Наперед повеличаю я княгинюшку нашу несравненную...

Все как по команде оборотились к принцессе, которой вроде бы после таких слов надлежало смущенно зардеться. Но она сидела с каменным лицом, моля всех древних богов только о том, чтобы этот завтрак не перерос в настоящее пиршество по случаю прощания с гостем. А тот уже неторопливо навешивал себе на уши какие-то пестрые скоморошьи косички, прилаживал меж сложенных ладоней туго натянувшуюся пленку из рыбьего пузыря. Все ждали, затаив дыхание, Фирюза даже высунула кончик языка.

Удостоверившись во всеобщем внимании, певец поднес к губам стиснутые ладони, набрал полную грудь воздуха и что было силы дунул в щелку между большими пальцами.

Ни с чем не сравнимый дребезжащий, раздирающий барабанные перепонки звук заполнил все пространство Бирюзового Дола, точно разом вздернули за хвосты дюжину охрипших котов; все восседавшие за трапезой отшатнулись в сторону (кроме Паянны, как видно, уже знакомой на родине с подобным музыкальным оформлением певческих концертов); птиц, все еще круживших в поднебесье, как ветром сдуло.

Харр по-Харрада удовлетворенно усмехнулся, слов-

но иного и не ожидал, снова набрал полные легкие и завопил дурным голосом — на полторы октавы выше своего обычного:

Княгинь наш-ша харрша,
Златого стоит елдыша!
Жиг — жа!!!

Оцепенение было всеобщим.

Потом мона Сэниа медленно притянула к себе Фирюзу и прижала ее кудрявую головенку к своему боку. Девчушка взбрыкнулась, вывернулась из ее рук и снова уставилась на певца широко раскрытыми синюющими, как у отца, глазенками.

— Паянна, детей пора одевать на верховую прогулку, — наконец-то спохватился Юрг.

— Эй, фазан рыжий, — ухмыляющаяся воеводиха как ни в чем не бывало переадресовала Флейжу приказание командора. — Ты там поближе, тако подсуетись, уважь старуху. А мне еще покойфовать охота.

«Чертова кукла, — с неожиданной яростью подумала принцесса. — Тут волей-неволей перейдешь на мужнин лексикон!»

Менестрель между тем снова прилаживал к губам свой чудовищный инструмент:

— А теперь черед и князя нашего повеличать!

— Грамерси, как говорится, за честь, но лучше не надо! — замахал руками Юрг.

— Почто так? — искренне огорчился песнопевец.

— Видишь ли, — командору стало его даже жалко, — у нас принято величать только по торжественным случаям, вот на день рождения, к примеру. А так трубадуры обычно распевали баллады о рыцарских турнирах и славных походах...

— Понял! — обрадовался Харр, и никто не успел ни опомниться, ни уши зажать, как раздался снова чудо-

вишный звук, в котором смешались свист, визг и дребезжание.

Несгибаемые колокольчики окрест легли.

Неистовый исполнитель тихрианских народных напевов горделиво тряхнул цветными косицами и возопил:

А ехал рыцарь на войну,
Чтоб набить свою мошну;
Не добыл он ни хрена —
Два поломанных копья!
Жиг-жа!!!

Мона Сэниа наградила его благодарным взглядом, в котором при желании можно было угадать: «Ну в прошлый раз я тебя, как видно, слишком близко забросила...»

Юрг угадал.

— Благодарю за несравненное удовольствие, — проговорил он, внутренне морщась — звучало-то это донельзя фальшиво; — как-нибудь вечером, когда дневные заботы будут позади, мы снова усядемся за общим столом, и тогда уж я научу тебя настоящим застольным песням. Идет?

— Обидно, коль не шас, — нахально возразил менестрель. — В весеннем краю, чтоб накормили досыта, придется от дыма до дыма горло драть. Одну бы...

— Ну ладно, одну так одну, — согласился Юрг. — У нас застольные песни звучат примерно так.

Он откашлялся, к собственному недоумению констатируя, что на самом-то деле ни одной застольной толком и не помнит; попытался найти поддержку у жены, но его взгляд натолкнулся на застывший лик, малоотличимый от каменного изваяния, о котором он так восторженно повествовал вчера вечером.

— Значит... Гхм... На-а-лей, выпьем, ей-богу, еще! Бетси, нам грогу стакан...

— Не, не! — замахал руками менестрель. — Так не пойдет. Где ж это слыхано, чтоб за честным столом, купецким аль воинским, похабель такую распевали! «Налей», вишь! Это ведь ты челяди прислужной наказываешь; а разве ж можно в песню слово вставлять, ежели оно к холую подлому обращено? Тебя ж объедками закидают, а то и кубком кованым приголубят! Нет уж, господин мой щедрый, пусть уж каждый своим делом занимается: ты мечом маши, а я песни буду петь величальные да веселительные.

— Ну будя хозяина-то хаять! — оборвала его Паянна. — То-то ты своим делом занимаешься, ишь оружка за пояс напихал! Да еще, поди, сколь по хоронушкам заначил. Так что кончай хвост распускать, у князя к тебе, кажись, разговор был. Аль нет?

Она оборотилась к Юргу, уже было собравшемуся парировать тихрианские певческие каноны великорусской «дубинушкой», и он торопливо закивал, впервые, похоже, благодарный ей за то, что она привычно ухватила бразды правления в свои черные лапищи.

— Да вот отвлеклись мы малость, — проговорил он с несвойственным ему смущением. — А просьба-то у меня к тебе самая пустяжная: прежде чем на весеннюю Тихри податься, заскочи-ка ты на минуточку обратно на эту... Ала-Рани, где пропадал ты столько времени. Куда хочешь, хоть в город, хоть в лесок, хоть на островок безлюдный. И кого-нибудь из наших прихвати. От тебя и дела-то никакого не потребуется, а ему — глянуть разочек и место это запомнить, вдруг все-таки придется и в тех землях пошуровать на предмет поиска талисмана этого проклятушего. Ну как, согласен?

Из Харра словно воздух выпустили — поникли плечи, обвисли усы, упав на блюдо с печеными угрями.

— Только забывать начал... — прошептал менестрель.

Командор глянул на него сочувственно, понял: язык не повернется настаивать на своей просьбе. Но

мона Сэниа вскочила, подбежала к опечаленному певцу, обняла его сзади за плечи.

— Что было, того не поправишь, друг мой, — заворковала она, невольно копируя интонации королевы Ушини, — только вспомни — сын у тебя растет. Время-то быстро летит, возмужает он, захочет на родину свою далекую глянуть, а как туда доберешься, если ты один дорогу указать можешь? Давай прямо сейчас и слетаем, ты в тот же миг назад вернешься, хоть сюда, хоть на Тихри. Только не раздумывай, прямо беремся за руки — и туда!

— Ну да, прямо так, полуголая! — запротестовал заботливый супруг.

— Сейчас снаряжусь!

— Да теплынь там... — пробормотал Харр, поеживаясь.

Выходило так, что его согласия больше и не спрашивали.

— Подь-ка сюда, — поманила его Паянна, направляясь к кухонному навесу. — У меня к тебе тоже наказ будет.

Менестрель поднялся и обреченно поплелся за воеводихой.

— Ты вот что, — басовитым шепотом наставляла она его на ходу, — с той землицы аларанской подавайся-ка прям в родимые края, пока еще каку хреновину на шею тебе не навесили. А как перекинешься в весенню-то окончность дороги нашей, ушами не хлопай, почаще оглядывайся. Как до первой рогатки доберешься, прими вправо и чеши по полям, благо талых болот тебе таперича опасаться не с руки. Лётом перелетишь. Ни с кем не базарь, а то начнешь про меня али про супруга мово покойного выпрашивать — мигом ты лазутчиком с чужой дороги окажут, а тут уж — без суда в ближайшую колдобину рылом книзу, пока не перестанешь пузыри пускать.

— Благодарствуй на добром слове, — мрачно усмехнулся бродячий певец. — А почто мне вправо забирать, к Дороге Свиньи — получше пути нет, что ли?

Паянна несколько мгновений глядела на него испытующе, потом решила:

— Лады... Что здешнему князю ты своим горлопанством не потрафил, этого ты не уразумел. Не дадено тебе. Но вот коли не приглянешься ты служивым людям, что под утрешними небесами жгучими век свой кончают — то беда будет нешутейная. Вот на сей предмет и открою я тебе тайну заветную. Слушай: как подашься ты на праву руку, доберешься до леса граничного, гляди в оба: колодез там чернокаменный должен быть, к этой поре в него как раз солнышко заглянет, он ото льда и отойдет. — Она невольно запрокинула голову и устремила свой взгляд вверх, словно ожидая увидеть желтовато-блеклое светило родимой земли.

— Ну и что за водица в колодезе том? Живая, что ли?

— Вода как вода. — Паянна тряхнула головой, словно отгоняя воспоминания. — Только, бают, на дне в ем ларец лежит. Нашарь, неглубоко там. Как откроешь, ничего не лапай, ни жемчугов бесценных, ядом травленых, ни свитков с письменами заговорными, что как прочтешь — язык и отсохнет, ни бубна среброзвончатого, что в глухоту загоняет...

Воеводша, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, добралась до кухонного навеса и тут, резко обернувшись, схватила певца за ворот засаленного камзола и притянула к себе, так что его лица коснулось ее мощное и чистое дыхание; «совсем как у мужика нехилого» — мелькнуло в голове у самозванного рыцаря, но эта мысль тут же и улетучилась.

— То приманка-обманка для жадных рук, не моги ее трогать! — продолжала чернокожая старица. — А ты загодя припаси рогулечку малую, скарб тот блескущий

ею разгреби и со дна выуди тростинку неприметную. Вот она-то одна — сокровище истинное, о коем всех дорог песельники токмо мечтать и могут. Ларец-то обратно закрой, а тростинку к губам приложи бережно и дунь тихохонько; запоеет она голосом лесным-ветровым, и будет та песня столь сладка...

— Харр, ты готов? — Принцесса, уже успевшая натянуть свою непробиваемую куртку, подбежала к ним, для спокойствия мужа прилаживая к поясу кроме меча еще и десинтор. — Выбери какой-нибудь укромный уголок, где мне никто не мешает посидеть, пригладиться. Есть там горушка, для людей неприступная?

— Зачем — горушка? Дом у меня там собственный об одну светелку, прикупил я вовремя. Торчит над городом, как поганка на тонкой ножке, вход заколочен, окошки узенькие. Гляди себе сверху, сколько влезет, ни единая душа и не приметит.

— Под твою ответственность! — строго проговорил командор, уже понимая, что слова лишние: уж чего-чего, а ответственности у бродячего менестреля было не более чем у бездомного пса.

Харр по-Харрада вздохнул и с убитым видом протянул принцессе руку.

20. Два талисмана

Узенькое, точно бойница, окошко располагалось на уровне пола, и мона Сэниа, бросив куртку на пыльные доски, устроилась на ней, с хорошо скрываемым равнодушием обозревая раскинувшиеся внизу плоские крыши чужедального становища, зеленеющего, точно весенний огород. Зелень, действительно, была повсюду: в кадках и горшках по краям крыш, вьюнками — по стенам, даже из окон торчала щетинистая поросль, точно волосы из ноздрей у тролля. Глянцевитые плитки,

которыми были крыты ближайшие строения, перила, даже статуи на одном из домов — все приятно отливало теплыми нефритовыми тонами.

Неплохо бы и на Игуане завести такое.

В кривых проулочках время от времени проскальзывали тени, тоже зеленоватые; прохожие жались к стенкам, торопливо перебегая от дома к дому. И — неестественная тишина, ни топота стражников, ни говора толпы, ни лошадиного ржания.

— Впечатление такое, будто город замер, точно замороженный, — заметила принцесса. — Здесь всегда так? Харр! Ты хоть в окно погляди!

— Нагляделся. — Харр, присевший на какой-то узел с тряпьем посреди светелки, даже не шелохнулся.

С тем же отрешенным видом, что и в первые дни после своего возвращения с Ала-Рани, он теперь ждал только, когда же наконец его отпустят на родимую Тихри, чтобы больше никогда, никогда, никогда не вспоминать об этой проклятой земле, по которой когда-то ступали узенькие сандалии с алыми ремешками.

Мона Сэниа угадала его тоскливое нетерпение, нахмурилась: уж если кому и было невтерпех, так это ей самой. Не разглядывать же этот пришибленный городишко она сюда прилетела, в самом деле! Сейчас ей нужно было только быстренько приметить побольше всяких подробностей, о которых можно будет по возвращении повествовать добрый час, а то и больше.

— Ты бы все-таки рассказал мне, чьи дома тут внизу. Потом и отпущу.

Менестрель вздохнул так, что из-под потолка сорвался клоч паутины и, призрачно колеблясь, закружил в воздухе, подхваченный сквозняком.

— А один хрен, все они зеленюкой заросшие, внутрь не проглянешь. А отличка у них проста: с телесами окамененными поверху — это аманта стенового; с елками шипастыми — лесового. Подале, где крыша гну-

тая, точно спина у горбана, хоромина гостевальная для пришлых менял купецких. А вот прямо под низом у тебя — да ты высунь-то голову, не робей — то и есть рокотанщикова домина. Ишь, красотой велел себя окружать несказанной, козлина трухлявый, а вот теперь остался один как перст, даром что ему мудродейка на-пророчила еще тридцать лет без единого году... Да ты вот в покрывальце какое закутайся — барахла-то я на-таскал сюда немеряно — да по становищу и поброди, чать не обидят.

Было очевидно, что толку от него больше ни малейшего не добьешься.

— Ладно, — сказала мона Сэниа. — Лети себе на все четыре стороны.

— Зачем — на четыре? Мне бы в степь мою родимую, строфионами потоптанную. Где ж еще лучше за-быться, как не в травушке духмяной?

— Да, да, — рассеянно отвечала принцесса, как-то ненароком отмечая, что никакой особой красоты в этом домике, что располагался прямо под окошком, сверху не наблюдалось: перильца зеленые, башенка самая обыкновенная посреди крыши. Честно говоря, даже убого...

А вот это уже интересно:

— Смотри-ка, Харр, а от твоего рокотанщика кто-то выходит!

Не дождавшись ответа, она обернулась. Так. Воспользовался ее разрешением и поспешил унести ноги. И даже не попрощался — да какой спрос с вечного бродяги! Теперь и ей следовало поторопиться, но неистребимое любопытство заставило ее еще раз глянуть вниз. Харр ведь сказала, что рокотанщик теперь одинок. Выходило — нет.

Закутанная с ног до головы в пестрое покрывало дородная фигура вышеупомянутому козлу принадлежать никак не могла. Судя по плавным, хотя и тороп-

ливым движениям — дама состоятельная, не просто служанка. Между прочим, направляется прямо сюда, к Харровой «поганке», опасливо хороня под одеждами что-то не слишком объемистое, но несомненно ценное. Вот пропала из вида — зашла под входной навес.

Внизу стукнуло, нутужно заскрипело; судя по гулким шагам, незнакомка вошла. А ведь стоит ей подняться, застать незваную гостью, и визгу будет на все становище... Ни секунды не раздумывая, мона Сэниа уже была на пустынной улочке. На всякий случай глянула вверх.

Округлая каменная башня с редкими окнами-бойницами круто вздымалась вверх, увенчанная широкой нашлепкой, на которой и гнездилась та продуваемая всеми ветрами светелка, где они с Харром сидели всего минуту тому назад. Разглядывать эту «поганку», как величал ее сам хозяин, времени не было, и принцесса осторожно двинулась вокруг башни. Ага, дверь. Доски прибиты крест-накрест, но, оказывается, только для вида: сквозь образовавшуюся щель видна пестрая ткань, слышится торопливое шебуршание. Мона Сэниа стукнула костяшками пальцев по доске — все стихло.

— Не скажешь ли ты мне, добрая женщина... — начала она, и тут же дверь и грохотом распахнулась настежь:

— Пошла прочь, побируха!

М-да. Юрг как-то заметил, что это только на первый взгляд контакт между женщинами устанавливается гораздо легче, чем между мужчинами.

— Я ищу ворожейку, у которой можно купить амулет приворотный, — сколь возможно миролюбивее проговорила принцесса. — Вот и подумала, не живет ли она в дому сем диковинном...

— Не водилось тут отродясь мудродеек, мой это дом, мой, господином моим Гарпогаром завещанный!

Мона Сэниа с изумлением разглядывала незнаком-

ку, замершую на пороге с видом дикой кошки, защищающей вход в свое логово. И глаза кошачьи, желтоватые. Какие-то узелки прижаты к груди. Молода, несмотря на пышные, не девичьи формы. Была бы даже мило-видна, если бы не волосы, прямо от переносицы рыжим мыском перекрывающие лоб. И сколько же на ней повешено...

Неужели — Махида? Тогда просто бесчеловечно будет не открыть ей, что жив-здоров ее ненаглядный. Но расспросов тогда посыплется видимо-невидимо, а ей ведь надо торопиться. Значит — не сейчас, через день-другой она сюда вернется, когда все окончательно выяснится на Невесте.

Только вот почему она назвала менестреля Гарпогаром?

Принцесса машинально дотронулась до хрустального колокольчика, висевшего у нее на шее — безотказный амулет верно служил ей во всех странствиях, позволяя воспринимать чужую речь как свою.

— А почему...

Договорить она не успела — Махида, как коршун, ринулась на нее, вцепилась в отвороты куртки и рывком втащила в дом. Захлопнула дверь.

— Отвечай, курва гололобая, отколь на тебе Гарпогаров ожерелок? Поперед м'сэймов на дно прорвы спустилась, мертвяков обобрала?

Принцесса спокойно перехватила ее руки, развела в стороны — как-никак не встречала она еще женщины, способной с ней силой меряться.

— Уймись, — проговорила она хладнокровно, — ожерелий таких целый десяток. Вся наша дружина в них.

Она намеренно не сказала: «моя», чтобы избежать лишних вопросов. Но Махида, поняв ее по-своему, недоверчиво прищурилась:

— Врешь. Чтобы господин мой Гарпогар бабу под

свое начало принял... Да и не одного вы племени: и рожей ты не по-евоному светла, и пальцев-то на руке поболее.

— Глазастая ты, Махида; — усмехнулась принцесса. — Ну гляди тогда: у кого ты еще такой меч видала?

Трудно сказать, что произвело большее впечатление: точно угаданное имя или сверкнувшее голубой сталью драгоценное оружие, но только в следующий миг Махида уже лежала у ног растерянной джасперянки, торопливо срывая с себя бесчисленные ожерелья, запястья и наушные цепочки.

— Возьми... Все возьми... И еще добавлю — помоги только!

— Помогу. Но не сегодня. Жди через два дня на этом же месте.

— Помоги сейчас! Поздно будет! Знал бы господин наш, что отказываешь — ввек не простил бы!

Принцесса с трудом удержалась, чтобы не скрипнуть зубами.

— Ладно. Говори, в чем беда, только быстро, — проговорила она, убирая меч в ножны.

Махида вскочила, пинком отправила свои узелки вместе со сброшенными на пол побрякушками под лестницу — там уже виднелась порядочная куча такого добра; бесцеремонно надвинула моне Сэниа капюшон на лоб и потащила ее прочь из дома, не забыв крутым боком поддать дверь, чтобы та надежно захлопнулась.

— А далеко ли...

— Молчи! Рядом туточки. Да пригнись пониже, уж больно ты ликом непутева, еще примут за м'сэймову лазутчицу...

Вот уж что ей совсем было ни к чему, так это чтобы ее еще за кого-нибудь приняли. Она и так согласилась выполнить Махидину просьбу только потому, что чувствовала: дольше будет объясняться; дело-то явно не-

мудреное, всего несколько секунд и займет. А потом — к маггирам!

Под ногами мелькали камешки, какая-то зеленоватая крошка; мона Сэниа старалась не поднимать головы. Перед нею возникла стена с окошком, ну конечно, Махида притащила ее обратно к рокотанщикову дому. Стук, скрежет, распахнулась дверка — и навстречу хлынул запах, тошнотворная вонь людского стойла. Черные небеса, как только Харр выдерживал такое!

— Ну говори, в чем дело? — процедила она, задерживая дыхание.

— Побожись сперва, что ни один человек не узнает того, что ты сейчас увидишь! — свистящим шепотом потребовала Махида.

— Раньше надо было предупреждать... Ну ладно, клянусь.

— Именем господина нашего Гарпогара поклянись!

— Мы его как-то привыкли величать рыцарем Харром по-Харрадой. Это я к слову. Клянусь именем.

— Слушай тогда: чтобы рокотаны сладкозвучными получались, пожелал Иофф, пердун душной, красотой несказанной себя окружить... Вот и присоседили к нему Мадиньку нашу да еще одного скопчика сладкомордого — он-то ее и выдал, на наследство дедово позарился. Только не впрок ему то пошло: сказывают, перед тем как господина нашего в прорву скинули, кто-то из амантовой челяди наострил ему стрелу прямо в глаз, тут он, гад, и окочурился. А Иофф тут такой вой поднял, что с горбанами холощеными родимчики приключились: мол, ни в жисть не притронется к рокотанам, коли последней красы его возлюбленной лишат. А рокотаны — это ж прибыль какая всем амантам зелогривским!..

Она внезапно оборвала свой торопливый шепот и, схватив принцессу за руку, потащила ее по каким-то закоулкам; в их полутьме никакой особой красоты мона

Сэниа опять же не заметила (или проворная Махидушка успела все перетаскать в Харрову «поганку»), но вот пол был гладкий, вощенный, и вздымающийся при каждом шаге медово-кипарисовый дух как мог, старался заглушить запах старческого немытого тела и подмоченной постели. Махида отдернула полог, зазвеневший крупным бисером, и пропустила гостью вперед.

Обшитая золотистыми досочками светелка, по углам толстые нити, натянутые меж полом и потолком; у дальней стены низенькое ложе, а по полу— сплошное тряпье бесформенными кучками, над которыми бесшумно парили голубые светляки. Мона Сэниа обратила к своей проводнице недоуменный взгляд, но та, оттолкнув ее, нырнула в комнатку и, припав к полу, запричитала:

— Опять наострилась бежать, болезная, а куда побежишь, ежели цепка держит?

Свет сквозь оконце, заставленное горшками с зеленью, проникал скудно, и только хорошенько приглядевшись можно было различить, что на полу простерлось щуплое полудетское тело, прикрытое тряпками.

— Вот как уйду, так замотается всей одежкой, что под руку попадет, и норовит пятки намылить. Все тоскует да младенчиком своим бредит, будто жив он.

— Постой, Махида, так это...

— Тс-с-с! Не велено даже имени вслух произносить. Вымолил ее Иофф у амантов; они, свою корысть блюдя, и отдали ее под зарок, чтоб жила она в дому токмо для погляда, будто истукан окамененный. Хорошо я рядом крутилась, выходить ее вызвалась, возвратить ее красоту несказанную. Только какая тут краса, коли цепкой зелененой к полу приковали, теперь как помрет, придется доску вырезать да так с оковой и хоронить.

— Слушай, давай ее хоть на постель отнесем!

— Погодь. Я на тую нужду тебя позвала, что один только Гарпогаров меч мог бы путы ее разрубить. У

тебя, кажись, такой же — ослобони подружку мою, яви милость!

— Да о чем ты говоришь, тут и меча не потребуется.

Она торопливо вытащила из-за пояса свой миниатюрный, специально для нее изготовленный десинтор, наклонилась над лежащей, брезгливо отодвинула в сторонку тряпки, чтобы не вспыхнули. Зелененое ножное запястье, к которому была примкнута цепь, свободно охватывало истончившуюся щиколотку, настолько узенькую, что казалась выточенной из кости. Инстинктивно страхась дотронуться до такого безжизненно-холодного на вид тела, мона Сэниа оттянула скользкую цепочку и, переведя калибратор на самый тонкий луч, полоснула им по кольцу. Маленькая молния сверкнула в полутьме, и голубые светляки, шарахнувшись вверх, влипли в потолок.

Махида бесстрашно подсунула руку чуть не под самый разряд, дернула цепь — кольцо послушно развалилось надвое. Она без малейшего усилия подхватила на руки беспамятную подружку, понесла на постель, благодарно бормоча:

— Шчас тебя выведу, погоди чуток, только водицей ее сбрызну...

— О том не заботься, сама дорогу найду, — успокоила ее принцесса. — А как с делами своими разберусь, прийду снова. Лекаря приведу искусного.

— Лекарь ей не надобен, — горестно покачивая головой, возразила Махида. — Жизнью она истекает, все от тоски по младенчику своему загубленному...

— Да жив ее маленький, жив! — не выдержала принцесса. — Так и скажи ей, когда очнется. Орет за двоих, сосет молоко за четверых, зубешки уже прорезались.

Что-то замелькаловерху — светляки с пронзительным жужжанием выметывались в окошко. А Махида, потрясенная, отмахивалась, как от наваждения — не верила.

— Мы ж ни одной ночи спокойно проспать не могли, пока его в отдельную горницу не выставили, — для пушей убедительности добавила принцесса. — Харр говорит, Эзерисом его нарекли...

— Харр? Говорит?

— И этот жив-здоров. Такие вот дела.

— Где?! — Махида рванулась к ней так, что загудели-зазвенели струны, натянутые по углам.

— Если я не ошибаюсь, в данный момент он направляется в свои родные края. — Она не могла вдаваться в подробности, и так времени было потеряно сверх всякой меры. — И все, все на сегодня. Вернусь — расскажу, что смогу. И о вас позабочусь.

Она бросилась к двери, задержала за собой бисерную занавеску и только тогда, сделав еще один шаг, перенеслась для начала совсем недалеко, под лестницу Харрова жилища. Теперь оставалось привести себя в надлежащий вид: стащить куртку, завернуть в нее меч и одним движением переправить все это на Игуану, в заветное свое место на пустынном восточном мысу. Потом она вытянула из груды украденного Махидушкой добра длинный шарф, обмотала вокруг пояса и надежно запрятала под него десинтор. Если магиры заартачатся, можно будет вместо предъявления своих полномочий пальнуть в потолок сигнальным разрядом, зрелище впечатляющее.

Хотя нет, еще примут за нападение. Что же придумать? Ау, неслышимый мой? Что-то и на этой земле от него подсказки не дождешься. А, была не была, дело секундное...

Еще шаг, и из подлестничного мрака она перенеслась прямо на обласканную солнышком вершину Алэлова холма. Маленький король, присев на корточки, сосредоточенно следил за тем, как пяток явно несовершеннолетних святичей, елозя на брюхе, полировали собственной шелковой шерсткой овальную лазуритовую пластину.

— Прости мою назойливость, о мудрый властитель, — чертовски неловко просить обратно то, что было отдано без всяких оговорок, — но не позволишь ли мне на недолгое время взять у тебя ракушечный талисман? Он сейчас у тебя не в работе, а я верну его через несколько минут, честное слово!

Алэл отечески улыбнулся видя, что ее смущение неподдельно:

— Он — твой.

— Благодарю! — И, замирая от страха, что время безнадежно упущено, ринулась туда, где должна была быть уже давно: в укромный грот, оставленный ею вчерашним вечером... Или утром? Совсем запуталась в этой постоянно круговерти дня и ночи.

Ее тело вошло в душистую темноту, как в теплое море; на миг ей даже померещилось блаженное состояние невесомости. Нёзримая пряная сказочность колдовских владений так и манила опуститься на дно, забиться хотя бы на краткое время, чтобы изгнать из себя остатки воздуха рокотанова жилища, где все было напитано миазмами медленного умирания.

Она встряхнулась, машинально оправила мятое платье и ринулась прочь из своего потаенного грота, раздвигая лицом и грудью ласковые вьюнки. Сад, так поразивший ее при солнечном свете, в ослепительном ночном сиянии был и вовсе неописуем. Настоянный серебром воздух был недвижим, и все-таки каждый лист трепетал, отбрасывая зеркальные блики; затаившиеся днем и остающиеся невидимыми и сейчас, крылатые обитатели лиственных зарослей сливали свои трели, щебет, воркование и трескотню в гармоничный гул, словно каждый отдельный звук был придирчиво подобран гениальным дирижером. Все это завораживало... словно ее не хотели выпустить отсюда.

Так и есть; но пока — по-доброму. Так что поторапливайся.

Она и без того торопилась: безошибочно находя дорогу, выбежала в срединный проход, освещенный заметно тусклее и оглашаемый только звоном неистребимых чуть ли не на всех планетах Вселенной цикад. Коридорчик, по которому вчера уходили налево магиры, был и вовсе затененным (опоздала, все разошлись, ищи теперь хозяев по всем закоулкам!), но она, не сдерживая шага, упрямо двигалась дальше, выставив перед собой руку и досадуя, что не догадалась обломать какую-нибудь светящуюся ветку. Внезапно ее пальцы натолкнулись на гладкую поверхность. Тупик?

Нет. И — да пребудет с тобой удача!

Не раздумывая больше, она толкнула посильнее, и беззвучно распахнулась невидимая дверь.

Она бессознательно приготовилась к тому, что после волшебного сада она увидит здесь нечто и вовсе непредсказуемое, сказочное в самом невероятном смысле этого слова, но чтобы такое...

Впрочем, именно такое она уже видала, и не где-нибудь, а во дворце собственного батюшки-короля. Там недалеко от пышно убранного зала, где собиралась на Высший Совет вся избранная знать королевства, имелся небольшой зальчик с многозначительным прозвищем «разгон», откуда приглашенные как правило выползали с видом пришибленным, в поту и красных пятнах. Юная принцесса как-то сунула туда свой любопытный носик, но увидела только на возвышении короткий мраморный стол, от середины которого отходил другой, пониже и много длиннее, крытый голой доской. Под стать царственному мрамору было возле него и разлапистое парчовое кресло, контрастировавшего с простыми табуретами, примостившимися возле дощатого отростка.

Здесь же для полного сходства не хватало только мрамора — мебель и стены были из гладко обструганного дерева, серебрящегося под лунным светом, пото-

му что потолка здесь не было вовсе; на столе стаканы соседствовали с чернильницами, бережливо нарезанные листочки бумаги — с наполовину опустошенными тарелками. И вдоль длинного стола так же понуро сидели донельзя усталые люди в одинаковых серебристых безрукавках на голое тело. Но Горона среди них не было.

А за председательским столом восседала взъерошенная длинношерстная обезьяна.

— Если мы допустим смешанное правление на паритетных началах... — повис в воздухе обрывок чьей-то фразы, но тут обезьяна заверещала, и все, обернувшись, уставились на вошедшую.

Она вдохнула побольше пряного воздуха, чтобы произнести заранее заготовленную приветственную речь, но резкий хлопок в ладоши помешал ей.

— Браво! — воскликнул сидевший ближе всего к ней владелец щегольски закрученных усиков; все остальное пространство на лице занимал нос, глядеть на который одновременно так и тянуло — и очень не хотелось. — Браво, ён-Пакуё, ты как всегда выиграл. Горон убрался обратно к этим пещерным, оставив-таки нам подкидыша.

Тот, к кому обращались, потянул к себе высокий стакан с водой, поморщился:

— И я, как всегда, огорчен своей правотой. Я предпочел бы, чтобы это был мальчик, и притом не такой тупой.

В комнате повисло какое-то странное, сосредоточенное молчание, сгустившее воздух до осязаемой духоты.

— Увы, — спустя некоторое время проговорил один из старцев, обращаясь к обезьяне. — Она так и не приняла ни одного мысленного приказа. Я полагаю, надо побыстрее вернуть ее нашим варварам. И благодарность излишня.

— Ну если вы такие привередливые, то я заберу ее себе, — раздался уже знакомый юношеский голос, и она только сейчас заметила давешнего утконосного посланца, который сидел на коленях у бородача с физиономией людоеда.

Ну твое время настало.

Мона Сэниа и сама почувствовала, что это недоразумение пора кончать.

— Весьма сожалею, что огорчила вас своей невосприимчивостью, — проговорила она чуть насмешливо. — Но каждому свое. Горон не оставлял меня, я пришла сюда по собственной воле, и вам придется принять меня такой, какая я есть.

Воцарилось молчание, на сей раз — ошеломленное. Черные небеса, они ведь все поголовно — кудесники, так они что, не понимают, что перед ними такое же разумное существо, как и они сами?

— Да вышвырните ее кто-нибудь! — завопил фальцетом ён-Пакуё, медленно подымаясь. — А не то я...

— Ну и что — ты? Что — ты, скажи на милость? — сорвался кто-то и вовсе на базарный тон. — Вот ты и с Гороном так: «Я, я...» А потом как всегда...

— Попрошу тебя, тай-Тоё! — оборвал его голос, удивительно похожий на отцовский, одновременно тусклый и невыносимый, точно скрежет кинжала по оловянной тарелке.

— Да уймись вы! — захохотал «людоед», стряхивая с колен мальчишку. — Все равно вы оба не можете вот так...

Он хлопнул по столу мясистой ладонью, и тут же из-за верхней кромки стен выметнулись ветви, звенящие металлической листвой, изогнулись, сплелись в непроницаемый свод; в разом упавшей темноте теперь видна была только пухлая ладонь, омываемая возгорающимся пламенем.

— Давай, давай, ёр-Роёр! — подзуживал из темноты мальчишка. — Уж ты-то покажешь!

Наливающиеся огненной яростью рыжие языки свились в пульсирующий шар; ёр-Роёр произвел своей лапищей вращательное движение, и пылающий ком покатился по столу, точно крошечный смерч, втягивая в себя все, что попадалось по пути — тарелки с обглоданными костями, стаканы, кубки и разную мелочь неопределимого назначения.

Приготовься!

Я готова. Пока в моих жилах течет хотя бы капля живой воды, никакое волшебство не способно причинить мне...

Клубок огня, набрав скорость, оттолкнулся от края стола и по-кошачьи прыгнул прямо ей в лицо — надо сказать, тут потребовалось все мужество, чтобы не отшатнуться и даже не моргнуть; ее выдержка была тотчас же вознаграждена: посуда и прочая утварь, не коснувшись ее, с удручающим звоном посыпалась на пол, а пламя, размываясь и бледнея, как-то нечувствительно прошло сквозь нее. Тоже мне колдовство — ни жара, ни хотя бы покалывания.

— Ку-куё! — раздался в наступившей темноте злорадный голос мальчишки, и тотчас же над уцелевшими чернильницами зажглись разноцветные лампадные огоньки. — Кто следующий?

— Позвольте мне, — произнес чей-то чрезвычайно корректный голос. — Да-с, предельно любопытный случай.

Мерцание разноцветных лампадок не позволило хорошенько разглядеть его лицо, но простертая рука была видна весьма отчетливо. Протянулась она, правда, к обезьяне, отчего та настороженно хрюкнула.

— Спокойно, спокойно... — приговаривал тот же голос.

И, точно повинувшись притяжению этой руки, от обезьяньей морды начало отделяться что-то, похожее на маску; прозвучало напевное неразборчивое заклина-

ние, и перед живой обезьяной прямо на столе сидел точный ее двойник.

Уж не таким ли способом был создан и черный эльф?

— Й-й-й-ио! — крикнул создатель косматого призрака, и тот, повинуясь приказу, бросился вперед по столу, злобно ощерившись. Мона Сэниа успела заметить, что на сей раз ничего из посуды не пострадало: волосатые лапы проходили сквозь реальные предметы, что было видно даже при столь скудном освещении.

Внутренний голос, всегда так заботливо ее опекавший, на сей раз не потрудился даже предупредить об опасности.

Оскаленные челюсти щелкнули возле самого носа принцессы, и она невольно отпрянула.

— Ты чего? — удивленно спросил мальчик, снова пристроившийся на колени к ёр-Роёру.

— Запашок, знаешь ли... — прошептала она чуть ли не виновато, в то же время не без легкого злорадства наблюдая, как обескураженный создатель призрака неловкими пассами уничтожает свое творение.

— Да ну? Это тебе почудилось, ару-Ёрни не умеет творить запаха, — безапелляционно заявил мальчишка. — Ну а теперь попробую я.

Она еще успела подумать, что сей чересчур непосредственный отрок, больше похожий на ошипанного гусенка, чем на ученика чародеев, несомненно является всеобщим баловнем, которому все дозволено; в следующую же миг пол под нею исчез, и она почувствовала себя парящей над голубой сияющей бездной. Где-то далеко внизу жадно плескалось море, одевая ее отраженным свечением, словно надеясь, что лунное серебро увлечет ее своей тяжестью в погибельную глубину.

Тем не менее ее ступни продолжали чувствовать под собой твердую опору, а пугаться пустоты под ногами мог кто угодно, только не тот, кто рожден на Джас-

пере. Мона Сэниа опустила глаза, тихонько улыбнулась и вдруг подумала, что точно так же должен был чувствовать себя вознесенный над морем Рекс... если бы он вообще способен был хоть что-то чувствовать.

Ты нашла слово!

— ... мы слишком утомлены, чтобы рукоплескать тебе, Фаёли, — доносился меж тем откуда-то издалека скрипучий голос. — Фантазии твоих видений великолепны, но здесь они вряд ли уместны. Проводи эту девочку, которая даже не может осмыслить то, что рисует наш чародейный дар... если, конечно, сам отважишься пройти над блистательной бездной собственных снов.

Непостижимо! Маги бог весть в котором колене, и не могут уловить, что ее от всех этих низкопробных фокусов охраняют чары гораздо более могущественные, чем те, которыми владеют они все вместе взятые. Они даже не допускают мысли, что она принадлежит к совсем другим разумным обитателям Вселенной, чем столь презируемые ими кампьерры, которых они с высоты своего величия именуют «эти пещерные»...

И только мальчик, задумчиво и совсем не по-детски оглядывающий ее с ног до головы, тихо проговорил:

— Я бы не торопился, я бы не торопился... Но боюсь, что даже я ничего не смогу для тебя сделать. Их вон сколько, а я один. Но я дарю тебе право произнести еще одно слово. Скажи его.

Она пожала плечами: то, что пришло ей на ум, в данной ситуации было просто бессмысленно.

Скажи!

— Рекс... — прошептала она, и в тот же миг сияние, озарявшее ее снизу серебряным блеском, исчезло вместе с шумом морского прибоя.

В полутьме снова тихохонько колебались разноцветные язычки лампадок. Кто-то со скрипом отодвинул тяжелый стул, мона Сэниа различила лишь суту-

лый силуэт, направляющийся к месту, занятому лохматым зверем.

— Пошла, пошла, не до тебя. — Он, тяжело опираясь на край стола, поднялся на кафедру и замахнулся на обезьяну; та проворно скатилась под стол. — Ты, что явилась сюда из варварских подлесий, знай, что мне ничего не стоило бы сейчас вызвать ураган, способный унести тебя обратно в твою зловонную пещеру. Но, во-первых, мы дали слово Лунному Властелину, что наши чары никогда не вторгнутся в стихию воздуха. А во-вторых...

Он уселся в освободившееся кресло, и в душном полумраке этого кабинета, который так не соответствовал ее представлениям о волшебных чертогах, ей снова померещилось, что перед нею ее собственный отец-король, председательствующий в своем диване.

— Во-вторых, ты произнесла слово.

— Ты забываешься, олиё-Омм-олиё! — Визгливый голосок вонзался в барабанные перепонки, как рыбья косточка в больной зуб. — Женщина не может иметь голоса в кафедроне!

Олиё-Омм-олиё выдержал превосходную паузу — уж этими дешевыми приемами отлично владели и в отцовском диване, и в здешнем так называемом кафедроне.

— Формально ты прав, ён-Пакуё, — констатировал он. — И для того, чтобы обойти эту формальность, я впредь до последующего моего распоряжения лишаю эту женщину статуса человека и присваиваю ей статус фантома. С правом разумной речи.

Принцесса мысленно восхитилась — нет, этот маг-гир все-таки давал ее папеньке сто очков вперед!

— Пусть древнейший подтвердит! — не унимался дотошный клязунчик.

Из-под стола выползла обезьяна, дотянулась до спинки крайнего в левом ряду кресла и поднялась на

задние лапы, заглядывая сбоку в лицо старцу — похоже, спящему. Бесцеремонно похлопала его по темени. Тот медленно, словно с трудом, наклонил голову. Обезьяна удовлетворенно ухнула, трижды хлопнула в ладоши и снова убралась под стол.

— Постарайся быть краткой, — повелел глава собрания, благосклонно кивая принцессе.

— Уж как получится, — с обезоруживающей улыбкой слегка поклонилась она. — Я пришла к вам издалека, о великие магиры, чтобы просить о помощи. Мне нужен амулет, способный снять заклятие с заколдованной горы. Она одета туманом, столь плотным, что в нем не может передвигаться ни человек, ни зверь. Он похож на то, что вы зовете «лунной поволокой», хотя на самом деле это, вероятно, не одно и то же.

Некоторое время стояло недоуменное молчание. Потом кто-то подавился смешком:

— Нет, эти пещерные просто неподражаемы: прислали ребенка, и зачем — амулет выпросить! Такая вот игрушка...

Мона Сэниа почему-то подумала, что сейчас самое время вклеить в потолок осветительный разряд. Впечатляющее получилось бы зрелище.

И все погубишь.

Естественно. Потому и воздерживаюсь.

— Судя по вашей реакции, — проговорила она холодно, — таковой амулет у вас имеется. Вопрос в цене.

— Ну хватит, — проговорил кто-то доселе молчавший и, резко отодвинув стул, направился к выходу. — Мы все слишком устали, чтобы забавляться подобным образом.

И тут случилось совсем неожиданное: обезьяна снова выметнулась из-под стола, проворно догнала его, опираясь на костяшки пальцев и, поймав его за край серебряной безрукавки, резко дернула назад, повелительным жестом указав на опустевшее место. Еще уди-

вительнее было то, что маггир ей беспрекословно повиновался.

— Кажется, тут кто-то говорил о цене, — неожиданно рявкнул ёр-Роёр.

Сразу видно, практичный малый.

Торгуйся, если умеешь!

— Тогда вопрос в том, что именно цените вы, всемогущие чародеи, которым и так все доступно. — Она уже чувствовала себя совершенно свободно, словно на Большом Королевском Совете. Детские привычки неискоренимы.

— Твои представления о маггирах, как и у всех пещерных жителей, в достаточной степени иллюзорны, — негромко, с редкостным занудством проговорил председательствующий. — Дабы избежать последующих разочарований, мы никогда не преувеличиваем своих возможностей. Для того же, чтобы обладать истинным всемогуществом, нужно быть по крайней мере богом.

Однако какое редкостное сочетание: чувство собственного достоинства, доходящее до самодовольства, и столь трезвая самооценка! Вызывает уважение.

Вот и попробуй сыграть на первом.

— Меня всегда учили преклоняться перед тем, кто превыше всего ценит истину. — На самом-то деле в королевском дворце ее учили совсем другому, но послушная своему безошибочному внутреннему голосу, она склонилась в самом почтительном реверансе, какой и не снился ее придворным наставникам. — Но как усомниться в могуществе тех, кто сумел на три дня затмить солнце, чтобы одолеть нечисть, завладевшую умами людей?

Кто-то неуважительно фыркнул, отчего погасла одна из лампадок.

— Такое солнечное затмение случается раз в несколько тысячелетий, — возразил глава маггиров, как видно абсолютно невосприимчивый к лести, но тре-

петно оберегающий исторические реалии. — Небесные светила нам неподвластны. Наследственная память, которой наделены некоторые из нас, хранила предсказание об этом бедствии, но мы намеренно не сообщили о нем изгнавшим нас кампьеррам.

— Это что, мелкая месть? И на это решились вы, ставящие милосердие превыше всего?.. — вырвалось у принцессы.

— Во-первых, людям это ничем, кроме паники, не угрожало, а знай они заранее о наступлении трехдневной ночи, они позаботились бы о том, как сохранить своих крылатых любимцев. А во-вторых... Кто-то из моего собственного рода олиёнов все-таки предупредил их. Они конечно не поверили, но на всякий случай прибегли к помощи всемогущих Ка...

— К вопросу о всемогуществе, — поднял сухую ладонь творец призрачной обезьяны. — Кампьерры беспечно полагались на своих Ка, а те оказались не в состоянии рассчитать примитивный ход планет и сто процентно заверили своих создателей, что затмение невозможно.

— Изумительное выражение — «оказались не в состоянии»! — Усато-носатый ару-Ёрни откинулся на спинку стула, презрительно пошевеливая кончиком носа, точно маленьким хоботом. — Боюсь, почтенный коё-Хааё, ты уже забыл, что это такое — мыслящие машины. Неверный ответ они могли дать только в том случае, если кто-то намеренно заложил в них искаженные данные о движении небесных тел. И сделать это могли только проклятые мышастые твари, которые к этому времени уже полностью владели всей сетью Ка.

Вот это новости!

Почему? Ведь Горон говорил тебе, что такое предположение высказывалось.

Что-то припоминается. Действительно, если уж мышланы оказались способными подчинить себе лю-

дей со всеми их потрохами, то сделать то же самое с их сервами-вычислителями, каковыми были, по-видимому, эти Ка, стало уже проще простого. Но — зачем?

Время, время! И долго ты будешь терпеть их бесконечные дискуссии? Да они уже забыли о твоей просьбе.

Ну еще минуточку — интересно же!

— И зачем, скажите мне на милость? — Эхо ее сомнений в лице тай-Тоё прозвучало октавы на полторы выше ее собственного голоса. — Если в этой ошибке были виновны мышланы, то для них это было просто самоубийством!

— Не такая уж редкая вещь, — скептически заметил кто-то. — Даже мудрейшие из маггиров, как вы знаете из наших летописей, иногда приходили к выводу, что суицид...

— Ерунда! — окончательно вышел из себя тай-Тоё. — Самоуничтожение — это акт отчаяния, а чего мышланам не хватало? Славы? Могущества? Они ж были на вершине всех мыслимых благ! Забавлялись людьми, как живыми игрушками, даже придумали им бога, идолище голоное, над морем вознесенное. Светом накормлены, людской глупостью позабавлены. И с какой такой радости им было добровольно покидать этот мир?

— Заскучали... — великолепным басом пророкотал ёр-Роёр.

Принцесса вдруг почувствовала, что прежнее любопытство стремительно замещается тихим бешенством: да что они знают, тепличные болтуны, о самоубийстве? Они тут до посинения могут перебирать гипотетические причины, но им и в голову не придет подумать о том, каким вековым камнем сопричастности может лечь этот грех на всех окружающих, повязав их невыполнимым долгом...

Но магиры не унимались, поглощенные привыч-

ными словопрениями, словно ее и не было в их кабинетном полумраке.

— ... просто решили покончить со всем живым, чтобы начать на нашей несчастной земле жизнь более разумную, — выдвигал свою гипотезу чей-то усталый до шепота голос. — Так сказать, переписать черновик на бело...

— А зверье-то в чем виновато? — возмущался ёр-Роёр.

У моны Сэниа уже голова шла кругом: дворцовые навыки приучили ее с одного раза запоминать имя каждого придворного; но сейчас все эти «ёны» и «ёры» кружились в ее сознании, как вечерняя мошкара, неразличимые и раздражающие. Преппирательства по поводу некоторых узловых моментов истории, разумеется, — лакомый повод для безделья избранных, но с нее хватило вельможного пустословия в отцовском дворце. Вот уж никогда бы не подумала, во что выльется так дивно начавшаяся на этой земле лунная сказка...

Она еще не успела подумать о Лунном Нетопыре, а губы уже свело памятью боли разъединения с другими губами. Проклятие! Если ей так и не удастся совладать с этой мукой, подчиняющей и тело, и разум, то один выход — пристрелить его, властелина полуночного. В конце концов, в каждой сказке герой изничтожает какое-нибудь чудовище, к вящей собственной славе и восторгу благодарного населения.

Не думаю, что это поможет.

А что, есть другой выход?

Другой выход есть всегда: терпеть.

Ну это для кого-нибудь другого. Особенно в данный момент. Слова, слова, слова — но это уже из другой сказки, принесенной с Земли ее командора. Хватит купаться в словах. Эти чудодеи, как видно, были могущественны поодиночке, в изгнании, когда над ними был подвешен тупой меч уничтожения. Но теперь,

сытые и свободные, презирующие своих прежних гонителей, они превратились в праздных болтунов, которым не на что тратить свое чародейство. И оно постепенно улетучилось, рассеялось, обернувшись дешевыми фокусами... Ум, честь и совесть Староземья. Элита.

Ну ладно, требуемый амулет у них имеется, иначе их не заинтересовал бы вопрос о цене. Следовательно, нужно наконец прекратить это словоблудство и продемонстрировать им цену.

На нее уже никто не обращал внимания, поэтому она беспрепятственно сделала несколько шагов к столу и, дотянувшись до прозрачного кувшина с водой, опустила в него взятый взаймы у Алэла магическую «Ракушку».

21. Усыпальница королей

Маггиры шли молча — слишком сильно было потрясение. Блеклые язычки лампадного пламени, послушно снявшись со своих чашечек, летели над головами идущих, точно аларанские светлячки; столбы лунного света, пробиваясь сквозь покрывавшую коридор листву, казались призрачными серебряными сваями, на которых покоится верхний ночной мир; светляки, попадая в них, на миг исчезали.

Безмолвная процессия вступила в уже знакомый принцессе подземный сад, заставив примолкнуть встревоженных птиц; тишина теперь нарушалась лишь мерным шорохом шагов, что было весьма огорчительно: у нее вертелось на языке еще дюжины две вопросов. Но рядом с ней шагал мальчик, а много ли у него спросишь; поглядывал он на нее по-хозяйски, как видно, слишком буквально памятуя собственные слова: «если вы такие привередливые, то я заберу ее себе»;

решил, шалопай, что раз уж ему дозволено принимать участие в советах взрослых, то и игрушки ему полагаются повнушительнее, чем просто черный эльф.

От нечего делать принцесса, как и любая женщина на ее месте, принялась потихоньку разглядывать идущих: серебристые безрукавки, которые ровняли маггиров над плоскостью унылого стола, были на всех практически одинаковые (за исключением полуголого Фаёли, обходившегося вообще без оной), но вот штаны поражали воображение разнообразием цветов и фасонов; на щеголеватом ару-Ёрни они были, кажется, из птичьих перышек. Чудодеи...

Маггиры меж тем выстроились вдоль мрачноватого на вид бассейна, ступени которого полого спускались в неприветливую черноту, а недвижная поверхность воды была укрыта чем-то вроде ломкой сахарной корочки. Под ногами раздался нарастающий гул, стеклянный хруст — вода спешно уходила в глубину, закручивая в водоворотах льдистые обломки. Олиё-Омм-олиё жестом, каким обычно приглашают к пиршественному столу, предложил мне Сэниа проследовать по обнажившейся лестнице и первым сошел на ее мокрые ступени. Она сделала шаг и поскользнулась; Фаёли проворно и как-то чересчур привычно обнял ее за талию.

— Ты тут ничего не бойся, — заговорщическим тоном шепнул он, подняв подбородок и сморщив свой веснушчатый нос; — я тебя заберу к себе, но учением донимать не собираюсь: ты будешь моей наложницей.

Надо же, и какие слова он знает! Но его рука уверенно скользнула гораздо ниже, чем следовало бы.

— И которой же по счету, позволь тебя спросить? — не удержалась принцесса.

— А фиг его знает... Четвертой, кажется.

— Я в восторге! Только, с твоего разрешения, я еще немного побуду фантомом.

— Смотри, долго не продержишься, — улыбнулся он снисходительно, но руку все-таки убрал.

О, черные небеса, а она-то было подумала, что Ю-ю неплохо бы иметь такого старшего товарища для игр...

Лестница меж тем круто свернула вправо, оставив сбоку зияющий колодец, в котором klokотала еще вода. Летучие огни разгорелись ярче, и ступени из черных превратились в землисто-бурые, а затем, светлея и словно вбирая в себя мириады золотистых искорок, засветились теплой охрой; в то же время все кругом словно бы старело на глазах: камень под ногами утратил безукоризненность полировки, со стен исчезли яшмовые плитки, свод над головой тревожил своей первозданностью. Наконец спуск завершился широкой площадкой, и мона Сэниа поняла, что они находятся в преддверьи еще одной исполинской пещеры.

Дальше дороги не было: вход был перекрыт причудливой золотой сетью в виде паучьих тенет, за которой четко означились литые контуры громадного колокола, непомерная тяжесть которого, казалось, делала его неподвластным сомнительному могуществу маггиров. По нижнему краю колокола тянулся какой-то неотчетливый рисунок, тревожащий своей неразгаданностью; но самым таинственным был ряд остроконечных утесов, чьи изломанные очертания рождали подсознательный трепет. Да что же...

Не торопись: все, что тебе надлежит знать, будет сказано.

Олиё-Омм-олиё обернулся к ней, и мона Сэниа подивилась тому, как изменилась его осанка, став чуть ли не царственной, и янтарные огоньки толклись у него над головой, образуя призрачную корону.

— Ты в Чертогах Неоценимого. — Исполненный величия голос заполнил все подземелье, заставив золотую сеть отозваться нестройным звоном; кое-где из-под сводов пещеры слетели облачка пыли.

Летучие мыши?

Нет. Здесь нет и не может быть ничего живого.

— Здесь собрано все, что определяет смысл нашего существования, — продолжал верховный маггир. — Перед тобою овеществленная память о нашей земле, оставленной нами в часы предельного отчаяния, потому что, спасаясь сами, мы оставляли на гибель слабейших и незащитных, пусть даже не принадлежащих к нашему сообществу; но мы сознавали, что если бы уступили им свое место, то путь возвращения их на родину, пусть даже через тысячи лет, будет отрезан раз и навсегда.

Он взмахнул рукой, и летучие фонарики послушно прыгнули вверх, высвечивая на поверхности колокола детали таинственного рисунка. Моне Сэниа было достаточно беглого взгляда, чтобы узнать то, что скрывалось за чередованием бронзовых сияющих контуров и тусклых провалов патины: это было изображение окрестностей загадочного шара, найденного на Свахе, уже не существующей каменной сферы на хрупких наклонных опорах, выдержавших всю тяжесть столетий и рухнувших от одного прикосновения незваных пришельцев; справа едва угадываемая стена, на которой тогда сидели, свесив ноги, беззаботные дружинники; массивные контрфорсы Ворот Кровавой Реки, уравновешенные слева величественными Руинами Минаретов...

Нужно же сказать им, что я побывала там совсем недавно!

Нет. Рано. Следует всегда что-нибудь оставлять в запасе.

Ох, и какой же ты мудрый, мой неслышимый...

— Перед тобой — прошлое Староземья, отчеканенное теми, кто еще видел его собственными глазами; это — сокровищница Арзаэрата, настоящее имя которого арза-Ёрат, единственный из правителей Староземья, который был тайным маггиром. Предвидя надви-

гающуюся катастрофу, он собрал воедино все драгоценности казны и наших потаенных кладов, наложив страшное проклятие на того, кто посягнет на его творение, имея иную цель, кроме спасения людей. Он и помыслить не мог, как скоро на все сокровища мира невозможно будет купить глоток чистой воды.

Ну да, что-то подобное было и на Джаспере. Так неужели каждое человечество должно было пройти такое испытание, чтобы доказать свое право на дальнейшее существование?

— Итак, отныне тебе ведомо наше прошлое, — продолжал звучать торжественный, под стать этим величественным сводам, голос, — но это же — и наша цель.

Ну вот, потянулась бесконечная декламация! А где-то, подставив лунному свету печальное лицо, которое не от кого срывать, ждет Горон, а еще дальше задумчивый Алэл, которому она обещала вернуть «Ракушку» через несколько минуток, теребит сивую бородавку; и уже совсем далеко, в безоблачном небе Игуаны, ее Юрг с сынулей на руках — утренняя прогулка на крылатом коне, все как обычно, тоько вот он еще не подозревает, что его ожидает...

Не загадывай!

— А теперь узри то, что помогло нам не утратить веру в достижение этой цели, — велеречивость этого маггира была несокрушима, как донжон королевского замка. — Здесь покоятся мудрейшие из рода маггиров, коронованные после смерти, потому что при жизни никто не может быть безраздельным повелителем нашего племени.

Теперь она поняла, почему очертания этих утесов вызвали у нее такое тоскливое, безотчетно-щемящее чувство: на своих каменных тронах восседали мертвые короли.

Значит ли это, что и олиё-Омм-олиё когда-нибудь найдет себе последнее пристанище среди них?

А видишь вон там, справа, одно пустое место? Это как раз для него.

Странно, что оно только одно.

И довольно. Следующего не потребуется

Что-то ты, мой неслышимый, заразился склонностью к мрачным пророчествам...

— Здесь же укрыты и самые могущественные амулеты, составляющие нашу власть над настоящим, — продолжал подземельный гид. — То, о чем просила ты, это Кокон Ветров, способный уничтожить даже лунную поволоку; но слово, добровольно данное нами Повелителю Ночи о невмешательстве в стихию воздуха, делает его для нас бесполезным. Поэтому мы можем произвести обмен, который ты предлагаешь...

— Я предупредила вас, что он может состояться лишь через несколько дней... скажем, в силу причин, которые для вас несущественны, — пренебрегая этикетом перебила его принцесса.

Маггир кивнул — благосклонно и величественно, совсем как венценосный папенька:

— Мы согласны отдать его тебе прямо сегодня, полагаясь на твое слово. Но сначала мы должны показать тебе его в действии. Фаёли!

Ее несовершеннолетний спутник и опекун послушно (как и полагается обыкновенному отроку) подбежал к нижнему краю сети, на ходу скидывая сандалии и поплеывая на руки. Только сейчас, когда он ухватился за одну из натянутых нитей золотой паутины, стало очевидно, что на деле это едва ли не канаты, образующие слишком крупные ячеи, чтобы по ним легко мог карабкаться ребенок, который слишком много времени уделял воплощению своих фантазий и слишком мало — тренировкам, более подходящим для юного пажа его возраста. Положение спасла вездесущая обезьяна (как с удивлением отметила принцесса, бесхвостая — таких на Джаспере не водилось); переносясь с одного уровня

на другой гибкими невесомыми прыжками, она свешивалась вниз головой и подтягивала мальчишку так легко, словно он был ее собственным детенышем.

Царственный олиё взирал на это с такой гордостью, точно был персональным тренером этой акробатической пары.

— Ну вот, сейчас они поднимутся к тому, что мы сумели сохранить во имя будущего; — принцесса, повинувшись указующему взмаху его руки, с удивлением поглядела на гигантский колокол, к которому приближались верхолазы. — То, что ты видишь, это одна из четырех опор нашего древнего корабля, откуда вырывались столбы отнюдь не волшебного пламени, устремляющего эту ладью черных небес в просторы, разделяющие небесные тела. Теперь ты знаешь, как мы прибыли сюда из Староземья, и это единственный корабль, уцелевший на этой планете, потому что мы догадались спрятать его в подземных пещерах, чтобы толпы алчных кампьерров, дичающих с каждым поколением, не растащила его по кусочкам, когда его корпус от старости станет уязвимым. Конечно, этот самый корабль уже никогда не сможет подняться ввысь, но рано или поздно мы по его образу и подобию построим другой. Мы вернемся на родину, для этого мы живем, для этого храним в памяти все знания, которые когда-то были доверены таким недолговечным и таким лживым Ка...

— Так за чем же дело встало? — вырвалось у принцессы весьма непочтительно.

— Нам одним это не под силу, — уже совсем простым, будничным тоном признался верховный маггир. — Это великий труд, для которого должны объединиться все разрозненные племена Новоземья... Но кампьеррам нужно совсем другое, им подавай священную борьбу с тираном и кровопийцей, каковым они провозгласили Лунного Нетопыря. Горона вот прислали... В который раз.

— Но этот ночной дьявол действительно жесток и бесчеловечен!

А вот тут ты лучше помолчала бы.

— А с дикарями по-другому и нельзя, иначе здесь они попросту обречены на вымирание. Власть жестока изначально. Но, беспощадная к каждому в отдельности, она охраняет человеческий род в целом. Ведь Горон тебе, наверное, рассказывал: «Все для каждого человека» — это и погубило Староземье. Нельзя давать каждому. Но есть нечто, что каждому следует запретить; здесь это — пребывание под смертоносным солнцем. Но запрет только тогда нерушим, если он подкрепляется чем-то чудовищным. Вот для этого и существует Нетопырь.

— Но я полагаю, что власть маггиров была бы намного гуманнее, — дипломатично заметила принцесса.

— Как же! — фыркнул ён-Пакуё. — Согласятся эти чванливые вырожденцы на наше правление! Да они лучше доблестно перемрут в гордом неповиновении. Этого-то беса лунявого они хоть богом провозгласили, чтобы в собственных глазах не позориться, а мы для них — горстка первобытных шаманов, которых вовремя не додавили.

Наверху что-то несильно грохнуло, с потолка посыпалась пыль.

— Во! — поднял мясистый палец ёр-Роёр. — Сколько раз я предупреждал вас: подслушивает этот гад ночной наши разговоры. Притащился следом за Гороном, теперь наверху где-то схоронился и уши наострил, даром что тоже маг, только не из наших. Учуйал, что о нем говорят, вот и трепыхнулся.

— Обыкновенная осадка пород, — скривился усатосносатый, — естественная реакция на нарушение...

— Хай-хаё! — раздался сверху радостный двухголовый клич — Фаёли и обезьяна, достигшие своей цели, рассылали шуточные поклоны, зацепившись за кана-

ты, точно акробаты на королевском празднике, закончившие свое выступление.

— Будет кривляться-то! — беззлобно рявкнул «людоед», питавший к мальчику определенные симпатии.

Фаёли хихикнул, шепнул что-то обезьяне; та ухватила его поперек живота могучей волосатой лапой — из соображений безопасности, надо полагать. Мальчик протянул руки к медной подвеске, которую принцесса наивно принимала за язык колокола; гладкая поверхность тут же оделась мягко светящимся ореолом. Несколько неразборчивых заклинаний, и золотое сияние стекло вниз, в подставленные ладони, точно жирная капля, которая тут же обратилась в нечто сияющее, что могло быть только бесценным амулетом, ослепительный ореол которого не позволял даже разглядеть его форму.

Мона Сэниа внезапно ощутила легкий холодок где-то под ребрышком: неужели все кончено? Ее утаенная от всех сказка пришла к финалу, она нашла-таки «то, не знаю что» и это, в сущности, оказалось так просто?

Нет... Нет... Тревога!

— Тревога! — разнесся под самым потолком визгливый голос, и это не был крик мальчика.

Говорящая обезьяна?

О чем ты спрашиваешь? Беги! Спасайся! Ты ведь одна стоишь их всех, вместе взятых!

Вот уж сколько она себя помнила, а подобные советы предпочитала попросту не расслышать.

Но вверху что-то гроыхнуло уже гораздо ощутимее, по лестнице покатила какая-то плотная бурая волна... не вода, пыль. Фонарики разом потускнели, и в этом удушливом полумраке, где больше всего хотелось не спастись, а попросту чихнуть, она различила кряжистую фигуру, выросшую на ступенях лестницы словно из-под земли.

Все бы ничего, но у прищельца было две головы: побольше и поменьше.

На какой-то миг блеснула надежда, что это всего-навсего какой-то сбрендивший маг со своими неуместными шуточками, но всеобщее оцепенение не оставляло для этого ни малейшей надежды.

— Наемник Вселенской Орды... — выдохнул кто-то с ужасом и омерзением.

Обе головы ордынца с завидной синхронностью крутанулись влево, вправо, вверх; застыли. Тоненько, а затем все громче и отчаяннее завизжала обезьяна, от животного ужаса разом утратившая свой дар человеческой речи. К счастью, кого-то из маггиров этот визг отрезвил — раздался гортанный вскрик короткого заклинания, и вокруг пришельца поднялся вихрь лилового колдовского пламени.

Детская забава. Двуглавый монстр стремительным броском переместился вперед, уходя из огненной воронки и одновременно извлекая из складок необъятного плаща какую-то крошечную вещицу, которая блеснула у него в пальцах мутноватым ртутным просверком. Рука медленно поднялась вверх, где под колокольным раструбом замер Фаёли, словно ордынский наемник разглядывал мальчика в увеличительное стекло. Только нет, слишком хищной была его недвижная напряженность, он не просто глядел, он целился...

Спокойно, сейчас магиры себя покажут; а ты хотя бы не вмешивайся, раз не хочешь бежать.

Взрыв голосов — переплетение заклинаний; голубовато-звездный свет, не способный пробиться сквозь хаос бешено вращающихся смерчей, где пыль веков смешалась с человеческим прахом; огненные змеи под ногами, юркие и бессмысленные в своей слепоте... Наверное, каждый из маггиров и обладал какой-то сверхъестественной силой, но вместе они были сейчас лишь растерянной толпой, где каждый мешал друг другу. Бараны-чудодеи... В этой неопишуемой толчее пылевых столбов, разрываемых игрушечными молниями,

скрывать и дальше свой дар было пустой тратой времени, и она мгновенно перелетела к отдаленной стене (никто, естественно, этого и не заметил), привычно занимая между каменными обломками позицию, которая из наблюдательной легко могла бы превратиться в боевую. И вовремя: раздался львиный рык ёр-Роёра, и громадная глыба, отъединившись от свода пещеры, с ужасающим грохотом рухнула на то место, где только что стоял двухголовый ордынец... Вот именно — только что.

Потому что сейчас он был уже возле самой паутины, заслоненный от всех маггиров как смертоубийственной глыбищей, не нанесшей, впрочем, ему ни малейшего вреда, так и завесой пыли. И так мгновенно переместиться он мог только через *ничто*, до сих пор доступное только джасперянам... Но сейчас это было не важно, потому что только принцессе из ее укрытия было видно, как он снова поднял руку, вместе с нею нацелив вверх два остроклювых профиля...

Мона Сэниа почувствовала, как в ней самой исчезает что-то человеческое: пальцы, хищно сжимаясь, превращаются в когти, колени пружинят, выверая готовность к прыжку — звериная бессознательная готовность к схватке с существом, в котором шестое чувство признало смертельного врага раньше, чем это сделал разум.

Ей вдруг подумалось, что если бы у нее на загривке имелась шерсть, она наверняка поднялась бы дыбом; от этого сразу стало смешно и, как следствие, вернулась четкость восприятия. Все объяснялось очень просто: вторая голова была не человеческой, а птичьей.

Крэг.

Распластался на плече, стервятник вселенский, и плащом полуприкрыт. И хозяин ему под стать: здоровенный детина с куцей головенкой и, к сожалению, с уже доказанной способностью совершать перелеты

через *ничто*. Но не джасперянин. Хотя, может быть, в каком-то поколении... А сейчас, скорее всего, праздношатающийся громила с большой космической дороги. Странно, в Звездных Анналах о таких не упоминалось ни разу. Как и всякого примитивного ворюгу, его заинтересовало то, что ярче всего блестит: ишь, вместе со своей птичкой не могут глаз оторвать от амулета, приманчиво сверкающего в руке Фаёли невзирая на всю эту пылищу.

И что все так переполошились? Крэгов никогда не видали? Так ведь это их же собственные паразиты, мышланами именуемые. Забыли?

Она уже собиралась выбраться из своего укрытия, чтобы повторить вслух этот вопрос, когда незванный пришелец неторопливо поднес руку к плечу, на котором примостился крэг, и только теперь она отчетливо различила то, что было зажато у него между пальцами: крохотное колечко.

И это кольцо он безошибочным уверенным движением надел на птичий клюв. Она еще успела подумать, что вот с таким же чуть замедленным хладнокровием нажимают на спуск десинтора, когда стреляют из засады, а в следующий миг это кольцо... а может, не оно само, а его тень или призрак — с заунывным жужжанием устремилось вверх, поначалу совсем не страшное, точно сизый венчик над душистым кальяном; но с каждой секундой оно росло, наливаясь мертвенной студенистой плотью и слегка колеблясь, точно медуза, нацелившаяся на добычу; оно уже жило самостоятельной жизнью, неподвластное воле своего творца, и мона Сэния, холодея от осознания своей ошибки, вскидывала руку с уже бесполезным десинтором — поздно, слишком поздно, мальчик и зловещее кольцо оказались на одной линии огня...

Обезьяна уже не визжала — это был истошный младенческий вопль, с которым она металась по золотой

паутине, словно пытаясь отвлечь внимание на себя; в последний момент, когда орудие ордынца уже было на уровне головы Фаёли, она прыгнула наперерез ему и, обхватив мальчика цепкими лапами, закрыла его своей волосатой тушей.

Кольцо на миг замерло, точно раздумывая, немного покачалось, примериваясь, и мгновенным броском ринулось к обезьяньей голове, одевая ее туманным нимбом; в следующий миг оно скользнуло сверху вниз на шею обреченного зверя и начало стремительно уменьшаться в размерах, наливаясь блеском раскаленного металла. Плач перешел в хрип, передние лапы попытались сбросить полыхающую удавку — обезьяна, запрокидываясь, повисла вниз головой, но изуверское орудие, от которого по всей шкуре уже бежали огненные змеи, продолжало сжиматься, и дымящаяся лохматая туша, сорвавшись с высоты, понеслась к земле, отчаянно суча всеми четырьмя лапами.

И, обгоняя ее, падающей звездочкой сверкнул янтарный огонек — это Фаёли, от страха позабывший о всех своих колдовских способностях, выронил амулет, цепляясь за раскачивающуюся сеть.

Кокон Ветров, золотая причуда магтиров, с нежным звоном ударился о каменный пол и, точно мячик, отскочил прямо в протянутую руку ордынца; одновременно тело обезьяны с омерзительным, каким-то сырым плюхающим звуком врезалось в пол пещеры чуть поодаль. Он брезгливо посторонился, потряхивая краем плаща, на который брызнули кровавые капли, и снова поднял руку с очередным кольцом, нацеливаясь на Фаёли...

Мона Сэниа выхватила десинтор, рванула рычажок калибратора вниз, до упора, и прежде чем ее противник успел обернуться на этот звук, нажала на спуск. Разряд максимальной мощности, беззвучный и ослепительный, полыхнул, точно осколок голубого солнца,

и на фоне мгновенно раскалившейся докрасна каменной глыбы стало видно как, дымясь, оседает кучка праха — бранные останки непобедимого доселе ордынца вместе с его пернатым спутником и всеми сатанинскими кольцами вместе взятыми.

Единственное, что осталось нетленным, это крошево золотой скорлупы, еще совсем недавно бывшей все-сильным амулетом, ради которого она прилетела на эту землю. Но вздохнуть и сокрушаться — это для девочки из сказки. Она больше не была ею.

Значит, все.

Нет, не все. И ты сама этого не хочешь.

Мона Сэниа вздохнула, на всякий случай глянула вверх, словно пытаясь отыскать что-то, что оправдало бы ее дальнейшее пребывание здесь; мальчик все еще висел под колоколом, вцепившись в переплетение сети мертвой хваткой и зажмурившись.

— Спускайся, Фаёли, — проговорила она севшим голосом. — Сказка кончилась.

Мальчишка открыл глаза и изогнулся, оглядывая сверху оскверненную пещеру.

— Не-а, — откликнулся он; — я слышал, что они всегда нападают вдвоем...

— Ты видишь второго?

— Вроде слышу...

Наверху что-то опять задрезбезжало. Она стремительно переместилась к основанию лестницы, уже не обращая внимания на то, какое впечатление это произведет на впавших в оцепенение маггиров. Произвело. Но она уже падала на колено, одновременно переводя десинтор на узкий луч (не обрушить бы свод!), и вовремя: прямо перед нею бесшумно возникла новая двуглавая тень. Ни секунды не раздумывая, она рубанула лучом наискось, чтобы одним ударом покончить и с крэггом, и с хозяином, не давая им времени послать к своим возможным сообщникам призыв о помощи.

Боевая сноровка ей не изменила: ни вскрика, ни писка, только шипение крови, обращающейся в смрадный дым.

Она поднялась с колена, выжгла еще корчившиеся обрубки — с яростной тщательностью, до серого пепла. Обернулась, на прощание отыскивая глазами ёр-Роёра.

Ты что, хочешь их оставить? Сейчас? Это невозможно!

Замолчи. Такова моя королевская воля.

— Приблизься, — велела она маггиру, взиравшему на нее в состоянии какого-то экстатического оцепенения. — Возьми вот это, вдруг их окажется больше двоих. Стреляй сразу, не давая им оглядеться. Нажимать вот здесь.

Грозное джасперянское оружие перешло в руки ошеломленного бесценным даром невестийца.

Вот теперь действительно было все.

Не оставляй их, ведь они только сейчас признали тебя равной себе; вместе с ними ты возвысишься...

Тебе велено молчать.

— Олиё-Омм-олиё, я не могу сейчас точно назвать день, когда это произойдет, но я вернусь. Непременно. И вручу тебе амулет арза-Ёрата.

— Но у нас нет в обмен другого Кокона Ветров...

— Догадываюсь. Но я дала слово, что он будет принадлежать вам. Пусть он напоминает о вашей родине, на которую вы так мечтаете вернуться.

Она ограничилась сдержанным кивком, как равная равному и, перепрыгнув через смрадно чадающий прах, побежала вверх по лестнице, чтобы еще раз не унижать их всех демонстрацией своего могущества, совершая перелет через ничто.

Только вот куда — перелет?

Проклятие, заколдовали-таки ее они, троевластные. Усыпить не удалось, но зато начисто лишили ощущение

ния времени. Ведь она обещала Алэлу, что вернет свахейский амулет через несколько минут...

Значит, к Алэлу.

Плешивая вершина королевского холма была безлюдна, да иначе и быть не могло — солнце уже перевалило за полдень, королю не пристало бесцельно ждать. Десятка полтора свяничей грели мохнатые спинки, поджав лапы; внизу разбегались влево и вправо цепочки малых островков с разноцветными шляпками круглых островерхих крыш — скромные и приветливые жилища рыбаков, тоже скромных и всегда довольных и собственным существованием, лишенным беспокойства волшебных перелетов, и уж конечно своим мудрым королем, повелителем пяти стихий.

У причалов пусто, а подальше виднеются немногочисленные крутобокие лодчонки, рассеянные по неспокойному сине-барашковому морю; недосуг их повелителю утихомиривать неподвластную ему сегодня стихию, слишком занят он все последние дни своим монаршим капризом, поэтому подвластна ему лишь стихия земли. Имеет право — чем бы его величество ни тешилось...

Однако и дома ждут.

Она положила «свахейскую ракушку» на отполированную до зеркального блеска лазуритовую пластину, подумала мельком, что надо бы оставить что-нибудь в знак извинения — был когда-то разговор о лесной землянике... Да, чертовски неловко получилось. Но на оправдания нет времени.

Такой вот неприятный осадок на душе пришлось уносить с собой в Бирюзовый Дол.

Здесь, к счастью, все было более чем спокойно — разнежившийся на солнышке благородный эрл, подложив под отнюдь не аристократический зад потрепанную земную книжицу, сидел на пороге привратного кораблика, откуда они вместе с Флейжем лениво отпус-

кали сугубо пристойные шуточки по адресу Киха, который, скрестив ноги и заложив правую руку за спину, сидел на траве, одной левой обороняясь от юного принца, нападавшего на него с деревянным мечом. Над ними, тоже ленивее некуда, парила Гуэн.

— Обедали? А где все? — выпалила принцесса, торопливо придумывая, что бы сказать в свое оправдание.

— Уже два раза ланчевали, тебя ждем, твое мое величество. Что же касаясь народонаселения, то смею доложить: Эрм в замке, Пы на берегу, приглядывает за строительством; Борб получил увольнительную, у него какой-то семейный сабантуй; Дуз с Оськой балуется — что-то Ардинька давно не появлялась; Сорк после ночного караула отсыпается. Кукушонок где-то своего птенца уму-разуму учит. А наш певчий строфион, как я полагал, с тобой. Или нет?

— Я думала, он тоже полетит сюда, так что за руку не держала, — пробормотала она облегченно — стало быть, Юргу неизвестно, что после Ала-Рани она еще где-то побывала. — Мы у него на чердаке просидели, видишь, я вся в пыли. Он все глядел на дом рокотанщика, где дама его сердца обитала, сокрушался; а потом вдруг увидел на улице другую свою пассию, ну ты понимаешь, ту, у которой он ночевал...

— Охо-хо, — командор потянулся, расправляя плечи, — ну и что там наш шалун подлунный?

Подлунный. Она судорожно сжала разом занемевшие от боли губы, как было теперь постоянно, когда нечаянно брошенное слово окунало ее в лунную одурь Нетопырева наваждения. Она тихонечко провела по ним языком, чтобы вернуть себе способность говорить, не выдавая заполонившей ее томительной напасти.

— Не облизывайся, — по-своему понял ее благородный эрл. — Сейчас велю собирать на стол, а то, как я замечаю, ты с этими перелетами в тонконогую девчон-

ку превращаешься. Кстати, наш двоеженец перед отлетом успел хотя бы с одной из них пообщаться?

— Как будто ты его не знаешь! — Она уже полностью овладела собой. — Махнул рукой и исчез, шляется теперь неизвестно где. А его Мади, или как там ее, Эзерисова мамаша, жива-здоровая — ну не совсем жива и не вполне здорова, но пребывает в собственном доме. Ее законный супруг у тамошних властей в милости, вот ему и сделали подарок, вернули ее в дом в качестве комнатного украшения. И цепью приковали.

— Откуда ты все это знаешь?

— Перекинулась парой слов с Махидой. Деловая дама.

— А Мади? Что, действительно такая красавица?

— Но-но-но! Кому тут красавицы потребовались? Впрочем, она совсем еще девочка, в чем душа только держится, так исхудала. Надо бы помочь. Кстати, Флейж, чтобы ты тут не изнывал от безделья, слетал бы к королеве Ушиньке, попросил какого-нибудь снадобья для поддержания сил... ну и от всех болезней в придачу.

— Слушаю и повинуюсь, моя принцесса! — исчез, точно рыжая молния — давно Ардиньку не видел, обрадовался поручению.

Юрг, перегревшийся на весеннем солнышке, тоже обрел командорский тон:

— Ких, распустил я вас! Кончай баловаться, накрывай где-нибудь в тенечке. Мне чего-нибудь рыбного, ее высочеству — бифштекс. С кровью. А мы тут вернемся к вопросу о неземной красоте. Или нет?

Мона Сэниа с неподдельным безразличием пожала плечами:

— А я Мадиного лица не видела, закутана она с ног до головы; от цепи ее освободила и сказала, что сынуля ее жив.

— И про Харра?

— Разумеется. Это я Махиде сразу открыла, иначе она бы меня в дом рокотанщика никогда не допустила.

— Слушай, мое твое величество, ведь наш Харрюга любвеобильный вроде намекал на то, что и у нее прибавление семейства ожидалось. Или я путаю?

— Что-то не похоже. — Она с сомнением покачала головой. — И в доме тихо, пеленками не пахнет — то есть пахнет, но только не пеленками. И вела она себя как-то слишком независимо, у молодых матерей на лице какое-то другое выражение... Ну Харр рано или поздно объявится, вот и спросим у него, папаши безответственного.

— Может и не объявиться, с него станется.

— Тогда у нашего Эзрика назревает опасность стать круглым сиротой, эта Мади совсем высохла и не шевелится, я дотронулась — страшно стало. Если бы я умела, отдала бы ей немного своей крови, в ней ведь тоже живая вода, как и у тебя — ты столько раз рассказывал, что как на свою Землю слетаешь, так обязательно кого-нибудь спасешь.

— Вот именно, — засмеялся Юрг. — Каждый раз. Когда в последний раз летал книжные магазины грабить, Стамен у меня, похоже, всю до капельки выкачал, детишки там какие-то обожглись... Да ты не пугайся, ее тут же заменяют, конечно синтезированной, но точно такой же. И все равно после этой процедуры пару дней какой-то смурной ходишь. Не замечала?

— Не замечала... Особенно после захода солнца. — Она в который раз облизнула потрескавшиеся губы.

— Стараюсь. Как говорится, да здравствует искусство перевоплощения.

— Кстати о перевоплощении: а где Паянна?

— Окончательно перевоплотилась в подрядчика-строителя. Эрм с Пыметсу то и дело перекидывают ее с нашего берега в Асмуров замок и обратно, я все бо-

юсь, как бы они ее на середине пути в море не искупали. Порхает твоя воеводиха, как ворона перелетная. И Харру черной завистью завидует, что это у него само собой получается.

— А все-таки правы были здешние короли, что оградили своих подданных от такой зависти... Ну и в самом деле обедать пора.

А Харр по-Харрада, менестрель перелетный, понуро брел между тем по едва проклюнувшейся травке, поеживаясь от холода даже в добротном плаще с командорского плеча. Низкое солнце по-морозному ослепляюще било ему в глаза, под ногами хлюпало, какие-то пузыри стреляли из-под белых сапог талой вонючей жижей. Весенний край, мать его строфионью... А, впрочем, чем хуже, тем лучше, пусть всю морду обожжет до волдырей, пусть пропорет грудь ледяным ветром, чтоб и голос его никчемный пропал коту горбатому под хвост... Да и самому в самый раз туда же. Потому как нет сил с болью такой в душе по свету мыкаться.

Обещанный Паянной колодец возник прямо перед носом, замерцал черными отсветами. Харр присел на его край, заглянул — а ведь не сбрыхнула ведьма пучеглазая, ларь на дне с крышкой кованой. Машинально, без всякого на то желания по плечо запустил руку в ледяную воду; само собой ткнулось в ладонь кольцо. Вытащил ларец, тот услужливо распахнулся. Заблестела какая-то мишура, барахло никчемное; тростинка-дудочка однако проглядывала со дна. Харр вытащил меч, принялся, как было велено, неуклюже ковыряться, чтобы достать тростинку, ничего другого голой рукой не задевая. Получилось. Он опять же как-то бездумно сунул ее в рот, дунул...

Льдистые голубые искорки с холодным звоном

посыпались из другого конца, но не пали на землю, одели его всего колючим облаком, застилающим все окрест. Близкий лес поплыл, затуманиваясь и исчезая, снежное марево угасило солнце. И последней мыслью было: хорошо-то как, нет больше этой тоски... Ничего нет... Ничего...

Тростинка бесшумно канула в колодец, следом со шучьим всплеском ушел под воду меч, тяжело плюхнулась шкатулка. Гулко стукнули черные камни, заваливая колодец до следующей весны, не иначе как по заклятию сотворившего все это неведомого сибиллы...

Стражники подошли опасливо — беглые, случилось, от ярости голыми руками горло рвали.

— Без памяти, — определил один, — оружия нету, а кафтанище да плащ справные. Из вельможных, поди, балованный. А обутка-то, гля, обутка!

Но десантные сапоги земного производства не склонны были перейти в собственность первому встречному.

— Оттяпаем ходули, что ли? — предложил второй.

Харр зашевелился, неловко перевалился лицом вниз. Жесткая стерня кольнула его в нос.

— Оклемался, — раздался над ним раздосадованный голос, — да чево ломаться, енти чоботы ни надеть, ни сменять, все равно воевода наложит лапу да ешшо в рыло двинет.

Громадный сапог из свиной дубленой кожи приложился к менестрелеву ребру:

— Эй, падаль придорожная, с-под какого воеводы сбёг?

Сквозь жгучую боль горящего лица, едва смягчаемую добротой влажной земли, никакие слова не доходили до его сознания. Но уже два сапога разом перевернули его на спину.

— За каку-таку вину сослан? Отколя? — допытывал голос, что-то мало похожий на человеческий.

— Имя! Кажу имя и звание, потрох рогачий! — вторил другой.

Сознание нехотя возвращалось к нему: он лежал в траве, беззащитный мальчишка, проданный собственным отцом; но — не больше.

— Имя!

— Поск. Поск... — И на этом нить воспоминаний бывшего менестреля, потомка вселенских странников, безнадежно обрывалась.

22. Дай себе волю!

Флейжа она охотнее других выбирала себе в напарники уже хотя бы потому, что он, не в пример остальным дружинникам, не молчал как пень, дожидаясь, когда к нему обратится старший по званию, а со свойственной ему врожденной непринужденностью делился с нею своими впечатлениями, как правило дельными.

Вот и сейчас, обозрев с высоты Харрова скворечника (который он в присутствии принцессы все-таки воздерживался именовать «поганкой») притихшее, точно пришибленное Зелогривье, он презрительно бросил:

— Курятник.

— Вот уж где никогда не бывала! — брезгливо поморщилась принцесса, которой каждая минута вынужденного промедления на этой планете казалась вечностью. — К тому же там, как я себе это представляю, сплошной гвалт, словно на птичьем базаре. А здесь — тишина, припахивающая мертвечиной.

— Когда над курами кружит коршун или, скажем, наша Гуен, то они враз затихают.

Мона Сэниа оперлась на гляцевый зеленоватый брус, заменявший подоконник, внимательно оглядела

переплетение узеньких улочек: так и есть, коршунов полным-полно. Впрочем нет, не коршунов — воронья. Сизовато-серые балахонники, перебирают босыми ногами так мелко и незаметно, точно скользят по вошеному полу бального зала. Вот только это не придворные танцовщики — мужики сиволапые. И миролюбием от них что-то не веет. Поганое местечко, ничего не скажешь. Уж на что ей обрыдла (опять командорово словечко!) заплесневелая Сваха, где проторчали без малейшего результата чуть ли не год, но там хотя бы не было таких вот младших братьев по разуму. Если бы не Харров подкидыш, сиротка зубастая, умудрившийся стать членом их семьи столь скоропалительно, что и оглянуться не успели — никакая сила не заставила бы ее вернуться на эту... как ее там Харр называл? Ах да, Ала-Рани.

Но ведь рано или поздно мальчишка спросит, где его настоящая мать. И если сейчас она в беде, то получится как-то не по-рыцарски.

— А ведь основательно прибрали они к рукам этот городишко! — подал голос от соседнего окна Флейж. — Возникнем прямо на улице — неплохая драчка организуется.

Этому как всегда не терпелось.

— Возьми Ушинин кувшинчик с целебным снадобьем, и ни-ка-ких улочек. Не хватало еще тут застрять. Круглую крышу у нас под самым окном видишь? Где в центре беседка. Из нее лесенка ведет вниз. В доме всего две женщины, отдашь им лекарство, скажешь — от господина их Гарпогара; если не поверят, покажи свой меч, это лучше любого пароля. И сразу сюда, чтобы никаких расспросов.

— Есть, командор.

Где-то под ребрышком ёкнуло: «командор». А совсем недавно была легконогой проказливой девчонкой, краешком глаза заглянувшей в чужую сказку... Только ничего больше нет, ни девчонки, ни сказки.

Ни Кокона Ветров — так и не доставшегося ей талисмана.

Флейж появился так же бесшумно, как и исчезал. С тем же кувшинчиком в руках:

— Там пусто.

— Что, совсем?

— Совсем. То есть козел какой-то престарелый отдыхает на полу, что-то из фляги тянет. А женщин нет.

Она раздумывала не дольше секунды.

— Он их где-то спрятал. Чем ниже уровень развития, тем больше тайников, секретов и прочей ерунды. Давай-ка туда, обратно, только не в ту горницу, где... э-э-э... вышеупомянутый козел.

Флейж подал ей руку, и спустя миг оба уже стояли на золотистых досочках Мадиной горенки; чуткие струны, протянувшиеся от потолка до пола, отметили их появление настороженным перезвоном. Несмотря на скудный свет, едва пробивавшийся сквозь застывшую окошко традиционную зелень, было очевидно, что в комнатке пусто. Одно тряпье по углам.

— Ну подпола-то тут никакого нет. — Флейж опытным глазом окинул помещение. — А без него куда двух теток упрячешь? Перегородочки хлипкие, дощатые, вместо дверей завески ветошные, чердака и вовсе...

Снаружибрякнуло, зашелестело — не иначе как полетели горшки с зеленью. Принцесса вскинула руку: замри и не шевелись. Четко, по-военному впечатываясь в доски, застучали сапоги; занавеска на двери метнулась вверх и приклеилась к потолку. Но принцесса и ее дружинник уже стояли у противоположной стены плечом к плечу, десинторы у бедра; для едва уловимого движения вперед, необходимого для того чтобы исчезнуть, и времени и пространства было достаточно.

Шаги приблизились, в дверной проем вдвинулись две закутанные с ног до головы серые туши; расступились.

лись, пропуская третьего, и снова сомкнулись, превращая комнатку в наглухо запертую западню. По здешним представлениям, разумеется.

Не обращая внимания на стражей, принцесса оценивающе оглядела этого третьего, инстинктивно угадывая в нем достойного противника (только вот почему на этой земле как-то подозрительно умолк внутренний голос, всегда предупреждавший ее об опасности?). Но и без подсказки было ясно, что развернутые плечи атлета, скользящая плавность шага и безукоризненная скупость движений выдают в нем опытного бойца, стремительного в нападении. Край не по-воински легкого плаща укрывал голову; поверх недешевой ткани была намотана какая-то заскорузлая веревка с бесчисленными узлами. А вот лицо почти ни о чем не говорило — смуглое, молодое, неподвижное. Темные волосы растут мыском от самой переносицы, совсем как у Эзрика, глаз не видно — разглядывает чужаков сквозь полуопущенные ресницы, с ленцой, как заведомую собственность. Хм...

Неизвестно, чем бы кончилось затянувшееся молчание, но тут за стеной затопотали, заперхали; стража вновь подалась в стороны, и кто-то увесистым пинком толкнул в комнату козла.

Во всяком случае, так показалось принцессе в первый миг. В следующий она поняла, что это некто, пугливо прижимающийся к полу и заслоняющий свою голову белым черепом с раскидистыми витыми рогами.

Незнакомец в парадном плаще, поначалу брезгливо отодвинувшийся, потратил не более двух секунд на оценку ситуации; засим, изобразив наифальшивейшую улыбку, он склонился над распростертым старцем, одной рукой бережно, но твердо отбирая вилорогий череп, а другой ласково касаясь кудлатой седой головы.

— Скажи, почтенный рокотанщик, где милейшая хозяйшка дома сего?

«Почтенный» тоненько взвыл, мотая головой; белые пряди мели пол, струны по углам горестно вторили.

— Загубили мою красу-у-у... Порешили отрока благолепного, покололи глазоньки златоглядные... Во Успенном бору мил-дружок мой покоится, без него не звучать боле струнам рокотановым...

— А рокотаны нам крайне нужны, — вполголоса заметил незнакомец, и носок его мягкого сапожка ткнулся в старческий зад. — Убрать. Поить, кормить вдоволь; среди здешних телесов отыскать парочку посмазливее... м-м-м.. на Зверилов вкус. Отрядить сюда в услужение.

Это уже совсем другим тоном, определенно не знавшим возражения. Царек здешний, что ли? Нет, не царек, под плащом угадывается слишком много оружия. Воевода. А еще вернее — атаман разбойничьей шайки, только очень-очень крупной и опасной шайки... Ага, вспомнил наконец и о непрошенных гостях. Обернулся, вздернул подбородок и стал словно на голову выше:

— Где та, что подарила миру Неявленного, снизошедшего до нас, дабы стать на все времена Осиянным? — прозвучал ровный голос, до того бесстрастный, что в нем не сквозило даже высокомерия.

— Ее здесь нет, — точно с таким же царственным хладнокровием отвечала принцесса. — И искать ее ты больше не будешь.

И тогда вспыхнули глаза — желтые, тигриные.

— По какому праву ты, гололобая, смеешь...

Голубая молния не самого мощного, но впечатляющего десинторного разряда ударила ему под ноги.

— А вот по такому.

Трудно представить, кто бы в этом варварском мире не шархнулся в сторону. Но только не этот. По лицу поползла косая усмешка, стирая с него все человече-

ское — осталась только неукротимость, порожденная бешенством.

— Думаешь, меня молниями не пугали? Говори — где сучонка?

Яростный взгляд метался по комнате и, казалось, оставлял в воздухе желтые прочерки:

— Где?!

Пена закипала у него на губах, как у закусившего удила жеребца. Такого никакой страх уже не остановит. Нужно другое. Мона Сэниа торжественно подняла левую руку:

— Предначертано свыше, чтоб никому сие было не ведомо. — Она постаралась, чтобы ее голос звучал как можно полнзвучнее и вдохновеннее — и получилось, потому как за стеной разом отозвалось несколько рокотанов. — Никому! Ни тебе, ни мне.

— Предначертание — это я!!! — Это был уже просто звериный рев.

Вот так. Последняя степень фанатизма, когда не пугает даже угроза смерти. Это уже не человек, и людские законы к нему неприменимы. Таких нужно просто уничтожать. А ведь красивый был мальчик. Сильный. Бесстрашный. Знала бы, кто его сделал таким — приказала бы повесить за...

Пальцы сжали рукоятку десинтора, нехотя врубили клавишу предохранителя. Это — не ее мир, и не ей его спасать от всякой нечисти.

— Ты — ничто, — бросила она с отвращением и горечью, одновременно стискивая руку Флейжа и увлекая его в спасительный перелет обратно, на лиловый ковер Игуаны.

Неистовый Тибальд, так огорчительно выдернутый из ситуации, предвещавшей лихую драчку, с трудом сдерживал разочарование, втапывая один безвишный колокольчик за другим, за неимением лучших противников:

— Ежели мне будет дозволено заметить,— проговорил он, с нарочитой медлительностью засовывая свой десинтор в кобуру, — то этот первобытный общественный деятель явно напрашивался на нечто более осязаемое, нежели отеческое вразумление со стороны представителей цивилизованной державы.

— Представителю цивилизованной державы следовало бы быть повнимательнее,— устало отпаривовала принцесса.— Ты видел его глаза? Такие бывают только у тех, кто отмечен «поцелуем анделиса». Их обладатели долго не живут. И страшно подумать, что случилось бы с несчастной Мадинькой, попади она в лапы этому бесноватому. Так что кому-то из нас еще придется слезать на Ала-Рани, приглядеть за ней... если конечно отыщем. Ты кувшинчик с лекарством поставь куда-нибудь в приметное место, чтобы на этот случай был под рукой. Кстати, ты нашу серебряную королеву Ушинюшку как следует поблагодарил?

— Со всеми наинижайшими расшаркиваниями... Только там не до меня было, опять какой-то переполох в благородном, но небогатом королевском семействе.

Ну вот, и для Алэлова дома, доселе такого благополучного, похоже, началась черная полоса. Только с каких таких пор, а, голос мой своенравный, никому другому не слышимый?

Молчит. Здесь, на Игуане, он всегда молчит. Да и на Тихри его что-то не было слышно. И на Ала-Рани. А на Земле?..

А ведь похоже, что над Первозданными островами тучи начали собираться с той самой поры, как Алэл затеял свою возню с самоцветами. Вот погода и распоясалась. Или нет?

Она невольно подняла глаза к бирюзовому весеннему небу и вздрогнула: сейчас оно было отнюдь не голубым и уж никак не весенним. То, что она приняла за ранние сумерки, оказалось тяжелой пепельно-лило-

вой пеленой без единого просвета; это была не грозовая клубящаяся туча, не дымка, предвещающая затяжную морось, а овеществленная тоска, и отчаяние, и безысходность всего мира, готовые пасть на несчастные острова и укутать их до скончания света.

Беда, от которой спасения не будет.

— Юрг!.. — невольно вырвалось у нее, и она вдруг осознала, что впервые в жизни призывает его так жалко и беспомощно. Силы небесные, да что же с ней, такой своенравной, стало?

А звездный эрл возник на пороге шатрового покоя без промедления и совершенно очевидно — без малейших предчувствий; сынишка под мышкой, ногами дрыгает, и оба перемазаны манной кашей.

— Что-то мамочка наша сегодня быстро прилетела!

Ю-ю брыкнулся, выскальзывая из отцовских рук, с уморительной серьезностью оглядел хмурые небеса:

— Погода неретная.

Он еще частенько путал буквы.

— Ух ты мой звездопроходчик, от горшка два вершка! — умилился отец. — Ну погоди, еще каких-нибудь пара-другая годков, и мы с тобой всю галактику облетаем! Заметано?

— Жаметано. — Серьезность у него ну просто неподражаема.

— Прекрати учить ребенка плебейским выражениям! — Ну вот, теперь можно заслониться от всех своих замогильных предчувствий обыкновенными семейными пререканиями.

— Ого, от королевской дочери слышу, твое мое величество; только на Джаспере, насколько я в этом разбираюсь, после Темных Времен плебеев не осталось, одни аристократы. Хотя, если вспомнить Джанибастову сво... свински воспитанных коллег, то простолюдины мне как-то больше по душе.

— От демократа слышу.

— Не учи ребенка ругаться!

— Ничья,— устало констатировала принцесса. — А что касается Ала-Рани, то — полное фиаско. Харровы подружки испарились, зато собственной персоной явился сам Наиверший. Мало того, что законченный хам, но ещё и бесноватый. Сейчас даже жалею, что его не прикончила.

Юрг задумчиво поглядел на жену: в последнее время резкая смена ее настроения поражала его все чаще и чаще. И с чего бы? Такая тихая, счастливая семейная жизнь...

— На Ала-Рани ты больше не полетишь. Хотя Харр и клялся в том, что тамошние крэги — всего лишь безобидные мотыли, но капля бешеной крови у каждого все-таки имеется. Так что Флейж теперь туда дорогу знает, придадим ему для пущей убедительности Пыметсу нашего косолапого... А, черт, забыл — он же опять к папаше отпросился. Дождаться не может, когда судейское кресло ему по наследству отойдет. И откуда у простого дружинника такая тяга к престижной должности?

— Потому что среди простых дружинников — то есть не простых, а моих дружинников, он в силу природной тупости был и безнадежно остается последним. А от батюшки ему переходит не просто просиженное кресло — заговоренный меч, поражений не знающий. Здесь и ума не надо, чтобы с таким наследством оказаться среди первых вельмож Равнины Паладинов.

— Хорошенькое королевство, прямо не устаю радоваться, что наш сынишка — ненаследный, — фыркнул демократически настроенный эрл. — А что касаясь Пы, так может, все гораздо проще? Положил глаз на красавицу титулованную, к ней ведь без пышного звания не подкатишься, тем более что бедняга и с лица больше на медведя смахивает... это мягко говоря. А дело молодое, изнаывает, поди, в ночных-то караулах.

— Юрг! При детях...

— Ну что — при детях? О них, кстати, пора и поговорить. Тебя с некоторых пор дома не застать, у меня тоже свои дела. А малышня — в караулке, там и не такого наслушаешься! К девчонке это особо относится. Ты Паянну сюда для чего притащила? В нашей юной леди Фирюзе женственность, видите ли, воспитывать. Согласно этикету. И где эта бабища со своей неиссякаемой женственностью? С утра до ночи пропадает на стройке, тоже мне прораб, прости господи, как говорили в те времена, когда у нас на Земле водились прорабы. Или пусть своим делом занимается, или — скатертью дорога на свою незакатную Тихри!

Ультиматум возымел действие.

— Паянна! — рывкнула принцесса (благородный эрл с ненаследным принцем даже переглянулись — впервые слышали от супруги и матушки такой разгневанный ор). — Сейчас я ее достану. Хоть из-под земли.

И исчезла.

— Ну вот,— пробормотал командор; — ужин откладывается. — Это как минимум.

А долго разыскивать Паянну и не пришлось: достаточно было из-под низкой тучи оглядеть берег, где вдоль самой кромки обрыва уже тянулись выложенные в одну линию беломраморные коробки, которые в самом недалеком будущем должны были превратиться в точные копии роскошных покоев Асмурова замка. Над самой водой Гуен вычерчивала тревожные круги и петли. Такого без повода не бывало.

Принцесса спустилась вниз и сразу же наткнулась на старую воеводиху, взгромоздившуюся на плоский камень; она сошла бы за исполинскую черную тюлениху, если бы не выжимала мокрые длинные космы. Девушка разом забыла о собственных бедах:

— Паянна, тебя что, наши шутники искупали? Нашли время и, главное, погоду! Да на тебе и платье все мокрое — смотри, простудишься...

— Держи карман — искупали; не нашлось еще таковых шутников, чтоб меня в воду кунать, — как-то подозрительно равнодушно отмахнулась Паянна. — Сама я бошку намылила, чтобы часом не завшиветь. А тут...

Похоже, бывалой воеводине было зазорно признаваться в какой-то несуразице. Но Гуен с душераздирающим воплем снова пронеслась перед ними, задев крылом стылую чернильную воду.

— Говори, в чем дело, — велела принцесса.

— Да и незнамо что... То ль волна была аспидная с пробелью, то ль водоросль всплыла, но будто помстилось мне, что поднялось из воды чудище страховидное, мастью чернопегое, в аккурат как теи кости крапчатые, чо мы в море покидали. Зыркнуло на меня глазом лихим, худодейным, выю-то ко мне потянуло, усы на загровке встопорщило — тут я враз сомлела и в воду-то и бултыхнулась.

Речь старой воеводине лилась напевно и не без украшательств, словно она байку пересказывала, а не докладывала о происшествии, из ряда вон выходящем. Но мону Сэниа смутило только одно: никто и никогда не слышал еще от Паянны, что ей ведом простой человеческий страх.

Да и Гуен — не той породы живность, которой может что-либо «помститься».

— Ладно, разберемся, а пока к морю детишек не пускать, — проговорила принцесса севшим голосом — невыносимая усталость навалилась вместе со зловещей тучей. — Буря надвигается, а на тебе сухой нитки нет. Отправлю-ка я тебя в равнинный замок, там тебе Эрм что-нибудь сменное подберет, пока одежду просушишь. Отоспишься в тепле...

— И-и, не бери в голову, княжна милостивая! К холоду да мокрети я обвыкнута. А уж ежели гадаешь, куда меня летом в миг переморгнуть, как тое у вас водится,

то вели перенести меня в отцовские хоромы доброго мово Пыметсушки, давненько он меня к себе зазывает. Батюшка евоный занемог, так может, я в знахарки сгожусь? Там меня и обогреют.

— Воля твоя, — проговорила принцесса с неохотой — не просвещать же прислужницу, что все семейство доблестного дружинника жаждет увидеть у себя не знахарку, а похоронных дел мастера. — Скажи Киху, он в доме у верховного судьи не раз в гостях бывал. Он тебе поможет, я ведь уже велела всем отправлять тебя туда, куда ты пожелаешь, по первому требованию. Только там лишнего не болтай. И к первой луне здесь будь.

Паянна тяжело поднялась с камня, приблизилась к девушке и прямо-таки нависла над нею темной глыбищей:

— А ведь не затем ты, княжна, на берег подалась, чтобы меня обихаживать. Горе что ль какое, что так с лица спала?

Мона Сэниа привычно облизнула губы, захладевшие при одном упоминании о луне, обвела взглядом берег. Пусто.

— Скажи, Паянна, — неожиданно для самой себя торопливо проговорила она, — ты когда-нибудь изменяла мужу?

Паянна свесила головушку на левое плечо. На лице ничего не отразилось — да и что могла выражать черная, точно из эбенового дерева, маска?

— Ты себя со мной, княжна, не ровняй, ты роду государева; испокон веку повелось — что князю дозволено, то смерду подлому и думать не след, — проговорила она после затянувшегося молчания. — А ежели пала на тебя напасть неодолимая, то позабудь обо всем, дай себе волю и натешься вдосталь, но — один раз. Один-единый. А потом убей.

— Паянна!

— Что — Паянна? Ну что — Паянна? Я служу вер-

но, и уж ежели ты ко мне, старухе, за словом вещим приходишь, я по-холопски не отбреживаюсь, а даю тебе совет, который дорогого стоит. Слезыньками моими он напитан, что проливала я, покуда не уразумела: что блудит мой воевода с девками ссыльными — то пустое, на то он и мужик. Все они таковские, ты это крепко запомни.

Да уж, бесценный был совет. Мона Сэниа уже жалела о своем неуместном любопытстве, но не опускаться же до объяснений, что она имела в виду не себя и уж никак не собственного супруга.

— Не о командоре сейчас речь, — отрезала она высокомерно. — Если он мне изменит...

По-волчьи сверкнули глаза на угольном лице, уставились, не мигая.

— Тогда не быть ему на белом свете.

Потому что скорее зеленая Игуана опустится на дно морское, а солнце начнет светить черным светом...

Но какая-то неестественная, гнетущая тишина повисла над морем. Паянна, запрокинув голову, уже глядела в набухшее бедою небо, и оно, казалось, медленно-медленно падало ей на лицо...

— Да такое просто немыслимо, — отмахнулась принцесса. — Что же до совета твоего... Ты у себя на Тихри про Таиру-Светлячка слыхала? Вот она всегда по своей воле поступала, не по разуму. За то и поплатилась двумя жизнями... и своей в придачу.

— Так я ж то и баю: ты — королевна, а она, знать, не по чину замахнулась. Все путем.

Принцесса стиснула зубы — не раз и не два за последнее время ей на ум приходили Юрговы слова: «Что позволено Юпитеру...» И вот, оказывается, то же самое подсказывает логика, возвращенная под губительным солнцем ссыльного края.

— Вот что, отправляйся-ка ты лучше в гости...

— Чуть опосля. Ступай-ка за мной.

Мокрая суконная юбка хлопнула по пудовым сапогам, и Паянна, натужно побряхывая, полезла вверх по склону, усеянному плюшевыми островками песчаного тимьяна. Мона Сэниа недоуменно следовала за ней, стараясь не попасть под неизбежную осыпь.

— Во, и у вас то ж, я нюхом чуяла, — старая воеводиха внезапно остановилась и, гибко извернувшись, выдрала из-под можжевельового куста пучок сизоватой, точно тронутой плесенью, зелени; замотала собственным волосом, протянула девушке. — Держи, подрёмник это, а по-вашему — сонь-травенец. Под подушку муженьку положи, только сама-то храпака не задай.

Принцесса, как завороченная, против воли приняла ведовскую травку — умом понимала, что и притрагиваться нельзя, но внезапно одеревеневшие пальцы стиснули влажный пучок, спрятали в складках плаща. Сказка ведь не кончена, на жаркой Невесте следует точно и холодно отдать еще один долг.

— ...а утресь вынешь, — прозвучало опять так спокойно и буднично, словно речь шла о просушке сапог.

— Паянна, — медленно проговорила принцесса, — зачем ты это делаешь?

— Сама знаешь, княжна, я служу верно...

— Зачем ты мне служишь?

Черная маска на миг замерла, а затем по ней словно волны побежали; непомерно расширившиеся глаза глядели на девушку изумленно и недоверчиво:

— Любого вопроса ждала я от тебя, княжна моя милостивая, только не такого. И врать тебе мне не след, и как изъясниться, не ведаю...

— А ты попроще.

— Ну ладно, коли так. Доживать бы мне век свой при князе Лронге Справедливом в лени да сытости, где была я сама себе госпожа, так нет же — к чужедальному двору подалась в услужение рабское. Зачем, спрашиваешь? А затем, что дело господарское — приказы

приказывать, на то ни ума, ни силы, ни доблести не надобно. Что повелено, то исполнят, а что да как, тозабота чужая. Только скукотишша это, да что мне тебе говорить, ты сама праздной тоскою маешься. А подневольная доля — она хитроумия требует, любое повеление — оно ведь от сих до сих, вот и выворачивайся, точно на узком мосточке. Тут уж не до скуки, иной раз темечко-то до самой черепушки прочеешь, чтоб в енто самое «от сих до сих» уложиться...

— Я вот тебя слушаю, — медленно проговорила принцесса, и у меня складывается впечатление, что ты не о жизни своей рассказываешь, а излагаешь правила какой-то игры; только вот непонятно, с кем ты играешь — со мной... или с собой?

Паянна снова запрокинула голову, глядя в пепельное небо, опустившееся еще ниже, точно оно хотело сомкнуться с морскою водой, похоронив в ее глубине острова, опостылевшие неведомому богу. И в этот миг девушке показалось, что эта зловещая туча и массивная фигура чернокожей тихрианки — суть одного естества...

— Однако, княжна моя милостивая, мне пора, — прозвучал голос Паянны, словно не расслышавшей обращенного к ней вопроса, — да и до твоей сладкой ноченьки уж рукой подать.

Точно лезвием ледяным полоснуло во всем теле, от губ до самых щиколоток; позабывшаяся за разговором боль, воскрешенная одним-единственным словом, как будто мстила за передышку.

Проклятая черная ворона, да как она смеет даже думать о том, что случится грядущей ночью?

— Да лети ты, куда хочешь! — в бешенстве крикнула она, отталкивая от себя старую воеводицу и все-таки не забывая представить себе двор перед плитняковым донжоном, таким же приземистым и несокрушимым, как и сам верховный судья.

Теперь, когда чернокожая ведьма была препровождена не в очень-то благородное судейское семейство, надо было сделать глубокий вдох и явиться под собственный кров как ни в чем не бывало.

Получилось. Не в первый же раз, в самом деле...

Супруг вместе с детишками уже укрылся от непогоды в шатровом покое их импровизированного замка; воплей Эзрика тоже слышно не было, как видно, Ких, на все руки мастер, уже его утихомирил.

— Яусталакаксобака, — торопливо пробормотала она недавно освоенную земную формулу. — Пойду лягу.

Было в ее тоне что-то такое, что Юрг даже не улыбнулся.

— Конечно, малыш. Паянну отыскала?

— И даже отправила к Пыметсу, погостить. — Это уже из их уютной спальни. Швырнула плащ на пол, скинула сапоги и повалилась на постель, крепко-накрепко зажмурившись. Раньше это просто означало бы: «сплю, не буди»; теперь же ей приходилось сжиматься в комочек, чтобы как-то пересилить, стиснуть свою неумолимо растущую томительную боль в никудышных тисочках слабеющей женской воли.

Юрг прошел мимо на цыпочках, пронес в детскую прикорнувших малышей. Они позволили себя уложить безропотно, как видно, сказалась надвигающаяся буря. Юрг вернулся, всмотрелся в осунувшееся и вместе с тем на удивление помолодевшее лицо жены — это ж и здоровый мужик не выдержит так с планеты на планету порхать, одни психологические перегрузки чего стоят. Вот и сейчас даже не сняла ни куртки, ни обруча; однако первый сон лучше не тревожить, через час-полтора можно будет все это исправить... Он осторожно прилег рядом — тоже тянуло в сон, метеозависимость на старости лет развивается, не иначе.

Темнело так стремительно, что жучки-фонарики под потолком начали зажигать свои чуть теплящиеся

огоньки, по своду неистово забарабанили первые капли тропического ливня. Мона Сэниа внутренне изготвилась: вот сейчас. Такой грохот ведь и мертвого разбудит. Еще секунда. Ну же, ну...

Оськин трубный рев был слышен, наверное, даже в караулке, но принцесса ждала его и поэтому вскочила первая.

— Спи, спи, — шепнула она мужу; — сейчас я его убаюкаю.

Она нагнулась к плащу, и влажный пучок подрёмника тревожно заохлодил ее ладонь. Спи, муж мой, любовь моя.

Колдовская травка, повинуюсь едва уловимому движению пальцев, перекочевала через ничто прямо под супружескую подушку. Теперь оставалось только утихомирить крикливое чадо. Она скользнула в персональную Эзрикову спальню, где на табурете постоянно восседал в позе богомола пучеглазый свянич, прижимая к мохнатому брюшку полный рожок, отчего молоко всегда было теплым.

— Ких,— негромко позвала она; — тебе сегодня опять приглядывать на Эзрой.

Дружинники в такую рань еще не ложились, поэтому младший из них явился в тот же миг, лопоухий и на все готовый, точно седьмой гном из земной сказки.

— Только не давай ему плакать, прошу тебя, — проговорила принцесса каким-то странным, совсем не повелительным тоном. И исчезла.

У нее была своя сказка, не земная — невестийская, и эта сказка была еще не окончена.

Кроме того страшного (ох и ошибалась ты, старая ведьма — вовсе не сладкого!), ради чего она и летела на Невесту, надо было еще и попрощаться с Гороном, и чтобы его не изумлять чужеземными одеяниями, пришлось на минуту задержаться на дальнем берегу, где в заветном дупле хранились уже порядком потрепанное

сиреневое платье и змеиные сандалии; оплетать руки ремешками было некогда, но пришлось изрядно потрудиться, чтобы спрятать за широким поясом не только десинтор, но и стилет с длинным клинком, при необходимости заменявший шпагу.

Здесь, на восточном мысу Игуаны, буря неистовствовала уже вовсю, и на так и не остывшие за ночь камни Сорочьей Невесты она ступила, вымокшая до нитки.

И не просто на камни — на вершину гранитного столба.

Это был тот самый утес, выметнувшийся в ночное небо, точно чертов палец, у подножья которого она впервые повстречалась с Гороном. Место выбралось как-то само собой — похоже, в подсознании прежде всего теплилось желание по-доброму попрощаться со своим проводником, чтобы объяснить ему и свое нечаянное появление на его земле, и неминуемое исчезновение...

Только не это!

Привет, мой неслышимый. Сама знаю, что не так. «Необходимость попрощаться»... «свой проводник»... Холодные, ничего не выражающие словечки, точно мелкие градинки, бесследно исчезающие на жарких ладонях. А сказать надо просто: «Вот и кончена наша сказка, Горон; мы, может, больше не увидимся. Не судьба. Но рано или поздно сюда прилетят мои люди и исполнят мечту этого народа — перенесут всех обратно на оставленную когда-то родную землю. Но чтобы вам не помешали, я сделаю то, что сделаю. Скоро ты об этом узнаешь. А теперь прощай. И если будешь вспоминать меня, не ищи названия тому, что между нами было: имени этому нет. Просто представь себе, что два рыцаря едут рядом по ночной дороге; они не давали друг другу никаких клятв, но нет ничего на свете крепче верности, которую они хранили, может быть, и не подозревая о ней. Просто два рыцаря на лунном пути...»

Ты так уверена, что вы оба — рыцари?

Она встряхнулась. Горон — это потом. Его еще разыскать надо. Ей удалось сегодня прилететь раньше обычного, но все же ослепительная луна уже покати-лась к горизонту, кося серебряными лучами каменные торчки и пирамидальные скалы и неохотно окунаясь в предрассветную дымку; жаркая ночь уже почти высушила платье и волосы, хотя даже здесь, на высоте птичьего полета, не ощущалось ни ветерка.

Она огляделась: справа высилась, точно тихрианский зиккурат, изъеденная солнцем и дождями вторая скала; «живая тропа» проскальзывала через эти каменные ворота и, сбегая с невысокого перевала, раздваивалась: одна уходила на восток, к каким-то неведомым селениям невестийцев; другая, скорее угадываемая, чем различимая, вела прямо к заброшенному подлесью, мерцающему вдали. Еще дальше, заслоненный сейчас этой черно-оливковой шапкой, должен располагаться прозрачный камень, именуемый «соляным столбом», и только за выжженной пустошью, куда здешний люд не смеет даже ступить, зачарованным островком расположились заповедные и зловещие владения Лунного Нетопыря.

Только вот где искать их владельца?

Где? Глубокомысленный вопрос, ты не находишь? И главное — риторический. Со стороны могло бы показаться, что ты уже струсила...

А вот такое даже собственному внутреннему голосу она не советовала бы произносить. Принцесса втянула пряный предутренний воздух сквозь стиснутые зубы, шагнула с верхнего уступа и взмыла в поднебесье, очутившись прямо над безлюдной купиной, над которой слабо вилась видимая только отсюда тоненькая струйка не то дыма, не то пара. Впереди сиял знаменитый соляной столб, точно узкий стакан, наполненный доверху лунным светом, а еще дальше, за

серой плешью безжизненной пустоши, призрачно означился замок Властелина Ночи, окольцованный остроконечными утесами; легкое облачко парило над ним, выдавая присутствие открытой воды. Ах да, там, за Сумеречной Башней, еще в прошлый раз она заметила зеркальную поверхность озера. Ну что же, теперь настало время разглядеть все это поближе.

Она ринулась вперед, в последний миг краешком глаза углядев внизу какой-то рыжий отблеск. Неужели живой огонь? Но ведь здесь он под запретом...

Не отвлекайся!

Где уж тут отвлекаться, когда она уже над зубчатой кромкой стены, и сейчас главное — не быть застигнутой врасплох, как в прошлый раз. Но теперь она знала, чего опасаться, а как говаривал ее звездный эрл, кто предупрежден, тот вооружен.

Кстати, оружие пора снять с предохранителя.

А это еще зачем?

Она только тряхнула головой, отмахиваясь от голоса, как от назойливой мухи. Крошечная площадочка между двумя щербатыми зубцами служила надежной опорой для ног, но вот светлое платье, которое она второпях не догадалась прикрыть темным плащом, выдаст ее в первый же миг, если, как и в первую встречу, он прилетит откуда-то со стороны.

Как бы сейчас пригодился амулет, дарующий невидимость!

Не вспоминай старые сказки, когда тебе предстоит новая, самая упоительная в твоей жизни!

И этот туда же. Сговорились они с Паяннй, что ли? Или... или этот голос — наваждение самого Нетопыря, чтобы разливающаяся по всему телу истома не позволила ей даже поднять оружие? Ну уж нет. Не имелось во всей Вселенной силы, которая остановила бы ее руку, когда в ней клинок или десинтор. И впереди — цель.

Кстати о цели. Она осторожно выглянула из-за зубца, надеясь на то, что распущенные темные волосы прикроют лицо. Вот и гладкая, точно залитая лавой площадка, на которой он появился тогда. Пусто. Справа обтекаемый, как будто вылепленный из глины торчок Сумеречной Башни, обвитой стремящейся кверху галереей; слева нагромождение нелепых строений, напоминающих половинки гигантских колоколов. Луна уже довольно низко, и все это тонет в зеленоватом полумраке, где ни единой светящейся ветви, да что там — былинки. И во всем этом хаосе — оцепенение потустороннего вместилища духов, словно сюда ни разу не ступала нога человека.

И тут, точно в ответ на ее мысль, впереди возникло какое-то движение; она даже не уловила, где именно — просто легкое колебание дымки, нечаянное шевеление затаившегося призрака, трепет занавески в окне... В окне!

Это были его крылья, там, слева, за переплетом двойного проема; даже на таком расстоянии можно было угадать, что всесильный повелитель полночных земель сидел понуро, оборотившись спиной к лунному свету и так низко опустив венценосную голову, что ее даже не было видно — поза бесконечного и безнадежного ожидания. И только крылья слегка распахивались и снова смыкались. Словно дышали...

Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы оторвать взгляд от этих пепельных опахал, когда-то вознесших ее в сказочном полете над этой землей; но дыхание ей уже не подчинялось — каждый вдох и выдох сливался с ритмом, заданным этими взмахами и завладевшим всем ее существом; глухие удары колокола, необратимо притупляющие сознание, доносились из какой-то неведомой глубины... пока она вдруг не поняла, что звучат они в гулкой пустоте ее собственного тела, выжженного изнутри непереносимой истомой.

Вот и поделом тебе! Нечего было сопротивляться. Сколько времени потеряно, какое блаженство ты могла бы...

Молчи!

Дыхание сбилось, колокол задребезжал и захлебнулся.

Локоть оперся о камень, пальцы машинально нажали нужную кнопку калибратора. Такой мощности хватит, чтобы расплавить и испепелить и каменный переплет, и всё, что за ним. Ну...

Хм. Попробуй.

Слепящая голубая молния полыхнула, изломалась и отлетела куда-то назад, едва не задев край готового вспыхнуть платья.

Еще не поняв, что произошло, мона Сэниа вытянула руку — пальцы уперлись в упругую невидимую преграду, чуть клейкую на ощупь. То, что издалека она приняла за дымку ночных испарений, оказалось прозрачным защитным куполом, укрывавшим обиталище невестийского демона вместе с его хозяином.

Прянуть в сторону и очутиться снова на вершине гранитного столба было делом такого краткого мига, что она не успела заметить — поднял ли голову Нетопырь, уловив безобидную для него вспышку, или даже не удостоил ее вниманием?

Если нападение было замечено, то значит, он предупрежден. И вооружен. Впрочем, нужно ли вооружаться тому, кого укрывает неуязвимая лунная поволока, самая загадочная субстанция во Вселенной? Нападающий будет поражен своим же собственным оружием, потому что по всем законам отражения... Да, десинторный разряд должен был обратить ее самое в горсточку пепла, но он почему-то ушел в сторону, и это необъяснимо. Но раздумывать об этом некогда — небо на востоке светлеет, а луна царапает свое серебряное брюхо о шершавые наверхия каменных столбищ.

И ничего, ничего не поделать простому смертному, не владеющего тайной управления таким чудом, как лунная поволока... Нет, какой-то выход наверняка есть. Должен быть! Да и она — не простая смертная. Что позволено Юпитеру...

Юпитеру позволено все.

Ярость росла, выметая начисто все нетопырево наваждение и обостряя сознание. Так. Она натолкнулась на защитный купол. Горон как-то проговорился, что Нетопырь огораживает свои хоромы, только когда покидает их. Но сейчас она отчетливо видела движение его крыльев — сидит, голубчик, в собственной берлоге. Тем не менее прикрылся. А кто это его, собственно, предупредил, что ему угрожает опасность? Или у него тоже прорезался внутренний голос? Эй, тебя спрашивают, изволь отвечать!

Каждому свое.

Абсолютно бессодержательный ответ, тебе бы в Диван к моему папеньке. Хорошо, обойдемся собственной головой, благо она прояснилась. Думай, Сэнни, думай. Здесь, на Невесте, Нетопырю ничто не угрожало, всех этих пещерных он в гробу видал, как выражается звездный эрл. А маггиры слишком мудры, чтобы связываться. Да он им и не мешает. Кто же еще?

А ведь еще эти... наемники Вселенской Орды. Они вроде бы появляются здесь редко, но подозрительно четко ориентируются — это ж надо так аккуратно проникнуть в подземелье маггиров, никто и тревогу поднять не успел... И что из этого следует? Думай, Сэнни, думай, ты тут одна и за командора, и за всю дружину. К тому же ордынцы летели не отрядом — всего-навсего парой. Значит, были абсолютно уверены в собственной безопасности. Следовательно, вооружены адекватно. Так что же за оружие у них было?

Думай... И словно само собой всплыло в памяти маленькое искристое колечко, припрятанное ею в пе-

щере на Свахе, где до сих пор лежали непогребенными останки девятых джасперян. И на ее глазах точно такое же кольцо ордынец надел на клюв своего крэга, чтобы превратить их обоих в единый источник все-сокрушающей убойной силы.

Так вот, значит, с кем пересеклись пути ее соотечественников! И понятно, почему возле испепеленных тел десинторов не оказалось — ведь странствующие по всем планетам мародеры и должны были в первую очередь интересоваться чужим оружием.

Но если ордынцы прибрали к рукам столь ценные трофеи, то почему они не взяли десинторы сюда? Что может быть удобнее в грабительском налете — компактные, дальнобойные...

И, как она только что убедилась, бесполезны, когда впереди — нечто неуязвимое и непостижимое, как ничто. Выходит, они заранее знали про «лунную поволоку». Проверили когда-то на практике. Или нет?

Все может быть.

А раз они вооружились своими погибельными кольцами, значит, уклончивый ты мой, здесь годится именно это оружие. Я права?

Только не вздумай это проверять! Да и где ты такое кольцо достанешь?

А это уже не твоя забота. Жди, я скоро вернусь.

23. Обитатель нефритового ларца

Она и не собиралась долго задерживаться, только слетела вниз, на живую тропу, очерченную двумя рядками молодой поросли, торопливо обломила несколько светящихся веток. И в следующий миг уже была на Свахе, в сталактитовой пещере, где девять кучек непогребенного праха отмечали места гибели ее неизвестных соплеменников.

Отыскать неприметную луночку, выплавленную в полу, оказалось делом не таким скорым, как это ей представлялось: тусклые зеленоватые отсветы метались по гладким, точно обледенелым стенам, наполняли призрачным мерцанием сталагмитовые столбы, высящиеся над мертвецами, точно неумело изваянные варварские надгробия. Принцесса кружила по пещере, старательно обходя зловещие черные островки и кляня себя за то, что не захватила настоящего факела.

Потаенная хоронушка наконец нашлась сама собой — голые пальцы в легкой сандалиии внезапно ощутили что-то вроде ледяного укола. И тут же под самой ногой замерцали и замкнулись в колечко морозные искорки.

Она наклонилась, острием стилета подцепила свою страшненькую находку, опустила ее в десинторную кобуру, ведь еще старый сибилло, заячья душонка, предупреждал, что касаться погибельного амулета, мягко говоря, рискованно. Полдела сделано. Теперь домой, кое-что придется поискать, так что вся надежда на подрёмник и так кстати нахлынувшее ненастье, наверняка загнавшее верных дружинников в теплую караулку.

Ненастье было еще то: яростно хлещущие по куполу струи заставляли только пожалеть несовместимую с домашним комфортом Гуен, которая не желала укрываться в корабliках ни при какой погоде; зато Кукушонок несомненно пригрелся где-нибудь здесь, в шатровом покое. Найти сундучок с боевыми перчатками и заткнуть одну из них за пояс было не сложнее, чем подобрать чей-то плащ, расстеленный на скамье у входа как видно для просушки. Но это было не главное: мона Сэниа отчетливо помнила, что прибегнуть к силе погибельного кольца в одиночку ордынец не мог.

Ему потребовался крэг.

Теперь приходилось ждать грозовой вспышки — ну надо же, оставила светящиеся ветви там, в свахейском

склепе. И хотя молнии полыхали почти непрерывно, но притемненный свод шатра почти не пропускал света — как видно Ких постарался, чтобы яркие сполохи не будили его крикливого подопечного. Позвать мона Сэниа тоже не решалась: а вдруг Кукушонок сейчас в спальне и теперь стремительно ринется на ее зов, не разбирая в темноте дороги? Тут уж и подрёмник не поможет...

Наконец после третьей или четвертой вспышки она кое-как разглядела нахохлившийся силуэт — своим насестом крэг выбрал старинную амфору, подаренную Ушинью им на новоселье. Она скользнула к нему, протянула руку — «сюда!» — и тотчас же прохладные коготки охватили запястье. Не тратя лишних слов и времени на объяснения, она прикрыла крэга полой плаща, и в следующий миг они оба уже были на зубчатой стене Нетопырева замка.

— Не удивляйся, — торопливо зашептала она, натягивая защитную перчатку и осторожно освобождая своего пернатого спутника из-под укрывавшей его ткани. — Мы в другом мире, но пусть он тебя не волнует; главное, чтобы ты четко увидел цель. Гляди, Кукушонок...

Она осеклась: вместо невзрачных рябеньких перышек под ее рукой, отражая последние лунные лучи, разлилось перламутровое сияние... Фируз.

Что это? Ты принесла с собой опасные игрушки!

И не только. Но этой ночью решения нужно принимать с быстротой молнии, так что — прости, неслышимый. Не до тебя.

— Слушай только меня, Фируз, даже если тебе и померещится чей-то чужой голос. Повинуйся только мне. Гляди: там внизу, в сумеречном дворце — все зло этого мира. Оно угрожает всему живому, и эта угроза смертельна. Ты один способен его уничтожить с помощью магической силы, которую ты обретишь, едва я

надену на твой клюв зачатое кольцо, которое самому тебе не причинит никакого вреда. Это первое твое столкновение с сатанинской нечистью — готов ли ты?

— Да, — прошелестело едва различимо, но твердо.

Принцесса и не сомневалась, Фируз все-таки был сыном Кукушонка.

— Тогда я надеваю его тебе на клюв... вот так. А теперь смотри еще внимательнее: слева, за двойным окном — серые дымчатые крылья, — она выхватила из ножен стилет и вытянула руку, упираясь его острием в невидимую и неподатливую преграду. — Это ворон, исполинский ночной ворон. Убей его!

Слабое серебряное мерцание одело кончик клюва, и начало казаться, что он едва заметно удлиняется — мало, этого слишком мало! И тогда она собрала всю свою боль и ненависть и послала вперед вместе с этим растущим лучом; обретая плотность стального лезвия, он вытягивался, неощутимо преодолевая защитный купол, и вот уже, освобождая птицу, с клюва сорвалось дымчатое кольцо, и помчалось к цели, наливаясь адским пламенем. Стремительно разрастаясь, оно слилось с контурами окна, от его прикосновения вспыхнули рамы, и забились, заметались крылья, исчезая к клубам вихрящейся гари; хруст и грохот долетали даже сюда, но не слышно было ни единого крика... или полночному демону было некого звать на помощь?

Нет! Нет... Этого не может быть...

Еще как может. А вот что поистине невозможно, так это остаться живым в этом кипящем пекле.

Черное жерло на том месте, где недавно было окно, плевалось каменными брызгами вперемешку с языками лилового пламени; дым вываливался компактными тяжелыми клубками как... как лошадиный помет.

— Ну и натворили мы с тобой, — насмешливо проговорила принцесса, поглаживая холодный птичий клюв, освобожденный от погибельного кольца. — Гран-

мерси. Ступай-ка на свой насест, досыпать. И пусть то, что случилось сегодня, останется между нами. Забудь все, малыш. Бай-бай!

Вот так и отправились все на свои законные места: юный соратник, принявший боевое крещение — в шатровый покой, на старую амфору; перчатка — в сундучок.

Черные небеса, да как легко, как радостно, лучезарно, солнечно, черт побери, стало этой лунной ночью! Она бросила прощальный и вполне удовлетворенный взгляд на разрушительные трещины, разбегающиеся по всему фасаду обреченного дворца, злорадно помедлила, дожидаясь, когда они доберутся до крыши... Добрались. С оглушительным грохотом повалились колонны фасада, строение осело, заполняя все пространство под призрачным куполом пылью и пеплом, со скрежетом развалилась на оплавленные куски кровля. Смотреть было больше не на что.

Радуетесь?

Еще как! Сейчас и Горона обрадую.

А вот в этом я сомневаюсь...

Сомнение — дело сугубо личное. А Горона, кстати, предстоит еще разыскать, пока совсем не рассвело.

Какое это теперь имеет значение...

А ведь и правда. Рассвет теперь никого не напугает на этой земле, и любопытный малыш, которому захочется взглянуть на такое чудо природы, как восходящее светило, уже может не бояться чудовищной казни во имя исполнения беспощадных законов полуночного властелина.

Да-да, разумеется. Теперь его просто пожурят, и будут нянчить, и кормить всем подлесьем, и так до самой старости, когда и ему придет черед оставить этой земле новое потомство. И он произведет уродца, и уродом будет его внук, и правнук...

Тебе обязательно портить мне настроение в благодарность за то, что я помогла этому народу?

А ведь ты как-то говорила, что твои соплеменники никогда не помогают чужеземцам. Или нет?

Да, такой закон у нас, к сожалению, существует. Но, похоже, здесь я чувствую себя совсем маленькой девочкой... которую такому паскудству еще не научили. Так что оставайся-ка ты здесь и похнычь еще над пепелищем. А у меня свидание.

Самонадеянно это было сказано — свидание. Насколько ей помнилось, она только вскользь кинула Горону: жди меня там, где мы встретились впервые. Жди... Это на своем Джаспере ей достаточно было бровью повести, и любой готов был кинуться хоть в ад и ожидать ее там до полного истлевания.

А кто она Горону? Приставучая пигалица. Так что нечего было и думать о том, что он ожидает ее у подножья каменного столба. Даже если он туда и заглянул, то, никого не найдя, скорее всего направился в ближайшее подлесье, которое он как-то с несвойственной ему иронией обозвал Скопидомщиной. Значит, и ей дорога туда.

Предрассветная суeta, царившая под сводом звенящей листвы и завершающая трудовую ночь, позволила ей почти беспрепятственно добраться до изрытой пещерками пирамидальной скалы, этого варварского общего дома. Вездесущих мальчишек, которые знали все и всегда, что-то не попадалось; взрослое же население было не то чтобы скрытно, но немногословно до неучтивости. На вопрос «Где Горон?» только пожимали плечами и убегали (или тихонечко ускользали — в меру старческого бессилия); все остальные варианты тоже были не лучше: «Горона не видели?» — «Видел»; или «Горон здесь был?» — «Был». И все. Рехнуться можно.

Наконец она поняла, что с ней обращаются просто как с назойливым ребенком, который путается под ногами у старших. Никто сегодня не голосил «Нилада,

нилада!», но поглядывали как-то неприветливо. Чтобы добиться вразумительного ответа, пришлось бы слишком долго объясняться, да еще и врать при этом...

После того, что ты натворила, тебя останавливает пустячная ложь?

Спасибо за поддержку.

Она приблизилась к известняковому склону, изъеденному бесчисленными ходами, ведущими в глубину холма; здесь ей пришлось пробираться уже с трудом, стараясь не наступить на аборигенов, которые сидя прямо на земле что-то сосредоточенно плели, толкли, просеивали. Обращаться к ним было бесполезно, но и блуждать самостоятельно в подземном лабиринте ей отнюдь не улыбалось. Ну что же, придется слегка покривить душой.

Понурая полуседая женщина с трогательным светящимся веночком на голове попыталась прошмыгнуть мимо, прижимая в себе корзинку, в которой что-то попискивало. Мона Сэниа поймала ее за плечо, худое до остроты. Резко повернула к себе:

— Я нилада. Веди меня к вашему единцу.

Женщина задрожала, из выпавшей корзинки выметнулось нечто пушистое и извилистое — рука принцессы невольно дернулась к кобуре. Вовремя сдержалась. Как бы не натворить и тут еще чего-нибудь...

Ты уже постаралась. Большого сделать невозможно.

Все ворчишь? Лучше подсказывай, как к мудрому карле подступиться.

Между тем невестийка, взиравшая на нее пугливо и недоверчиво, вдруг гибко и молодо наклонилась, так что острые листики ее венка царапнули принцессе коленки; на несколько мгновений женщина замерла, тихонечко втягивая воздух ноздрями — так дети посапывают во сне; потом выпрямилась, чуть слышно прошелестев: «Твои ноги пахнут пылью нездешних подлесий»...

Печальная, неутолимая зависть существа, всю жизнь проведенного на невидимой привязи, кольнула непрощеной жалостью. Ничего, ничего, скоро все переменится! Вы уже на пороге исполнения своих чаяний, одичавшие вы мои...

— Идем, скорее, — так же тихо шепнула она, и ее проводница бесшумной тенью канула в плотную духоту подземелья, тусклым нимбом фосфорического веночка означивая себя в темноте и с непостижимой легкостью ориентируясь на ступенях и поворотах извилистого коридора, выдолбленного в чреве горы. Здесь было, мягко говоря, душновато, к прели спертого воздуха постепенно примешивался тошнотворный запах перегретого сладкого молока, а вместе с ним — немолчный многоголосый писк, удивительно на что-то похожий. Память без спроса всколыхнула далекие детские воспоминания, когда она спасалась от братских обид в имении королевского лесничего; однажды Иссабаст повел ее в свой питомник голубых соболей.

Вольтер, где вскармливались больше сотни еще слепых соболят, был наполнен таким же писком, только вот специальные сервы-кормильцы неустанно вылизывали сверкающие шкурки своими многочисленными языками, а мягкие, как Гуеновы крылья, опахала нагнетали сухой, позванивающий кристалликами иней, хвойный воздух...

Коридор внезапно расширился, и принцесса со своей проводницей очутились в жаркой пещере, наполовину занятой водоемом, на который лучше было бы не смотреть. Все остальное пространство занимала травяная подстилка, прямо-таки кишашая младенцами, точно кроличий садок. Иссохшие, похожие на макбетовских ведьм старухи вполглаза приглядывали за ними, в меру своих сил выгребая из-под малышни мокрое сено и швыряя его в большие корзины. Голыши жалоб-

но попискивали, сучили ножонками, не привлекая внимания тех, кто годился им разве что в прабабушки.

У моны Сэниа корни волос покрылись потом от жалости и отвращения: и это — мир, по словам Горона живущий по законам всеобщей любви?..

А кто тебе сказал, девочка, что любовь всесильна? Каждый любит настолько, насколько у него хватает на это сил и времени.

От такой очевидной ереси можно было только досадливо отмахнуться. Бесплотный голос — что мог он знать о любви?

Но вот весь этот хлевой смрад и несмолкаемый писк человеческих личинок остался позади, и широкие сглаженные ступени повели вверх; из щелей потянуло предрассветной свежестью, и новый шум — о, черные небеса! — дал знать о встрече с еще одним скопищем пещерных обитателей. К счастью, эти были повзрослее.

Дугообразная галерея прилепилась прямо к склону — с одной стороны тянулась каменная стена, вся испещренная полустертыми иероглифами, с другой естественной оградой служила густая древесная зелень. Обращенная вовнутрь листва блекло светилась, как ей и положено; внешняя по обыкновению позванивала, стараясь повернуться ребром к посветлевшему небу, чтобы впустить в галерею последний отблеск лунных лучей.

Вдоль стены на корточках расположилась молодежь (так вот где они все — на уроке); у каждого на коленях лежало что-то вроде подноса с песком. У каменного столбика, бессильно привалившись к нему тощим задком, что-то бормотал унылый плешивец с устало-брюзгливым лицом, напоминающим морду безнадежно отощавшего бульдога. Он скороговоркой диктовал, а слушатели царапали пальцами по песку; писали, пока не доходили до нижнего края, и стирали, снова выравни-

вая тонкий слой песка. Писали и стирали. Писали и стирали...

— Соблаговоли обождать, — смиренно шепнула провожатая, и принцесса, чтобы не привлекать внимания брыластого наставника, тоже присела на корточки. Прислушалась:

— Если первая ягода от стебля, и вторая ягода от стебля, и много ягод и заговоренная ягода от стебля представляют заклинание линейно независимого произрастания однородного линейного магического...

«...бу-бу-бу... годаотстеб... ейнонезавис-с-с...» — неразборчивым речитативом вторили безрадостные юные голоса.

Даже если это была лекция по садоводству вперемешку с черной магией, то все равно — полнейшая абракадабра. И правильно они все делают, что стирают написанное. А хорошо бы отыскать среди них Чичи... как там его... миану. Этот был явным заводилой, уж он-то наверняка мог сказать, где сейчас Горон. И не пришлось бы беспокоить престарелого карлика.

Она оглядела понуро склоненные головы — нет, никого похожего. И сколько еще ждать, слушая все эти шаманские заклинания? Может, прямо сейчас исчезнуть и продолжить самостоятельные поиски, а кста-ти — ведь разжег же кто-то огонь в заброшенном под-лесье?

А бормотание продолжалось и раздражало все больше и больше, потому что назойливо напоминало что-то, что автоматически заучивалось ею в такой далекой (а может — такой недавней?) юности:

— ...в принципе этот метод, — бубнил унылый псоглавец, — сводит заклинание любого линейного раздробленного произрастания к заклинанию однородного линейного...

Ты ничего не вспоминаешь? Пораскинь-ка моз-гами!

Ей показалось, что ее коснулся холодок безумия: шевеля отвислыми брылами, этот живой скелет читал на память теорию линейных дифференциальных уравнений, безбожно перевирая термины и нисколько не заботясь о том, что все сказанное вылетает из юных голов со скоростью предутреннего ветра.

А она еще сочла здешнего одиноца мудрым старцем — да это ж надо совсем из ума выжить, чтобы позволить рядом с собой твориться такой бессмыслице! Пожалуй, и вправду надо улизнуть отсюда потихоньку, пока...

«Пока» не вышло — ее весьма непочтительно дернули за полу плаща. Это была не прежняя кроткая невестийка с угловатыми плечами, а величественная старуха, чьи даже не седые, а какие-то прозрачные космы одевали ее, спускаясь ниже пояса. Надменный вид выдавал прислужницу самого одиноца. Повинуясь ее кивку, девушка снова окунулась в затхлую темноту скального лабиринта, радуясь хотя бы тишине, становящейся все плотнее и ощутимее.

Путь наверх наконец завершился яйцеобразной келейкой, чьи стенки укрывал живой мерцающий плющ. Нефритовая шкатулка, только изнутри. Принцесса с изумлением уставилась на громадную пестрокрапчатую бабочку под сероватым сводом, мерными взмахами крыльев нагонявшую относительную прохладу, и не сразу разглядела на полу большую корзину вроде тех, куда собирали загаженное младенцами сено.

— Не гляди так изумленно на этого эльфа, нездешнее дитя, — раздался снизу дребезжащий голосок. — Это дар маггиров в знак уважения к моей непомерно затянувшейся старости... А ты, Шестипала, не забудь вернуть его обратно, когда меня не станет. А теперь ступай, ступай себе.

Несгибаемая старица проплыла мимо принцессы с обиженным видом и скрылась за вьюнковой занавес-

кой, и только тогда мона Сэниа обратила внимание на сморщенное личико, выглядывающее из мелкой серо-зеленой листвы, наполнявшей корзину.

На нее спокойно глядели глаза человека, ожидающего легкой и безболезненной смерти и не страшась ее.

— Тогда, на многолюдном сборище, когда малолетки приняли тебя за ниладу, ты была улыбочатой и неискренней, — шелестел усталый голос. — Но я угадал в тебе то, о чем ты и сама вряд ли подозреваешь... Угадал и велел тебя найти. Но ты исчезла. Что ты скажешь теперь, когда мы одни?

Ну-ну, поведай ему о том, что ты натворила — он не проживет и тех минут, что ему еще отведены судьбой.

— Я... прости меня, что я потревожила тебя по пустякам. — Принцессе было так несвойственно смущение, что она даже растерялась, подбирая слова. — Я ищу Горона.

— Он был здесь совсем недавно. — Слова следовали одно за другим с расстановкой, словно дряхлый одинец собирал силы на каждое. — Сейчас он озабочен мальчиком, которому предстоит заменить меня... Но он поторопился.

— Мальчика? — невольно вырвалось у нее. — Тебя заменит ребенок?

Складки на пергаментном лобике, которые когда-то были бровями, слабо шевельнулись:

— Ребенок... Когда его вернут сюда, он будет уже взрослее тех, кто не пережил всех мытарств, выпавшего на его долю. Первое время моим ведьмам (не перебивай его, ведьмы — это те, что ведают, и не больше) придется помогать ему; но одна за другой они будут уходить в небытие... А в твоём подлесье разве не так?

Не утомляй его долгим рассказом о себе.

И не собираюсь. Не отнимать же по пустякам по-

следние минуты жизни у этого до ужаса одинокого человека! А мне нужен всего один ответ — где Горон?

Не думай о том, что нужно тебе — сейчас ты нужна ему.

А ведь и правда — на нее глядели глаза, в которых разгоралось что-то живое, юное; ну конечно, ведь для таких, как он, старейших, единственной радостью оставалось именно ведать. Вот даже сейчас он хочет услышать что-то, ему доселе неизвестное.

— В моем племени правителя сменяет его сын, — осторожно проговорила она, — а на соседних остро... то есть на соседней земле — внук.

— Неразумно, — слышалось негромко, но бескомпромиссно. — Потому что долго. Горон сделает это быстрее. Так зачем он тебе?

Не ответить совсем ничего было просто неучтиво.

— Мои люди... Я хочу сказать — люди моей земли могут попытаться... не сразу, конечно, а когда вы будете готовы... — Она стиснула руки, заставляя себя сделать отнюдь не легкую вещь: говорить все, как есть, самыми простыми словами. — Горон открыл мне, что вашей заветной мечтой было возвращение туда, откуда вы прилетели. Или нет?

— Горон... — Бескровные губы молча шевелились, словно старец пережевывал свои собственные слова. — Горон. Ну сам-то он об этом не мечтает. Это человек не нашего народа, его-то предки всегда жили среди этих гор и холмов. Он — последний из племени номадов.

Как же ты забыла об этом — ведь он рассказывал тебе о своем прошлом!

Да помню я, помню.

— И тем не менее он всеми силами хочет помочь вам. — Она не могла не вступить за своего спутника.

— Возможно... Но боюсь, что на это не решится мой народ.

— Я совсем недавно говорила с маггирами — даже

они готовы. Хотя на старой земле им, помнится, жилось не сладко.

Морщинки-трещинки на высушенном годами личике изобразили что-то вроде улыбки:

— Сказочный ребенок, ты со всеми разговариваешь, как равная с равным?

Вот это-то как раз ее и смущало — стоя над ним, она не чувствовала равенства и, напротив, как бы роняла свои слова свысока; чтобы исправить это положение, она попросту села на припорошенный сеном глинобитный пол, обхватив колени руками и положив на них подбородок:

— Давай на время оставим мои манеры в сторонке и поговорим о более серьезных вещах. Кто может помешать твоим подданным осуществить свою мечту — думаешь, Нетопырь Полуночный?

Одинец прикрыл глаза, как видно, собираясь с силами:

— Люди чаще всего мешают себе сами. Мечта же прекрасна тем, что она существует только в людских умах. Ею упиваются и гордятся, о ней без конца говорят... и говорят... и говорят... Так что каждый говорун же начинает чувствовать себя борцом за осуществление этой мечты.

Черные небеса, до чего же точно подмечено! Вот уж не ожидала такой мудрости от туземцев.

— А что препятствует перейти от слов к делу? — не совсем учтиво перебила его принцесса, приятно ощутив пониже ребра самый надежный аргумент в пользу действия — десинторную кобуру, на дне которой еще совсем недавно лежало погибельное кольцо. — Этот ваш бог-лунатик, повелитель тьмы?

— Он — не бог, — раздалось ответ. — Только местное божество. Живой идол, летучее порождение лунного света. А что до тьмы, то ею нельзя повелевать, ибо ее не существует.

Принцесса даже затрясла головой, словно приводя в порядок то, что никак не укладывалось в мозг.

— Прости меня, — проговорила она осторожно, чтобы не брякнуть что-нибудь на счет старческого маразма. — А где же, в таком случае, я натыкалась тут на всякие углы, как не в темноте?

Глаза в щелочках полуприкрытых век на обезьяньем личике засияли еще ярче.

— Там просто не было света. Как здесь вот нет... — Дырочки ноздрей к него на пожухлом личике зашевелились, как у кролика. — Ну, к примеру, дыма. Но дым есть, а бездымья — нет. Не существует. Как и тьмы. Напридумывали лишних слов... Темнота — это тоже свет, только равный нулю. Непонятно?.. Тогда просто запомни: темноты нет, как нет холода, нет зла. Нет даже смерти, а есть только жизнь, вот она, существующая, тянется, тянется, тянется... а в какой-то следующий миг она уже в прошлом. И все.

Ты слушай его, слушай, он уже сделал тебе королевский подарок: научил легко умирать.

— Но ведь в таком случае и жизнь — только слово, ее ведь руками не потрогаешь!

— Мудрое дитя, почему мы с тобой так поздно встретились?.. Жизнь — это... это слово, действительно всего лишь придуманное слово, но она овеществляется в каждый миг своего течения... — Он бормотал едва слышно, захлебываясь торопливыми словами, словно боялся не успеть выговориться. — Вот ты шла сюда: существовали твои юные ноги, которые ступали по камню, который согревался от касания твоих сандалий...

Голос вдруг точно надломился и смолк. Закрылись глаза. Может быть, лучше уйти потихоньку, оставить его в покое?

Как ты не понимаешь — для него последним счастьем осталось не узнавать что-то новое, а передавать

тебе все самое важное, накопленное за бесчисленные годы.

Мне? Это за какие такие прегрешения? Последние минуты — и дарить их совершенно постороннему человеку, которому вся эта старческая мудрость нужна, как...

Не торопись. Поймешь.

Одинец глубоко вздохнул, набирая сил для окончания своего монолога, и девушке показалось, что зашевелилась укрывающие его листья, словно он хотел выпростать руку, чтобы удержать ее подле себя.

— Я здесь, я не уйду, — шепнула она.

Что поделаешь — жалко ведь человека.

— Твоя жизнь... Да. Это и твоя кожа, что отражала поток тех мельчайших искорок, который называется светом; боль от удара об острый... несомненно существующий... угол — это и всплеснувшаяся в твоих сосудах кровь, и крошечные молнии, пробегающие по нервам; даже твоя мысль о том, что ты блуждаешь в темноте...

Он захлебнулся собственным сбившимся дыханием; она обождала, пока он переводил дух, и не удержалась:

— А разве мысль существует?

— Несомненно! — выдохнул он с неожиданной силой. — Это те же крошечные, почти неуловимые молнии, которые навечно уходят за пределы наших тел...

Он снова поперхнулся, но упрямо продолжал:

— Мы открыли это еще там... на нашей прародине, — произнес он извиняющимся тоном. — Если бы у меня достало времени передать тебе хоть частицу...

Щелочки век совсем сомкнулись. Неужели — все?

Спрашивай скорее! У тебя есть, о чем спросить.

Ага, ты еще здесь. Подслушиваешь.

Я всегда знаю, о чем ты думаешь. Спроси его, потому что мне ты не поверишь.

— Ты сказал, что Нетопырь — всего лишь божество, — прошептала она совсем тихо, чтобы не разбудить своего мудрого собеседника, если он уснул. — Но тогда... существует ли бог?

В ответ раздалось то ли побряхтывание, то ли кудаханье; она с трудом догадалась, что это одинец смеется, не разжимая губ. И может быть, последним в своей жизни смехом.

— Я знал, что ты все-таки спросишь об этом, знал... — Слабый голосок дребезжал каким-то мизерным старческим удовлетворением: вот ведь ему удастся оставаться мудрым провидцем до самого конца. — Мы были дикарями на своей старой земле, потому что сотворяли кумиров, объявляли богами и пророками людей, которые того не стоили; мы лепили себе идолов...

Веки старца так и оставались сомкнутыми, и торопливое бормотание становилось почти неразличимым — может быть, он говорил уже только для себя:

— И только очень немногие из нас... в первую очередь, конечно, магиры, перед самым крушением нашей цивилизации наконец поняли, что существует один-единственный бог... и родился он в тот миг, когда первая полуобезьяна обдумала, с какой это ветки ей удобнее спуститься на землю...

Он передохнул, так и не открывая глаз: с каждым разом ему все дольше и дольше приходилось набираться сил.

— Так что запомни, дитя: только тогда двуногое создание перестает быть дикарем и становится человеком разумным, когда он отказывается от всех своих идолов, как бы прекрасны и утешительны они ни были, и осознает, что бог — это непостижимое существо...

— Существо? Все-таки — существо? И потрогать можно?

— Пусть — нечто, сотканное потоками чувств и мыслей всех живших когда-либо людей... Бесконечное

множество — в одном. Когда-то магиры пытались дать ему название — «бессмертное сонмище», «пантеон мудрости».... Опять лишние слова. Нет. Просто бог. Живое существо, чей разум невообразимо превосходит ум мудрейшего из нас, а плоть... она непредставима, как то, что собирается в грозowych облаках, чтобы родить молнию. Вот это понимание в конце концов и отличает человека от дикаря.

Принцесса почесала кончик носа, припоминая командоровы сказки про Психею и подземный Аид, переполненный неприкаянными тенями:

— Несмотря на все свое дикарство, я тоже могу тебя понять; но все-таки — как это себе представить? Облако, состоящее из бесплотных душ, отлетавших от тел умерших? Но тогда это — бесконечно печальное существо, потому что каждая такая душа должна нести в себе всю боль и ужас расставания с земной жизнью!

Крошечное тельце беспокойно задвигалось под своим серовато-зеленым покрывалом:

— Улетающая душа — это одно из первобытных заблуждений... утешительных, как и многие другие. На самом деле душа — это отпечаток незримой половины человеческой жизни; он складывается, как мозаика, безостановочно, с момента рождения... и даже во сне. Колдовское отражение всех мыслей и чувств, которое одновременно и остается с человеком, и непрерывным потоком вливается в то, что ты так забавно и почти точно назвала облаком. Облако, обнимающее весь мир...

Щелки пергаментных век разомкнулись, спокойный, без старческой слезливости взгляд устремился вверх, словно пытаясь разглядеть то, о чем он повествовал — черные небеса, и откуда у него все еще берутся силы?

Из твоего теплого, сочувственного внимания, девочка.

Ну не врать же собственному внутреннему голо-

су — ни малейшей теплоты со своей стороны она не замечала; капелька жалости — еще может быть. А так — элементарное любопытство.

— Знаешь, это, мягко говоря, не просто — представить половинку себя, которая одновременно и остается, и улетает куда-то!

— Просто, девочка. Вычти из своей жизни все, что содержало действие, и останется душа. Только вот человеку свойственно забывать даже самое дорогое — а вот где-то там, в неизвестном далеке, все это сохраняется до мельчайшей крупички. Так что к тому моменту, когда человек прекращает свое земное существование, его душа уже там вся, целиком, потому что вливалась в неосязаемое, но существующее «облако» с момента рождения и до последнего вздоха.

Черные небеса Вселенной, и в какие дебри совершенно нежданно завел ее извилистый путь той неведомой никому сказки, которую она позволила одной себе на этой знойной Невесте! И уж никак нельзя было сказать, что ее финал, досказанный мудрым одиноком, привел «ее своенравие» в состояние благодного умиротворения.

Даже наоборот.

— Но я не желаю, чтобы было так! — запальчиво воскликнула она, ударяя кулачками в пол, так что пестрокрапчатый эльф сбился с ритма, и золотистые чешуйки с его крыльев закружились в воздухе. — Если я не могу припомнить собственных крошечных детских радостей, своих мимолетных обид и скоротечных устремлений, мизерных потерь и пустячных побед — почему всем этим владеет кто-то другой?

— Этот другой и есть, в сущности, ты. Или вернее — ты сама с каждым мигом все более и более становишься частью этого всеобъемлющего другого. И пусть тебя примирит с ним то, что оно — бессмертно.

Она чуть было не выразилась вслух, на кой черт ей

нужно такое бессмертие. Ладно. Как полагает одинец, это самое «нечто» ее хорошо расслышало.

— Хотела бы я как минимум представить себе, как он, этот бог, выглядит и в каких небесах обитает, — пробормотала она тоном, не предвещающим гипотетическому встречному ничего утешительного. — Ведь если он вобрал в себя все людское, то сколько же в нем презрения и ненависти, отчаяния и гордыни!.. Впрочем, надеюсь, что любви и сострадания должно быть чуточку больше. Но почему тогда он порой так безжалостен, когда ему ничего не стоит быть милосердным? Ведь самое главное его качество — это всемогущество. Он что, таким образом забавляется?

Одинец долго молчал; а ведь время шло, и луна, наверное, уже коснулась горизонта...

Ты слушай, слушай! То, что открывается тебе, дороже тысячи лун!

Старец, словно услышав этот голос, еще шире приоткрыл глаза:

— Пойми, дитя, бог — он живой, и в первую очередь им движет то, что обеспечивает существование всего живого, от мышонка до человека. Это — инстинкт самосохранения, — прошелестел едва слышный голос. — Страшно помыслить, как этот бог представляет себе, что же будет с ним, если внезапно исчезнут питающие его потоки человеческого духа. Ведь бог, в сущности, живет за наш счет, вот почему он озабочен сохранением человечества в целом. Вот почему погибают десятки, сотни — а нам не дано угадать, сколько тысяч благодаря этому выживают. Это способен предвидеть и рассчитать только он.

— Инстинкт самосохранения... Так просто! — вырвалось у принцессы с искренним разочарованием.

— А все самое важное в жизни — оно просто. — Голос был уже так тих, что его почти заглушал шелест эль-

фовых крылышек. — А то, что не просто — оно не так уж и важно.

— Тогда твоему богу следовало бы сделать простую, чертовски простую вещь, — безжалостно проговорила мона Сэниа. — Из того, что ты мне рассказал, выходит, что для любого человечества истинный бог — чуть ли не самое важное на свете. Пусть представить его не то что не просто — невозможно. Но почему же он не хочет позволить людям узнать себя, услышать свой голос, который учил бы их жить по-божески, чтобы не обрекать себя на вымирание?

— Я думаю, в самой его сущности заложена непознаваемость... Чтобы люди не захотели подчинить его себе.

Он прерывисто втянул в себя воздух и закончил с неожиданной силой:

— А этого позволить нельзя! Слышишь — не допусти, чтобы это каким-то чудом свершилось!!!

Она в изумлении отпрянула:

— Почему, почему ты все это говоришь не кому-нибудь, а именно мне ?

Наверное, она уже научилась читать по его губам, потому что скорее угадала, чем услышала то, на что он собрал все последние силы:

— Потому что я ошибся... Не мальчик... которого я отдал Горону... Ты. Ты... рождена... править.

А потом наступила тишина. Она подняла глаза — крылья маггировой бабочки больше не шевелились.

Она выпрямилась и неслышно отступила к стеночке, затянутой угасающим на глазах, словно увядающим, плющом. Здесь ее больше ничто не удерживало. Келья-шкатулочка из тусклого нефрита, как же непоравимо ошибся твой хозяин!

Потому что уж чего она не собиралась делать в своей жизни, так это править.

24. Бескрылый властелин

С вершины гранитного столба было видно, что здешнее недоброе светило уже высунуло из-за цепочки столбчатых гор свое прожженное темечко, проклятым мидасовым касанием превращая благородный оникс в презренное золото. Где-то далеко внизу, в несмытой предутренней темени, беспокойно зазвенела жесткая внешняя листва придорожных деревьев. Вероятно, так бряцали смертоносные бронзовые перья мифических гарпий, о которых ей рассказывал Юрг...

Забавно, а ведь если все то, о чем говорил покойный одинец, действительно существует, то в облачной кладовой высшего разума Невесты с этой секунды будет храниться отпечаток сведений о том, что где-то в непредставимом далеке водятся птицы с бронзовым оперением.

Или нет?

Или ты собиралась поторопиться.

Грамерси, но пусть тутошний бог учтет, что это очаровательное словечко встречается только в каких-то замшелых легендах неведомой ему Земли. Но «моему своему нраву» оно нравится. И потом, перестань наконец вмешиваться! Я прощаюсь с Невестой, и мне так легко в это солнечное утро...

Здесь все утра солнечные. Даже слишком.

... мне легко и солнечно, потому что я освободилась навсегда от проклятого Нетопырева наваждения, и теперь нужно припомнить только какую-то мелочь...

Действительно, мелочь: всего-навсего попрощаться с твоим Гороном!

Да, просто встретить Горона, поблагодарить его за терпение и дружескую помощь...

Ничего не значащая фраза. Все сразу вернется на свои места, и ты как прежде станешь девочкой, которая следует за своим рыцарственным проводником, и

ты снова окунешься в сказку, с которой, оказывается, так невыносимо расставаться; и ты Расскажешь ему о победе над наемниками Вселенской Орды...

Не много чести в победе, когда у тебя под боком десинтор.

И о Лунном Нетопыре, чьи обугленные останки замурованы под оплавленным камнем...

Ненаследной принцессе не пристало похваться убийством.

А тайны «нефритовой шкатулки»...

Это тайны усопшего; престарелый одинец не раз на своем веку встречался с Гороном, а ведь не поделился с ним своей мудростью. Значит так тому и быть.

И потом, Горона еще найти надо; может, ты подскажешь — где?

Струйка дыма или пара, поднимающаяся над безлюдной заброшенной купиной.

О, в самую точку!

Она умчалась под указанный ей меднозвонкий полог, даже не поблагодарив своего навязчивого советчика. Огляделась: безлюдно и заброшено. И в самом деле не похоже, чтобы здесь кто-нибудь обитал.

Небольшой замшелый холм, испещренный дырами полузасыпанных пещерок, вряд ли мог вместить даже немногочисленное племя, и деревья (для нее все-таки деревья, а не сучья какого-то легендарного исполинского супердрева), укрывающие его от зноя, вздымались намного выше его зубчатой верхушки. Пахло, как в земном лесу, земляникой и поганками. Какая-то мошара стрекотала и жужжала, но и только. А пар, который она заметила еще при луне, поднимался наверное из какой-нибудь расщелины, ведь могут же здесь быть теплые подземные источники...

И тут вдруг она остановилась и напряглась в той мгновенной готовности, которая порождается стремительно мчащейся навстречу бедой за какую-то долю

секунды до реального ее возникновения. А затем до нее донесся не то хрип, не то стон, но точно — не из покинутого обиталища.

Горон, конечно, Горон! С ним что-то стряслось, иначе он ждал бы ее возле каменных врат...

Она бросилась на этот звук, спотыкаясь о бугорчатые корни и кляня себя за беспечную задержку в одиночной келейке; но внезапно от кряжистого ствола векового дерева отделилась сумрачная тень, и она узнала знакомый сутулый силуэт.

— Горон! — крикнула она, — Горон, что с тобой?

Он предостерегающе вскинул руку, не то останавливая ее, не то приказывая замолчать. А может, и то и другое одновременно. Она, как испуганная девчонка, зажала себе рот ладонью и все-таки на цыпочках, чтобы не хрустнула под ногой ни одна ветка, приблизилась и замерла чуть поодаль.

Он стоял, заглядывая в какую-то дыру или колодец; толстая узловатая веревка, перекинутаая через нависший над ним здоровенный сук, спускалась в глубину, исходящую затхлым дымком.

— Подожди, — проговорил он негромким, но каким-то незнакомым голосом. — Сейчас он замолчит.

Откуда-то снизу донесся натушный звериный хрип. От сердца отлегло — если что и случилось, то не с Гороном. Какая-то непутевая живность сверзилась в глубокую трещину, и теперь защитник всех слабых и угнетенных пытается ее вызволить...

Ты что, не понимаешь — не водится тут подобной живности, кроме...

В воздухе что-то блеснуло — это Горон нашарил в складках плаща какой-то кристалл и швырнул его в колодец. Оттуда полыхнуло жарким колдовским кармином, и не только: запах, пряный до тошноты, доводящий до безумия, леденящий и обжигающий, заставляющий деревья кружить хороводом одноногих вели-

канов, а травяной покров — биться в падучей немочи... И крик — не боли и не горя, а того запредельного нечеловеческого ужаса, от которого сходят с ума, седеют и умирают.

И ужасающая догадка, что ее рыцарственный великодушный спутник — вовсе ничей не спаситель, а вершитель самого извращенного, сатанинского жертвоприношения — окончательно превратила ее в ту маленькую испуганную девочку, в которую она так самозабвенно играла на этой земле.

— Горон! — всхлипнула она, преодолевая дурноту и бросаясь к нему, чтобы забыв о его неприкасаемости, повиснуть у него на плечах. — Горон, миленький, не надо!

Он не вздрогнул и не отстранился, а напротив, склонился над нею, так что теплые живые пряди его волос заскользили по ее лицу и плечам.

— Что ты делаешь, Горон, что ты здесь делаешь?

Она даже не вспомнила, что ему, этому вечному недотроге, может быть тоже больно от прикосновения к чужому телу, когда его левая рука скользнула ей за спину и сухая ладонь властно легла между лопаток.

— Добро. Я творю добро, маленькая моя. Творю необходимое добро, будь оно проклято. Так что помоги мне.

Она присела, выскальзывая из его объятий, и отступила на шаг. Он немного постоял, прислушиваясь; непоседливое шевеление его свисавших волос как всегда не позволяло разобрать выражения лица. Сладковатый трупный дым из провала больше не поднимался, в звенящей тишине не слышалось ни всхлипа, ни стона.

— Все, — легко бросил он, словно речь шла о каком-то незначительном пустяке. — Творение закончено.

Веревка натянулась, узлы поползли вверх; было видно, что ни в чьей помощи самозванный «творец добра» не нуждается. Из загадочного колодца показа-

лось обвисшее худое тело, исполосованное радужными узорами разноцветного пепла и подхваченное под грудью толстой петлей. Горон подергал веревку, раскачивая этот неправдоподобный груз, потом в какой-то момент отпустил ее — тело рухнуло на траву точно ему под ноги.

— Воды. Погляди, Эссени, где-то здесь у меня был кувшин, — проговорил он совсем будничным тоном. — Но больше половины не трать.

Мона Сэниа торопливо огляделась — действительно, между корней серебрился небольшой кувшин дивной нездешней работы. Она схватила его, почувствовала — полный. Боязливо наклонилась над лежащим: а жив ли?.. Даже дотронуться было страшно. Несколько капель, пролитых на губы, выбеленные тончайшей золой, не дали никакого ответа; тогда она набрала воды в горсточку и умело влила ее страдальцу в рот. На горле напряглась кожа, вздрогнули скулы — сглотнул. Она радостно обернулась — Горон, ссутулившись, сидел то ли на пеньке, то ли на камне и безучастно наблюдал за нею.

Теперь можно было обмыть лицо, обезображенное охряными и бурыми пятнами (черные небеса, да это Чичимиану!), но прежде всего развязать веревку, которая опоясывала его... только легко сказать... тьфу, пропасть, еще один ноготь сломала!

Она не раздумывая выхватила стилет, перепилила заскорузлые волокна — наградой был глубокий вздох несчастного.

— Покажи! — послышался повелительный голос.

Она, не колеблясь, точным движением швырнула оружие рукояткой вперед — Горон так же умело перехватил.

— Игрушка. Такое тебе больше не понадобится, — негромко заключил он; клинок отлетел далеко в сторону и воткнулся в траву — с чего бы такое расточительство, здесь ведь оружейный металл дороже золота...

Тихонечко делай что велено и жди. Без пререканий.

Да о чем говорить — оружия дома мало, что ли? Но вот тихонько и безропотно чего-то ждать — это вряд ли.

Она смочила уголок плаща и принялась осторожно обтирать лицо, все еще сведенное судорогой ужаса.

— Послушай, за что ты его так?

Горон поднялся, приблизился к лежащему и носком сандалии пошевелил безжизненное, точно тряпчное, тело. Изящная нога с узкой щиколоткой и гибкой, как у танцора, ступней. На Джаспере придворные дамы не преминули бы заметить: какая холеная! И это — нога вечного путешественника, проводящего каждую ночь на каменистых тропях? Почему она раньше не замечала этого несоответствия?

Не до того тебе было. Сказка — вещь увлекательная.

— Головастый. Не чета другим, — задумчиво проговорил последний из племени номадов, то ли отвечая на ее вопрос, то ли сожалея о содеянном.

Черные небеса, да что же он, властитель здешних передовых умов — выходит, убирает потенциальных конкурентов? Помнится, Юрг рассказывал, что один наследный принц поинтересовался у отца, в чем залог мудрого и спокойного правления. Царь-папенька молча вышел на луг и двинулся по траве, сшибая плетью все стебли, которые имели неосторожность высунуться выше других. Папашу звали, кажется, Филиппом...

— Необходимость. К счастью, предугаданная — давно к нему приглядывался, — тем же снисходительным тоном продолжал Горон. — Скопидомщики оглянуться не успеют, как он уже будет править ими не хуже старого одинца... Что ты так глядишь на меня удивленными глазами? Хотя против таких глаз я ничего не имею... Но разве ты не знаешь, что единственный способ перешагнуть через бесшабашное и бесполезное детство, которое тянется здесь почти всю сознательную жизнь — это пройти через кошмар огненной смерти?

Она затрясла головой — нет, ничего подобного она не знала, да и сейчас не хотела верить в то, что веселый хвастунишка Чичимиану уже превратился в полумальчика-полустарца, которому неведома будет ни любовь, ни отцовство, ни дружеская привязанность. Пожизненное одиночество — и это ради власти над горсткой людей, от поколения к поколению теряющих человеческий облик.

— Готов. Пусть полежит здесь до вечера, — безглаголю замечил Горон, переступая через неподвижное тело. — К закату очнется, доползет до своих. Здешним еще повезло — там, где я не поспеваю и одинец протягивает ноги раньше срока, обычно сдуру выбирают кого постарше, а это значит — ненадолго.

Напоминание о почившем одинце окрасилось горестным сравнением: надо же, в чем-то их судьбы были схожи. Он в своем бессильном одиночестве копил залежалую мудрость, чтобы передать своему преемнику — и понапрасну потратил свои последние минуты, потому что ей, совсем недавно отказавшейся править целым королевством, это было нужно, как вчерашний рассвет. А она сама... Да что говорить! Порхала, едва касаясь этой земли, точно стрекоза за мотыльком. Допорхалась. Долгожданный амулет был перед нею, только руку протяни — и надо же, собственноручно его и обратила в прах. Вместе с прекрасной сказкой.

Сейчас эту сказку вершишь не ты.

Ах да, Горон. Он что-то вещает, совсем как одинец... Ну ничего, сейчас она скажет на прощание несколько теплых слов, а там посмотрим, кто и что вершит.

— ... годы. Они, как правило, прибавляют не мудрости, а непомерной оглядчивости; но я давно заметил, что на такой земле, как эта, прежде других отправляется к праотцам именно трусливый. Но хватит о пустяках, тебе эти сведения не нужны, потому что прежде чем превратиться в дряхлую старуху...

Даже не смысл недосказанного, до которого ей почему-то не хотелось доискиваться, а весьма подозрительный тон заставил ее слегка покраснеть. Надо прощаться, да поскорее, чтобы не испортить воспоминаний.

Воспоминания, которыми ты будешь дорожить больше всего на свете, еще впереди.

Да сомнительно — пока у него наблюдаются поползновения эти воспоминания безнадежно загубить.

— Горон, — с каким-то детским отчаянием прошептала она, потому что в трудные минуты ей всегда помогала способность без околечностей выговорить то, что было на уме. — Горон, ну почему именно сегодня ты не такой, как всегда?

Это хорошо, что ты еще не добавила — именно сегодня, когда я имела глупость подумать, будто могу расстаться с тобой...

Она не успела прикрикнуть на непрошеного советчика — Горон внезапно наклонился над нею, все еще сидящей на траве подле бесчувственного мальчика, и двумя пальцами взял ее за подбородок; чтобы уйти от этого бесцеремонного касания, она медленно поднялась и сделала шаг назад.

— Да, — кивнул он. — Правильно. Не здесь. И не сейчас.

Она покраснела еще больше.

Он повернулся и широкими шагами двинулся к холму, нимало не сомневаясь, что она последует за ним. Она последовала. Через кочки и корневища пришлось перепрыгивать, и ей подумалось, что со стороны она похожа на птенца-подлетка, поспешающего за глухаркой. А ведь раньше он говорил, что терпеть не может, когда кто-то следует за ним по пятам...

Забудь о том, что было раньше. Сегодня — это НАКОНЕЦ-ТО СЕГОДНЯ!

Он начал легко взбираться по пологому ступенча-

тому склону, по-мальчишески перепрыгивая с уступа на уступ и ни разу не останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Ну да, он ведь из племени номадов, выносливость у него врожденная. Ну прямо не карабкается, а взлетает... Она пожала плечами, отметая неуместную восторженность своего неслышимого подсказчика, и последовала за Гороном. Ступени холма были покрыты ковровым шелковистым мхом, порой доходящим до лодыжек — он то ли ласкал, то ли препятствовал каждому шагу. Но под ним угадывался тесаный камень.

Плоская вершина холма, точно венец сторожевой башни, когда-то была ограждена неумело сложенным парпетом, сейчас уже по большей части обвалившимся. По тому, как уверенно Горон направился к еще уцелевшей угловой кладке и оперся о замшелый камень, чуть запрокинув голову, было ясно, что здесь он не впервые.

— Жди. Сейчас я призову его, — властно, почти по-королевски бросил он через плечо.

Мона Сэниа, только сейчас успевшая добраться до вершины, так и замерла на противоположном конце площадки. Противный холодок забрался под корни волос и теперь поднимался все выше по затылку, точно влажная жабя лапа. Даже не повелительный тон, напомнивший ей голос отца. Нет, другое. В интонациях было что-то донельзя привычное, само собой разумеющееся...

А чего ты испугалась? Да, он говорил о Властелине Ночи. О том, кто всегда был рядом с ним. И сейчас самое время тебе покаяться... если только ты не трусишь.

Между прочим, в победе над чудовищем не раскаиваются — этим, как правило, похваляются. Впрочем, хвастаться победой — удел ничтожества. Так что придется попросить Горона просто не терять времени даром.

— Послушай, Горон!..

Он, не оборачиваясь, вскинул обе руки, словно приказывая ей замолчать. А потом раздался звук.

За какую-то долю секунды до этого у нее успела промелькнуть мысль: а как же он собирается звать своего вечного противника — ну не свистеть же, как коню или собаке?.. но это был не свист — могучий, горловой всхрип: «Гххы— ы-ы-ы!..». уходящий за пределы слышимости вниз, в глубину земли, так что воспринимать его уже можно было только ступнями ног — как дрожь всего холма; светоносная листва, сорвавшись с ветвей, закружила стремительно угасающей метелью, а внешняя чешуя тревожно зазвенела, точно сонмы крошечных крылатых рыцарей смыкали свои щиты. Это был вздох... нет, выдох, но только такой чудовищной мощи, точно вырвался он из недр горы. Или глубины морской.

Но уж никак не человеческой груди.

А потом зыбкая, безветренная темнота затопила все подлесье, и у принцессы мелькнула благодатная мысль, что теперь самое время убраться подальше.

Да уж, самое что ни на есть время — но только если бы она не была принцессой.

Решила бы ты наконец, в кого тебе сегодня угодно играть — в заблудившуюся девочку или в царственную особу?

Для тех считанных минут, которые требуются для прощания, этот вопрос уже не имел смысла.

— Горон, я хочу...

— Подойди. — Она пошевелила камешек, попавший под сандалию, и осталась на месте. — Иди ко мне!

Похоже, дружески попрощаться так и не удастся.

— Темно, вот упаду и нос разобью.

Смеха она не услышала, но почему-то почувствовала, что он улыбается. Ну да, они слишком много прошли дорог, чтобы между ними не протянулось невидимой колдовской ниточки.

— Долго... Как же долго я искал тебя — такую, — задумчиво и даже печально донеслось из темноты.

Впрочем, ее глаза постепенно привыкали к рухнувшей на подлесье тьме — на другой стороне площадки уже можно было различить силуэт по-стариковски сторбленной неподвижной фигуры. Хотя нет... Он шевельнулся, что-то метнулось в сторону, плащ, наверное; послышался скрип ремней — он что, снимает свой плетеный короб, защищавший покалеченную спину?

А если и так? Ведь он ждет того, кого позвал...

А какая тут связь?.. Сэнни задумчиво почесала за ухом (тоже привычка, позаимствованная у Юрга). Нет, во всей этой ситуации она определенно чего-то не понимала. Если сейчас должен был прилететь Нетопырь, то ради чего Горону-то разоблачаться? Драться легче?

Внезапно тонкий как спица лучик уже набравшего высоту солнца проколол поредевшую крону и, четко означив себя в неулегшемся смрадном дымке, косой предостерегающей преградой лег между нею и тем, кого она называла своим предрассветным проводником.

Если трусишь — не переступай. Тем более что это только еще больше его раззадорит.

Но вот чего ее высочество ненаследная принцесса с пеленок не переносила, так это любых предостережений. Поэтому она не задумываясь сделала несколько шагов вперед, оставляя за спиной этот зыбкий солнечный оберег; теперь, будь у нее меч, один выпад позволил бы ей достать противника.

Противника? А давно ли ты заверяла его в рыцарской верности?

Его? Она, отчаянно шурясь, вглядывалась в черный силуэт — и не узнавала своего Горона. Откуда взялась эта величавая плавность движений, эти широко и вольно развернутые плечи, а главное — эти волнисто вздымающиеся кверху волосы, которые сами собой, без прикосновения рук собираются на темени, и завязываются в узел, и стягиваются все туже и туже...

Еще несколько лучей разом распороли полумрак подлесья, и она увидела перед собою незнакомое лицо.

Нет. Знакомое.

— Ты говорил... Ты как-то говорил мне... Прости, у меня все путается в голове. Так у тебя был брат-близнец? И это...

— Подойди. Ближе.

Она, как зачарованная, послушно сделала неловкий шаг — нога, к счастью, ткнулась в острый обломок. Хорошо — боль отрезвляет.

— Сядь.

Она присела, но не на парапет возле него, как ему хотелось, а прямо там, где стояла, на единственный островок мха среди каменных осколков. Косые лучики, подвластные шевелению чешуйчатой листвы, вздрагивали, точно струны беззвучной арфы, и в этой игре полусвета с полутенями Сэнни не могла понять: а не является ли потрясшее ее невысказанное сходство просто очередным наваждением?

Нет. Волосы, поднявшиеся кверху и стянутые так, что ту же некуда, устремили все черты лица к вискам: стал тоньше овал, четче означились скулы и тени под ними, брови изогнулись, как крылья парящей над морем птицы, когда она замедляет свой полет; но главное — губы, одаренные лунной улыбкой, от которой...

Черные небеса! Опять это!..

— Горон, — с трудом проговорила она севшим до хрипоты голосом. — У меня мало времени. Если у тебя есть что сказать, то сделай это покороче. Мне пора уходить.

Однако ты не уходишь и впервые груба с ним. За что?

За наваждение.

И словно в ответ на это признание в слабости и растерянности, сверху донесся металлический скрежет — панцирная защита подлесья, смыкаясь плотнее,

делала последние попытки противостоять набирающему мощь потоку солнечного золота. Восстановившийся полумрак обратил высящегося перед ней человека в безликий силуэт. Тень в тени.

Наваждение как будто исчезло.

Горон запрокинул голову, и в этом движении было что-то от встрепенувшейся птицы. Прислушался: бронзовый звон, и только. Похоже, он уже ждал, что до него донесется шелест исполинских крыльев. Но все смолкло, и он сделал над собой усилие, чтобы вернуться к прерванной беседе:

— Благодарю. Я польщен: ты сохранила в памяти даже несколько неосторожно брошенных мною слов о моем брате... Никому другому я не простил бы этой собственной оплошности — кроме тебя, Эссени. Ты вообще знаешь обо мне слишком много.

— Для меня не существует понятия «слишком много». Все — или ничего!

В тебе опять заговорила принцесса...

— Однако! В тебе опять заговорил (черные небеса, да ему что, суфлирует тот же голос?) врожденный дар повелевать, который отличает тебя от всех остальных женщин этой земли... Что же, пусть будет все.

Дар повелевать — это от дворцового воспитания, и на самом-то деле он такой малюсенький. А вот врожденное любопытство — оно просто безгранично. Увы.

— Согласен. У нас есть несколько минут перед тем, как ты вступишь единственной полноправной хозяйкой в мои подлунные владения, и тогда времени на вопросы больше не будет. Слушай же. Я родился не на этой земле...

Ну это не новость. Кочующимномадам свойственно забредать на чужие территории. Надо бы попросить его не углубляться в детство и отрочество.

Не перебивай — только затянешь его повествование.

— Мучительно... Бесконечно долго и тягостно я собирал крохи своих детских воспоминаний, смутных образов, разговоров — слышимых и неслышимых. Если бы меня успели обучить письму, я записал бы все это, хотя бы на скальных отвесах. Правда, когда здесь появились все эти двуногие, мне пришлось бы уничтожить написанное, потому что я стал для них чем-то вроде бога, а бог должен быть окутан дымкой непознаваемости.

Непонятно... Выходит, он претендует здесь даже не на роль бродячего вождя всех вольнодумцев, а считает себя чем-то вроде пророка... Или антипророка?

— Память. Самые первые ощущения, которые я вынес из своего детства — это постоянное неудобство, скованность, желание освободиться... это внутри меня. А вокруг — нескончаемая суета, и голоса, голоса, не смущающиеся тем, что я услышу их и пойму. «Он еще слишком мал... Он неразумен... В лучшем случае — позвоночный мозг... Он не способен запоминать... Это опять не то!» Но я все слышал, запоминал и понимал, кроме одного: что же это со мной не то?

Ага, с младенчества, значит, проявилось...

— Лица. Они мелькали передо мной сотнями, но одно я запомнил яснее других; оно стремительно увядало раз от раза. Никто не говорил мне, что это моя мать, но я догадался. Она глядела на меня с брезгливым недоумением, почти с ненавистью, словно я был причиной ее невыносимых и главное — неоправданных страданий. Впрочем, как я понял позднее, так оно и было. Но тогда, в младенчестве, я утешался тем, что ее неприязнь относится лишь к тому существу, которое родилось вместе со мной.

Так. Дошли до самого интересного.

— Второй. Я не помню, как мы появились на свет, но, по-видимому, моя память родилась одновременно со мной — да, я знаю, у людей такого не бывает. Но это

действительно так: сразу же после рождения я ощутил непомерный груз на своих плечах, словно к лопаткам приклеилось нечто мерзкое и тягостное; и вот я бьюсь, барахтаюсь, кричу, чтобы оно оставило меня — кричу мысленно; не исключено, что окружающие слышали только младенческий писк... И наконец — освобождение, неземная легкость. И голоса: «Смотрите, опять! — Великий Кэр, неужто они разделяются? — Проклятие, снова не то!»

Сэнни слушала, затаив дыхание. Да, придворные дамы шептались между собой, что время от времени, к счастью очень редко, рождаются младенцы, сросшиеся между собой — но чтобы такие близняшки-неразлучники разделялись по воле одного из них... Даже ей, привыкшей к колдовским изощрениям всяких волхвов, сибилл и чародеев, поверить в такое было трудно.

А Горону, похоже, не менее тяжело было вспоминать.

— Освобождение. Но лишь временное: стоило мне уснуть, — продолжал он монотонно, — и я пробуждался как прежде слитым воедино с тем, кто еще до рождения стал моей противоестественной обузой, присосавшись к моей спине подобно крылатой пиявке... И еще одно странное воспоминание: я почему-то не хотел есть. Вот только мне — а вернее, нам обоим — был необходим, как воздух, лунный свет.

Сердце тревожно екнуло — надо же, у себя на благодатной Игуане к крэгам сейчас стали уже относиться едва ли не снисходительно: это зло было неистребимым, но прошлым, с ним установилось даже что-то вроде призрачного перемирия. Но вот здесь, на захламленной, прожаренной Сороком планете даже смутная ассоциация с крэговыми крыльями, впитывающими лунный свет, прозвучала, как громовой набат.

Тревога!

Уймись. Рассказ еще только начался.

— Голоса. Они становились все бесцеремоннее: «Растет? — Нет, не растет. — Растет только тогда, когда они порознь... — Но такого нам тем более не надо! — Тогда и его придется, как предыдущих... — Но он наполовину наш, а поэтому неприкосновенен!!!» Я давно научился различать голоса: последний был не человеческим.

— Неслышимый голос, возникающий внутри тебя самого? — прошептала Сэнни.

— Да. Эти голоса можно уловить только внутренним слухом, потому что крыланы переговариваются беззвучно. Но тогда, когда я был слит со своим близнецом, я их голоса улавливал.

— Кого — их? — Догадка неотвратимо зрела, но больше всего на свете Сэнни не хотела бы ей верить. — Что это за крыланы?

— Кэрриганы. Это — властелины моей земли. Люди между собой называли их просто кэрами. На здешней планете они не водятся, но я сразу узнал их, когда впервые столкнулся с теми ордынцами, что время от времени прилетают сюда за добычей... Или в поисках той, которой уготована участь стать очередной Королевой Кэррин. Правда, у вселенских ордынцев на плечах сидят боевые кэрриганы, самые мелкие и ни на что другое не способные; но вокруг моей колыбели собирались лучшие из лучших, знатнейшие из знатных, и даже сам Король Кэррин — исполинский венценосный крылан, чье слово всегда было непреложным законом... И не исключено, что именно он и был моим — то есть нашим — отцом.

Нет, чтобы ее Горон был сыном крэга — нет! У двойняшек бывают разные отцы, так что семя крылатого короля породило лишь того, второго, которого называли здесь Лунным Нетопырем...

Если тебе необходима такая иллюзия — что же, тешься ею. Из них двоих ты выбрала Горона, потому ты

и не желаешь, чтобы предполагаемое отцовство роняло его в твоих глазах.

Ну на счет избранника ты, мой неслышимый, поторопился. Я торчу в этой темнотище исключительно из любопытства. Так что еще один коротенький вопрос:

— Так ты не уверен в отце — и не знаешь матери?

— Знаю. Я помню ее лицо и брезгливую ненависть, когда она смотрела на нас, и этого мне достаточно. Вероятно, она, как и все Королевы Кэррин, была принесена с другой планеты, где люди заведомо не обладают даром мгновенного перелета из одного уголка Вселенной в другой, как это делают ордынцы — их, кстати, тоже набирают где-то вдалеке. Инфанту Кэррин похищают совсем маленькой девочкой и заботливо растят в запертом дворце, оберегая, как бесценное сокровище, чтобы, когда подойдет срок, попытаться сделать ее матерью еще одного монстра. Потому что, как я понял, наиглавнейшей своей целью кэрриганы поставили получить помесь человека и крылана.

Помесь... На нее вдруг нахлынула непрощенная жалость к стоящему перед ней необыкновенному человеку, брату-близнецу самого Повелителя Тьмы. Жалость была так безмерна, что часть ее невольно перепала и Нетопырю, загадочному существу, прекраснее которого и представить себе невозможно. И этот жестокий, но упоительный демон был всего-навсего плодом извращенного, бессмысленного эксперимента!

Все равно что скрещивать орла с макакой...

— Зачем они это делали? От скуки, развлечения ради?

— О, нет. Ты не знаешь кэров — безудержная власть у них в крови, им грезится покорение всего мироздания... Да что-то у них со вселенским владычеством не получилось, поперек дороги стали слабые, вздорные, но никак не желающие подчиняться существа — люди. Тогда кэры решили породить новую, высшую расу все-

могущих созданий, свою следующую ступень, так сказать. Для этого им необходимо было обогатить себя теми качествами, которые делали людей непобедимыми.

Бред, не лишенный, однако, логики. Хотя нет, одно они упустили.

— Минуточку! Для всемогущества этим гибридам все-таки не хватило бы одного: способности к мгновенным перелетам, чем обладает далеко не каждый человек — и ты ведь этого не можешь, не так ли? Что же они выбирали инфант из... э-э-э... неполноценных народов?

— Летучесть. Да. Это было бы пределом совершенства. Но такое потомство могло бы тут же выскользнуть из их рук — или, точнее, когтей. Попросту сбежать. И труды столетий пропали бы даром. Нет, они методично и последовательно добивались своего, и то, о чем ты говоришь — еще одно скрещивание, уже с женщиной из племени вселенских ордынцев, было бы заключительной ступенью в создании новой расы. Это планировалось в дальнейшем, когда первые выжившие полукровки были бы приручены..

Леденящей омерзительностью веяло от этой программы. Ей стало еще жальче его — она вспомнила, как в питомнике Иссабаста сервы выбрасывали из клеток слепышей-соболят, чья нежная шкурка была недостаточно серебристой. Ей тогда и в голову не приходило поинтересоваться, что с ними будет.

— Как же вы выжили, Горон, ведь вы были совсем маленькими? — В женской жалости всегда присутствует нежность — от микроскопической до бесконечной; но за трагизмом гороновых воспоминаний ее не заметили ни он, ни она.

— С трудом. Но выжили. Так распорядился Король Кэррин. У его подданных не должно было и мысли возникнуть, что можно поднять руку на того, кто имел хоть какое-то отношение к племени кэрриганов. — Fly

да, ведь и на Джаспере жизнь крэга была святее и неприкосновеннее, чем человеческая! — Поэтому он призвал своих ордынцев и повелел им найти необитаемую планету, над которой светит самая яркая луна. Так я очутился здесь. Первое время я был неразлучен со своим двойником, потому что так я не нуждался ни в воде, ни в пище. Но когда я добрался до этих гор и обнаружил в подлесьях плоды, а в глубинах пещер — подземные озера, я стал все чаще и чаще прогонять его. И заметил, что как только я оставался один, я начинал расти... наверное, как обыкновенный человек.

Он запнулся, поднеся руку ко лбу, словно одно предположение, что он может стать обыкновенным человеком, было тем единственным, что способно его испугать.

— Да, я испугался, -- подтвердил он. — Сейчас я признаюсь тебе, Эссени, в том, чего не произносил вслух ни разу в жизни: я испугался старости и беспомощности. Ведь пока мы были вдвоем, я был почти бессмертен. К тому же я случайно открыл, что по моему мысленному приказу и легкому шевелению крыла возникает нечто загадочное и непроницаемое, что здешними обитателями именуется «лунной поволокой».

А вот в этом ему лучше было бы не признаваться...

По его мысленному приказу... Оказывается, недостаточно было взмаха Нетопырева крыла, требовалось еще и Гороново слово! Так значит, это по его повелению полуденное солнце сжигало людей, восставших против полночного владыки? Братское единение, надо же. Но тогда... Тогда его собственный мифический предок, передавший всем своим потомкам боль обожженной спины — это всего лишь сказка для доверчивых туземцев?

Но ведь она своими глазами видела чудовищные незаживающие пятна...

— Значит, не было никакого племени номадов? — Стремительный водоворот разочарования захлестнул ее, причиняя почти физическую боль: она не просто обманулась в Гороне — она непоправимо теряла свою сказку. — И не существовало никакого легендарного предка, несгибаемого борца с Нетопырем, этим исчадием тьмы?

Как же ты ждешь, чтобы он опроверг твои сомнения! А этого не надо, просто дослушай его историю, повинись в содеянном — и останься с ним. Останься — здесь, на земле, где перестали рождаться сильные и решительные, такие как ты. Останься навсегда. Подумай, ведь ему теперь всю жизнь будет требоваться утешение...

Для утешения существуют малышки-нилады. Ненаследные принцессы рождаются совсем для другого.

Горон, похоже, тоже ощутил какое-то беспокойство; он скрестил руки и, обняв себя за плечи, принялся мерно вышагивать взад-вперед вдоль парапета, ни разу не оступившись в темноте.

— Миф. Он всегда — наполовину истина. Тем более, что у меня просто не было выбора. Король Кэррин приказал найти для нас безлюдную планету — насколько я понял, это последнее пристанище каждого из состарившихся кэров; но совершенно неожиданно сюда стали прибывать люди, один корабль за другим. Я ведь не звал их, они были мне не нужны. Этот горный пояс — единственное пригодное для жизни место, и теперь нам приходилось его делить. Быть равным с ними, а тем более ниже их мне не пристало; но чтобы стать выше... Вот для этого и потребовалась легенда.

— И ты кочевал от подлесья к подлесью и подбивал этих несчастных на заведомо проигранную борьбу с таким неодолимым противником, как твой брат...

— Борьбу... Борьбу за свободу, будь она неладна, о которой они столько болтали, но никогда не отваживались объединиться, чтобы ее завоевать.

— Но это низко, неблагородно — играть людьми!

— Сверхнаивность. И откуда? Ах да, воспитание в знатной семье. Я вот не удостоился. Так что оставь свои иллюзии, девочка: то, что я делал, было величайшим благом для этого, с позволения сказать, человечества. Благодаря мне у них была высокая цель, позволяющая им чувствовать себя Настоящими Людьми. Я дал им возможность тешить себя иллюзиями, ведь на что-то реальное у них не хватало того крошечного остаточка жизни, когда они наконец выросли. Какая борьба? Писк младенцев — для старух, пламенное пустословие о свободе — для старцев...

— Бедный, бедный Горон, — произнесла она вслух то, что уже десятки раз повторяла мысленно. — Ты ненавидишь и презираешь людей еще сильнее, чем твой брат.

Раздался короткий сухой смешок:

— Брат? Это невозможно. Существо, которое ты называешь моим братом, не способно ненавидеть или любить. Более того: оно глухо, слепо и немо. Иногда я сомневаюсь, можно ли вообще называть его живым.

25. Послесловие сказки

Некоторое время она просто не могла осмыслить услышанное: как же так, она ведь говорила с Нетопырем, да и в своих поползновениях он был более чем живым...

— Горон, ты и мне рассказываешь небылицы, как несмышленому ребенку?

— Небылицы? Я? — Его изумление было непри творным. — Но к чему какие-то выдумки, если с минуты на минуту он будет здесь, и ты сама убедишься в том, что описать словами просто невозможно.

— А... если он не прилетит?

— Исключено.

Все. Теперь тебе остается или трусливое бегство, или — признание. И искупление вины длиною в жизнь, потому что теперь ты знаешь, какого могущества ты его лишила.

— Горон, он не прилетит. Ты ведь сам сказал, что он глух — как же он мог услышать твой голос?

— Не знаю. Этого я до сих пор не могу постичь. Но не было случая, чтобы он не явился на мой призыв. Ведь и безмозглая жужелка летит всю ночь от одного подлесья к другому, откликаясь на зов цветка, лишеного дара речи. Что же говорить о том, кто родился вместе со мной — как часть меня?

— Часть тебя? Нет, Горон, не понимаю! — с неподдельным отчаянием воскликнула она.

— Маленькая моя, я на твоём месте давным-давно догадался бы. Хотя и на какой-то краткий отрезок времени, но эксперимент удался: я появился на свет тем, кем меня и хотели создать — получеловеком, полукэром. Это был я, и только я. Пара сросшихся уродцев в одном лице.

Разум еще отказывался принимать то, что она услышала, но внутри нее все мгновенно сжалось, словно душа превратилась в жесткий ошетинившийся комочек, от которого стало так больно сердцу, а колени уже тихонечко подтягивались к груди, руки бесшумно и напряженно уперлись в колкий лишайник, превращая тело в одну живую пружину, готовую в любой миг прнунуть в сторону.

Горон остановился, опершись о парапет и напряженно вглядываясь в темноту; Сэнни догадалась, что теперь он стоит спиной к ней, потому что голос зазвучал глуше, словно он падал куда-то вниз и доносился до нее уже отраженным от подножия холма.

— Наверное, это было адской мукой для моей матери — рожать крылатого младенца, — продолжал Го-

рон. — Но Король Кэррин наверняка ликовал — еще бы, стать отцом первого крылатого человека! Но человеческого во мне было все-таки слишком много, и оно требовало отторжения такого чужеродного придатка, как крылья. Не знаю, каким чудом мне это удалось — вероятно потому, что от кэра мне досталось гораздо меньше половины: всего два крыла, соединенных чем-то вроде крошечного безголового тельца. И, отринутый мною, этот живой придаток всегда неудержимо стремился вернуться, чтобы снова слиться со мной, присосаться к спине подобно гигантской пиявке; в сущности, эта тварь и жила только тогда, когда мы были вместе. Я же ненавидел его — и не мог без него обойтись.

— Но со мной ты всегда был человеком! — подала голос кроха той теплой памяти, которая еще не канула безвозвратно в водоворот потерь.

— Нет, не всегда — только тогда, когда не был Нетопырем.

Можно подумать, что он намеренно и старательно вытаптывал то, что она называла своей сказкой.

— Значит, ты так торопливо покидал меня каждое утро...

— ... чтобы не стареть на твоих глазах. Все остальное время суток я, слившись воедино со своими крыльями, был бессмертен.

— И ты играл с этими людьми, прикидываясь Горном...

— А чем я мог заполнить свою жизнь, как не игрой?

Она глубоко вздохнула и пожалела, что в темноте он не видит выражения ее лица. Он еще называет это жизнью!

— Хотя ты не позволял мне следовать за собой (теперь-то я понимаю, почему), я называла тебя рыцарем, с которым мы вместе идем одним путем — лунной дорогой... Оказывается, ты лгал мне. Лгал каждую нашу встречу. Рыцарь.

— Ты сама виновата, Монсени — вспомни, как ты отказалась стать моей ниладой.

— Очередной? Благодарю за честь.

До нее донесся негромкий смех — совсем человеческий. Почти счастливый.

— Вот такой ты и явилась мне в первую нашу встречу, когда я понял, что ни одна из женщин этой земли не сравнится с тобой. И я отпустил тебя.

— До сих пор не могу понять, почему. Не в обычаях полновластных деспотов терять то, что однажды попало им в руки.

— Я отпустил тебя, но, как видишь, не потерял, потому что никому не дано покинуть и позабыть меня. Я терпеливо ждал, кого ты выберешь — бродягу Горона или всемогущего Нетопыря. И, клянусь лунным лучом и солнечной тенью, как ни безудержно было желание обладать тобой, но каждую нашу встречу я делал все, что в моих силах, чтобы затруднить и отсрочить миг твоего выбора.

— Боялся меня разочаровать?

— Ну что ты, маленькая моя, — снисходительно усмехнулся он. — Просто это было самой острой, самой упоительной игрой в моей жизни!

Если бы ее не окутывала темнота, Сэнни решила бы, что у нее потемнело в глазах. Так значит, он играл! Играл с ней, как лисица играет с мелкой добычей. Мышковал. А теперь вот так взял и признался в этом, стоя к ней задом и свесив голову вниз.

— Обернись ко мне! — крикнула она в бешенстве. — Я хочу видеть твое лицо!

Он медленно повернулся, и блеклое пятно замаячило перед нею где-то в трех шагах.

— Чтобы увидеть мое лицо, Монсени, тебе достаточно закрыть глаза и вспомнить, как ты лежала на моих руках, когда я нес тебя в беззвездной вышине лунной ночи... — прозвучал завораживающий голос, и

она чуть было не вскинула ладони, чтобы заслонить всевидящие кристаллы на своем обруче.

Но она знала, что это не вытравит из ее памяти каждую черточку его проклятого, немыслимо прекрасного лица, и вместо готовности к немедленной и вполне обоснованной мести ее неодолимо заполняла совсем иная жажда: все ее существо, переполненное воскреснувшей болью (кроме разума — но что он мог в этой темноте, набухающей сладострастным полуденным зноем?), неукротимо стремилось к еще горшей пытке — смертному мучительству его беспощадных губ и рук; и не в одном из пепельных замков — прямо здесь, чтобы осколки камня и сухие веточки лишайника впились в спину...

Оказывается, что-то еще не утратило подчиненности рассудку — рука, медленно вытянувшая из-за пояса пригревшийся десинтор. Негромкий хлопок, направленный вниз, под ноги, и вот уже по сухому лишайнику зазмеились торопливые солнечные язычки, отмечая свой путь треском и искрами. Их света было недостаточно даже для того, чтобы рассеять тьму над верхушкой холма, но изумленный Горон наклонил голову, разглядывая это рукотворное чудо, и жаркие похотливые блики побежали по его лицу, высвечивая каждую черточку:

— Молния! А, так ты — дитя маггиров. Но тогда, клянусь бессмертием моих крыльев, ты еще желаннее!

Кажется, она застонала. Нет, не на камни — прямо на этот ковровый огонь...

— Горон! — хрипло крикнула она, в последний раз обращаясь к нему по имени. — Нетопырь Горон, я могущественнее всех твоих маггиров, вместе взятых, и поэтому перед приходом сюда я только что сожгла — да, да, сожгла твои проклятые кэригановы крылья, так что теперь ты стал одним из простых смертных, которых ты так презираешь! Все, что тебе осталось — это одинокая

старость бродяги, роль которого передо мной ты с таким блеском разыгрывал. И еще вот эти воспоминания...

Жаркая, угарная тишина — даже лишайник в огне, разделявшем их, перестал трещать. А ты-то что молчишь, неслышимый мой? Где твои осточертевшие советы и подсказки? Онемел.

— Ну и каково же тебе теперь одному, без крыльев? Или не веришь?

Но Горон поверил. Поверил с полуслова. И хотя ни одна черточка, ни одна ресница не дрогнули, выдает страшный, нечеловеческий черный свет, льющийся из глаз. Это боль. Это плата за игру.

Мало. Мало! Мало!!!

— А теперь посмотри на меня, бескрылый Горон. Посмотри... и возьми, если сможешь!

Он был Гороном, прежним Гороном, потому что не дав себе ни доли секунды на раздумье он бросился вперед так стремительно, словно за плечами развернулись утраченные крылья — и она полетела навстречу ему прямо через огонь...

Нет. Не через огонь. Через ничто.

Чтобы упасть на стылую прибрежную гальку Игуаны.

* * *

Она осторожно забралась под одеяло, радуясь благодатной ширине постели, которая позволяла ей вытянуться, не касаясь мирно посапывающего супруга. Только бы успеть согреться прежде, чем Юрг проснется и обнаружит ее — мокрую, промерзшую до того, что пришлось вцепиться зубами в угол подушки, чтобы они не стучали. Не по-летнему пронизывающий дождь, под которым она остервенело срывала с себя клочья сиреневого платья, смыл с нее все невестийское наваждение столь основательно, что заледенил ее до самых костей — а может, и их тоже.

Согреться и поспать. Поспать, чтобы ничего не помнить. Хоть чуточку. Только до восхода солнца. Ведь двое суток почти без сна (полудрема, а скорее полубуждение прошлой ночью не в счет)... А что, если солнце уже встало? За такими тучищами не разглядишь. И о чем только здешний королек-чародей, всех стихий повелитель, думает? Хотя известно, о чем: о своем хрустальном шаре. Тоже мне утеха старости. Вот папенька, не в пример ему, до сих пор по фрейлинским покоям шастает... Ой!

Она выскочила из постели, и теперь ее затрясло уже по-настоящему: в мерном стуке дождя она не слышала больше дыхания мужа.

Подрёмник.

Она совсем забыла про ведовскую Паяннину травку!

Запустить руку под подушку и отшвырнуть слипшийся травяной комок в огненную солнечную помойку было секундным делом. Прислушалась...

Да ничего страшного, показалось. Дышит. Вот и глаза сразу открыл:

— Кто рано встает...

— Тому Паянна подает, — хорошо еще, что он не догадывается, какое пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос не дрожал.

— Типун тебе на язык, солнышко ты мое босоногое — спозаранку да про эту бегемотиху! А ты-то что поднялась? Весь табор спит, без задних ног притом.

— У меня на душе беспокойно: сколько уж мы тут живем, а такого безобразия в небесах и на море ни разу не видели. Может, Алэл таким образом дает нам понять, что мы тут слишком загостились, пора и честь знать? Слетать к нему надо непременно.

Звездный эрл лениво повернулся на бок, потянулся:

— Не бери в голову, Алэл — нормальный мужик, если

б что-то было не так, сказал бы прямо. К тому же визиты в такую рань — это как-то супротив этикету. Ты лучше иди-ка сюда...

Все смысл дождь — кроме памяти. А она неотвязна. Чтобы примириться с ее существованием, нужно поделиться ею с другим. Иначе она, проклятая, на веки вечные встанет между ними.

— Нет, муж мой, любовь моя, не сейчас. Ты в ненастную погоду всегда забавлял меня дивными историями... теперь мой черед. Вечером я расскажу тебе странную и печальную сказку, и вот тогда...

— А почему не сейчас?

— Не торопи меня. Длинная она, если честно и со всеми подробностями.

— А конец счастливый?

— Кому как... Впрочем, если честно, то никудышный конец.

— И на черта мне такая сказка? Я уж лучше обойдусь грубой реальностью, она как-то привлекательнее... вот такой, например.*

Они никогда, никогда, никогда не были грубыми, его утренние бережные руки.

— Не надо, милый. Потерпи до вечера. Поверь, я иначе просто не могу.

— Ну тогда в такую погоду грех недоспать, — и перевернулся на другой бок.

Она постояла, нерешительно обнимая себя за плечи — может, пристроиться на краешке, снять обруч — предел мечтаний... Но комната плыла перед глазами, дрожь так и не унималась; затеняя полупрозрачный купол, над потолком витали призраки подлунных одиноковых прислужниц, иссохших до состояния мумии порочных девочек-нилад. И до тошноты хотелось есть — это от переизбытка впечатлений. Нет, уснуть просто не удастся.

Она накинула свою непромокаемую куртку, неслышно перелетела под кухонный навес — не осталось ли

чего с вечера? И неожиданно ткнулась во что-то живое и упругое: уж не Гуен ли?

Но Гуен, спрятавшаяся от непогоды? Это что-то новенькое.

— Ты что тут делаешь?

Желтыми кольцами сверкнули распахнувшиеся в невероятную ширь глаза, щелкнул могучий клюв... и раздался тихий цыплячий писк.

— Тоже есть хочешь? Сейчас поглядим... Вот. — Под массивной крышкой сладостным запахом означилась громадная лебединая нога. — Половина твоя.

Писк повторился, тугоперое крыло мягко отпихнуло девушку, и сова, чуть не задев брюхом траву, умчалась в дождевую морось. Голодная.

И у этой не все в порядке. Сэнни тоскливо грызла жесткое мясо, зябко переступая босыми ногами — под навес затекло, лужи казались ледяными. Внезапно сквозь серое марево пробился огонек — так и есть, что-то вспыхнуло в караульном коконе. Сердце, все еще не успевшее успокоиться, тревожно ударило по ребрам. Даже не подумав, что это может быть, мона Сэниа влетела в привратный домик — да ничего особенного, в теплой караулке двое: разомлевший пентюх Пыметсу, а против него подбоченившаяся Паянна, а у нее во рту...

Локки отмороженные, что за пакость? Страничка из книжки, что Юрг с Земли привез, свернута в трубочку и набита вонючей травой, и все это тлеет и заполняет домик стелющимся смрадом.

— Брось немедленно! — крикнула принцесса. — Не хватало только, чтобы этой гадостью дети дышали!

— Чево ж не бросить, коль и вдругорядь свернуть — дело плевое, — флегматично парировала воеводиха, затаптывая пудовым сапогом самокрутку — кораблик затрясся, точно заработал кузнечный молот. — А ты, королевна, ладно день начинаешь, повелительно. Вот так тута всем и крути-верти.

Мона Сэниа чуть глаза не закатила — и как это старой ведьме удастся выйти победителем из любой ситуации? Нагородит чего-то, что первое на ум придет — действительно, при чем тут «ладно начинаешь»? Наверное, все дело в командном голосе, натренированном в стылых весенних болотах ее родимой Тихри, деллауэлла Тихри. И прав супруг: пользы от нее — капля в море, только всем на нервы действует — кроме этого недоумка, к сожалению.

Паянна словно угадала ее мысли.

— А ты, голубь, — обратилась она к притихшему Пы, который, впрочем, сейчас более походил на мокрую курицу, — отвори-ка мне сквозницу пошире, чтоб не нагинаться — не люблю я ентого. И не кручинься попусту: кого человек пнет, того солнце полуденное приветит, для него-то, незакатного, все равны. Так что крепко помни мое слово об ём, солнышке-то тихрианском!

Из послушно растворившегося люка пахнуло дождевой свежестью, и Паянна, не подбирая юбки, вывалилась под хлесткие струи — при каждом ее шаге брызги разлетались метра на два.

— Закрой, — велела принцесса. — Люк закрой и рот тоже. Вы почему с Паянной не в отцовском замке? Я ж отпустила ее погостить на столько, сколько ее душе угодно. И давно ты в карауле?

Пы, угрюмо глядя в пол, промычал что-то нечленораздельное.

— Не поняла! — Он раздражал ее все больше и больше.

— Надыть, часа два...

— Надыть! Набрался-таки. Ты что думаешь, получишь отцовский меч, так сразу станешь при дворе почитаемым гостем? Да за одно такое словечко тебя на королевском пиру, как говаривал наш менестрель, глосными костями закидают! Что уставился в пол? В глаза смотри, когда я с тобой разговариваю!

Пы снова замычал, но глаз не поднял. Зато принцесса их опустила — и чуть не ахнула: у нее самой из-под длинной, ниже колен, куртки торчали посиневшие от холода босые ноги. Да еще и эта полуобглоданная лебединая кость в руке...

— Марш спать! Борба на смену пришли.

Она осталась одна, совершенно не представляя себе, что делать дальше. Какие-то смутные намеки со стороны Паянны — уж не к очередной ли беде? Только с недосыпа ее слова из головы уже вылетели. И не удивительно: все заслоняло одно — ею, ненаследной принцессой Джаспера, столько дней играли, как соломенной куклой...

На дворе нехотя светало. Сейчас явится Борб. Она хрустнула пальцами: как учил ее Иссабаст; если не знаешь, с чего начинать, вспомни, не числится ли за тобой какой-нибудь долг.

Долг имел место. В доме Алэла несомненно что-то стряслось, и она по-рыцарски обязана предложить ему помощь.

Она вернулась в шатровый покой, согнала с сундука Кукушонка и старательно выбрала одежду — чтобы не выглядеть при полном параде, что неуместно, но и не кое-как, все-таки визит к царственной особе.

— Скажешь Юргу, что я у Алэла, — шепнула она Кукушонку, который глядел на нее с непонятным упреком.

Вот только птичьих обид ей и не хватало.

Она перенеслась на вершину королевского острова, затопленного предрассветным кисельным туманом, против которого шуршащая здесь дождевая пыль был бессильна. Громадная хрустальная полусфера, венчающая королевский островок с недавних пор, потускнела от змеящихся потеков и казалась даже приплюснутой; нижняя часть, уже инкрустированная драгоценными камнями, под слоем дождевой воды потеряла

свою искристую легкость и теперь уныло мечтала о лучшей доле. Повсюду в глубоких лужах мокли горки изумрудов, сапфиров и алмазов.

Она поискала глазами то место, где должен был лежать возвращенный ею амулет. Но сейчас там разлегся непомерно косматый и вздыг промокший свянчик; он свирепо защелкал жвалами, когда мона Сэниа приблизилась к нему. Мелкая суетливая молния отразилась в рачьих глазках. Ну понятно: прикрыл собой Ракушку, точно понимал, что ее не должна была коснуться ни капля воды.

— Молодец, — сказала принцесса, — свое дело знаешь. Только где же все население?

А действительно, кругом ни души. И в море ни одной рыбацкой лодки — неужели ненастный рассвет так всех напугал? А еще потомственные рыбаки.

Пришлось слететь вниз, в гостеприимный садик. Но и там было пусто, только разноцветные лужицы на столе — следы размытых Ардинькиных рисунков. От этого безлюдья с каждой минутой становилось все тоскливее и беспокойнее. Сэнни торопливо спустилась еще ниже, на ступеньки пологой лестницы, ведущей к простой дощатой двери в жилище всемогущего короля всех первозданных; сегодня она была плотно притворена. Растущая тревога заставила ее постучаться. Створки тотчас распахнулись, словно стоявший за ними ожидал кого-то, и принцесса чуть не отшатнулась: в темном проеме означилась совершенно белая призрачная тень.

— Войди, моя милая, — голосом Ушини прошелестела тень, ускользая вглубь неосвещенной передней.

Девушка переступила порог. Похоже, что в королевской избушке нештучные проблемы, так что надо будет объясниться покороче.

— Присядь, — скорее угадалось, чем расслышалось. Принцесса вдруг подумала, что таким безнадеж-

ным тоном можно предложить присесть даже в том случае, если в этой полутемной комнате и вовсе нет ни стула, ни табурета. Она отступила к стене и, против ожидания наткнувшись на жесткую скамью, послушно опустилась на нее, зачарованно глядя на неподвижную фигуру, точно нанесенную инеем на дымчатое стекло. Все последнее время ей удивительно везло на подобия привидений, с какой-то фатальной периодичностью возникающие в одинаковом сумраке: сперва одинец в трепете нефритовых теней, затем Горон-Нетопырь под шапкой подлесья, потом она сама в своем шатровом покое, теперь вот на себя не похожая Ушинь...

— Я хотела видеть короля и извиниться перед ним за то, что сверх меры задержала у себя амулет... — начала она первое, что пришло в голову.

И услышала:

— У нас больше нет короля.

Мона Сэниа похолодела: вот она, беда, предчувствие которой пробивалось сквозь пелену ее собственных горестей. И — недоумение: что могло погубить чародея, повелевающего всем мыслимым и немыслимым?

— Как... как он мог погибнуть, такой всемогущий повелитель всего сущего? — И это было не праздное любопытство — ведь на этих благополучных до сих пор островах с ней находились дети, все трое — ее и только ее малыши.

— Он утратил свое могущество, — прозвучал безутешный голос. — Поэтому он больше не может быть королем.

Сэнни едва сдержала облегченное «уф-ф-ф...» Алэл не погиб. Излишне чувствительная Ушинь по понятным причинам воспринимает все случившееся чересчур трагично, но опыт ее собственной беспокойной жизни уже давно приучил ее к первому правилу межзвездных ски-талцев: все живы — значит, все в порядке.

— Я торопилась вернуть ему волшебную «ракушку» как только могла; но он так и не взял ее, — как можно мягче проговорила она. — Можно, я поговорю с ним и, может быть, утешу?

Королева покачала головой:

— Это невозможно: супруг мой Алэл обрек себя на добровольное изгнание, и остров, который он выбрал себе последним пристанищем, мне неведом.

Последним! Ну Ушинюшку опять занесло в крайность.

— Я пролечу над всеми островами и найду твоего короля! Даю тебе слово.

— Нет, нет, нет... — прямо как стон.

— Почему?

— Воля Алэла не может быть нарушена. Он не вернется, пока сам не почувствует, что искупил свою вину. Или не вернется вовсе.

Сэнни невольно почесала кончик носа: вину? Так кто же он — потерпевший или виновный?

Принцесса должна была признаться себе, что окончательно запуталась в хитросплетении каких-то условностей, тайн и недомолвок. Более того: ей давно уже хотелось попросту, по-женски обнять Ушинюшку и дать ей выплакаться на своем плече, но что-то невидимое (наверное, эти самые условности и тайны) почти ощутимо стояло между ними и сблизиться не позволяло.

Ну что ж, придется идти напролом.

— Мудрая государыня, надеюсь, ты не заподозришь меня в трусости, если я спрошу: неужели в твоих владениях появился враг, способный противостоять могуществу самого Алэла? Ведь тогда наши дети...

Ушинь вдруг всплеснула руками и осела на пол — точно провалилась по пояс. Сэнни вскочила и бросилась к ней, но широкие кисейный рукава лебедиными крыльями заплескались, не подпуская ее к себе.

— Не подходи, милая девушка, не приближайся ко мне! Иначе мне будет слишком тяжело говорить с тобой...

Ну вот и еще не легче. Как это муж называл? А, стрессовое состояние.

— Хорошо, хорошо. — Она попятилась и присела на подоконник; в спину ощутимо дуло — хорошо, теперь уже в сон не потянет. — И все-таки, не допускаешь ли ты, осторожная и заботливая Ушинь, что этот враг может напасть и на наших малышей??

Призрак королевы утерся вполне реальным белым рукавом.

— Этим самым страшным врагом короля оказался он сам. — В голосе Ушини появились безнадежные вдовьи интонации.

— Не понимаю, — жестче, чем нужно бы, вырвалось у принцессы, но оказалось, что тон был выбран правильно — королева поднялась на ноги и снова замерла, опустив голову; это было так не похоже на прежнюю Ушинь, порхающую, точно пуховый шарик, что вернулась еретическая мысль: а не призрак ли это двойник, говорящий фантом?..

— Мой супруг мастерил на вершине холма свою новую игрушку. — Всегда нежный, воркующий голосок королевы приобрел безжизненную монотонность, словно она не делилась своим горем, а выполняла тягостный долг, ведя этот рассказ. — Захео, мой зять, видел, как появилась ты, но беседа ваша была непродолжительной. А потом Алэл почему-то прервал свои труды и спустился на пристань.

Ушинь глубоко вздохнула и сделала паузу, как бывает перед кульминацией повествования. Впрочем, вряд ли ее сейчас волновало впечатление, которое производили ее слова на принцессу, но вот у той неприятно заняло под ребрышком: то, что здесь стряслось, неприятным образом случилось именно после ее появления.

А точнее — исчезновения.

Но ведь она ничего не делала, только на время позаимствовала «ракушку», да и Алэл в это время просто забавлялся, из прибрежной гальки алмазики творил.

— Алэл глядел на море, — продолжала королева, — где среди рыбаков в такой же простой лодочке плавала Ардинька, она всегда отдавала свой улов тем, у кого больше ртов... Если бы в этот день мой государь призвал на себя благословение духов воды, он, как обычно, облегчил бы труд рыбаков, утишая поверхность волн и придонным течением сгоняя к берегу рыб... Но все последние дни он был занят творением из камня, и только стихия земли повиновалась ему от одного рассвета до другого.

Ушинь перевела дыхание, и Сэнни тоже непроизвольно вздохнула: подробности, конечно, вещь нелишняя, но пока ничего сверхъестественного в унылом речитативе не прозвучало. А спать между тем снова захотелось, и притом просто нестерпимо...

— И вот тогда-то и появилось оно, прямо на мелководье, посреди лодок; у чудища был черный гребень вдоль спины, аспидная морда и не то лапы, не то плавники, остальное же туловище было просто скелетом, крапчатыми костями, обтянутыми совершенно прозрачной кожей. Оно вцепилось громадными бивнями в лодку нашей дочери, и Ардинька закричала так отчаянно, что отцовское сердце не выдержало: Алэл, в этот день уже отягченный властью над земной стихией, преступил вековые законы и призвал себе на помощь духов воды. По его повелению водоворот закружил пятнистую тварь, успевшую перевернуть лодку, и отшвырнул ее далеко в море, где, надеюсь, и задушил пенными кольцами.

— А...Ардинька? — чуть ли не заикаясь, прошептала принцесса.

— По слову Алэла волны вынесли ее на берег целую

и невредимую, недаром вода — самая нежная и бережная из всех стихий...

— Так радоваться надо!

— Наша радость безгранична. — В голосе Ушини звучало беспредельное уныние. — Младшая дочь жива. Но какой ценой?

— Ну и какой? — Сэнни пожала плечами: в свое время перед нею встала подобная проблема, когда крэги похитили крошечного Ю-ю. Впрочем, нет, проблемы не было, потому что о цене даже речи не шло — она заведомо была согласна на любой выкуп.

— Ты забыла закон, передаваемый в монаршей семье первозданных из поколения в поколение: каждое утро король-чародей выбирает себе подвластную стихию. Одну. Единственную. И он не смеет заменить ее другой до следующего рассвета.

— А если все-таки?..

— Тогда он до следующего восхода солнца правит двумя стихиями одновременно; но когда оно встает, он навсегда теряет свое могущество и превращается в простого смертного.

— И всего-то? И это — за жизнь собственного ребенка?

Выходит, все правильно, Алэл, как и она сама, согласился на любую цену за спасение своей младшенькой. Только странно, что Ушинь так убивается — ну проживут без чудес, пока новый король не подрастет, а экс-властитель погорюет-погорюет, да и вернется, надо же наследника учить, как своим чудодейственным даром пользоваться.

Хотя легко вот так трезво оценивать все это со стороны, когда несчастье прошло мимо, не коснувшись ни ее самой, ни детишек, ни Юрга. Как он говорил — «чужую беду руками разведу». Собственные-то беды она не руками разводила...

В памяти принцессы замелькало все, от чего она

успела отказаться за собственную не такую уж долгую жизнь: родство с королевской семьей, возможность появляться на Равнине Паладинов, включая принадлежащий ей замок Асмур; право на дальнейшую борьбу с полонившей ее землю пернатой нечистью; завещание одиноца, чуть было не передавшего ей бразды правления своим подлесьем; и наконец предложение венценосного крэга стать императрицей Джаспера...

Да, и еще такой пленительный вариант: стать наложницей Нетопыря Горона.

Не перечислять же это все заплаканной Ушинюшке на предмет утешения! Но и оставить ее одну в таком состоянии было просто бесчеловечно.

— Печальная история, — проговорила она с мягкой доверительностью, словно успокаивала отчаявшегося ребенка. — Но разве мог Алэл поступить иначе? Вот послушай, мне как-то рассказывали о несчастном чужестранном короле, который, стоя на вершине мелового утеса, видел, как у его подножия разбивается в щепки корабль, на котором плыл его собственный сын. Видел, но ничего сделать не мог, потому что он не был чародеем. Потом за всю оставшуюся жизнь этот король — тоже островной, между прочим — ни разу не улыбнулся... А вот твой добрый Алэл смог спасти свою дочь, и он вернется, хотя бы затем, чтобы на Ардиньку поглядеть. А пока за него кто-нибудь поцарствует, хоть этот... Подковный эрл.

— Только не он! — решительно и как-то чересчур поспешно возразила Ушинь.

— Ну, это ведь только на короткое время. Регентство всеми дворами признается.

— Нет! Такие, как он, не имеют права царствовать на Первозданных островах!

— Какие — такие?

Ушинь осеклась, словно сказала лишнее.

— Добрая государыня, договаривай уж, раз начала. Нам ведь здесь еще жить да жить...

Ушинь долго молчала, словно собираясь с силами. Тусклый немощный рассвет с трудом пробивался сквозь плотные занавеси, и теперь можно было разглядеть, что лицо королевы точно набелено — оно не отличалось от снежной чистоты ее траурного платья.

— Ты, наверное, помнишь, что мы тебе рассказывали о свадьбе наших дочерей, — начала она так издали, что принцесса вовремя подавила невольный зевот. — Это было великой радостью для всего первозданного народа... за исключением нашей семьи. Ведь Захео тогда оказался единственным принцем королевской крови, достойным стать отцом будущего правителя всех островов... сейчас, к счастью, подрастают другие, так что Хеллиень не ждет династический брак, ее выбор будет сделан только по велению сердца. Но у моих дочерей такого права не было: наследник престола, получающий дар чародейства от рождения, должен был родиться во что бы то ни стало. У любой. А время уходило. И мы призывали Кузнечного эрла, которому предстояло стать мужем всех трех сестер — такое дозволяется по нашим законам.

Ушинь в очередной раз вздохнула, и от этого легкого звука у принцессы вдруг заложило уши (сколько ж можно давиться собственной зевотой!). Больше всего на свете она сейчас хотела бы опуститься на скамью и свернуться клубочком, как соболек в дупле.

— Да-да, — заторопилась она, чтобы хоть звуком собственного голоса прогнать околевающую ее сонь. — Я помню.

— Ты не можешь помнить того, чего не знаешь. — В голосе белой королевы появились какие-то несвойственные ей жесткие интонации. — В тот вечер, когда прибыл Захео, был устроен невиданный свадебный пир на воде — все взрослое население Первозданных

островов собралось на своих лодках, и над каждой из них король зажег брызжащий неиссякаемыми искрами волшебный факел... Ты понимаешь, что для этого он с утра возложил на себя власть над стихией огня.

— Как жаль, что я не могла видеть этого чуда, — сонным голосом пробормотала Сэнни.

— Да, это было истинным чудом — всю ночь свяничи скользили между лодками, точно жуки-водомерки, разнося на своих спинках редкие яства, приготовленные руками невест; из морской дали доносилось тихое пение сирен, и гагары сбрасывали к подножию лестницы свой драгоценный пух — для свадебной перины... А с первым лучом солнца Алэл поднялся на вершину королевского холма, чтобы вобрать в себя все могущество власти над стихией живой плоти — и по завершении таинства он спустился вниз, дабы благословить молодых на зачатие наследного первенца...

Голос, звучавший все слабее и тише, смолк, словно у призрачной королевы не стало сил даже на шепот.

— И он не сделал этого, — донеслось словно издалека. — Больше того: он наложил на своих дочерей заклятие бесплодия.

У принцессы весь сон как ветром сдуло.

— Родной отец?..

— Несчастный отец. Потому что теперь, когда тайны живого были перед ним как на ладони, ему открылось то, чего он не мог почувствовать накануне: Захео не был первозданным. По какой-то причуде судьбы — или скорее роковой наследственности, которая может передаваться через множество поколений — он владел даром перелета через ничто. Разумеется, не подозревая об этом. И его потомство получило бы это проклятое — прости меня, я не хотела тебя обидеть — свойство, так что ни один из них не смог бы взойти на островной престол. Так повелел наш непреложный закон.

— На что же надеялся Алэл, когда творил такое ко-

щунство? Надо было изгнать Захею, а дочерям позволить выбрать себе мужей из простых смертных, ведь нет худшей доли для женщины, чем... — Она вспомнила Ардиньку, так и не ставшую матерью, и поперхнулась.

— Он надеялся на чудо. — печально усмехнулась покинутая королева. — Нежданное, негаданное чудо, каких не бывает...

— Но дети родились — значит, чудеса на свете еще есть!

Полутемная горница вдруг ощутимо стала наполняться тягостной, напряженной тишиной. Действительно, откуда-то свалился тайный супруг... Или опять сказки про непорочное зачатие, или все-таки чудо?

— Послушай, Ушинь. — Она уже обращалась к королеве, как равная к равной. — Ты — жена чародея, так кому же как не тебе радоваться, когда это чудо наконец-то произошло?

— Чудо не должно приходить в дом, даже если это дом чародея, тропой обмана. И ценой обмана нельзя приносить в семью детей. Как я молила моего супруга и короля не делать этого... Он не послушал меня, и то, что сейчас случилось с ним — это кара судьбы. И он понимал это, удаляясь в искупительное изгнание.

Заплаканная Ушинька опять поставила все с ног на голову. Ну не было принцев — нашли молодого рыбака... Даже двоих. Старшие королевны, между прочим, обиженными не выглядели, хоть и вляпались в подпольный династический мезальянс. Да о чем речь — она сама, раз и навсегда выбрав своего звездного эрла, ни единого мига не горевала по поводу сомнительности его аристократического происхождения.

Только одна беда — сравнением с собой королеву не утетишь.

— Не будь слишком строга к нему, великодушная королева Ушинь. — Сэнни тем не менее продолжала

свои попытки, даже понимая неубедительность своих слов. — Никакое чудо не может быть недобрым, на то оно и чудо, а не чернокнижная ворожба. И если Алэл для кого-то создал иллюзию...

— Недопустимую иллюзию! — запальчиво воскликнула королева-мать. — Облечь своих дочерей в образ другой женщины... Женщины, чей муж всегда смотрел на них с жалостью и едва ли не с насмешкой — увы, зоркость материнских глаз порой безжалостна... И они согласились лежать в его объятиях, когда он в колдовском наваждении считал, что делит ложе со своей возлюбленной! Одна лишь Ардиень не пошла на это. Не смогла. Потому что...

Королева внезапно запнулась и замолчала. Что-то еще открылось материнскому взору, нечто такое, о чем она не решилась говорить даже после всех своих неожиданных признаний.

А Алэл-то каков — не допустил, чтобы простой парень из рыбацкого семейства узнал о том, что он осчастливил правящую династию наследниками престола. Спесь не позволила. Напустил на дочек чары, обратил их в простых рыбацек — не иначе как высокородные девы потом три дня отмывались от рыбного запаха и клейкой чешуи... Только вот одно непонятно:

— Но как же получилось, что у средней сестры родился рыженький малыш — вылитый Захео?

Королева снова запнулась, еще бы — выдавать такие сокровенные семейные тайны! Но с другой стороны, ведь никто ее не вынуждает. Давно могла бы замолчать, мол, «устала я, милая вы моя...» Но «милые вы мои» сегодня тоже были что-то позабыты. Каждое слово Ушинь произносила так, словно отдавала непосильный долг:

— Всего на одну ночь Алэл снимал с дочерей свое заклятие, и вот надо ж было случиться, что именно в эту ночь законный муж Шамшиени настоял на своих

супружеских правах! Честно говоря, я думала, ты догадаешься, что у ее двойняшек разные отцы. Но ты так недогадлива...

— А я сейчас о другом думаю — вернее, о другой. О той женщине, которую, как ты сказала, вроде бы любил этот... Рыбак. Виновник чуда. Так вот, не верю я, что любил он ее по-настоящему! Иначе никакое колдовство не заставило бы его обмануться. Даже если разум не заметил подмены, обманули глаза и уши, то могли же подсказать правду хотя бы кончики пальцев! Так что если мне кого-то и жаль в этой истории, то именно ее. И хорошо бы она никогда не узнала...

— Алэл так ей и обещал, — едва слышно прошептала Ушинь, — но он не предусмотрел, что дети будут так похожи на отца, что правда неминуемо должна будет всплыть сама собой, рано или поздно.

— Что-что? — не поверила своим ушам принцесса. — Обещал? Так Алэл с ней договорился? И она согласилась?

Ушинь внезапно выпрямилась во весь рост, опустив руки, и замерла, точно соляной столб.

— Да,— медленно и невыразительно, словно читая древнюю рукопись, проговорила призрачная королева. — Отдавая ей в ленное владение один из своих островов, король Алэл сказал: «Взамен я возьму то, что у тебя не отнимется, то, о чем ты не пожалеешь, то, о чем ты не узнаешь». Он был прав в одном: от тебя действительно ничего не отнялось, ведь с твоим супругом каждый раз была ты, до кончиков смуглых пальцев — только ты... Мой Алэл был хорошим волшебником.

26. Черная полоса, белая полоса

Такое бывало только в далеком, почти невспоминаемом детстве: накатывал ужас, ледяной и обжигающий

одновременно, и какую-то долю мгновения казалось, что его можно оттолкнуть обеими руками, как снежный ком, и зажмуриться, и твердить крохотное беспомощное заклинание: «... это не со мной, с кем угодно, но только не со мной...»

Она открыла глаза и увидела себя в полумраке своего шатрового покоя, и ватный, неживой шорох-шепоток еще катился вдоль стен: «это не со мной...» Все было на самом деле, и не в игрушечном мирке детских ужасов, и не с кем-нибудь, а именно с нею, ненаследной принцессой Джаспера. Один, нелюдь полуночный, наигрался ею вдоволь и решил, что пришла пора наконец уложить ее в свою лунную постель; а другой, безродный эрл с неприветной Земли, попросту, по-земному взял и переспал со всеми колдуновыми девицами... Ну не со всеми, но какая разница?

И не опустилась на дно морское зеленая Игуана, муж мой, любовь моя, и не засветилось солнце черным светом.

Ее и раньше охватывал беспредельный ужас, бывало такое — когда на Тихри исчез крошечный сын, или в золотом колодце, где она ощутила себя замурованной заживо; а то и совсем недавно, в первую свою встречу с Нетопырем, когда под клейкой пленкой лунной поволоки не осталось воздуха для дыхания... Но тогда каждый раз маячил крохотный лучик надежды, который можно было поймать на ладошку, как светлячка. И вот впервые в жизни она стояла перед тем, что не поправимо.

— Фируз, — негромко и очень-очень спокойно позвала она, поднимая руку.

Но ничего не произошло — послушная голубая птица впервые не отзывалась на ее призыв. Непривычная тишина заполняла шатер, ни шороха, ни дыхания. И только легкое движение воздуха, словно приподнялись крылья — и тут же опустились.

— Кукушонок, ты? — Снова взмах крыльями, но никакого перламутрового проблеска в этой безрассветной тени. — Где Фируз?

— В одном из замков Равнины Паладинов.

— Кто позволил ему?..

— Его унесли тайком.

Так. Этого еще не доставало:

— Сейчас я велю...

— Нет. Ты сделала его причастным к чародейному убийству. Теперь здесь ему не место.

Она вдруг почувствовала, что у нее нет сил на то, чтобы выяснять — кто, где, когда и в чем еще виновен. Сейчас все ее существо было подчинено одному, но уж на это, она знала твердо, сил у нее хватит.

Она повернулась на каблуках и, больше не заботясь о бесшумности своих шагов, на негнущихся от усталости ногах направилась в спальню. Ей вдруг показалось, что она переставляет себя с одного места на другое, точно фигурку на шахматном поле...

Никого. Одеяло и подушка на полу, вещи раскиданы, словно эрла Брагина поднял с постели гром небесный. Через овальный проем было видно, что и детская нуста. Почти безразлично она отметила, что Харрова крикуна тоже не слышно. Что-то произошло, не исключено, что — чрезвычайное. Но неизменное шестое чувство подсказывало ей, что и оно относилось к разряду бед преодолимых.

Она вылетела на луг. На расстоянии вытянутой руки уже невозможно было хоть что-нибудь разглядеть, потому что мохнатая туча, приминая почерневшие колокольчики, улеглась прямо на землю и теперь укладывалась поудобнее, отираясь о стены и рождая в своей глубине игольчатые искры. Звать кого-нибудь в этом глухом кисельном мареве было бесполезно, и оставалось только проверить караулку.

Здесь, слава вселенским небесам, все было в поряд-

ке: Ю-ю с Фирюзой в уголку, на меховых плащах, ворошили книжки с живыми картинками — замурзанные, значит, сытые. Свянич с заспанным Шоёо в десять лап кормили из рожка Эшку — под присмотром аккуратного Борба и на расстоянии, безопасном для замшевых штанов дружинника.

— Где все? — отрывисто спросила мона Сэниа.

— Все в замке. — Борб вскочил на ноги, одергивая камзол.

— Замок пуст. — Ей и в голову не приходило, что он может иметь в виду их пустеющий дворец на Равнине Паладинов.

Борб повел плечами — поежился. Командор, улета, велел ничего не говорить жене, но вот она стояла молча, в жестком платье из аметистовой парчи — в цвет глаз; но только сейчас они были совершенно черными, чуть не в половину истончившегося смуглого лица, от которого и остались-то еще высокие скулы и прочерк сжатого рта; и в руке, твердости которой позавидовал бы любой из дружины — уж никак не подходящий к парчовому платью меч. Вот и попробуй, промолчи. Последнее это дело — иметь двух командоров разом...

— Все в замке покойного эрла Асмур. — проговорил он с невольной завистью — вот где он сам хотел бы сейчас находиться, там ведь такое...

А принцесса окончательно потеряла дар речи: мало того что ее супруг предал ее как жену, как возлюбленную; он еще и лишил ее рыцарской чести, нарушив клятву, которую она дала венценосному крэгу за них обоих.

— Да они все не в первый раз там собираются, — поспешил оправдаться Борб, видя, что принцесса застыла, точно изваяние из неведомого на Джаспере камня с колдовским названием — чароит.

Мона Сэниа молчала, как человек, которому уже все равно. Борб вздохнул — похоже, что придется чисто-сердечно признаваться во всем... и за всех.

— А, да что там,— проговорил он с отчаянием. — На рассвете вернулись Пы с Паянной, шептались долго на лугу, да молния их разогнала. Да, видно, долбанула она его малость по черепушке, после чего умыкнул он Фируза, как ему обещанного, и отбыл в отцовский замок, заявив себя напоследок верховным судьей. Батюшка, надо полагать, наконец-то врезал дуба. Так что теперь он нам не чета.

Да, это по законам Джаспера — получая высшую должность, теряешь прежнюю, так что он с этой ночи больше не был ее добровольным служакой. Но крэга, так необходимого для вступления в должность, ему позволяли взять только однажды, да и то лишь для утешения недужного родителя. То, что красавец Фируз предназначен ему на всю оставшуюся жизнь, Пы просто выдумал... или Паянна нашептала.

— Он презренный вор, — хриплый голос принцессы прозвучал как приговор.

— Так ему командор и передал, через Эрма. Велел вернуть, что прихватил — и птенца, и ожерелок хрустальный. Только ответа не было — видно, припрятал. Сквалыга известный! Тогда командор и вызвал его на поединок. Теперь уж этому сиволапому не отвертеться — ежели он не ответит на вызов, ему зачтется поражение, и — ку-ку придворная должность!

Все правильно, ибо закон гласил: из какого уголка ни был бы послан вызов, верховный судья обязан прилететь туда и сразиться с безрассудным смельчаком, заранее обрекающим себя на гибель. Раньше таких практически не находилось.

Но закон подразумевал, что это будет не просто уголок, а земля Равнины Паладинов. Он не действовал на других планетах и, надо полагать, на Лютых островах — тоже. Вот почему Юргу и пришлось перенести место поединка на запретную для него территорию.

Но командор не имел права этого делать. И тем более — не в первый раз.

— Он не смел ступить на землю Равнины... — процедила она вслух.

— Так вокруг замка давно уже нет земли, — заговорщически ухмыляясь, сообщил Борб, по простоте душевной полагающий, что если скажешь «а» и прибавишь «б», то затем не грех перебрать и все оставшиеся буквы алфавита. — Командор и не собирается драться на королевской земле, он сейчас стоит на золоте. Голубом золоте Лроногирэхихауда. Он готовил сюрприз...

Что ж, сюрприз будет. И не когда-нибудь, а сейчас. Она наклонилась над Ю-ю, целуя его в соломенный завиток на затылке, и в следующий миг уже парила в теплой вышине летнего неба Джаспера, ее зеленого незабвенного Джаспера. Далеко внизу корбились черепичные крыши старинного замка, от парадных ворот которого начиналась сверкающая голубизной лестница, которая, полого сбегая от одной террасы к другой, оборачивалась лазоревым потоком; растекаясь по окрестностям, он затоплял конюшенный двор, садовые дорожки и половину турнирного поля.

На средней, самой широкой террасе, где когда-то (черные небеса — несколько веков назад!) они с Юргом и его названным братом Юхани пили утренний кофе, сейчас двигались две фигурки, с высоты кажущиеся крошечными, точно живые картинки из детских книжек. Еще несколько также неотличимых друг от друга силуэтов прилепилось к перилам лестницы, и только одна жирная клякса чернела на середине ступеней, выше всех.

Мона Сэниа возникла за одной из порфировых колонн, что сторожили вход в ее замок — незаметно для тех, кто сейчас был слишком поглощен поединком. Она замерла, плохо представляя себе, сколько же придется ждать; как никто другой она знала, что это поеди-

нок равных, и тянуться он может до бесконечности: эрл Брагин неуязвим для заговоренного меча новоиспеченного судьи, во всяком случае, пока в его жилах течет хоть капля крови, околдованной живою водой; а разжиревший Пыметсу непобедим благодаря чарам, кем-то и когда-то наложенным на переходящий по наследству меч.

По тому, как замедлены были движения сражающихся, стало очевидно, что поединок длится уже давно; каждый из противников определил для себя наиболее выгодную тактику и теперь тянул время, прекрасно понимая равновероятность победы и поражения, зависящих от какой-нибудь непредвиденной случайности. Пыметсу, полагаясь на сокрушительность своего удара, надеялся если не поразить, то хотя бы сбить своего бывшего командора с ног; тот, в свою очередь, больше доверялся технике боя, усвоенной на далекой родине, которую он за эти годы передал всем дружинникам за исключением как раз этого увальня Пы, обремененного природной ленью и чрезмерной уверенностью в своей легендарной силе.

Зловещий двуручный меч экс-дружинника вспарывал летний воздух даже не со свистом, а с каким-то всхрапом — и как правило мимо; командор вполне беззлобно целил в его правую руку, полагаясь на то, что выпавшее из нее грозное оружие станет знаком поражения. Он кружил и отскакивал, заставляя многопудовую тушу, закованную в душную кольчугу, делать глубокие выпады; Пы обливался потом и зверел на глазах.

Зрители, расположившиеся, как в амфитеатре, на ступенях лестницы над ними, обменивались небрежными репликами — Флейж и Ких у перил справа, старшее поколение, Эрм и Дуз с Сорком, слева. Для них, как и для принцессы, равновесие сил было очевидно, и тем интереснее было ждать той непредсказуемой оказии, которая, как никто не сомневался, позволит командо-

ру надрать задницу этому возомнившему о себе боро-
ву. Так что ставки были пять к одному — Паянна, вы-
сившаяся, точно варварское идолище посреди антич-
ной лестницы, несомненно болела за любимца.

Мона Сэниа, чей взгляд сверху невольно упирался
в ее широченную черную спину, одна оставалась безу-
частной, словно превращенная в одну из когда-то жи-
вых статуй Ала-Рани; из всех доступных человеку
чувств у нее оставалось только зрение. Ни боли, ни
горя, ни мысли. Окаменение. Все, что должно было
произойти между ней и Юргом, касалось только их
двоих, и ей оставалось ждать, ждать и ждать, сколько
бы все это ни продолжалось, чтобы потом в последний
раз остаться наедине друг с другом. Другого окончания
поединка просто быть не могло — тот, кого она назы-
вала своим мужем, своей любовью, был огражден жи-
вой водою от колдовского меча.

Но она обойдется без волшебства.

А схватка между тем приобрела опасный характер:
противники сцепились намертво, грудь на грудь, и раз-
деляли их только скрещенные мечи и тяжелое дыха-
ние, долетавшее даже сюда. Младший дружинник на-
столько превосходил своего командора в массе, что,
повалив его, вполне мог бы попросту придушить —
судя по налившимся кровью глазам, именно эту мечту
он сейчас и лелеял. Но этого не могло и не должно
было случиться — только она, одна она могла судить и
качать эрла Брагина...

То, что произошло дальше, с трудом смогли разли-
чить даже зоркие кристаллы аметистового обруча: на
какой-то миг рука командора разжалась, выпуская меч,
и его пальцы, находившиеся в самой непосредствен-
ной близости от бычьей шеи новоиспеченного судьи,
рванули скользкую от пота хрустальную нить, так что
звонкие бусины зацокали по доспехам, зазвенели на
голубом золоте...

Пы оттолкнул противника и замахал руками, стараясь поймать хоть одну — меч помешал, так что непобедимый богатырь земли джасперианской поскользнулся и рухнул на полированные плиты, как куль с жеребьячим овсом. Командор, успевший подхватить свой меч раньше, чем тот коснулся земли, не выдержал и демонстративно шлепнул Паянниного любимчика плашмя по кожаному заду.

Бывшие товарищи по дружине благодушно заржали, но преждевременно: Пыметсу оружия из рук не выпустил. Командор отступил на несколько шагов, давая поверженному противнику время подняться; утерся левым рукавом — хоть и был в одной рубашке, но тоже взмок. На белоснежном батисте сразу же появилось серое пятно... розоватое... пурпурное. На такую мелочь ни он, ни славная дружина и внимания не обратили — естественно, прижался к собственному мечу, когда судейский сынок навалился по-медвежьи. А командорский меч всем известен — приложишь ладонь к лезвию, так оно само в плоть и вопьется. Старинный закал.

Никому даже в голову не пришла крамольная мысль: а что, если в жилах Юрга не осталось больше ни капли крови, зачарованной живою водой? А рано или поздно такое должно было произойти, ведь в каждое посещение Земли он щедро делился со всеми безнадежно больными собственной кровью, восполняя ее искусственной...

А тогда заколдованное оружие становилось для эрла смертельно опасным.

Но поединок возобновился. Пыметсу поднимался медленно, будто просыпался; командор не торопил его. С первых же ударов стало очевидно, что перевес на стороне справедливости: неповоротливого рубаку губила его воловья нестигаемая выя. Рассыпанное ожерелье сверкало под ногами, и следить за тем, чтобы не

наступить на предательскую небьющуюся бусину, удавалось только командору. Противники все медленнее кружили по голубой площадке, неудержимо приближаясь к ее краю, и Пы с фатальной периодичностью рушился наземь, гулко и глухо, точно сброшенный со звонницы колокол. И так же неуклонно поднимался.

Похоже, что это могло продолжаться бесконечно.

Мона Сэниа невольно подняла взгляд к небу — после бесчисленных часов, проведенных в полумраке, ослепительный блеск лазоревого золота под ногами был просто невыносим. Несметная стая стрижей кружила в вышине. Бесшумно и безразлично. Совсем как в тот день, когда погиб старший Юхани.

И не стрижи это были.

Догадка пришла сама собой, не потребовалось ни лепета угасающего одиноца, ни подсказки неслышимого советчика; а он не мог звучать на тех землях, где водилась эта пернатая нечисть. То, что она воспринимала на Свахе и Невесте, было голосом той малой частицы ее собственной души, которая успела влиться в неосязаемое, бесплотное нечто, которое в своем предсмертном монологе Кадьян упомянул как «бог», «судьба» или «движущие силы природы».

Но у людей и крэгов не может быть единого бога, точно так же как не может быть и потомства. Они несовместимы — и сейчас, и в прошлом, и в грядущем. И во веки веков. Два несчастных существа, Горон и его безмозглый крылатый придаток — тому подтверждение. И там, где водятся крэги, никогда, никому и ничего не нашепчет неслышимый верный голос...

Черные небеса, еще одна бесполезная премудрость на ее больную голову.

Между тем на ристалищной террасе время словно замедлило свой ход: новоиспеченный судья в очередной раз стоял на четвереньках, раскачиваясь, словно ручной медведь, опоенный брагой; звездный эрл, не

обращая внимания на царапину, непринужденно разминался, точно танцевал. Обернулся, заметил наконец жену; победоносно улыбаясь, помахал ей рукой. Точно так же махал им Юхани-старший, когда они рука об руку спускались по этим ступеням, и кричал им, светясь лучезарной завистью: «Доброе утро, черти счастливые!»

Только тогда ступени не были голубыми.

Грохот сшибающихся клинков отрезвил ее — противники отдохнули. Двуручный пудовый меч Пыметсу взлетал над низколобой башкой своего хозяина с легкостью страфинова пера — и обрушивался с неумолимой тяжестью парового молота. Мимо. Если бы терраса была вымощена обычным желтым золотом, то она давно была бы вспахана вдоль и поперек. Но дар Лронга был словно заколдован в своей неуязвимости, под стать неумолимым бойцам.

С первой же секунды возобновившегося поединка Юрг начал отступать к краю по извилистой траектории, скользя по полированным плитам, точно по паркету — впрочем, нет, так могло показаться только невнимательному глазу. Скользил-то именно Пы, а движения командора были просто расчетливо плавны, они утомляли и усыпляли одновременно, и если землянин в любой момент мог остановиться как вкопанный, то джасперянин проезжался, как по льду, а потом еще наступал на хрустальный шарик и бухался на спину, точно гигантский навозный жук, сопровождаемый молодецким гоготом дружины, что делало его бешенство уже запредельным.

Теперь уже окончательно стало ясно: командор не хотел кровавой развязки, смерть была бы неадекватным наказанием за воровство; вот позор — дело другое. И все шло к тому. Пыметсу был обречен уже хотя бы потому, что белые десантные сапоги командора, пригодные для любых условий, впечатывались в голу-

бое покрытие намертво, а вот подметки из носорожьей шкуры незадачливого рубаки несли его, как по зеркалу. На дальнейшее, в сущности, можно было уже и не смотреть.

Принцесса прислонилась к глянцевитой прохладной колонне, мысленно поминая всех троллей, локков, шерушетров и джаяхуудл. Душистое полуденное марево поднималось над роскошными Асмуровыми садами, мерный звон оружия казался боем часов, отсчитывающих бесконечность...

Ее вернула к действительности не разом наступившая тишина, нарушаемая лишь беспомощным лязгом меча, прыгающего вниз по лестнице, и даже не грязная брань, изрыгаемая его неуклюжим хозяином, который головой пересчитывал ступеньки следом за собственным оружием.

Неожиданностью было оглушительное «Уй!!!— офф-ф...», прозвучавшее, точно вулканический выхлоп — и Паянна, оседая, как будто из нее выпустили воздух, растянулась на ступенях, вторя своему подопечному.

Никто уже не обращал внимания на бывшего сотоварища — Эрм и Флейж с двух сторон бросились к старухе, а она отталкивала их, причитая: «Оханьки мне, карачун пришел...»

— В замок ее, и лекаря! — гаркнул командор, уже забывший о поверженном противнике, вместе с мечом необратимо потерявшем все перспективы на придворную должность, власть и почет.

— Да ни в жисть! — завопила воеводиха. — Токмо к сибиллушке меня, под солнышко незакатное, что светит всем равно!

Что-то голос был слишком зычен для немощной старицы.

— Воля твоя, — пожал плечами командор, кивая Флейжу.

— И с превеликим удовольствием! — Тот, не меш-

кая, подхватил страдальцу под локотки и легонько подкинул — через *ничто*. «Помни про солнышко-о-о...» — повисло над цветущими садами, словно след от злой падучей звезды.

Исполнилось слово командорова: одной громадной черной вороной стало на Джаспере меньше, и как будто сделалось легче дышать.

Флейж отер руки о бархатные штаны, глянул сверху на несостоявшегося верховного судью, который, забыв про потерянный навсегда меч, на четвереньках карабкался вверх по ступенькам. Прощедил сквозь зубы:

— Ну что, кабан вонючий, как был ниже всех, так внизу и остался.

Командир поморщился: пинать лежачего, даже словесно, он своих дружинников не учил. Но и Флейжа можно было понять: ведь пятно подозрения в предательстве лежало на всех дружинниках с того самого дня, когда на Игуане непостижимым образом появился венценосный крэг — и вот только сейчас паршивая овца в их стаде наконец-то определилась.

— Все свободны, — заключил Юрг, обрывая висевший лоскутьями рукав и обтирая им меч. — *Finita la commedia*.

Но этой эпической фразе не суждено было стать финалом.

Непонятные для окружающих слова прозвучали как заклинание, и в ответ им раздался рев, в котором уже не было ничего человеческого:

— Так славься же ты, солнце незакатное, для которого все равны!!!

Точно каменная глыба из стенобитной катапульты метнулась снизу туша, звенящая рваной кольчугой, и надвинулась на командора, сгребая его в медвежьи объятия...

... и в следующий миг не стало обоих.

Только тысячеголосый птичий грай падал черными

хлопьями с вышины на лазурное золото — это неистовствовали торжествующие крэги всего Джаспера.

* * *

Жесткий изжелта-белый мох и липкий, непробиваемый туман. Лежа ничком, она даже не была уверена, что находится на Игуане — а не все ли равно, где? Все. Совсем одна на всем белом свете.

Беспамятства не было, а навалилась полная отрешенность от всего прошлого, настоящего и будущего. Сколько это продолжалось, непонятно. Потом начало пробиваться что-то крохотуленькое, жалкое, каждый раз начинающееся с «а если бы...» Она гнала одну мысль — заползала другая. Если бы неумный краснобай Флейж не отвел душу над этим подонком...

И если бы судейский сынок не оказался мразью, для которого одно утешение — сквитаться любой ценой. Не получилось мечом, так вспомнил про то, как останки венценосного крэга нашли свое последнее пристанище в солнечной огненной купели.

Только ведь не вспомнил бы этот тугодум про солнце, если бы...

Если бы не Паянна. Напомнила. Да еще каким зычным басом! Вдовая воеводиха, вернувшаяся из весенних краев...

Откуда, между прочим, никто из ветеранов не возвращается — прямо там и помирают, и кидают их в теплую землю, не уповая на милость теплолюбивых ангелов. Так что опознать ее было некому.

Мимолетные догадки и замечания, которые мона Сэниа как-то не удосуживалась собрать воедино, сейчас припомнились разом и выстроились неразрывной цепочкой.

Безвременно почившие воевода и четверо сыновей — никому, тем более доверчивому Лронгу Справедливому, и в голову не пришло проверить, так ли это. Со

времен опалы «травяной рыцарь» не был общителен — скорее нелюдим. Как и Рахихорд. Но ведь никому, как ей, удалось втереться к ним в дом, как она сама говорила, «в одночасье».

А она много чего говорила. Чересчур. Все эти бесчисленные, с особым вкусом выговариваемые «шустрики», «надыть», «карачун», «кидых»...

Потом, само появление ее здесь — не удивительно ли, как кстати отправился в лучший мир оставленный на ее попечение опальный рыцарь Рахихорд, едва принцесса высказала пожелание взять воспитательницу для сиротки Фирюзы? Совсем как и верховный судья Тсу, отдавший ледяным троллям небезгрешную душу сразу же после прилета в свой дом зловещей гостью.

И неумная зависть к перелетному дару, внезапно открывшемуся у Харра... Кстати, что-то он бесследно исчез после того, как заявил о намерении посетить весенние края, где ему могли бы поведать, что ни о какой воеводине Паянне слухом не слыхали.

И настойчивые советы самой моне Сэниа — стать королевой Первозданных островов, а затем и правительницей всего Джаспера... Ну а мудрой тихрианке, разумеется, отводилась бы при ней роль «правой руки». Для этого и всего-то надо было убрать двух человек — короля Алэла и командора Брагина.

С королем было совсем просто: вовремя подвернулись откопанные пестрые кости, одного взгляда на которые хватало, чтобы представить себе вид допотопного чудища. Почему у нее самой не возникло никакого подозрения, когда она увидела водобоязненную воеводину, только что вылезшую из моря? Ведь недаром мохноногий свянич каждый раз при ее появлении спасался куда только мог заползти.

А свянич, как говорил кто-то из Алэлова семейства, боятся только одного: оборотней.

И это привычно повторяемое: «я служу верно»...

— Лронг! — вскрикнула она, поднимаясь на ноги.

Нет, не одна она была на белом свете — оставался еще верный и надежный друг. Единственный настоящий друг.

И сейчас он был в опасности, потому что колдун вернулся на Тихри, и еще неизвестно, в каком обличье...

— Лронг! — повторила она, влетая в походный шатер тихрианского князя.

Он сидел за простым столом, склеивал куски какой-то древней рукописи. Вскочил. Хотел броситься ей навстречу — и остановился: такой он ее никогда не видел. Даже в самые страшные для нее дни, когда она, обезумев от горя и ярости, металась по всей Оцмаровой дорожке, разыскивая похищенного сына.

Парчовое платье в клочьях мха, смуглая рука побелела, мертвой хваткой стискивая боевой меч. И незнакомые глаза — черные. Пустые.

— Где Паянна? — В голосе нежданной гостьи — оружейный металл.

Не медля ни секунды князь хлопнул в ладоши — полог на двери откинулся, вместе с привычным стариковским запахом возник сибилло, в неизменной своей хламиде из черно-белых облезлых шкурок.

— Царевнушка пожаловала! Сибиллу немощного скликала, знать, не без даров...

— Паянна поблизости не появлялась? — оборвал его Лронг.

— Была, была утресь. Надыть, кошку искала. Нет, чтоб сибиллушке...

— Какую еще кошку? — оторопел князь.

— Так все они твари вороватые. Да ты не тревожь себя, Милосердный, сибилло даром что старо, а кашценку ентую прихватило, и всего-то миг тому назад. Возле шатра твою шмыгала, и цацка краденая на ей, поперек живота.

Мона Сэниа, не говоря ни слова, требовательно вскинула руку — старый шаман скорчил постную рожу, изображая полнейшую невинность.

— Не придуривай! — гаркнул князь — Не время.

Пергаментные лапки закопошились в складках полосатого рванья, отставной чародей принялся униженно извиваться, проявляя нестарческую гибкость, но нечаянно поднял глаза на застывшую перед ним принцессу — и вся дурь с него разом слетела. Вытянул из-за пазухи хрустальное ожерелье.

Лронг перехватил — нет ли недобрых чар? Распорядился:

— Стражу к шатру! Всю. А ты ступай.

Старец, обиженно тряся всеми ленточками и бубенчиками, выполз вон. За холщовой стенкой послышалась его гугнявая скороговорка, и тотчас же забухали тяжелые сапоги.

— Прости, госпожа моя, — распоряжусь.

Лронг высунул голову наружу, вполголоса отдал несколько четких приказов. Из шатра выходить не решился, наверное, боялся, что долгожданная гостя исчезнет так же внезапно, как и появилась. Но Сэнни застыла недвижно, и только назойливой мошкой крутилась где-то на задворках памяти какая-то неуместная мелочь: сибилло... и его непотребная полосатая хламида... ведь она же своими руками...

— Сейчас Паянну отыщут, — по-солдатски доложил князь, возвращаясь.

Больше ничего не сказал — ждал, когда та, к которой он мысленно обращался не иначе, как «жизнь моя», удостоит его еще хотя бы несколькими словами.

— Лронг, ее не найдут, — проговорила мона Сэниа безнадежно. — Потому что это Кадьян. Оборотень Кадьян, который всегда служит верно.

Он поверил сразу и теперь молча смотрел на нее, не требуя ни доказательств, ни подробностей — решал,

имеет ли он право на мучивший его вопрос. Наконец осмелился:

— Какое еще горе он тебе причинил?

— Прежде всего он причинил его тебе: вспомни, когда умер Рахихорд, и ты поймешь, почему. — И это Лронг Справедливый понял сразу, на черное лицо словно пала дымчатая пелена. — А что до меня... он просто отнял у меня все.

Он невольным движением поднял ладони, словно на них лежало не кучка сверкающих бусин, а маленький ребенок. Для него Ю-ю так и остался младенцем.

— Нет-нет. Сына я не потеряла... — Она покачала головой. — Нет, потеряла, он больше не мой, но не по вине колдуна, а по нелепости собственных древних законов. На нашей земле мальчика, чтобы он вырос настоящим рыцарем, воспитывают только мужчины.

Лронг молчал — кто был следующим после сына, можно было не спрашивать.

— Кадьян его погубил, — отвечая на невысказанный вопрос, прошептала Сэнни. — Кадьян погубил, хоть и чужими руками. Но приговорила его я.

Она чуть было не добавила: потому что это были мои слова: «Если он мне изменит, то не быть ему на белом свете!».

Но не могла она признаться в мужниной измене здесь, под этим незакатным солнцем, низко склоненным над весенним горизонтом, словно погребальный факел. Солнцем, для которого все равны, точно пылинки над костром...

Темнокожий великан покачнулся, словно земля под его ногами заколыхалась и разверзлась, погребая в бездонной пропасти все то, что стояло до сих пор между ним и этой женщиной.

Теперь ничто их не разделяло.

— Ни слова больше, госпожа моя, — с трудом произнес он, — в твоем голосе боль и разочарование... только

время сотрет их, рано или поздно. Все, что случилось, уже случилось, но тот, кого ты утратила, все равно остался с тобой. И он всегда будет рядом, только сейчас ты, ослепленная обидой, просто не можешь его разглядеть.

Он весь был в этих словах, рыцарь травяного плаща. Ей бы сейчас подойти к нему, прислониться сухой щекой к жесткой ткани солдатского кафтана — и, может, удалось бы заилакать. Она шагнула к нему, поднимая руки — и только сейчас заметила, что сжимает рукоятку меча. Пальцы разжались, клинок лязгнул о плитняковый настил, высекая искры.

Оба, словно сговорившись, уставились на меч, лежащий между ними, словно знак непреодолимой преграды. Все она потеряла. Все. Что остается вдове? Ей вдруг пришло на ум, что вдовой-то она один раз уже побывала; но тогда ей досталось неслыханное наследство — доспехи, конь и дружина эрла Асмур. И право закончить его дело.

А теперь? Только место возле этой солнечной могилы мужа.

— Лронг, добрый мой Лронг, можешь ли ты выполнить мою просьбу?

Он долго глядел на нее, не разжимая губ, потом негромко и твердо произнес:

— Не обещаю.

Все верно, Лронг, все верно. В пору, не омраченную столькими потерями, она почувствовала бы себя счастливой только потому, что нашелся во всей Вселенной такой истинный рыцарь, и он был ее другом.

Потому что она-то могла просить о невозможном. Но он не позволил бы себе согласиться.

— Я хотела просить о малости, которая не нанесла бы урона ни твоей чести, ни твоей... — Она запнулась.

— Твоя воля — закон. Говори. Но если ты потребуешь невозможного... Повторить свою просьбу тебе будет некому.

Знаю, мой верный друг, знаю.

— Ты строишь новую столицу. — Ее голос зазвучал так глухо, словно доносился из-под земли. — Город-дворец, взамен сгоревшего Пятилучья. Если это в твоей власти, прикажи возвести для меня покои — подземные, безоконные. Чтобы я больше никогда не увидела солнца. Была рядом с ним — и никогда не видела вашего жестокого, безжалостного солнца...

Он так удивился, что позволил себе запротестовать:

— Да на свете нет ничего добрее и животворнее нашего солнца! Правда, таким оно было не всегда, если верить старинным легендам.

Ему показалось, что он нашел благодатную тему для того, чтобы отвлечь безутешную гостью от ее неотвязных дум, и торопливо продолжил:

— Не берусь судить, насколько это правдиво, но старые сибиллы утверждают, что когда-то наше светило действительно было злобным, истребляющим все живое под своими прямыми лучами, так что жизнь теплилась только у кромки заката, в унылом осеннем краю. Но однажды на этой земле появились, вот как являешься ты, чужестранные чародеи. Они проложили прямые дороги, они принесли с собой милосердных анделисов, но главное — они утишили ярость солнца, заставив его светить лишь тепло и приветно. По чести говоря, я всегда считал это только сказкой...

Мона Сэниа покачала головой — уж она-то знала, что властвовать над солнцем немыслимо, звезды гаснут и умирают сами собой, только очень медленно.

Но не все слова Лронга были сказкой: да, ордынцы сюда прилетали, это несомненно, иначе откуда бы взяться такому чуду длинноногому, как Харр по-Харрада, у которого в крови зудело ходить не вдоль дорог, как все нормальные тихриане, а поперек. Ну, и анделисы — здешние крэги, тоже подарочек от Вселенской

орды. Милосердные падальщики, одно крыло черное, другое белое. Совсем как меховая одежда старого шамана. Та самая облезлая хламида, которую она как-то отобрала у него и забросила так далеко, чтобы он никогда больше в ней не появлялся. Прямо на солнце...

А она опять на нем. Не такая же, а именно она. Белая полоса, черная полоса... Совсем как ее собственная, дотла изношенная жизнь.

Откуда-то доносился мягкий, баюкающий голос, но слова утешения угасали, не коснувшись ее сердца. Черно-белая пелена захлестнула ее, полосы, свиваясь в кокон беспамятства, отъединили ее от мира тепла и света. Черная полоса. Белая...

И вот черная — навсегда. Белой не будет.

* * *

Шерушетрик бежал не шибко — молодой еще да и плохо вскормленный. А чем кормить, в весенних лесах, едва зеленеющих, дичи — с гулькин нос, едва рати охранной хватает. Мертвяки, что из ссыльных, те каждый день образуются, да не по-одному — но ведь кости одни мосластые, вместо кровушки вода талая, паучищу зверовидному и пососать нечего. Но сегодня ладный корм достался, сочный, чтоб не пал бегун по дороге — как-никак к самому князю Справедливому гонец снаряжен.

Самому-то нарочному — как маслом по сердцу: из каторжного края да в караванную столицу по воеводскому наказу махнуть — это ж надо в рубашке родиться! А ежели Справедливому угодить, то можно и в его охране остаться. Впрочем, угодить не так чтоб и хитро: гонцу, как положено, даден свиток с донесением, но чтоб понадежнее было, сотник, гукоед толстомясый, заставил его всю грамотку наизусть зазубрить; уж сколько раз пришлось повторить одно и то ж — самому светилу незакатному (чтоб у него глазки светозарные повылазили!), и то не счесть.

Но гонец был калач тертый, даром что škодливым недопеском по дурости в ссылку загремел. Хотя и молод, но умишка-то у старцев опальных позанимал — вот теперь есть чем и пораскинуть.

Так что ежели эту грамотку в канаве придорожной утопить, то князю можно и не в один прием все заученное выговорить, а по хитрому разумению тянуть хоть день, хоть два... да сколь угодно. Запекло, дескать, память-то солнышком восходящим, вот мозга медленно и отходит. За то время оглядеться, с нужными людишками парой слов перекинуться, кому ж не интерес про весенние края послушать! Так, глядишь, и приживешься. Вот только не позабыть бы чего, даром что из всей сотни выбран был за память неотшибленную, но все-таки...

Шерушетр, тварь кровососная, бежал ровно, задом не подкидывал, чтобы седока из седельной сумки вытряхнуть — попадают такие стервецы, мозгов-то нет, чтоб сообразить: на то и намордник кованый, чтоб своим собственным возницей не полакомился. Чесал не путанкой, как возмужалые одры, а иноходью, что усыпляла к исходу дня, и чтобы на самом деле не задремать и мимо постоялой хибары не проскочить, гонец в сотый раз принялся повторять заученное послание.

Значитца, так: намедни, когда сотня вечерять покончила, полез отрядный солнцезаконник огонь сигнальный возжигать (что на тот сигнал сотник клал со всею амуницею, того князю, тем паче Справедливому, знать не надобно). Глянул с башенки — вроде два гуки позади лабаза пристроились, а что того хуже, могут это быть и шалуны со Свиньиной дороги. Двое стражей тотчас на разведку отправились (ну не тотчас, хрен гукачий стража от мисы с теплым варевом оторвешь; да и не то чтобы сами пошли — вперед себя тройку ссыльных погнали, шалуны-то бывают и ладно оборуженные, первых-то, кто сунется, и зарубить могут — но и про такое князю доносить не след).

Ссылные, до незнаемых дошедши, руками замаячили — можно мол, подходите. Стражи, подошедши, глянули — и в недоумение пришли: на снегу талом двое пришлых, не ссылные и никак не шалуны, и лицами разнятся.

Один, косая сажень в плечах — в кафтане зело богатом, поверх одёжи накладки кованые, а где из железных колец переплетенные; сапоги из гуковой кожи (воевода примерил — скривился: маловаты). Но безоружен, а ликом синь-багров, язык вывален и глаза рачьи, точно душил его кто; только похоже, душить-то он сам намылился супротивника своего, мордой белого, точно то самое дитя кудесное, что при князе предыдущем, Оцмаре Повапленном (тьфу-тьфу, не сболтнуть бы такое вслух!) в розыске значилось. Охолодал совсем — одна рубаха на нем, да и та без рукава, а в руке меч драгоценный, каких и в княжеской сокровищнице, говорят, не видывали; сапожки белые аж до колен, но зело малы, и дитю здешнему не впору, да и не стащить — словно приросли. А еще на шее цепка бабская, хрустальная, с колокольцем — не иначе, как талисман ведовской.

Меч да амулет сотник к донесению прилагает (придется отдать, вещицы таковские — ни продать их, ни выменять, сразу себя окажут).

Все припомнил? А. Вот еще: оба, ежели честно признать, хоть и на людей похожи, но уроды прирожденные: мало что шкурой не в масть, так еще и ноги куцые, такими цельный день и за телегу держась, не прошагаешь. И пальцев на руках по пяти, точно у тролля ледяного.

Вот теперича все. Ан нет, не все, главное и позабыл: тот, что в кафтане богатом, мертвяк-мертвяком, его шерушетру и скормили перед тем, как гонца снарядить. А тот, что лицом бледен что брюхо лягушачье, в беспмятстве зыбком: то глаза отворит, то опять закатит;

ходить за ним приставили такого же полоумного, что себя не помнит и с одного огня до другого припевки припевает, зело непотребные. Доходяга бледный однажды глаза на него возвел — да и закаркал не по-людски; только Его Премудрость, солнцезаконник наш, на всякий случай порешил это карканье до великого князя донести. Для того взяли последнюю в отряде птичку вещую, молвь-стрелу желтоперую, и дали ей послушать и запомнить звуки те тарабарские, дабы его господарство князь милостивый сам решил, то ли это карканье вроде анделисова клича, то ли все-таки реченье с дороги отдаленной.

Вот теперь вроде и все. И птичка в корзине плетеной тут же, рядом с мечом и ожерельем хрустальным. Путь впереди долгий, можно десять раз обдумать, что князю сразу выложить, что на потом оставить, а о чем и вовсе промолчать. А что и от себя прибавить, в свиток-то не все впишешь, вроде того, как одежду, с обоих подкидышей снятую, делили — лаялись, что гуки-куки одичалые. Ох, чтой-то? Оп!..... (далее уже в полете) ... ля.

В первый миг показалось — взбрыкнул-таки шеруштр. Ан нет, дело-то похуже.

Что дело похуже, размечтавшийся гонец успел подумать, пока летел по крутой дуге прямо в придорожную жижу, и рядом летела посылка неприкосновенная, обернутая рогожкой — меч, амулет и свиток запечатанный. Приземлившись на пятую точку, понял: не похуже, а совсем хреново. Что-то обжигаяще хрястнуло в боку, не шевельнуться, а из-за бугра уже показались бродяжные рыла и — прямехонько к упавшему шеруштру, суму седельную шерстить.

С простыми дубинами, но — двое против одного, калеченого.

Молод все-таки был гонец, неопытен: не заметил бечеву, поперек дороги протянутую — хотя с устатку, к

концу дня, такое и со старым могло бы приключиться. Но теперь лежать бы ему в стылой жиже, не шевелясь, дохлятиком прикинуться — так нет, выиграло ретивое, распахнул сдуру рогожку и меч-кладенец выхватил, против двух здоровенных шишей решил биться — больно уж заманчиво впереди княжеская служба маячила.

Бандюганы рогожку, грязью заляпанную, и не приметили бы, а как заиграл камнями рукоятными да клинком узорчатым меч невиданный, так забыли о поклаже чресседельной, опрометью на добычу бесценную и кинулись, только под ногами захлупало. Но не на того напали: гонец хоть и с колен, но размахнулся, харкнув светлой кровью — зная, ребра поломанные в дыхалку впились — и первому подбежавшему ноги враз подсек.

Второй, назад отскочивший вовремя, о товарище порубленном тотчас и думать забыл — решил свою бечевку смотать да петлю на шею гонца накинуть, как ловят рогатов на упряжку. Подбежал к рухнувшему шерушетру, сучившему спутанными ногами, да тут хруст перешел в звон — это, оказывается, гигантский паук догрызал треснувший при падении замок намордника.

Страшно чавкнули освободившиеся челюсти, прерывистый смертный вой ввинтился в блеклое весеннее небо, еще не налившееся летней голубизной. От ужаса раненый гонец окончательно сомлел, повалившись набок. Обеспамятовал.

А между тем шерушетр, расправившийся с первым блюдом своего обеда, отчаянно задергал лапами, сбрасывая пленившую его веревку и заодно освобождаясь от почти невесомой, но до смерти надоевшей ему упряжи. Что-то выкатилось из седельной сумки, крошечное, но вроде бы съедобное; он щелкнул жвалами — плетеная корзиночка хрустнула и распалась на лыко-

вые ошметки, которые он тут же поспешил выплюнуть. Теплый желтый комочек вырвался из этой трухи и взвился в вышину, оглашая придорожную пустошь заученным каркающим кличем, таким странным для щупленького птичьего тельца: «Этохарр! Этохарр! Этохарр!...»

Как видно, удар при падении, а может и густой запах крови совсем лишил нежную птаху разума, потому что вместо того, чтобы привычно лететь вдоль дороги, она метнулась к лесу, выкликая то единственное, что ей велено было затвердить.

Молодой жесткокрылый лис, первым из своего помета добравшийся до весеннего подлеса и уже задремавший от голода, встрепенулся, осел на задние лапы — и упругим толчком послал свое поджарое тело вверх, навстречу долгожданной добыче. Звонкий клич оборвался, на долгое, слишком долгое время похоронив тайну неразгаданного слова...

Фасеточные глаза шерушетра, поблескивающие льдистой алчностью, даже не проследили за ускользнувшей добычей — такие крохи гигантского паука не волновали. Перед ним, еще ни разу в жизни не наедавшимся досыта, вожаденно маячили еще две жертвы, и он, молниеносно определив расстояние до них, упруго поднялся и безошибочно двинулся к ближайшей.

Удар крепкой, как древко коня, паучьей ноги перевернул гонца на спину и привел в чувство — ровно на те несколько мгновений, чтобы увидеть над собой мохнатое круглое туловище, ровнехонько загородившее солнце, и ощутить в руке меч. И рубануть по серебристой лапе, отсекая от нее изрядный, с доброе полено, кусок. А дальше уже не было ничего — обезумевший от впервые испытанной боли шерушетр взвился вверх, оттолкнувшись сразу всеми уцелевшими лапами, и обрушился на распростертого противника, в бешеной пляске вколачивая его, уже бездыханного, в

болотистую почву вместе с обрывками грамоты, драгоценным мечом и собственными планами на продолжение обеда.

Впрочем, нет — оставался ведь еще и третий. Оглядев кровавое, но явно несъедобное месиво у себя под брюхом с почти человеческим сожалением, он поджал раненую ногу и выпрямил остальные, оглядывая окрестность. Низкое весеннее солнце отразилось в его фасеточных глазах, словно это были груды ледышек. В отдалении слышалось частое «шлеп-шлеп» — это возле того, во что превратился первый разбойничек, торопливо собирались гуки-куки лапчатые, которым не страшны были никакие болота. Эти растащат до косточки.

А последний еще остававшийся в живых участник этой драмы, стиснув зубы от боли и страшась даже застонать, опираясь на руки волок свое теряющее силы тело к спасительному лесу, синеющему едва видимой сквозь слезы зазубренной кромкой, хотя и понимал уже, что путь его недолог. Болотная грязь становилась все жиже, и каждый раз, выдираясь из нее и заползая на кочку, он оглядывался на приближающееся чудовище и не знал, что лучше — остаться на виду или погрузиться в ледяную топь с головой.

А шерушетр, тварь живучая многоногая, двигался все медленнее и медленнее, и не потому, что хромал или чуял паучьей своей стервозностью, что достанет беспомощного калеку. Длинные, точно жерди, ноги увязали все глубже и глубже, затрудняя передвижение и накаляя ярость безмозглой ненасытности. Так что когда он настиг наконец свою третью жертву, его челюсти такой мертвой хваткой вцепились в конвульсирующую плоть, что разжать их не смог бы даже навсегда канувший в ледяное болото джасперянский меч.

Первобытное блаженство насыщения теплой кровью отключило все чувства, притушило даже инстинкт

самосохранения. А тело незадачливого разбойника, уже недвижимое, между тем все глубже погружалось в трясины, и вот уже вместе с ним затянуло в черную топь шерушетрову голову, а за ней и мохнатое туловище — на четверть, на половину... Только тут кровососная тварь задергалась — да поздно. Ходуном заходили торчащие углом, точно сломанные пополам жерди, паучьи ноги, да так, подергавшись, и замерли, и вскоре только они и остались нетленным памятником человечьей и животной жадности.

Недвижное солнце скользило безразличным взглядом поверх всего этого безобразия — в весенних-то краях оно и не такое повидало.

Впрочем, нет.

Вот такого оно еще не видело.

Из-под клочка намокшей грамоты что-то радужно блеснуло, словно из почвы, еще не тронутый весенним возрождением, проклюнулся первый цветок. Колокольчик. Хрустальный. Он настороженно покачивался, не то приглядываясь, не то прислушиваясь, но безлюдная тишь хранила пустынную дорогу. Колокольчик дрогнул, сместился подальше от протоптанной колеи; цепочка бусин потянулась за ним веселой сияющей змейкой. Пронырливый лис, усмотрев какое-то мельтешение, проворно взмыл над болотом — змейка канула в черную воду, затаилась. Она не спешила.

Вот так, скользя между кочками, хоронясь от людей и зверья, она пустилась в свой неблизкий путь, ведомая колдовской силой, которой наделили ее прашуры маггиров. Скольжение ее было неторопливым, словно она знала, что пройдут еще долгие, очень долгие годы (только вот на этой Тихри их не научились отсчитывать), и шесть хрустальных амулетов, собравшись воедино, обретут новых юных хозяев.

Оглавление

1. Урочище белых тараканов	5
2. Первое звено бесконечной цепи	22
3. Печаль и счастье короля Алэла	44
4. Брунгильда преклонных лет	56
5. Как снег на голову	77
6. И лавина снегов	100
7. Неприкасаемый	120
8. Две ладони судьбы	140
9. В логове бога	164
10. Сокровища мертвых	191
11. Минута нездешней ночи	211
12. Новоявленный бог земли Ала — Рани	234
13. Два странника — день и ночь	258
14. Боль по наследству	275
15. Ничто против ничего	297
16. Звезды подземелья	321
17. Маггиры троевластные	340
18. Война мышей и лягушек	367
19. Рондо Каприччиозо	390
20. Два талисмана	412
21. Усыпальница королей	435
22. Дай себе волю	456
23. Обитатель нефритового ларца	479
24. Бескрылый властелин	500
25. Послесловие сказки	520
26. Черная полоса, белая полоса	542

Ларионова О. Н.

Л 25 Лунный нетопырь. — СПб.: Лениздат, «Ленинград», 2005. — 576 с.

ISBN 5-289-02138-8

Перед вами долгожданный новый роман Ольги Ларионовой из цикла о противостоянии людей и крэгов. Космическая сага о планете блистательных рыцарей, властвующих над Вселенной. О мире, который все еще пребывает под властью мудрых, но коварных крэгов. Мир, объединяющий множество планет и множество космических рас. Мир, который столкнулся с цивилизацией Земли — и после этого не может остаться прежним...

ББК 47.2.1.2.1

Литературно-художественное издание

ЛАРИОНОВА
Ольга Николаевна

Лунный нетопырь

Ответственный редактор А. Сидорович
Корректор Л. Комарова
Верстка В. Смолянинова

Лицензия ЛР 010246 от 28.05.97 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.03.2005 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Петербургская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 25,5.
Тираж 9050 экз. Заказ № 1424.

Издательство «Лениздат»
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.
E-mail: fankon@yandex.ru
Издательство «Ленинград»
Санкт-Петербург, Лиговский пр., 56.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ИПК «Лениздат»
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям Министерства культуры
и массовых коммуникаций Российской Федерации.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

**Новая встреча с мирами,
открытыми Романом Злотниковым
в цикле «Вечный»!**

Схватки на земле и в космосе, любовь и ненависть, дружба и предательство, противостояние разведок могущественных государств и интриги мафиозных кланов! Первое столкновение человечества с неведомым противником! Если вам понравилась серия «Вечный», эта книга для вас.

«Вальтер Скотт не прав. Диккенс тоже не прав. История средневековой Англии выглядела совсем по-другому! Никакого романтизма, сплошные серые будни, пересыпанные интригами, приключениями, крестовыми походами и прочими привычными для XII века забавами. Как ты себя поведешь в столь тихой обстановке? Верно! В правую руку меч, в левую вороненый «Вальтер», на голову шлем, на плечи — плащ с гербом своего сеньора!

Говорят, такого не бывает. Неправда, очень даже бывает! Перед вами истинная история, случившаяся в 1189 году от Рождества Христова, история происшедшая с тремя интересными людьми: сыном нормандского барона, германским летчиком Гунтером фон Райхертом и никому не известным русским по имени Сергей Казаков.

Кто нам принц Джон Плантагенет? Кто нам король Ричард Львиное Сердце? Для маленькой компании русского, немца и француза эти благородные господа всего лишь те, кого надо за шиворот вытаскивать из неприятностей.

В конце XXI века гигантский звездолет чужих, несущий армаду боевых кораблей, вторгся в пределы Солнечной системы. Пришельцы фаата были подобны людям — и обликом, и своими целями: они, как и земляне, стремились к неограниченной космической экспансии. Две цивилизации сошлись в смертельной схватке, исход которой был предрешен — мощь фаата казалась неодолимой. Но в тот момент, когда они уничтожили защитников Земли, когда их корабли нависли над земными городами, в игру вмешалась третья сила. Тот, кто мог спасти землян, не имел боевых крейсеров и мощного оружия, лазеров, роботов, аннигиляторов, зато у него были другие таланты...

Новый роман Михаила Ахманова «Вторжение» открывает его авторский цикл «Пришедшие из мрака» — о том, как в просторах Галактики возникла межзвездная Земная Империя.

«ЛЕНИЗДАТ»

Ольга Николаевна ЛАРИОНОВА

Одна из самых ярких фигур отечественной научной фантастики. Родилась в Ленинграде, закончила физический факультет ЛГУ, работала инженером в ЦНИИ металлургии и сварки; с 1967 г. — профессиональный писатель. Член Союза писателей. Первая научно фантастическая публикация — «Киска» (1964). Лауреат премии «Аэлита-87». Живет в Санкт-Петербурге. Успех писательнице принес один из первых романов — «Леопард с вершины Килиманджаро» (1965). Повесть «Чакра Кентавра» (1988), представляющая собой необычное и эффектное сочетание «мягкой» научной фантастики и остросюжетной «космической оперы», выполнена в жесткой манере. Она стала поворотным пунктом, знаменующим новый этап творчества писательницы.

